

АНДРЕЙ АНДРОСОВ

ЛИОРСКАЯ
МЕЛЬНИЦА

Гардаш многими считается одним из самых опасных мест в мире. И заслуженно.

А Вольные Земли считаются самым опасным местом на Гардаше. И тоже заслуженно.

И не потому, что там водятся самые опасные твари, а степь еженедельно терзают чудовищной силы шторма.

Просто там полным-полно злых людей на бронированных и отлично вооруженных машинах, которые с радостью поприветствуют одинокого путника огнем из тяжелых баданг, или предложат примерить удобный рабский ошейник.

Хотя, вот это уже незаслуженно.

Наш герой как раз из таких. Правда, он не злой и не герой.

Но обязательно станет, если доживет.

— Грузите, ленивые крысы! И ты тоже, Лаор! — дюжий бригадир уже битый час, не стесняясь, орал на нерадивых грузчиков. — Тебе платят не за то, чтобы ты поминутно бегал в сортир! Тебе, ленивая паскуда, платят за то, чтобы ты брал вот эти ящики и нес их вон в то корыто. Молча! Прошу прощения, садмы. Шарговы нойты вечно отбиваются от рук.

Последние слова Баартух произнес извиняющимся тоном, почтительно поглядывая на стоящих поодаль грузовой площадки людей. Лишь один из них — невысокий доми в традиционном гарбе, мог похвастаться богато украшенным фиолетовым браслетом на руке.

Двое других, угрюмый канторец и дерганый бородатый старик с породистым носом, браслетов садмов не имели. С канторцем все понятно, а вот старик вообще не производил впечатления. Одежда дешевая, украшений нет, неопрятный. Такого легко принять за оборванца.

Но Баартух работал в порту всю жизнь, навиделся всякого отвык оценивать нанимателей по внешнему виду. Да и трудно вообразить, чтобы человек, заинтересовавший одного из всесильных в Аркензо красно-белых, оказался простым оборванцем. Поэтому решил подольстить всем скопом. Мало ли, как обернется?

Могут лишних денег накинуть, за старательность, главное не забывать напоказ подгонять нойтов. Наниматели такое любят.

“Помпезная Вдовушка” — старый грузовой цеп, трюм которого с ночи пытались заполнить грузчики, смотрелась на современной причальной площадке инородно. Два приспущенных баллона выгорели на солнце, а ткань пестрела пожелтевшими от времени заплатами.

Как и почти любое судно, прибывшее с Талензы, “Вдовушка” выглядела для островитян курьезом. Архаичным, нелепым, но все еще способным передвигаться реликтом времен Освоения.

Особенно сильно это бросалось в глаза сейчас, когда соседнюю причальную площадку занимала великолепная красно-белая гравияхта. Плавные обводы корпуса, хищный, далеко выдающийся вперед нос, увенчанный тускло блестящей стеклянной полусферой мостика, три массивных цилиндра турбин на корме. Яхта походила на огромную птицу, присевшую на площадку передохнуть. Этому впечатлению способствовали и сложенные на манер крыльев рули управления.

Огромный хвостовой плавник высоко выдавался над корпусом. Его едва касались первые лучи рассветного солнца, освещая горевший на глянцево-белой поверхности силуэт птицы.

И вот на фоне “Парящего Арталиса” — именно так гласила тянущаяся золотом вдоль борта надпись, баллоны старого континентального грузовика смотрелись еще более архаично, а две выносные гондолы с пропеллерами — даже комично. Но именно в гостеприимно распахнутый трюм “Вдовушки” сейчас цепочкой отправлялись многочисленные ящики, плотно набивая раздувшееся брюхо старого цепа.

— На этом корыте будете ползти до побережья дней шесть, — доми задумчиво покрутил в руке золотой механический хронометр. — Профессор, вы уверены, что необходимо тащить все это с собой?

— Абсолютно. Н-нам понадобятся объекты. К-клетки. Полевая лаборатория, колбы с

образцами... — начал было перечислять старик, но был прерван.

— Мы могли бы использовать гравицеп. Вышло бы намного быстрее, — доми указал на яхту. — “Арталис” в прошлом году взял третье место на Лазурной дороге. Два дня — и вы на Гардаше.

Старик смерил вызывающе роскошный гравицеп взглядом, не слишком старательно попытавшись скрыть презрение.

— Слишком быстро. П-при всем уважении к вашей яхте... Великолепный образчик, к-кстати. В ее трюм не влезет и трети того, что м-мне необходимо. Если опыты пройдут как надо, н-нам понадобится все мое оборудование, — он помялся и добавил, — Вы т-точно уверены, что захотите перевозить на “Арталисе” сотни образцов?

Его собеседник поморщился, а потом рассмеялся:

— Вот этим вы меня точно убедили. К тому же, яхта слишком прожорлива, такой путь влетит мне в сотни кри. Будь по-вашему, добивайте это корыто. Будем надеяться, что оно не развалится по дороге.

Канторец поправил широкополую шляпу и, шурясь от ударившего в глаза солнца, принялся набивать короткую резную трубку. В разговоре он участия не принимал.

— Сколько времени вам понадобится?

— М-минимум месяц. Если все пройдет по плану, в чем лично я н-не сомневаюсь, то уже к концу третьей недели нас ожидают результаты. Пару н-недель на эксперименты, и обратно. Тупые шарги из Академии еще пожалеют о своем решении.

— Не сомневаюсь, — доми задумчиво побарабанил пальцами по браслету. — Торден отправится с вами.

Канторец с легким кивком приподнял шляпу за тулью и принялся разжигать трубку.

— Зачем он мне? — старик насупился, гневно встопорщив клочковатую бородку. — Это научная экспедиция, зачем там этот головорез? Я не потерплю посторонних на борту. Или вы мне по-прежнему не доверяете?

— Профессор, вы выдающийся ученый, за что я вас безмерно уважаю. Но помимо этого... Знаете, что вы еще?

— Что?

— Вы моя инвестиция. Вы моя вещь, — голос доми похолодел. — В тот момент, когда вы прибыли на Аркензо, вы стали моим гостем. В тот момент, когда вы пришли в мой дом — вы стали моим другом. Но в тот момент, когда вы обратились ко мне за помощью — вы стали мне принадлежать.

Он оправил рукав гарба, повернулся к городу и продолжил:

— Я не собираюсь убеждать, права голоса у вас все равно нет. Доверяю ли я вам? Не больше, чем этим нойтам. Это Архипелаг, привыкайте. К тому же, взгляните туда.

Нахмурившийся старик нехотя повернул голову в указанном направлении, подслеповато уставившись на бухту.

Рассвет шаг за шагом отвоевывал у ночи территорию, обнажая скрытый в сердце бухты город. Подобно выползающему из раковины моллюску, он выползал из темной громады острова.

Вынырнули из сумрака монолитные волноломы, показались длинные ветки пирсов, усыпанные бусинами лодок — вотчина ловцов эйра и рыбаков. За ними — многочисленные причалы порта, с покачивающимися на волнах крупными судами и сгорбленными фигурами грузовых кранов.

Пристань, мощеная набережная, неровные цепочки складов и рынки, где даже ночами не затихает торговая суета, рыбацкие кварталы.

Форт береговой охраны, окутанный красно-белыми знаменами и ошетилившийся батареями картечниц и баданг.

Разогнавшийся рассвет уперся в холм, замедлился, но упрямо продолжил карабкаться к вершине острова. Ступень за ступенью, ярус за ярусом.

Коричнево красные крыши многоэтажных доходных домов, опутанных паутиной труб. Зелень парков. Брусчатка площадей.

Все выше и выше. Через утопающие в роскоши богатые поместья доми. Переползая, карабкаясь через монументальную стальную стену, скрывающую за собой верфи, усыпанные причальными мачтами и размеренно вращающимися крестовинами конденсаторов.

И, наконец, выхватывая из темноты вершину острова. Плоскую, будто срезанную ножом скалу, на которой возвышается величественный бело-красный дворец, ярким пятном выделяющийся на фоне грязно-коричневого камня.

Последним из темноты вынырнул маяк, упорно цепляющийся длинным шпилем за остатки сумерек. Мигнули голубым прощальными вспышками светильника.

Сполна насладиться рассветом профессору помешал клуб вонючего дыма, который ветер смачно впечатал ему в лицо, заставив согнуться и зайтись сухим кашлем. Невозмутимый канторец участливо взглянул на него и затыкнулся еще раз.

— И что я д-должен был увидеть? — прокашлявшись, старик угрюмо сплюнул за парапет и отвернулся.

— Город. Какой он? Вы прожили здесь больше двух лет и должны были составить свое мнение.

— Ну, это город, — недоуменно ответил старик, — Сыро, ветрено, чайки орут. Обычный город. Богатый торговый порт.

Он помялся, не зная, что еще добавить.

— Профессор, не туда смотрите. Хотя, трудно вас в этом винить, вы же с Талензы. Многие вещи кажутся очевидными. Взять, хотя бы, освещение.

— А что с ним? Хорошее. У нас, правда, используют масло, с эйром на континенте туго. Доми снисходительно улыбнулся и медленно, как ребенку, проговорил:

— Оно есть. Да, ночи у нас светлее, чем на суше, и многим хватает эйра. Тем не менее, в темное время суток улицы полностью освещены. За исключением некоторых кварталов.

— Это д-должно меня впечатлить? — брюзгливо спросил старик.

— Не вас, — невысокий человек в дорогом гарбе окинул взглядом суетящихся грузчиков, — Но для тех, кто жил здесь всегда, ночное освещение кажется чудом. Для тех, кто прибыл в эпоху Освоения — тоже чудом. Технологическим, но чудом.

Он криво улыбнулся и продолжил:

— Представьте себе, когда в городе едва начали сводить единую сеть для эйра, нашлись крикуны из местных. Не только всякий сброд, но и жители верхних кварталов. Они утверждали, что ночное освещение вызовет рост преступности. Дескать, при свете преступникам будет легче искать жертв.

— Н-не вижу здесь логики.

Доми пожал плечами.

— А её и нет. Люди не терпят перемен и найдут самые идиотские оправдания нежеланию меняться. Насосы шумят, от эйра понос, из-за гравок болит спина, корабли

должны плавать, а не летать, рыбы раньше было больше... Вы ведь из-за этого сбежали?

— Н-не сбежал. Но да, из-за этого. Мои идеи не захотели даже выслушать. Шаргов совет с этими напыщенн...

— О чем и речь, — перебил доми, не дав старику закончить. — Это причина, по которой вы пришли именно ко мне. Мы ведь похожи, претворяем свои идеи в жизнь, вопреки воле крикунов. Но мы отвлеклись. Скажите мне теперь, профессор, что вы видите в этом городе?

— Освещение? П-промышленность? Верфи? Резервуары?

Доми досадливо поморщился.

— Близко, но не совсем. В первую очередь, Аркензо — это прогресс, будущее. Единая воля, которая сметает любые препятствия на своем пути. В этом нам пока далеко до Талензы, но мы прикладываем все усилия, чтобы и тут вас догнать. В чем-то нам это уже удалось.

Доми проводил взглядом звено взлетевших флиров в красно-белой раскраске.

— Но прогресс это не только техника. В первую очередь, это люди, их образ мышления. Одно неотделимо от другого. Дикарь никогда не соберет гравицеп. Десять поколений назад островами заправляли бандиты, которые с трудом бы выговорили "Добрый вечер", прежде чем пырнуть вас заточкой и сбросить труп в канаву. Пять поколений назад в Аркензо не проходило недели без кровавых разборок. Доми и местные заправилы резали друг друга в бесконечной борьбе за власть. Сейчас же... Много вы за два года видели конфликтов? Вас пытались ограбить? Люди изменились. Доминион Аркензо принес на эти острова будущее, поменял людей изнутри. А технологии — лишь следствие этих изменений.

— Зато теперь вы режете друг друга п-почем зря, — поморщился старик. Его раздражал разговор. Раздражал промозглый ветер, раздражал вонючий табак громилы. Но больше всего раздражало холеное, самодовольное лицо собеседника. Доми оседлал любимого конька и мог часами нести высокопарную чушь.

Сам старик никакого особого прогресса не видел. Все то же, что и повсюду — только короли вместо замков живут на виллах, вместо провинций воюют за острова, а вместо богов молятся на золото.

— Профессор, это другое. Увы, не все доминионы пока разделяют нашу точку зрения, поэтому бывают, хм, политические разногласия, — доми вновь протарабанил пальцами по браслету, и вдруг резко сказал: — На Гардаше ничего этого нет.

— Нет чего? — спросил старик. Манера собеседника менять темы его тоже раздражала.

— Ничего нет. За пределами Доминиона и Республики нет ничего. Там нет цивилизации, культуры, стражи, водопровода и освещения. Нет законов, за редким исключением. Гардаш это бурлящий котел с отбросами, в который мы регулярно подливаем всевозможную дрянь. Именно поэтому мой человек полетит с вами, ради вашей же безопасности. Были... прецеденты. Думаете, вы первый, кто проводит там эксперименты?

— Я слышал, что на Гардаш регулярно отправляются экспедиции научного сообщества. Я лично знаком с магистром К-кантилли, он трижды привозил с Гардаша об-бразцы эйносов. Именно его рассказы сподвигли меня перенести финальную фазу испытаний туда, и я решительно н-не понимаю, почему...

— Профессор, успокойтесь! — рассмеялся доми. — Нет смысла оправдываться передо мной.

Громкий смех со стороны троицы привлек внимание Баартуха. Проклятые ящики все не

заканчивались, а казавшийся бездонным трюм грузового цепа был загружен едва наполовину. Почесав черную, блестящую от пота лысину, он прикрикнул на отвлекшихся грузчиков и покрепче схватился за рукояти тележки. Гравка тихо взвыла, принимая на себя очередной груз — массивную клетку в пять шагов высотой, крепко сбитую из деревянных брусьев.

Островитяне, да и материковые крысы, нередко отправлялись на Гардаш поохотиться. Живность на материке, по слухам, водилась весьма опасная, охота на нее считалась престижным развлечением. А живые особи уходили коллекционерам и исследователям за солидные деньги. Грузенные клетками цепи, битком набитые охотниками, были нередким для Аркензо зрелищем. Правда, обычно клетки были стальные.

Да и непохожи были наниматели на охотников. Еще раз почесав лысину, Баартух поднатужился и покатил тележку к трюму.

— Вам стоит иногда вылезать из своей раковины, профессор, — кинув взгляд на попыхивающего трубкой канторца, доми достал из рукава тонкую сигару. Прикурил от браслета, после чего продолжил. — Гардаш давно облюбовали подобные вам. Даже дикие звери не ходят гадить там, где живут. И уж точно ни одно животное не сможет загадить территорию так же, как человек. Таленза тому прямое доказательство. Вы, ученые, исследователи, экспериментаторы — можете за день сотворить такое, на что тысяче человек не хватит тысячи лет. Доминионы не позволяют проводить потенциально опасные эксперименты в пределах архипелага. На Талензе тоже все закрыто. Готов поспорить, что вас не стали даже слушать. Кому нужен под боком еще один Зеркальный Котел? А гразги? Твари кишат даже здесь, и я абсолютно уверен, что природа не могла создать такую мерзость самостоятельно. Кто-то из вашей братии ей помог. Именно поэтому вы сейчас стоите рядом со мной. Именно поэтому вы летите на древнем цепе в одно из самых опасных мест на Гардаше. Если кто-то и уничтожит этот мир, так это подобные вам. Просто из любопытства, узнать что будет. Как сильно оно жажнет? Как далеко оно полетит? Сколько эйра оно сожрет?

— Это весьма дилетантские суждения. Наука никогда не позволит подобному случиться, — от возмущения старик даже перестал заикаться. — Наоборот, я уверен, что именно научный подход позволит предотвратить катастрофы. Наука служит людям. Безусловно, есть ученые, которые ставят интересы науки превыше законов общества и морали, превыше здравого смысла. Но они не являются частью научного сообщества. Изгой, отщепенцы, которым никто не подаст руки. Настоящий ученый не позволит своему нездоровому любопытству взять верх над методическим научным подходом.

— Поэтому ваши исследования отказались спонсировать в четырех странах, двух доминионах, а вас самих уволили с кафедры? — тлеющий кончик сигары описал в воздухе восьмерку. — Вы достаточно ясно дали понять, что Академия не в восторге ни от ваших идей, ни от вас самих.

— Академия... — старик сплюнул тягучей желтой слюной. — Сборище старых маразматиков и слюнтяев. Шаргов Совет. Одни разговоры. Бесконечно перемалывают одно и то же. Уперлись в тупик, забились по своим норам и боятся д-даже взглянуть в сторону чего-то нового. Принципами Академии с момента ее основания всегда были пытливость и упорство. А сейчас там правят зависть, праздность и скудоумие. Меня высмеяли, оболгали и вышвырнули, но это ничего не изменит. Когда-то, мальчишкой, я восхищался Талеушем К-каранто, Джейсом Кантили, Виксаром Ц-цепелло, Лаго Эйросом... При них люди

вырвались за пределы Талензы. Сбросили с себя оковы земного притяжения. И когда-нибудь я встану рядом с великими. Мир запомнит и будет восхищаться Бернальдо Теппом, а старые сволочи из Совета пусть жрут шаргово дерьмо!

Распалившийся старик закашлялся и утер рот грязным рукавом некогда черного костюма.

Канторец хмыкнул, выбил трубку об перила и убрал в карман кожаной куртки.

Доми криво улыбнулся и вновь достал хронометр.

Баартух, сдавленно ругаясь, закатил в трюм последнюю тележку с высокими колбами из мутного стекла и пошел за расчетом.

Через три дня после отбытия «Помпезной Вдовушки», Зеркальный Котел изрыгнул из себя очередную порцию разогнанного эйра, накрыв весь юг архипелага чудовищной силы штормом.

Еще через шесть дней в западном крыле дворца на вершине грязно-коричневой скалы взорвалась лаборатория Бернальдо Теппа, профессора Объединенной Академии Наук Талензы, бывшего главы кафедры эйностической биологии. Почетного кавалера международного ордера третьей степени на розыск и немедленный арест во всех странах Старого Света.

Выброс эйра в клочья разнес западное крыло, обрушил шпиль маяка и посадочную площадку на крыше, вместе с пришвартованной там гравияхтой. Молодой наследник доминиона, Краатен До-Аркензо, погиб на борту от разгона эйра в баках гравицепа.

— Держи ровнее, Джус, подвеску угробишь.

— Ты и сведешь. Толку от тебя все равно никакого. Только жрешь и ноешь. Будь твоя шлюха-мамаша жива, своими руками сбросила бы тебя под трак.

— Твой рот — как моя задница. Такой же вонючий, и льется из него дерьмо.

— Что сказал? Иди сюда, гразгова отрыжка.

Увернувшись от удара худой четырехпалой руки, Брак юркнул за перегородку, отделявшую кабину от остального кузова. В обычное время такой номер не прошел бы — грузовое отделение пустует редко. Но неделю назад Котобои успешно сторговались в Яме, освободив полные металлолома, эйносов и всевозможного хлама трюмы. Сейчас в железной коробке царила удушливая жара, гравка еле слышно гудела, а по полу с грохотом перекатывались пустые канистры из под эйра.

Обычно Брак не рисковал задевать Джуса. Тот и трезвым отличался премерзким нравом, а после смерти жены все чаще прикладывался к бутылке. Но оскорбление парень подслушал у второго стола на прошлой стоянке, и не удержался. Потом прилетит, и больно — Джус был спор на расправу и нередко давал волю кулакам. Но сейчас четырехпалый был бессилён, и лишь злобно бухтел в кабине.

Брак присел на пустую, кисло пахнущую канистру. Приоткрыл тяжелую бронированную заслонку на корме и уставился наружу. Облако пыли за траком плотное, почти осязаемое, но кое-что разглядеть можно.

Шагах в сорока позади из желто-коричневой завесы проглядывает кабина. Брак пригляделся, пытаясь угадать, кому принадлежит пылящая за Джусовым траком машина.

Не скиммер, колеса четыре, и уж точно не тарга. Слишком большая кабина, да и кузов виден отчетливо. Значит трак, причем грузовой.

Дырявый лобовой лист затянут снаружи мелкой сеткой от пыли и камешков, ее периодически откидывают вниз на петлях, сбивая налипшую пыль об капот, а потом поднимают обратно. Помогает это мало, в кабине наверняка грязи по локоть, но у водителя особого выбора нет — несмотря на прошедший шторм, солнце успело высушить степь до каменной твердости, так что с пылью приходится мириться.

Над кабиной высится корявая конструкция, навреде гнезда из железных прутьев, из которого сверкает гоглами чья-то тупая лысая башка. Ведь только полный дурак полезет на крышу посреди перегона. Не видно ничего, всюду пыль, шум стоит невероятный.

Разглядев подробности, Брак приуныл. Игра в угадку закончилась, не успев толком начаться. Конструкцию на кабине он сам сводил в прошлом году, потратив две недели и полтонны всякого железного хлама. Корявое гнездо стояло на траке Жирного.

Имя у него другое, то ли Сейм, то ли Саим, но Котобои знали его как Жирного. За глаза его так звали все, а в лицо — почти все. Жирный был трусоват, драться не любил, поэтому проглатывал оскорбления молча. Зато на тех, кто слабее, отыгрывался по полной — надувался как взбудораженная медуза, краснел, ругался и брызгал вонючими слюнями.

— И полетят над землей два Предвестника, и будет один из них толст безмерно и страшен как шарг, — пробормотал Брак. — И будет трак его жалок и ржав, а вместо мозгов — медузья каша. А второго он сожрет по дороге...

А гнездо получилось удачное, неказистое, зато крепкое. От дождя и солнца не спасет,

но обзор отличный. Да и торчащие в разные стороны железки отлично прикрывают от драков, известных любителей хватать зазевавшихся наблюдателей. Если повезет — другие успеют метко жажнуть. Не убьют, но добычу летающая тварь выпустит. А может, и не выпустит.

Матерые драки на жахатели внимания не обращают, помогут только тяжелые скрапперы. А их еще навести надо успеть, да и жертве все равно не поможешь — изрешетит. Месяц назад Подвес по пьяной удали полез ночью в кузов тарги, хотел жажнуть по пролетавшему в паре миль к востоку цепу. Те шли низко, с горящими светильниками, явно что-то высматривали по темноте. Северяне ночную охоту затеяли, или рабы опять сбежали из Ямы.

Цель большая, красивая, собутыльники смотрят. Скраппа на тарге новая стояла — Подвес тогда только-только перешел в загонщики и вооружился. Ну и жажнул.

С пьяных рук не удержал рукояти, ствол повело вниз и в сторону, а следом и Подвес завалился. Стегануло ломом по стоянке, двоих искателей красной кашей размазало, да и машины посекло знатно. Многие еще долго к Холику в прицеп ходили, чтобы тот из продырявленных задниц куски железа доставал. А Подвеса полдня на цепи за "Мамашей" тащили, пока весь не закончился. В назидание.

Страшная штука — скраппер. Жаль, что только издалека посмотреть удавалось. Парень любил помечтать, как столкнутся в решающей схватке Пылевые Гиены со Степными Котами. Он, Брак, на мостике своего гигатрака, в безрукавке из драковой кожи, баданги наводит. И не на каком-нибудь недоростке, вроде "Самума", а на здоровенном восьмиколесном чудовище размером с "Падший Цеп". Над полем боя флиры кружат...

Он тогда уже из Поиска вернется, триумфально. Метку свою получит, за вторым столом сидеть будет. А то и за первым.

Брака разбудила громко хлопнувшая заслонка, едва не лишившая его правого уха и добротного куска скальпа. С трудом приподняв тяжеленный кусок металла, чтобы высвободить застрявшие волосы, он прислушался.

Гравка выла громче, значит трак идет в гору. Двигатель тоже гудит натужнее обычного. Из кабины слышно немелодичное напевание Джуса. Если поет — значит прикладывался к фляге. А если прикладывался к фляге — значит цель уже близко.

Последнюю неделю, покинув Яму, Котобой двигалась на юго-восток, к побережью. Близилось время ежегодного кланового сбора — Большого Схода. Знаковое для всех событие. Большой торг, большая совместная охота, не менее большая пьянка.

И под занавес — очередной Поиск, куда отправляется молодняк Семей, достигшие семнадцати. Кто на пять, кто на шесть лет. Кто-то вообще не возвращается, предпочтя мирную и спокойную жизнь за пределами Вольных Земель. Клану на таких плевать, пропал — да и шарг с ним. Руки никто не подаст, но и гнобить не будут. Многие из потерянных в Поиске по-прежнему сохраняли контакты с семьями, зачастую давая жирные наводки за небольшой процент и возможность повидаться со старыми друзьями и близкими.

Стеклянная Плешь — огромное базальтовое плато, нависающее над побережьем. Плешью ее прозвали за полное отсутствие растительности, за исключением мелких кривоватых кустарников, бесформенными островками пробивавшихся сквозь трещины в гладком черном камне. Плешь далеко выдавалась за береговую линию, напоминая исполинскую плоскую гальку, забытую на берегу ребенком великана. Из-за южного

расположения, плато регулярно проверялось на прочность участвовавшими в последние годы штормами, которые сгладили черный базальт до состояния зеркала. Плешь служила исполинским природным волноломом, принимая на себя всю ярость водной стихии. Северная и Южная Подмышки, две удивительно похожие друг на друга бухты у основания Плещи, отличались спокойными водами и обилием живности.

По негласному убеждению, именно у Стеклопанной Плещи проходила та граница, за которой южнее начиналась пустыня, знаменитая Жарка. На глазок разницу увидеть невозможно. Степь и степь, сухая, выжженная, напоминающая растрескавшуюся шкуру люторога.

Но Брак бывал с Семьей на юге и поэтому прекрасно понимал, почему граница проходила именно здесь. Два, три дня пути — и вокруг все меняется. Незаметно, потихоньку, колеса начинают проваливаться все глубже, плоскую, как лист металла, степь сменяют песчаные наносы, а редкие островки растительности пропадают совсем. Если продолжать двигаться к югу, кое-какая жизнь сохраняется лишь на скалистом побережье, все остальное занимают бесконечные мертвые пески.

Соваться туда без подготовки опасно, эйра почти нет, а остаться без него посреди пустыни — верный способ сгинуть. По мертвым дюнам могут пройти лишь специально подготовленные машины. Мелкий песок обладает мерзкой способностью набиваться в щели, гробит гравки, клинит компрессоры, а в жару плавит колеса.

На памяти Брака, клановые совались в пустыню трижды, причем в последний раз в дюнах остался целый гигатрак и восемь траков сопровождения, не считая бесчисленных тарг и скиммеров. Семья Гризов, которая и решила на рискованный поход за эйносами, лишилась почти всей техники. Жалкие остатки семьи растворились среди других Гиен, а желающих рискнуть с тех пор не находилось.

Если продолжить двигаться вдоль побережья в обход Жарки, можно было добраться до устья великой реки Калайны, и своими глазами увидеть руины города островитян. Но так далеко Котобой никогда не забиралась, и парню оставалось довольствоваться историями Симы и слухами.

Трак взбирался все выше, и Брак вновь открыл задвижку.

Подняться на Стеклопанную Плешь не просто. Плато вздымается над степью отвесными скалами высотой в сотню шагов, а то и больше. Существует множество извилистых проходов через ущелья, по которым во время дождей и штормов уходит вода, но забраться по ним невозможно. Расщелины узкие, извилистые, забитые обломками и каменным крошевом, преодолеть которые сможет лишь юркий скиммер. Некоторые проходы местами сужаются настолько, что даже пеший с трудом протиснется.

По ущельям поднимались и спускались с плато лишь самые безбашенные. В основном, искатели и загонщики из молодых. Покрасоваться перед семьями, проверить себя, на спор, по пьяни. Калечились и гробили технику, но желающих не убывало. Покорить Кривую Бабку, Шаргову Щель или Между Булок было почетно. Да и непокоренные расселины каждый Сход привлекали все новые горячие головы своей сложностью и хлесткими названиями

Но Джусов трак полз наверх по Глотке — прямому, как стрела, ущелью между двух отвесных скал. Достаточно широкое внизу, чтобы могли разойтись два гигатрака, оно выглядело так, будто неведомый исполин саданул по Плещи топором. Доходящий почти до середины плато разлом был плотно засыпан мелким щебнем, образуя удобный пологий подъем, подходящий для техники и выводивший прямоком на вершину. Дорогу создали

искусственно лет тридцать назад, разогнав несколько здоровенных баков с эйром под стенами крупного ущелья, затем засыпав каменным боем и выровняв отвалами гигатраков. С тех пор гостеприимная Глотка готова была принять в себя технику любого размера, гарантируя удобный и безопасный путь на Плещь.

Глядя на проплывающую мимо стену ущелья, Брак задумчиво почесал зудящее под ремешками колено. Не исключено, что в ближайшие годы он эти камни не увидит. Возраста Поиска парень достиг этой весной, поэтому придется зарабатывать свою метку. Или оставаться в Семье бесправным калекой на всю оставшуюся жизнь.

Джуса это наверняка бы устроило. Приемного сына он не любил и в последнее время неоднократно заявлял, что такой бракованный недоносок обязательно сгинет в Поиске, не отработав свою кормежку и содержание. Брак склонен был с ним даже согласиться. Не в той части, где он не отработал кормежку. Парень неплохо разбирался в технике и сутками пропадал в мастерской “Мамаши”, принося Котобоям ощутимую пользу, а отцу — лишние кри. Да и заработка на стороне хватало, за гнездо на траке Жирного Брак честно получил свою зелень — которая тоже досталась Джусу. Но вот в том, что касается Поиска... Тут отец, как ни печально это признавать, скорее всего был прав.

Черная стена Глотки, загораживавшая собой половину вида из бойницы, неторопливо уползла вниз. По глазам ударили лучи полуденного солнца, вынудив привыкшего к полутьме Брака зажмуриться и натянуть на тощее чумазое лицо гогглы в кожаной оправе. Прозрачные пластины принялись быстро темнеть на ярком свету.

Гогглами парень гордился. Оправа досталась ему по случаю пару лет назад, когда Семья потрошила разбитую таргу неподалеку от Динга. Правда, до встречи с Котобоями шарга разбитой не была, бодро удирая в попытке вырваться с переправы. Но со скиммерами ей не тягаться. Загонщики окружили машину, замедлили жахателями, а там уже и траки подоспели. Тяжело посеченную скраппами таргу загнали в распадок на границе леса, где и распотрошили.

Раненого водителя добились копьями, женщину оглушили и закинули в решетчатый кузов Гарпунщика. А потом торопливо ободрали с техники все ценное, перебросили груз в трюм подползающей “Мамаши”. После чего Брак с Ухолом, надрываясь, развели корпус тарги на металлические куски, которые тоже отправились на корм гигатраку.

Уже позже, на стоянке, парень откопал в груде трофеев отличную кожаную оправу для гогглов, на которую больше никто не претендовал. Линзы самостоятельно выточил из псевдовек мелкого драка, сдуру сунувшегося под стволы скрапперов. Отличные гогглы получились, прочные, на свету темнеют, держат даже металлическую стружку, не говоря уже о песке и камешках. Джус сперва хотел отобрать, но потом плюнул. Без гогглов механику нельзя, да и трофей честный.

Вот с другими семьями ухо надо держать остро и очками не светить, сопрут. Или навалятся, избыют и отберут.

На Большом Сходе всегда так, ценности плавно перераспределяются между разными семьями путем насильственной либо тайной экспроприации. Так сказал старший механик, а Брак запомнил.

Часовщик вообще любил завернуть словеса. Как-то раз после партии в забойку, он признался Браку, что отнюдь не родился в клане. Верилось в это с трудом, особенно при взгляде на испещренные отметинами уши и ту ловкость, с которой старик обращается с

техникой и длинным копьём. По словам Часовщика, Гиенам он попался еще по молодости, после падения пассажирского гравипепа с островов. Гиены первыми успели на место крушения и, подтянув несколько семей, захапали упавший цеп себе. Выживших было немного, большую часть потом продали на невольничьих рынках, но юный помощник моториста сумел зарекомендовать себя у Котобоев. За сорок лет он заслужил метку, стал старшим механиком, лично собрал больше половины парка техники и обзавелся женой с целым выводком детей. На любые упоминания о своем островном происхождении, Часовщик резко грустнел и тоскливо шел бить обидчику морду, благо в Семье осталось не так много старожилов, которые об этом помнили.

Обижать старого механика Брака не собирался. Тот был одним из немногих Котобоев, кто относился к парню с симпатией. К тому же, калека проявлял интерес к технике, и Часовщик охотно делился с ним накопленными за годы знаниями. Механиков в семье было мало, а молодняк предпочитал что попроще. Охота, драки, слава и вот это вот все. У Брака же особого выбора не было, да и ковыряться с железками ему нравилось.

Подъем закончился. Трак покачнулся, выпрямляясь, по полу раскатились канистры. Гравка почти затихла, двигатель еще некоторое время протяжно гудел, вытаскивая тяжелую машину на каменный пяточок, где в будущем развернется стоянка.

Из кабины раздался звон металлической посуды, сопровождаемой протяжной джусовой отрыжкой. Трак еще пару минут покрутился, разворачиваясь, и замер. Хрустнул рычаг, под полом гулко громыкнули якоря.

Гравка окончательно затихла и грузовик тяжело просел на рессорах.

Семья Котобоев из клана Пылевых Гиен прибыла на Большой Сход.

Все стоянки кочевников похожи. В центре всегда располагается гигатрак, вокруг которого замыкают кольцо траки, тарги и прицепы. Чем больше их у Семьи — тем шире кольцо. Обязательно оставляется широкий проход, который при опасности мгновенно можно закупорить дежурным траком, стоящим неподалеку с разбуженным двигателем. Снаружи якорят скиммеры искатели и загонщики, поближе к своим четырехколесным машинам. Те, кто еще не успел обзавестись семьей или друзьями, либо принципиальные одиночки, стараются ставить свои скиммеры поближе к воротам.

Глушатся гравки и двигатели, снимается пыльная дорожная одежда, крепятся к земле машины. На крышах спешно сводятся дозорные вышки, на которые лениво поднимаются часовые. Вооруженные траки и тарги ошетииваются скрапперами, из раскрытых прицепов смотрят в небо тяжелые баданги. Внутри кольца машин, которое кочевники называют фортом, разгораются огни семейного костра и многочисленных горелок, готовится хавчик. Ставят палатки рабы и те, у кого нет своей машины. Роятся сральники.

Искатели и флиры, подобно саранче, разлетаются по всем направлениям в поисках добычи. За каких-то полчаса стоянка превращается в огороженный стеной лагерь, готовый как дать отпор противнику, так и немедленно сорваться в погоню. А если противник настроен серьезно — машины встанут прямо под гигатрак, превратив форт в настоящую крепость.

Большой Сход не стал исключением. Тот же форт, только в гораздо большем масштабе. На плоской каменной столешнице величественно заякорились шесть огромных гигатраков. “Зверь” и “Самум” Чернолапых, “Великий Пыхатель” Гряземесов, “Падший Цеп” Красноголовых и “Горбатый Холм” Безногих. К ним, приветственно гудя ревуном, подползала “Мамаша” Котобоев. Три оставшихся семьи еще не прибыли, так что у Котобоев была возможность застолбить хорошее место под стоянку. Над гигатраками, вращаясь на ветру, скрипели огромные крестовины конденсаторов.

Из люка на крыше засмотревшегося Брака требовательным рывком выдернул Джус. Парень упал неудачно, на правую ногу, колено прострелило болью.

— Хорош глазеть, — приемный отец был уже порядком навеселе, — Усыпляй тут все, прожги гравку и проверь подвеску спереди, скрипит.

— Я же говорил, что угробим, — парень опасно покосился на отца, но тот уже забыл о недавнем оскорблении. — Придется в мастерскую идти, рессоры сводить.

— Сам разбирайся. На торг не суйся, там еще нет никого, — четырехпалый сцапал две канистры пошел на выход, — И в кабине приберись.

Брак вздохнул. Каждый раз. Почти каждый раз Джус надирается и поганит кабину. В прошлый раз заблевал. До этого обмочился. Но хуже всего был тот раз, когда отец с пьяных глаз свернул регулятор подачи эйра в движок. Трак для ремонта пришлось глушить на полном ходу, свесившись с крыши над моторным отделением. Можно было бы заякориться, тогда двигатель сам бы затих от перегрузки — но пьяному Джусу претили простые пути. Да и жизнь двигателя от таких остановок сокращалась, а с кри в последнее время было туго.

Когда пошатывающийся отец покинул трак, громко лязгнув дверью кабины, Брак первым делом пошел к гравке. Стальная коробка жестко крепилась изнутри к раме грузовика, ровно на стыке кабины и трюма. Парень проверил крепежи, убедившись, что

корпус по прежнему сведен намертво и ничего не расшаталось. Открыв дверцу, пощупал рукой металл кожуха.

Горячая. Тащить многотонную махину в гору по жаре тяжело, Джусу пришлось выкручивать подачу до упора. Плохо, гравки в таком режиме долго не живут. Надрываются идохнут. Второй эйнос решил бы проблему, но где его взять? Парень помянул шарга и похромал в кабину за фонарем.

В этот раз просто заблевано. Но заблевано основательно. Брак брезгливо покосился на водительское кресло. Железное, все в мелких дырочках, чтобы не потела спина и не скользила задница. Раньше на кресле был удобный чехол из шкуры люторога, но Джус его пропил несколько месяцев назад. Повезло чехлу, не всякий долго выдержит испытание пьяным водителем. В углу кабины, в коробке с мелочевкой, парень нашел масляный фонарь с примитивным отражателем. Хлам, конечно, и Брак с радостью сменил бы его на светильник, но те стоили дорого. Да и эйносы семье давно не попадались, даже не сопрешь.

Вернувшись в кузов, Брак приоткрыл дверцу светильника, проверил уровень масла. Подтянул фитилек. Продышавшись, раскалил кончик железного прутка и ткнул пропитанную маслом бечевку. Пламя затрещало, разгораясь. Брак снова выругался и полез в глубины гравки.

Когда он закончил, гул двигателей снаружи успел утихнуть, а солнце опустилось к западу, перестав заглядывать в кузов. Все оказалось не так уж и плохо. Гравка засыпала тяжело, но лишь потому, что пришлось долго выжигать нарощую плесень все тем же металлическим прутком. В паре мест прохудились трубки подачи эйра, которые Брак наспех залил красной смолой. Долго такие латки не продержатся — эйр в гравку идет под давлением, быстро сорвет. Но заниматься серьезным ремонтом сразу по прибытии казалось кошунством.

К тому же, впереди Поиск, все дальнейшие заботы о траке лягут на плечи Джуса. Пусть сам колуается с трубками или уговаривает механиков помочь.

Успокоил двигатель. Тот не стал рыпаться и послушно затих после аккуратного тычка прутком, получив свою порцию дурно пахнувшей жрачки из бака в углу. Проверять на плесень уже не стал — это не гравка, движку на паразитов было плевать. Сам сожрет, пока будут стоять. Лишь бы не завелись гразги, но тогда все равно придется выжигать половину стоянки.

Откровенно досадуя по поводу потерянного времени, Брак стравил нагнетатель, наспех проверил бак с эйром и, споткнувшись на металлической ступеньке, вышел наружу. Шарг с ними, с рессорами, Джус вряд-ли заведет колымагу раньше, чем через неделю. Он сборщик с пустым трюмом, если не подвернется охота — так и проторчит здесь, чтобы не палить зря эйносы.

А вообще, стареет трак, хиреет. Говорят, что машина это отражение души владельца. Судя по плачевному состоянию ржавого корпуса, изрытых кавернами шин и покосившейся кабине, Джусу недолго осталось. Особенно, если не прекратит бухать.

Солнце уже склонялось к горизонту, жара спала. К гигатракам присоединился еще один, “Ворчала”. Значит, Волноломы уже здесь. Из Глотки, взрывая двигателями, неторопливо выползала цепочка черно-синих машин с покатыми обводами корпусов. И вправду, похожи на волноломы. Странно только, что на “Ворчале” не видно одной из знаменитых парных баданг. Вместо левого ствола на крыше топорщатся рваные металлические обломки, наспех сведенные садмами.

— Глядите-ка, Бракованный выполз из говновозки! — знакомый до омерзения насмешливый голос вынудил Брака отвернуться от созерцания застывших гигантов. — Гляжу, папаша Джус еще не пустил тебя на корм движку?

— Движок мной подавится, я худой и жесткий. А вот в тебе дерьма столько, что хватит дотянуть до Нью-Арка.

— Это мышцы. Литые и крепкие как, сталь.

— Литое у тебя только брюхо. Боюсь, что даже трюме "Мамаши" не хватит железа, чтобы его прикрыть.

— Это верно, — самодовольно похлопал себя по объемистому пузу Логи, — Не зарывайся, Брак. А то скажу отцу, что ты его опять Жирным называл, он тебя поколотит.

— Не скажешь. Как я, после такой подставы, смогу тебе гнездо чинить? Опять, небось, все расшатал? — Брак попинал переднее колесо и сделал вид, что внимательно рассматривает рессоры.

— Я же не виноват, что из тебя механик как из пердежа эйр. Все на соплях сводишь. Кстати, посмотрел бы, а то я когда слезал пруток какой то погнул и гоглы разбил. Отец увидит, взбесится.

Брак поморщился. Логи ему не сильно нравился, слишком шумный, наглый, да и насмешки у него злые. Но толстяк во многом полезен.

Для своих семнадцати, парень обладал телом крупного взрослого мужика. Лысый как коленка, жирноват, но заплыть пока не успел, к тому же делает вид, что тренируется. На первый взгляд глуповат, но компенсирует это какой-то сверхъестественной бытовой хитрожопостью, которая позволяет первым получать пайку жранины. И так во всем.

Брака он пару лет назад взял под свою навязчивую опеку, поняв, что иметь у себя под боком механика может быть выгодно. Логи вертелся рядом, успешно отгонял других задир и зачастую протаскивал Брака в места, куда даже самому толстяку доступа не было. Взамен требовалось нахалству помогать ему с ремонтом всякой мелочевки и периодически водить в мастерскую к Часовщику, которого Логи безмерно уважал после подгона Там-Тама. Невеликая плата за защиту от нападков желающих поиздеваться над калекой.

Придется лезть чинить гнездо, иначе толстяк целую неделю будет дуться и злобствовать. А Большой Сход не то время, когда можно позволить себе ходить в одиночку. Насильственная экспроприация, мать ее.

Брак смерил взглядом стоящий рядом трак Жирного и сказал:

— Посмотрю. Не сегодня, мне еще подвеску мучить, да и разложиться надо.

— Договорились! — обрадованный тем, что удалось свалить работу на чужие плечи, толстяк разулыбался. — Глянь заодно и Там-Тама, кажется банка криво сидит.

Брак покосился на прислоненную к кузову кувалду. Та покосилась в ответ. Не то, чтобы покосилась, но криво нарисованный на бойке глаз глядел недобро. Логи никогда толком не мог объяснить, зачем его намалевал, но смотрелся Там-Там действительно жутковато. Кроме глаза, кувалда могла похвастаться коротким жахателем с обратной стороны бойка и скверной привычкой вырываться из рук при ударе. Толстяка это не смущало, он упрямо продолжал тренироваться махать неподъемной бандурой и разве что не облизывал ее. А может, и облизывал втихаря.

— Логи, это кувалда. И жахатель, который свел Часовщик. Я скорее поверю, что "Мамаша" прямо сейчас сорвется и улетит, чем в то, что банка криво сидит, — Брак наклонился над кувалдой внимательно осмотрел крепеж. — Не криво. Кто банку качал? Едва

не лопается.

— Отличная банка, в самый раз.

— Когда рванет, будет поздно. Пузень твой разнесет в клочки.

— Не рванет. Да и пузо у меня крепкое.

Разговор затих сам собой. Убедившись в том, что с ненаглядной кувалдой все в порядке, Логи потерял интерес к Браку и, взвалив Там-Там на плечо, отправился вглубь форта, откуда уже доносились первые робкие запахи еды.

Брак продолжил проверять трак. Спустил и вновь поднял тяжелые якоря со стесанными зубьями, убедившись, что ничего не заело. Выдвинул четыре опоры, в которые, ругаясь и исходя потом, загнал кувалдой по паре заточенных штырей с плоскими шляпками. Стержни в камень входили плохо, звон стоял оглушительный, но на Джуса здесь, как и в любом другом деле, полагаться было нельзя. А незакрепленные опоры это верный путь к потере трака. То движок проснется и взбрыкнет невпопад, то какой-нибудь идиот врежется на своей тарге. Всякое бывает. Да и уклон тут есть, хоть и незаметный. Укатится трак в ближайшую расселину — без гигатрака не выудишь.

Напоследок Брак выволок из кабины конденсатор. Подцепил шлангом к баку и потащил наверх, карабкаясь по сведенным к корпусу железным дугам. Взгромоздив конструкцию на крышу, вставил основание треноги в пазы, с усилием раздвинул крестовину и крутанул. Сетчатые чашечки поймали богатый эйром ветер и принялись неспешно вращаться. Через какое-то время они как следует разгонятся, а по гибкому шлангу начнет неспешно капать эйр. Много так не соберешь, но на мелкие эйносы и частичную заправку бака хватит. Благо здесь, у кромки океана, воздух эйром перенасыщен, а ветер сильный. А к кислому запаху можно притерпеться.

Океан на горизонте начал погружаться в темноту, на поверхности замерцали первые голубоватые отблески. Темнеет на Плещи быстро, очень скоро ночь окончательно вступит в свои права. Чем темнее вокруг — тем ярче и отчетливее будут проступать на поверхности воды светящиеся голубым пятна. В самые темные часы, когда небесные глаза прикрывают свои веки, весь океан до самого горизонта превращается в колышущийся призрачный кисель, бесконечно мерцающий и изменяющийся. Ветер подхватывает и несет на своих плечах дымку испарений, потоки эйра в воздухе смешиваются в причудливом танце и уходят выше, запуская свои призрачные щупальца вглубь степи.

Ночной океан Брак любил. Напрашивался наблюдателем на прибрежных стоянках, высматривая сквозь линзы окуляра самые яркие пятна. Джус был против и неоднократно заявлял, что раз есть возможность спать — надо спать, а не морозить задницу на верхотуре. Но дальше бурчания дело не шло, и Брак по-прежнему при каждой возможности пытался напроситься на вышку. Глаза у него были острые, память хорошая, так что восхитительная возможность провести ночь наедине с океаном выпадала нередко.

К тому же, от ночных дозоров была польза. Среди прочих Браковых пожитков, в тайном, намертво сведенном в борту трака хранилище, лежали два старых окуляра. Один он честно заработал за долгие бессонные ночи, а второй украл: какой-то растяпа забыл свою наблюдательную трубку в крохотной комнатке под крышей "Мамаши". Пропажи хватились быстро, окуляры ценились за способность усиливать свет эйра, что здорово облегчало поиск его источников. В семье Котобоев не было мастеров, которые смогут изготовить окуляр. Часовщик даже не знал, откуда берутся линзы, поэтому приходилось покупать устройства втридорога на торге и рынках свободных городов. У Чернолапых был

умелец из рабов, но его год назад умыкнули со стоянки у Ямы. Ловкачей не нашли, даже не удалось выяснить, кто именно похитил ценного мастера. То ли островитяне, вечно рыщущие по Гардашу в поисках новых эйносов, то ли клановые. Те же Коты вполне могли такое проверить.

Браку повезло. Ночью он выкинул трофей далеко за пределы форта, а на расспросах делал круглые глаза и старательно косил под дурака. Крысятничество среди своих очень сильно не поощрялось, но доказать ничего не смогли. Длинного Джуна, который и оставил окуляр в каморке, слегка побили и на неделю оставили без доли.

А наутро парень под предлогом поиска сорванной чашки конденсатора выпросил у искателей нюхач. С которым за каких-то пятнадцать минут откопал на примеченной полянке две раздавленные банки, драную перчатку и вожделенный окуляр. Жаль, что нюхач пришлось отдать, очень полезная штука. Но умыкнуть такой было невозможно.

Осознав, что засиделся, Брак полез с крыши вниз. Темнело стремительно, тени от мирно дремлющих машин на глазах ползли в сторону океана. Семь гигатраков расцвятилась огнями, а с “Горбатого Холма” в небо ударил широченный луч синего света, служащий маяком для ночных искателей на флирах. От семейного костра доносился многоголосый гомон, прерываемый хохотом и звоном посуды.

Спускаясь, парень неловко оперся на ногу, чем вызвал новую вспышку боли в колене. Вновь пошел в кабину, разбудил обогреватель, вымел набившийся песок веником из сухих веток пустырника. Проверил бак под крышей, наполнил кривоватое ведро нагретой за день водой. Принюхался. Уже пованивает, хотя пить еще можно. Придется сливать весь бак, прокалывать железо, а потом полдня таскать ведра от опреснителя. Хорошо бы припрячь Логи, тот мог управиться в одиночку за час, но припрячь Логи было сродни поимке живьем матерого драка. Теоретически возможно, но ни шарга не получится. На Джуса надежды нет, все клановые сейчас либо у костра, либо в кругу гигатраков, трут за всякое важное и бухают за встречу.

Хотя, у Сельмы как раз на днях сломался конденсатор. Можно взять под предлогом ремонта, использовать трубки для перекачки, а потом свести все обратно. Работа несложная, Сельма порадует, а это отличный шанс вкусно поесть. Все лучше, чем таскаться с ведрами по жаре, изнывая от боли в колене.

Пока обдумывал, как именно проверить затею с водой, тело само совершало привычные действия. Подкормить нагреватель. Вытереть джусову рвоту, собрать по углам кабины закатившиеся мелкие детальки, пройтись влажной тряпкой по стенам и полу. Разложить лежанки, распахнуть заслонки, впуская внутрь душного трака свежий соленый воздух. Судя по едва ощутимой вибрации гибкой трубки, конденсатор уже разогнал и в бак по капле начал поступать эйр.

Закончив, Брак закинул на плечо звякнувшую сумку из плотной бычьей шкуры. Окунув палец в эйр, намалевал на двери кружок с четырьмя короткими вертикальными палочками — метку Джуса. Закрыв кабину, раскалив кончик железного прутка и намертво сведя дверь с корпусом. Без света и шума такое не вскрыть, хотя защита все равно слабенькая. Зато не надо тратиться на замки, все равно Джус пропьет. Да и воровать внутри почти нечего.

Солнце окончательно село. Брак убедился, что ничего не забыл, повесил фонарь на крюк у двери и похромал в сторону костра.

Семейный костер встретил запахами и гомоном. В каменном очаге весело полыхали черные, матово блестящие ветки кустарника. Над костром поыхивал паром здоровенный закопченный котел, а на широкой железной решетке длинными полосками жарилось мясо, щедро присыпанное солью и жгучей мякотью степной колючки.

Мясом семья затарилась три дня назад, наткнувшись во время перегона на стадо люторогов. Котобои шуганули самцов жахателями, отделили от стада молодую самку с тремя детенышами и забили копьями. Могли бы, как обычно, перебить все стадо, но по-настоящему матерых зверей не было, а Семья спешила. С молодняка много не соберешь, да и лютороги, при всей своей флегматичной невозмутимости, в ярости могут наделать дел. На жаре мясо портится быстро, достаточно большой морозилки в “Мамаше” не было, поэтому уже третью стоянку все набивали животы жестким, темным мясом.

Брак встал в очередь из таких же припозднившихся бедолаг. На стоянках машинами занимались рабы или молодежь, старшие предпочитали проводить время с куда большей пользой. Вот и сейчас, спереди стояли двое хорошо знакомых ровесников: Чартух, высокий и нескладный сын Часовщика, и таинственно поблескивающий шишковатой башкой Ивен — такой-же приبلудыш, как и Брак, только смуглый и помладше. Сзади же пристроились выскользнувшие из темноты близнецы Сельмы и Барташа, Правый и Левая. На вопросы с столь странных именах, близнецы в один голос утверждали, будто названы в честь ночных светил, необычайно ярких при их рождении. Им никто не верил, так как Барташ славился тугодумием и вполне мог просто по глупости запороть обряд Наречения.

— Приветствуем тебя, Быстроногий! — Левая задорно улыбнулась щербатым ртом.

— Сколько раз ты успел обежать Плешь за сегодня? — добавил Правый.

— Три раза по кругу, и еще искупался в Подмышке. Видите, какой мокрый? — Брак демонстративно поднял руки вверх.

— Ты не мокрый, ты потный и вонючий. Да и врешь ты все, мы бы заметили.

— Мы везде уже были!

— Нас Длинный на скиммере к носу возил. Дли-и-инный. Мы очень просили.

— Вежливо настояли. И у гигатраков были. Видел, как “Ворчале” бадангу раскурочили?

— В хла-а-ам. Начисто левую снесли. Прямо как тебя тогда, парусом. И имена одинаковые.

— Иди к шаргу, брат. А то расскажу Браку, как ты сегодня с носа ссал и чуть не гребнулся.

— Не гребнулся же. Я медуз увидел, их там целая стая парила, вот и не удержался...

— Против ветра ссал!

Брак, с улыбкой слушавший болтовню близнецов, наострил уши. Свою порцию дымящейся каши он уже получил, вместе с длинной полоской пересоленного мяса. Ждать изысков от стряпни Отбивки не стоило, ее девизом всегда было: “Сыпь больше, вари подольше”. Получалось съедобное месиво, в котором находили свою бесславную кончину паразиты и вездесущая плесень. По слухам, однажды она сварила даже гразга, хотя разницы никто не заметил. Отравиться стряпней Отбивки было невозможно, а любые претензии ко вкусу разбивались об монолитные скалы рук, неприступные холмы грудей, величественный утес каменного подбородка, и об взгляд Гарпунщика, мужа Отбивки, и иногда старшего

загонщика.

Заискивающе улыбнувшись хмурой поварихе, Брак задержался у костра ожидая, пока близнецы получат свои порции. Разглядывал их, привычно удивляясь сходству. Шумные двенадцатилетние балбесы, Правый и Левая были похожи, как пара кри. Худые, подвижные, с выгоревшими русыми волосами и в одинаковой одежде. Разве что Левая за последний год выросла куда больше, возвышаясь над Правым на полголовы. А так — одно лицо. Худое, чумазое и щербатое.

— Что там насчет медуз? — поинтересовался Брак, едва близнецы отошли от костра.

— Стая! Здоровенная!

— Насколько здоровенная?

— Как задница ”Мамаши”. Пузырей пятьдесят, может больше. Я мельком увидел, их катраны из воды выгнали.

— Ври больше, — Левая цыкнула на брата, на ходу вцепившегося зубами в мясо. — Медуз шгук тридцать. Из них десяток здоровых пузырей, средних побольше. Молодняк не видела, они подняться не успели. На нас Длинный наорал и заставил к скиммеру вернуться. Точнее вон, на него наорал.

Она указала обкусанным ногтем на брата. Тот, не прекращая жевать, показал средний палец.

— Далеко? — уточнил Брак.

— У Северной подмыхи. Они только из бухты вышли. Эйра за ночь накопили, вот и кормятся. — Левая полоской мяса подцепила из каши жухлый темный комочек и сверлила его подозрительным взглядом. — Даже медузы жрут лучше нас.

Комочек метким броском отправился в миску к Правому. Тот возмущенно запыхтел, попытался достать захватчика, не преуспел, обжегся и принялся неистово дуть на пальцы. Злобно смотрел он при этом не на сестру, а почему-то на Брака.

Брак в задумчивости пошагал в сторону трех общих столов, неровным кольцом расположившихся вокруг костра. За ближайшим, самым маленьким, но при этом богато заставленным, сидели старшие. Бородатый Гарпунщик, огромный, громогласный, игнорировал вечернюю прохладу, оставаясь в короткой кожаной безрукавке и демонстрируя всему миру иссеченные шрамами руки. Часовщик, тоже высокий, но болезненно худой, горбоносый, с оттопыренными ушами, едва прикрываемыми редкими седыми волосами. Маленький, взъерошенный и вечно злобный Чегодун, который, едва завидев Брака, махнул рукой и басовито крикнул:

— Бракованный, хромай сюда.

Парню не хотел общаться с Чегодуном, но убедительного повода отказаться не было. Свернув с намеченного пути к длинному столу, предназначенному для еще не прошедших Поиск и рабов, Брак направился к старшим. Синхронно жующие кашу близнецы заинтересованно посмотрели вслед, но подходить не стали. Стол старших славился для них дурной славой, близнецы славились там славой еще более дурной. Поэтому рассудив, что так много дурной славы в одном месте не к добру, Левая и Правый двинулись дальше.

— Отца видел? — спросил Чегодун.

— Не видел. Он сразу свалил, а я трак ковырял.

— Передай ему, что до конца Схода долг должен вернуть. Мое терпение на исходе.

— Сам бы и сказал... — буркнул Брак себе под нос, но собеседник услышал.

— Я бы сказал. Но видишь ли, Бракованный... — имя Чегодун произнес протяжно,

словно смакуя. — Джус от меня почему-то бегаёт. Старательно, хоть и неумело. А я уважаю старательных. Ну не хочет он меня видеть — кто я такой, чтобы ему мешать. У всех нас есть свои маленькие слабости. Но есть одна крохотная закавыка, которая не даёт мне покоя. Твой отец...

— Приемный, — снова не удержался Брак. — Он мне приемный.

Чегодун на секунду замешкался и тепло улыбнулся:

— Конечно, конечно. Твой приемный отец, — старший сборщик посерьезнел и продолжил, — Так вот, твой приемный отец, Бракованный, должен мне. И должен много. Видишь ли, какое дело. Я, как порядочный член Семьи, неустанно пекусь о ее благополучии. И сейчас у меня в голове как будто звенит крохотный колокольчик. Назойливый такой. Динь-дон. Динь-дон. Чегодун, говорит мне колокольчик, тебя не уважают. Динь-дон. Тебе не хотят отдавать то, что тебе положено. Динь-дон, Чегодун, Динь-дон. Кто-то ставит себя выше интересов Семьи. Динь-дон. Кто-то считает, что правила ему не указ. А если кто-то ставит себя выше правил, с чего бы тебе самому их соблюдать? Динь-дон. Тебя хотят поиметь, Чегодун.

— Я понятия не имел, что он тебе должен, — Брак внезапно почувствовал холодок между лопаток. Шаргов пьяница Джус умудрился зацепить того, кого цеплять нельзя ни в коем случае. Никому.

— Динь-динь, звенит колокольчик. Все громче, все настойчивее. И чем громче он звенит, тем сильнее у меня болит голова. Вот прямо нарастает, и нарастает. Понимаешь, Бракованный, мне приходится сдерживаться изо всех сил, чтобы не проломить ее. Выпустить звон на свободу.

— Чегодун, я обя... — Брак попытался вставить слово, но старший сборщик ловко пнул его под колено правой ноги. Та подломилась и парень завалился на бок, едва не разбив лицо о камень. Звякнула закатившаяся под стол миска с кашей, оставляя на камнях неаппетитный след.

— А потом выкормыш ублюдка, из-за которого у меня в башке звенит этот шаргов колокольчик, приходит ко мне и дерзит. Не просто дерзит, он еще и перебивает. Меня! И что же мне с ним делать, а, Колокольчик? — Чегодун свесился с лавки к хватающему воздух Браку, приподнял его голову за волосы и буквально прорычал слова в ухо парню, — Динь-динь, сученьш! Слышишь колокольчик?!

— Хорош, — Часовщик рывком вернул старшего сборщика за стол. — Он все понял. Ты ведь понял, Брак? Ты передашь Джусу эти слова?

Дождавшись убедительного кивка, Часовщик выжидающе взглянул на Чегодуна. Тот уже успокоился, хотя дышал по-прежнему тяжело. Сплюнул на Брака, не попал, после чего сожалеюще процедил:

— Передай Джусу, что если не отдаст долг до конца Схода, заберу у него трак. Или тебя. Еще не решил.

Брак, шатаясь и неловко опираясь на левую ногу, поднялся. С благодарностью принял протянутый Гарпунщиком тяжелый железный протез. Повозился с ремешками — шаргов Чегодун умудрился надорвать один из них. Кое-как закрепил ногу под коленом и осторожно поковылял к третьему столу. Подобрать миску и мысли не возникло — ползать под ногами у старшего сборщика он не собирался.

— Не жестковато?

— В самый раз. Может, чутка переборщил, — Старший сборщик задумчиво почесал нос. — И парень мне не нравится.

— Джус сорвался после Симы.

— Он сорвался еще раньше. Сима его удерживала, не давала окончательно потонуть. У бабы были стальные яйца.

— Уж потяжелее Джусовых. Ты мне вот что скажи... — Часовщик плотнул пива из дорогой стеклянной бутылки, — Брак тебе чем не угодил?

— Мне? Да ничем. Час, меня страшно раздражает Джус. Прямо до дрожи. Веришь, ; долго пытался его вытащить. Годами. Так пробовал, и этак. Давал ему работу, пытался как-то пинать, — Чегодун звонко прощелкал пальцами руки. Хруст суставов напоминал осыпь мелких камешков. — И все зря, продолжает скатываться. Недавно чуть два трака не угробил, свой и Хольдера.

— Это который со спаркой?

— Ага, его. Помнишь, пузырей били по весне? Там еще мыс такой кривой был.

— Помню, — Часовщик поежился и застегнул пару петель на плаще, — Холодно было.

— Там Джус и отличился. Хольдер двигатель на спарку перевел, у него по-другому наводиться никак. Ну а четырехпалый его таскать должен был, на жесткой сцепке. Ветер сильный был.

— Я Хольдеру ее и сводил. Рама там дрянь, пришлось с кабины наращивать.

— Наверное. Джус умудрился проспять и обгадить начало. Как флиры медуз шуганули, тех ветром к мысу понесло. Все сразу туда, мыс высокий, даже жахатели достают. Хольдер орет, у него скраппы простаивают, а медуз уже уносит. Тут Джус проснулся. Рванул за остальными как ошпаренный, ну и врубился на подъеме в откос. Кабину разворотил и трак почти перевернул. А рядом обрыв. Хорошо Хольдер успел, плюнул на спарку и якоря сбросил. Так и удержались. Не успеи Хольдер — оба бы на дне лежали.

— Не слышал таких подробностей. Помню, что с дележкой какие-то проблемы были. А про обрыв не знал.

— Почти никто и не знает. Я бы и тебе не рассказал, если бы в Джуса хоть немного веры осталось. Он тогда едва ли не на коленях Хольдера упрашивал не губить. Сам знаешь, как с Джуса бы спросили, всплыви оно. На дележке срач жуткий начался, Хольдер ведь не жахнул ни разу, а шли они за трофеи. Даже ремонт трака покрыть нечем было. И Джусу уже обещал не сдавать. Так до меня и дошло, сами бы не разобрались. Четырехпалому пришлось в счет пяти охот Хольдеру ремонт трака покрывать, поверх налога на говно.

— Налог на говно?

— Чтобы Хольдер на говно не изошел.

Прислушивающийся к разговору Гарпунщик заржал.

— Я чего взбесился то. Джус потом ко мне приперся. Трезвый. Говорил красиво, я аж заслушался. Пяткой в грудь бил, ухо себе чуть не отгрыз в порыве страсти. Говорил, что устал, дальше так не может и все такое. Просил кри до Схода. Я, дурак, поверил и дал. Представь, он даже расплакался.

— Много занял? — поинтересовался Часовщик.

— Тридцатку.

— Фиолки?

— Откуда у меня столько? На всю семью сейчас столько не наберется, все в товаре. Разве что у Кронга в заначке. Кронг, у тебя есть тридцать фиолок?

Мерно жующий лепешку лепешку с мясом патриарх поперхнулся и изумленно посмотрел на Чегодуна.

— Тебе зачем? Хочешь стрейб купить и свалить на острова?

— Не откажусь. Но, боюсь, без стряпни Отбивки загнусь от голода и сдохну в корчах еще над заливом. Так есть или нет? У меня чисто практический интерес.

— Нет. И не будет, если не расторгнемся. Год паршивый вышел. Двадцатку наскребу, не больше.

— Расторгнемся, — Чегодун легкомысленно махнул рукой. — Завтра пузырярей нашибаем, сразу скинем на торге.

— Делиться придется. Желтые тоже в деле, они стаю с флира списали.

— Не страшно. Одни бы все равно не потянули. Сам знаешь, какое завтра утро.

Кронг поморщился и вернулся к лепешке.

— Поглядим, как пойдет, — старший сборщик вновь повернулся к Часовщику. — В общем, занял у меня тридцатку. А дальше — сам видишь. Последний месяц пугается от меня, как граг от огня. Но хотя бы трак восстановил.

— Ему Брак кабину чинил, — хмыкнул Часовщик. — Натаскал железяк и свели вдвоем. Криво, правда.

— Еще бы. У Джуса руки из жопы, хотя водитель он отменный. — Чегодун закурил и добавил: — Был. Через год мой старший из Поиска должен вернуться, если сам траком не разжился — отдам ему этот.

— Не веришь, что вернет?

— Час, ты видел его? Разложиться не успели, он уже синий. К Безногим пошел, либс надираться, либо клянчить. Либо и то, и другое. Джус не жилец.

— Ты так и не ответил. Брака за что?

— Подумай сам. Ты же умный. Брак хороший механик, лет через десять может тебя сменить. Зачем его из семьи выпускать? Или у тебя на примете есть другие?

— Почему выпускать? — недоуменно спросил Часовщик, — Вернется из Поиска, получит метку. И пусть сменяет.

— Не вернется. Он слабак и калека. Либо ограбят и прирежут, либо прирежут и ограбят. Давно на Вольных Землях в одиночку был?

— До города доберется. Осядет там, опыта подкопит, кри.

— Как он доберется? Транспорта у него нет. А брать незнакомого калеку из чужой семьи в напарники — поищи идиотов, будь он хоть трижды механик. Логи мог бы взять, он вечно вокруг Бракованного отирается, но у Логи тоже транспорта нет. Час, пойми, даже если парень чудом доберется до города и нормально устроится, он все равно для нас потерян. Останется там, в клан не вернется. Или еще куда свалит. Видел, как он на цепи глазет? Отпустим парня в Поиск, потеряем механика.

— Цинично. А если все-же соберется отправиться?

— Джусу намекну, что готов долг списать, если откажется от калеки, — махнул рукой Чегодун. — Главное, чтобы парень не сбежал раньше срока. Шепну в кругу, чтобы никто не вздумал скиммер ему продавать. А других вариантов не будет, для вольников он либо добыча, либо кри не хватит. Останется в семье, выучится, а потом и в клановые выбьется. Ты же выбился.

— Подонок ты, Чегодун, — вздохнул Часовщик и потянулся за пивом. — Ну и мразь заодно, циничная и расчетливая. В логике тебе не откажешь, но порядочностью тут не

пахнет.

— Так это потому, что у меня ее нет. Лекарь отрезал, бантиком перевязал и обратно мне вручил. Я на полочку поставил и забыл, куда именно.

— Я не отрезал.

— Да не ты. Другой лекарь.

— Чегодун, а зачем ты ходишь к другим лекарям? — Холик, несмотря на весьма посредственные навыки в лекарском деле, о своей персоне был крайне высокого мнения, и чутко выискивал в чужих разговорах признаки неуважения к себе.

Часовщик вполуха слушал разгорающийся скандал. На душе было муторно.

Брак ковылял мимо стола клановых, где вовсю уже разгоралась вечерняя попойка.

По традиции Большого сбора, в первую ночь на чужие стоянки не ходят, хотя бы до тех пор, пока все семьи не соберутся. Нажираются в узком кругу. Уже потом, на следующий день, начнутся брожения. Друзья ищут друзей, враги ищут врагов, кто-то ищет собутыльников, кто-то незамужних девиц. Но в первую ночь нельзя. Хотя некоторых это не останавливает — Джуса за столом не видать.

Сердце у парня колотилось так, что грозило вырваться из груди. Ярость старшего сборщика во всех смыслах выбила калеку из равновесия. Шаргов Джус, надо же было так подставиться. Чегодун не из тех, кто прощает долги. Репутацию себе он создал препоганую, мрачных слухов роилось множество. И что делать — непонятно. Особенно тревожила фраза про то, что Чегодун заберет трак. Или его, Брака.

Нетрудно догадаться, что именно сборщик имел в виду. По обычаям, членом клана можно стать завершив Поиск. Только после этого, получив личную метку на церемонии Возвращения, молодые Гиены получают возможность участвовать в семейных советах, владеть траком и держать рабов. А еще жениться и завести потомство. Не прошедшие Поиск стоят на ступеньку выше рабов, но по сути мало чем от них отличаются. Тоже следят за машинами, таскают воду, готовят, убираются и делают всю неблагодарную работу. Только вместо хозяина — родители. Случаются случаи, когда дети рожденные в Семье остаются сиротами, но таких обязательно берет на поруки кто-то другой.

Брак — другое дело. Он не родился в клане, он — приبلуда. Таких как он, попавших в семью извне, от участи раба отделяет только желание кого-то из взрослых клановых признать приبلуду своим ребенком. Да, после того, как найденыши завершат Поиск, они встанут наравне с остальными членами клана. Но до этого — положение очень шаткое. Стоит Джусу прилюдно отречься от Брака, и положение парня из шаткого станет катастрофическим.

Без кого-то, кого можно называть родителем, калека станет рабом. До истечения недели никто не посмеет заявить на него свои права, ведь на ежегодный сбор Семей постоянно прибывают вольные торговцы, дельцы и просто искатели приключений. Законы клана прямо запрещают причинять вред чужакам, чтобы не портить отношения и репутацию. Но сразу по окончании Большого Сбора — его закабелят обязательно. Рабы не имеют права на Поиск, и Брак до конца своих дней застрянет у Котобоев бесправным механиком в ошейнике. Будет сводить железки, пока не состарится и умрет.

Хуже всего, что такой исход весьма вероятен. Пока жива была мать, парень лишь посмеялся бы над предположением, что от него отрекутся. Но Симы больше нет, сгинула в стычке. Смешно — семья Котобоев оказалось нещадно бита Степными Котами. А без Симы, которая своих детей не имела и любила Брака как родного, стремительно скатывающийся на дно фляги Джус вполне мог поправить свое бедственное положение столь мерзким способом.

Отречься от сына, после чего продать полезного раба за солидную сумму, или намертво привязать его к себе. К тому же, трак до сих пор мог передвигаться самостоятельно только благодаря Браку. А единственное, что все еще могло удержать Джуса от фляги — рычаги грузовика, да и то не всегда. Встань грузовик намертво — и исчезнет то небольшое, что все

еще удерживает отца в мире живых. Поэтому, Брака он не отпустит.

Камешки со стуком ложились один к одному. Раздражительность, странное поведение, пьянство за рулем, нежелание даже заговаривать о Поиске... Теперь к этому добавился неизвестного размера долг перед Чегодуном. Долг, который надо отдать до конца Большого Сбора. Брак не тешил себя надеждой, что Джус успеет собрать необходимую сумму за семь дней. Еще менее вероятно, что в счет долга отец отдаст любимый грузовик. Возможно, Джус уже давно принял решение рассчитаться с долгом сыном, и теперь заливал бухлом остатки совести.

А может, Брак слишком накрутил себя и выдумывает невесть что. У Джуса есть кри и он вовремя рассчитается, либо у него есть какой-то план.

Ведь не может он быть совсем подонком. Никогда не был. А Чегодун просто припугнул чересчур впечатлительного парня...

Мысль была привлекательной. Обволакивала, убаюкивала, отгоняла тревогу. Но между лопаток уже поселился предательский холодок. Слишком много планов было связано с Поиском. Брак и так не до конца готов, а новости все только усложняют. Придется срочно искать выход из этой задницы. Остается надеяться что Джус, по привычке, будет тянуть до последнего, и время еще есть.

У третьего стола было заметно тише. Две трети лавок занимали шумно чавкающие рабы, которым из недр “Мамаши” выкатили десятиведерный бочонок дрянного пива. Теперь он, уже наполовину пустой, таинственно мерцал пузатыми боками. Невольники скалились — во время долгих стоянок забот у них существенно убавлялось. Знай себе, пей дармовое пиво да поплеывай в потолок прицепа. Брака от наглядной перспективы передернуло и он, отводя глаза, торопливо проковылял в конец стола, где собирался молодняк. Пристроился с краю, между предусмотрительно занявшими ему место близнецами.

— Ну что там?

— Тебя уже отчегодунили?

— Угу. Точно, отчегодунили. Во все отверстия. Вон, весь измазался. Я все видел.

— Фу! Ничего ты не видел. Я бы тоже видела.

— Бра-а-ак! Расскажи, что было?

— Чего старшие хотели? Тебе рассказали, кто бадангу сломал?

— Правда, что на “Горбатом Холме” теперь заправляют Гряземесы?

— Видел, как флир в море гребнулся?

— Я бы хотел посмотреть.

— Я то-о-оже.

Брак почувствовал себя в сердце песчаной бури. Когда песок лезет в уши, ноздри и глаза, ни шарга не видно и пытаешься вдохнуть. Левая требовательно и очень метко вогнала под ребра острый кулачок, Правый обтер измазанную кашей руку об штанину калеки.

— Какой флир гребнулся? — Брак достал из сумки флягу и принялся неспешно скручивать крышку. Болтовня близнецов действовала успокаивающе.

— Черных! Он на юго-восток летел.

— На восток! Я по компасу смотрел.

— Откуда у тебя компас, у тебя даже трусов нет.

— Есть. Просто я их в траке забыл. А компас у Холика одолжил.

— А Холик об этом знает? — Брак, справившись наконец с крышкой, отпил воды. Стук

сердца начал стихать, хотя нога по-прежнему болела невыносимо.

— Конечно знает, я же не вор. Точнее, узнает. Скоро. Да и зачем Холику компас?

Левая задумчиво покачала головой:

— У него вообще много штук всяких. И пузырьков.

— Я пузырьки не трогал. Только один раз было. И тогда это был не я.

— А с флиром что? — напившись, Брак принялся за мясо.

— Он гребнулся!

— Летел, летел — и погас. Точно гребнулся.

— Просто фонарь выключил? — предположил калека.

— Зачем?

— Зачем?

— Брак, ты что-то знаешь?

— Мы все равно узнаем.

— Да ничего я не знаю, — не выдержав, Брак рассмеялся. Близнецы обладали удивительной способностью доводить до иступления любое существо, способное к восприятию речи. Угрюмые мысли из головы выметало напрочь. Если не считать Логи, близнецы были ему ближе всех. Будь они постарше, он мог бы назвать их друзьями, — Я предположил. Понятия не имею, зачем флиру гасить фонари. Может, эйр забыли долить. Или светильники сдохли.

— Гребнулся!

— В мясо! И катраны сожрали!

— Давно? — перебил Брак.

— Пока сюда шли.

— Мы всегда следим за флирами по ночам.

— И за Холиком.

— За Холиком только днем. Мы не из этих.

— И у нас ничего не болит.

В этот момент, как по заказу, со стороны гигатраков ударили в небо широкие лучи света. Некоторое время постояв вертикально, три луча синхронно наклонились и принялись обшаривать небо над океаном. Четвертый остался недвижим.

— Во, забегали! — Левая восторженно ткнула пальцем в небо, — Ищут!

— Ага. Не экономят. На “Звере” светильник три зеленухи в час сжигает! — с важным видом добавил Правый.

— А ты откуда знаешь? — Брак отвоевал у жесткого, как подметка, мяса очередной кусок и неспешно его пережевывал.

— Мне Лада из Чернолапых хвасталась. Они его весной поставили. Говорит, Глотателя забили огромного. Его штормом на отмель вышвырнуло и медузы обожрали. А он все равно не помирал. Подъезжать страшно, со “Зверя” бадангой жажнули. А с удочки эйнос выдрали. Красный!

— Брешет твоя Лада, — насмешливо протянула Левая, — Красный светильник они бы на север толкнули. Мы бы точно толкнули.

— Так то мы. Мы маленькие, жалкие и у нас Чегодун. А Чернолапые могут себе позволить, у них Чегодуна нет. Видишь, как ярко шарашит? Брак, ну скажи, ведь правда ярко?

Брак внимательно осмотрел обшаривающие небо над океаном лучи света. Один из них

действительно светил заметно ярче остальных. Парень не был уверен, что это тянуло на красный эйнос, но он в светильниках гигатраков вообще не разбирался. История про Глотателя вполне могла быть правдой. Как и безумный расход эйра.

Подумать только, чтобы дурацкий светильник сжигал за час работы более четырехсот литров жидкого эйра. Но результат потрясающий. Ослепительное копьё света пронзает темноту насквозь, до самого горизонта. Тут никаких баков не хватит, скорее всего действительно палят зелень. А может и синьку, с Чернолапых станется. Среди Гиен только у них есть целых два гигатрака, да и людей в Семье больше. Они даже пытаются пропихнуть на Совете Старших лишний голос для себя, но вроде пока не преуспели.

В клановой кухне Брак разбирался плохо, так что мог ошибаться.

Мысли вновь перескочили на Джуса и Чегодуна. Если близнецы не ввали, а они могли, завтра будет большая охота на гребневых медуз. Упускать возможность Котобои не станут, ведь охота на пузырей приносит огромную прибыль. Вообще Семья занималась всем понемногу, от доставки грузов до грабежей, но основным заработком оставались медузы.

Медузы это хорошо. Медузы это замечательно. Медузы возможность достать то, что нужно для завершения плана Брака. Если не получится с пузырями, или рейд не состоится, станет намного сложнее. Все еще решаемо, но это может оказаться еще одним камнем на чашу весов, которая ведет к пожизненному рабству.

Что тут думать, Браку срочно нужна помощь. Близнецы не подойдут, слишком маленькие. И заинтересовать их нечем. Здесь нужен тот, кого Брак сможет намертво зацепить на крючок. Кто-то, кто будет не меньше него заинтересован в успехе. И выбор, к сожалению, очевиден. Вряд ли калека сможет за ночь отыскать того, кому сможет достаточно доверять.

Близнецы, заворуженно наблюдавшие за беспорядочным танцем света над океаном, отмерли. Правый задумчиво почесал лохматую голову, запустил руку в карман штанов и что-то долго нащупывал, после чего вновь почесал голову. Левая смотрела с любопытством. Наконец, Правый извлек из кармана небольшой круглый компас на цепочке.

— Я пошел, — мальчишка спрыгнул со скамейки.

— Куда? А я?

— Тебе не надо.

— Не я куда. Ты куда?

— К Холику. Компас верну и трусы заберу. — с этими словами Правый бесшумно растворился в темноте.

Левая пожалала плечами и пошла за ним.

Брак усмехнулся, обвел глазами фигуры присутствующих, ища самую крупную.

И решительно похромал в сторону Логи.

— О, Бракованный! Долго шел, — толстяк раздобыл солидных размеров флягу, побулькивающую таинственным содержимым. Судя по блестящим глазам и размашистым жестам — явно не водой. Завидев Брака, он прекратил что-то увлеченно втирать понурому Ивену и переключил свое внимание на калеку. — Всех баб успел ощупать? Или не догнал?

— Только твою сестру. И мамашу заодно. — Брак не стал садиться на лавку, остановившись рядом с Логи. Стянул из миски на столе горсть медузок и захрустел. Оставшись без каши, он чувствовал голод, который одинокая полоска мяса лишь подогрела.

— Тогда понятно, чего так долго. Там пока общупаешь, состариться успеешь. Видел бату? Башка лысая, пузо до пола, а все еще не дощупал. А ведь был красавцем, прям как я.

— Ты тоже лысый, и пузо у тебя до пола. — заметил Брак.

— Но-но! Это у него презренная лысина, а у меня благородный бритый череп. У него расплывшееся брюхо, а у меня подтянутая беговая складка. — продемонстрировал подтянутость своей складки толстяк, — Шаргова плесень, Брак, ты же вроде умный, а разницы не видишь.

— Какая-какая складка? Ты когда в последний раз бегать пытался?

— Каждую ночь, пока все спят. Чтобы не завидовали моему молодому, сильному телу. А складка помогает удерживать равновесие.

— Понятно теперь, почему тебя никто до обеда не видит, — Брак потянулся за новой порцией медузок, — Убегиваешься. И складкой своей всех распугиваешь.

— Нет такого слова — убегиваешься. Ты вечно всякую херню выдумываешь, а сам стоишь с умным видом. Но такого слова точно нет. И зря ты так о сестре. Подожди пару лет, и когда этот пухлый бутончик распустится, сам к ней прибежишь. Прихромаешь, — Логи хохотнул и плотнул из фляги. В воздухе расплылся аромат забродивших в яме с помоями портянок, — Будешь?

— Давай.

Брак крепкое не любил, пример Джуса слишком ярко маячил перед глазами. Предпочтение отдавал пиву, но у рабов его не допросишься. Пахло незнакомо, значит Логи добыл пойло на одной из соседних стоянок. Уж в чем-чем, а в запахе бухла Брак поневоле разбирался. Надышался в траке всяким. Выдохнул, зажмурившись сделал плоток, после чего резко выпустил из груди остатки воздуха. Повезло, все сделал правильно. Огненный комок провалился прямым в желудок, минуя большую часть вкусовых рецепторов. С дрянным самогоном по-другому нельзя, задержится в горле на секунду — и все. Слезы, сопли. Хотя, если глотка луженая, как у Джуса, разницы нет. Тому плевать что и как пить.

— У Безногих сменял. Прозрачная, как мысли Барташа, — Логи уважительно кивнул, принимая флягу назад. — Я им канистру отработки принес.

— Откуда у тебя отработка?

— У Жестянщика позаимствовал. Он в кузове забыл, еще на прошлой неделе.

— Не боишься, что узнает?

— Не-а. Я зачем схода дожидался? Безногим все равно, кто вещи на обмен тащит. А у Жестянщика мозгов не хватит по стоянкам пройтись. Садись уже, чего стоишь? Или ногу новую отрастил?

Брак с сомнением взглянул на Логи. Растреплет ведь. Хотя, выбора все равно нет. Либо

с толстяком, либо в одиночку. Самогон сделал свое дело и парень решился.

— Логи, пойдём к траку. Поговорить надо.

— Чем тут плохо? А! А-а-а, — толстяк сделал карикатурно страшные глаза и понизил голос, — Тайны! Заговоры! Предательство! Давно ты работаешь на Котов? Что они тебе пообещали — прекрасную однурукую воительницу? Эликсир от пьянства? Давай подскажу. Смешиваешь две доли навоза, долю жженого гразга и ложку желчи Чегодуна. Главное, довести его сперва, чтобы ядренее была. Заливаешь все мочой и кипятишь трое суток. Остужаешь и вливаешь спящему Джусу в глотку. Если выживет — пить точно бросит.

Однако, собрался Логи моментально. Слез с лавки, едва не опрокинув вцепившегося в кружку Ивена, сгрёб со стола здоровенную миску с медузками, вызвав недовольный гул. На недовольство толстяк не обратил ни малейшего внимания. Среди собравшихся за столом не было никого старше его, если не считать Брака, а по габаритам он превосходил даже взрослых рабов. Сунул флягу в один из необъятных карманов жилета, выволок Там-Там из под стола и, вскинув кувалду на плечо, потопал за Браком.

— Чего хотел-то? — Логи на ходу хрустел острыми медузками.

— Ты в Поиск идешь?

— Издеваешься? Я до конца жизни на отца пахать не собираюсь. И без баб паршиво. Вдруг встречу свою единственную, а она на меня даже не взглянет. Увидит пустые уши, спросит меня, мол, где твой гигатрак, красавец? А я что отвечу? Что зассал в Поиск сходить, и теперь у меня даже задрипанной тарги не будет? И семьи тоже не будет. Я скорее в океан прямо с утра сброшусь. Если проснусь.

— А на чем поедешь? У тебя скиммер где-то припрятан?

Дойдя до трака, Брак проверил пломбу на двери. Не сорвана, значит Джус еще не вернулся. Присел на широкую ступеньку, вытянул правую ногу и принялся распутывать ремешки.

— Откуда у меня скиммер? Из задницы достану? — Логи прислонил Там-Там к стенке кабины и сел рядом.

— У меня своего только вот, — толстяк указал на кувалду. — На отца надежды нет, разве что кри даст. Или пинка на прощанье. Нам в траке уже тесно становится. И воняет.

— Пешком пойдешь? — Брак снял опостылевший протез и теперь с наслаждением чесал там, куда раньше не дотягивался.

— Не хочу пешком. Где я, и где пешком? Напрошусь к кому-нибудь. У черных кто-то на тарге поедет, подкинут до Ямы. Или на скиммер к кому, нажопником.

— Ты парень, куда тебе нажопником?

— А если девка красивая? Я с такими всегда готов. Особенно, если пощупать есть где. Буду защищать в пути, от банды спасу. Она за это в меня влюбится и отблагодарит. Может даже не раз. Да я и к парню готов вторым номером, лишь бы на колесах. Пешком в Поиск — глупая смерть или сплошное позорище, что равноценно.

— А если не будет свободных скиммеров? Не ты один такой умный, да и жахателя у тебя нет. Толку от тебя, как от застрельщика, никакого. Только жрешь и гравку грузишь.

— Бракованный, вот что ты пристал? Ты за этим меня сюда притащил? Придумаю что-нибудь. По голове кого стукну, скиммер отберу. Или сопру. Впереди еще неделя, всякое произойти может. Это тебе без ноги в Поиске делать нечего, а я болтаться на дне не хочу.

Логи выудил из кармана флягу и задумчиво ей поболтал. Судя по звуку, оставалось не больше половины. Вопросы его задели. Толстяк неоднократно продумывал свое путешествие

и триумфальное возвращение из Поиска, представлял всякое. В основном размытые героические образы, собственную таргу, восхищенных соклановцев, груды жрачки на столах. Но дальше мечтаний дело не доходило. Время отправки близилось, а нормального плана все нет. Перспектива идти пешком маячила все ближе, а тут еще калека докопался.

— С чего ты решил, что мне в Поиске делать нечего? Я тоже не горю желанием остаться без метки.

— А что ты там забыл? Колес нет. Ты калека, даже убежишь толком. Охотиться не можешь, драться не умеешь, кри у тебя точно нет. Уверен, что Папаша Джус об этом позаботился. То есть, купить проезд ты тоже не сумеешь. А даже если чудом найдешь идиота, который тебя возьмет — сгинешь в первой стычке. Или тобой откупятся. У тебя даже ведь тоже жахателя нет.

— С чего ты взял, что у меня нет жахателя? — Брак чувствовал, что Логи почти готов. Еще немного, и можно гарпунить.

— Брак, ты, как бы это помягче сказать, брешешь. Откуда у тебя жахатель? Тебе Джус даже новую куртку не в состоянии купить.

Парень оглядел свою драную куртку. Он всегда сильно мерз. Но из последней куртки, которую дарила еще Сима на четырнадцатилетие, Брак давно вырос. Он, конечно, по мере сил пытался ее расшить, удлинить рукава, но выходило плохо. Без куртки холодно, а в куртке он выглядел пугалом навроде тех, что ставят на полях северяне. И новую не купишь, хотя кри у Брака были. Джус обязательно задастся вопросом, откуда такая роскошь. Ничем хорошим это не закончится. Зато в лоскутной калеке из мира одежды было легко спрятать кучу незаметных карманов, да и позариться на нее мог только вор с полным отсутствием самоуважения. Или слепой.

— Куртки у меня нет. Жахатель есть.

— Откуда? — с жадным любопытством спросил Логи. — Украл?

— Сам свел. Я же у Часовщика работаю, насмотрелся.

Брак развел руками.

— А банки? Я в жизнь не поверю, что ты приличную банку сведешь. Или у тебя так, медуз пугать?

— Банки нашел. Нюхачом по стоянкам старым шарил. Какие восстановил, какие расплавил. Там металл хороший, зря выкидывают. — калека принялся крепить протез.

— Никто их не выкидывает. На рейдах все дочиста собирают, я пробовал искать.

— В рейдах тщательно ищут. А на стоянках просирают, потом забывают. Или на воров думают. Мало ли, куда деться могла. Нюхач их хорошо ищет. Жаль, давленных много.

Глаза у Логи загорелись. У него самого жахатель был только в Там-Таме, да и жахателем это недоразумение назвать было сложно. Ни ствола, ни короба. Просто подпружиненный крепеж под банку, да железяка, в эту самую банку упирающаяся. И даже за это пришлось отсыпать Часовщику горсть зелени.

— Покажешь?

— Ага, — Брак пристегнул ногу и поднялся. Топнул пару раз, на пробу. — Затем и позвал.

Он свел с двери блямбу, кинул в сумку и запалил фонарь. Света от эйра снаружи хватало, но внутри непроглядная темень. Жестом предложил толстяку проследовать в кабину.

— Блевотиной пахнет, — шумно принялся Логи.

— Не блевотиной. Джусом. А уже Джус пахнет блевотой, — Брак подвесил светильник под потолок и полез под переднюю панель, к двигателю.

— А где он сам?

— Свалил на чужие стоянки, до утра вряд-ли вернется. А если придет, то в таком состоянии, что здесь можно арма заживо пилить — не проснется. И с утра ни шарга не вспомнит. — голос калеки звучал глухо и зло.

Логи с интересом осматривался — в кабине джусова трака он был впервые. Подышал на бак, покачал рукоятки. Сунул в карман мелкую детальку. Провел пальцами по криво сведенному левому борту. Наигравшись, уселся на водительское сиденье, взялся руками за рычаги и вперил грозный взгляд в мерцающую ночь.

Брак, неловко пятясь и гремя ногой, вылез из под панели. За собой он тащил длинный сверток из темной ткани. Взд Увидев, что за рычагами кто-то сидит:

— Не похож.

— А так? — Логи растекся по креслу, свесив руку с флягой, и весьма убедительно изобразил процесс опорожнения желудка.

— Так нормально. Хотя кресло маловато, под твою жопу надо два таких.

— Показывай уже.

Брак с натугой опустил солидно стукнувший сверток на панель. Подтянул поближе лампу и аккуратно развернул. Лысый присвистнул.

Жахатель впечатлял. Увесистый, тщательно отшлифованный ствол в два шага длиной, с толстыми стенками из темного металла и кривоватой, но аккуратной деревянной рукояткой.

— Можно? — Логи протянул руку.

— Сейчас, погоди.

Брак достал из свертка другую железку, аккуратно примкнул к оружию. С усилием потянул за рычажок. Тот с щелчком встал на место, закрепив приклад. Парень протянул собранный жахатель толстяку.

— Ухх, солидно, — Логи взвесил оружие в руках. Прикинул к плечу, прищурил левый глаз. Поводил из стороны в сторону. Прицелился в калеку, но тот даже не моргнул. — Приклад железный?

— Ага. Он с прикладом длинный слишком, в тайник не лезет.

— Таким и вломить можно, — перехваченный за ствол жахатель со свистом рассек воздух. — Почти как кувалда.

— Можно и стволом, и прикладом. Не сломается. При ходьбе опираться удобно, вместо костыля. Специально по длине делал. Ты лучше посмотри, что я под банки сделал.

— Не торопи. Как говорил мой отец, первое знакомство мужчины с оружием это как ночь первой любви. Ничто не должно отвлекать.

— Жирный точно так говорил? — с сомнением спросил Брак.

— Не говорил. Это же Жирный. Но звучит красиво.

Логи повертел жахатель в руках. Заглянул в ствол, зачем-то попытался всунуть туда руку, но не преуспел. Отверстие здоровенное, но у толстяка рука еще больше. У Брака наверняка пролезет, он мелкий и тщедушный. Внимательно изучил самую толстую часть, прямо над рукояткой. Там, за отвинчивающейся крышкой, располагался пустующий отсек под банку. Размер отсека впечатлял. Завинтил заглушку обратно, до упора оттянул пружину, щелкнул впустую. Щелчок звучал солидно, басовито.

— А зачем вокруг рычажка дуга?

— Это гашетка. Тяжелый он. Я как-то уронил с уже запровленной банкой, чуть-чуть об камень не сработал. Страшно было. А дуга не даст случайно задеть.

— Не взводи пружину заранее.

— Говорю же, тяжелый он. Если взведу и уроню, тогда что?

— Жахнет.

— Угу. Пусть дуга будет.

Логи прицелился с одной руки и спросил:

— А гравик впихнуть можно?

— Куда? Это же не скраппер.

— А сверху что?

— Потом расскажу. Не знаю, сработает ли. Сам понимаешь, мне особо негде жахать было. И банок мало, а запровлять их каждый раз намучаешься.

— Шаргова плесень, Брак, это охрененная штука. Если бы ты на меня такую наставил, я бы точно обгадился. Далеко лупит?

— Да говорю же тебе, я не проверял толком. Перед Джусом светить жахатель нельзя. Отберет. Еще изобьет за то, что скрывал. Он и так уже все, что можно, спустил на бухло.

Логи, напоследок еще раз устроив жахателем воображаемых врагов, с сожалением положил оружие обратно на ткань. Выпускать из рук такую шикарную игрушку не хотелось.

— Брак, ты меня заинтересовал. Жахатель это здорово, это зверски и вообще невероятно. Особенно то, что ты сам его собрал. Долго, кстати?

— Полгода сводил. Сам понимаешь, заодно учился.

— Так вот, — толстяк понаблюдал за калекой, сноровисто разбирающим оружие, — Скажи мне, Брак, зачем ты мне его показал? Не поверю, что ты меня привел сюда среди ночи, чтобы похвастаться. Если что, у тебя получилось. Я завидую лютой завистью. Но что ты от меня хочешь? Продать его?

Логи кивнул на сверток и покачал головой.

— Я не куплю. У меня столько кри нет, и перед Поиском надо затариться.

— А если я тоже собираюсь в Поиск? И нужен надежный напарник?

— Не смей. Тебе нечего делать в Поиске. Даже с этой штукой ты далеко не уйдешь. Весит она как моя мамаша, а жахает только раз. Если попытаешься к кому-нибудь пассажиром пристроиться, то за хороший жахатель тебя свои же ограбят и бросят посреди степи.

— А кто сказал, что я собираюсь проситься пассажиром? — не удержался от улыбки Брак.

— Как еще? Ты сказал, что тебе нужен напарник. Мне на закорках тебя тащить?

— А кто сказал, что мы пойдем, а не поедем? — улыбка калеки стала шире.

— На чем? Ты собираешься купить скиммер? Богатая бабушка из Доминиона оставила тебе наследство? Или ты собираешься его украсть? Еще глупее. После такого в клан не вернуться, протащат на цепи.

— А кто сказал, что у меня нет скиммера?

Логи, уже было собравшийся выдать очередную колкость, лупанул глазами, хапнул ртом воздух и заткнулся.

Остаток ночи для Брака прошел муторно.

Они с толстяком еще несколько часов обсуждали детали предстоящего плана. Загоревшийся идеей Логи не отстал, пока не выпытал почти все подробности. Пришлось рассказать почти все. Они вместе добились флягу, сожрали медузок, а под конец калека торжественно передал тяжелый сверток пошатывающемуся напарнику. Тот клятвенно пообещал сделать все, как задумывали, после чего вывалился в ночь, сгреб в охапку Там-Там и был таков.

А Брак долго ворочался, снедаемый сомнениями. Он только что раскрыл толстяку почти все детали тщательно вынашиваемого плана, доверил самое сокровенное. Если Логи проговорится, а он мог, все полетит к шаргу. И с этим уже ничего нельзя было поделаться. А что, если Брак ошибся? А что, если толстяк кинет его? Что, если отец узнает? Стоило ли так делать? Мысли ворочались медленно, долго перетекали одна в другую в бесконечном беге по кругу, прежде чем калека смог заснуть.

Сам Джус пришел только под утро, на удивление бодрый. Зайдя в кабину, долго и задумчиво сверлил спящего сына взглядом. Прогремел чем-то в углу, приглушенно выругался. Сходил в кузов, уронив по пути канистру. После этого, утомившись, завалился на лежак и захрапел.

Проснувшись, Брак наскоро умылся и напился. Воду надо было срочно менять, да и осталось ее не так много. Кое-как пригладил волосы. Слегка пополнил зловонный бачок с кормом для двигателя. Натянул мешковатые серые штаны, бывшие когда-то давно черными. Закрепил ногу. После вчерашних злоключений на культе красовался здоровенный синяк, но в целом было терпимо. Нашел самую свежую майку, накинул на плечи куртку. Распихал по карманам мелочевку. Тихо, чтобы не разбудить Джуса, извлек из тайника под панелью сумку.

Утро встретило прохладой. Высыпавшая за ночь роса причудливым образом исказила вид плато, добавила матово-черному камню глубины и прозрачности. В лучах восходящего солнца, Стеглянная Плешь наконец оправдывала свое название, двоила и троила в отражениях, рассыпала бесчисленные блики. Ветер дул со стороны океана несильно, но постоянно, принося с собой едва уловимый запах эйра.

Неспешно обходя по кругу трак в поисках залетных гразгов, Брак внимательно оглядывал форт. За ночь почти ничего не изменилось, разве что в центре добавились два припозднившихся гигатрака, да кольцо машин вокруг Схода, наконец, замкнулось. Не так плотно, как на обычных стоянках, между машинами виднеются широкие просветы. Зато куда как более внушительно. Да и кто рискнет сунуться к Гиенам здесь, на их земле?

Шутка ли, все восемь семей в сборе. Одних траков больше сотни, девять гигатраков, шарг и скиммеров вообще не сосчитать. Внутри форта столько места, что можно разместить маленький городок. Да это и есть городок, людей в клане около двух тысяч, и почти все они сейчас здесь. Если взглянуть на форт с высоты полета флира, он напоминает круглый ягодный пирог, какие пекут по праздникам на северных землях. Снаружи, подобно бортикам сдобного теста, замыкается кольцо машин. Внутри гладкая блестящая поверхность черничного варенья, а в самом центре возвышается пирамидка ягод. Роль ягод исполняют

гигатраки. И все это великолепие неровно поделено на восемь кусков, каждый из которых занимает одна из семей. Одни куски побольше, как у Чернолапых, другие поменьше. У Котобоев был поменьше.

Сейчас весь этот огромный форт медленно оживает, начинает суетиться. Как если бы настоящий пирог кинули в степной муравейник. Высыпают из своих норок рассерженные мураши-воины, стремясь покарать обидчика. Как посмел он нарушить покой семьи? Догнать! Окружить! Вонзить крючковатые жвалы, пронзить острым жалом на брюшке, впрыскивая яд! Нарушитель будет повержен! Но вскоре ярость муравьиного царства исчезает бесследно, растворяется при виде огромного лакомого куса сдобы. И вот уже воины неторопливо, с ленцой, разбредаются, а из бесчисленных норок рекой льются маленькие работяги. Карабкаются на исполинские бортики, вязнут в варенье, барахтаются, суетятся, но упорно продолжают по крупинке разбирать лакомство. Пройдет не так много времени, и от пирога мало что останется. Последние кусочки, настолько черствые, что не поддаются жвалам, растащат по норкам совместными усилиями. Где-то расширят, где-то пробьют новые проходы, но заберут все. Последними, как положено, уйдут воины. Пятясь, протиснутся в норки, заткнут бесчисленные выходы собственными бронированными головами. И все. Ни муравейника, ни пирога. Лишь едва заметно посверкивают у самой земли крохотные бусинки внимательных черных глазок.

У костра Котобоев начиналась утренняя суета, поднимался чадающий дымок от горящего кустарника. Самые ушлые искатели уже разбудили скиммеры и теперь цепляли к ним двухколесные прицепа. Кустарника на Плещи много, но Большой Сбор длится целую неделю, надо успеть собрать поблизости самый легкодоступный, опередив конкурентов. Семья на стоянке напоминает саранчу, стремительно выжирает все, что имело неосторожность вырасти неподалеку. Деревья, кустарники, зачастую даже трава — все пойдет в ход. Что-то закончит свой путь на костре, что-то в бездонных трюмах, для дальнейшей обработки или продажи. А здесь семей целых восемь! Под конец недели, Плещь превратится в Лысину и целый год будет неспешно восстанавливать утраченное.

Закончив утренний осмотр, Брак, позевывая, направился к костру. Между машинами уже успели натянуть бельевые веревки, из “Мамаши” приволокли здоровенный двадцативедерный бак для стирки, водрузили на помост опреснитель. Скоро семейный водовоз в сопровождении тарг привезет из бухты цистерну соленой воды, к опреснителю подведут эйр, после чего начнется большая стирка. Калеке, скорее всего, придется стирать самостоятельно, если не удастся удачно подкинуть свои вещи к кому-нибудь еще. Обычно тряпьем занимались рабы, но у Джуса роль раба давно исполнял сын.

Стоянка стремительно преображалась, расцветала привычным домашним уютом. У костра появились несколько складных кресел, в которых грели на солнце пузо утомившиеся за ночь взрослые. Суетящаяся у костра Отбивка руководила стайкой мелюзги, шумно натягивающих над костром огромный тент. На ветру полотнище надувалось как парус, трепыхалось и норвило сорваться. Отбивка материлась, толстые руки мельницами вертелись в воздухе, пытаясь установить хоть какое-то подобие порядка. Молодняк радовался и норвил сбежать.

Брак кивнул Левой, с самым серьезным видом держащей конец ни к чему не закрепленной веревки. Поискал глазами Правого, обнаружив его за спиной Отбивки, выпятившего пузо и старательно копирующего позу и жесты поварихи. Та ничего не замечала, но раздающиеся вокруг беззлобные смешки постепенно приводили женщину в

исступление. К счастью для окружающих, тент наконец-то смогли закрепить одним концом на толстую штангу конденсатора, и дело пошло быстрее. Заскучавший Правый бросил свое занятие, подхватил у Левого свободный конец веревки и близнецы начали увлеченно шушукаться.

За столом Старших, к счастью, пока никого не было. Брак поискал свою миску, нашел. Немного погнулась и вся в остатках присохшей каши, но это поправимо. Починить железо он всегда сможет. Посуды у них с Джусом оставалось не так много, чтобы вот так запросто ей разбрасываться.

К третьему столу сразу не пошел. Налил в кружку кипятка из котла, утянул толстую лепешку. Предложил свою помощь Отбивке, но та лишь зыркнула из под лохматых бровей и процедила, что они прекрасно справятся и без ущербных.

Брак лишь пожал плечами. Он и не рассчитывал, что его помощь понадобится. Не спросить стоило, иначе кухарка начала бы бурчать о всяких жрущих задарма бесполезных приבלудах. Проверено неоднократно. Угодить Отбивке можно было лишь одним способом, не показываясь ей на глаза вообще. Обычно парень так и делал, ждал, пока повариха отлучится, или на подмену встанет кто-то другой. Но сегодня слишком многое зависит от его присутствия у костра. Придется потерпеть.

Остановившись у второго стола, полез в сумку за кубиком вурша. Пока копался, прислушался.

Обсуждали вчерашнюю попойку, свежие сплетни. Поправляли здоровье из высоких кружек.

Чегдаш где-то посеял полностью заправленную банку для пилы.

Приехавшие под утро Воющие умудрились в Глотке потерять таргу, водила сдуру сунулся между скалой и гигатраком, хотел проскочить. “Жабовоз” даже не заметил, а таргу зажевало и намотало на задние колеса. Выжил ли водила? А шарг его знает, даже если выжил — могли за дурость прибить. А если бы эйр рванул?

С утра уже приехал кто-то из вольных торговцев. Разбили стоянку возле горбатого.

У Чернолапых ночью кто-то сбежал. Угнал флир и в океан ушел. Дурак, конечно, куда ему лететь? Вроде как погоню хотели отправить, но что-то там не заладилось. Кто сбежал? Дурак какой-то. Найдут же.

Хольдеру набили морду. Ночью пришли с чужой стоянки, человек пять. Долго что-то орали про какую-то бабу и уважение, потом били, потом опять орали, но уже про мужика. Хольдер потом с ними ушел, тоже кого-то бить.

В дне пути от Плеши, Волноломы столкнулись с Песчаными Котами. Удачно вышло, отогнали, непонятно только, что те делали так близко к Плеши. В Вольных Землях даже последний гразг знает, что Плесь это территория Гиен. Пленных взяли целый кузов. Правда, бадангу потеряли. Хорошую, не кривую самоделку.

Отдельные разговоры сливались в общий гомон. Греющий уши Брак, найдя в сумке искомое, похромал дальше, обкатывая в голове свежие новости. Вот и разрешилась загадка пропавшей баданги. Надо рассказать близнецам, они оценят. Но надо же, Коты у Плеши! Подобного давненько не было. Коты и Гиены враждовали друг с другом, казалось, с момента основания. Как настоящие кошки с собаками. Едва разрозненные степные банды сбились в кучки, придумали звучные названия и разбились по семьям, как тут же начали увлеченно грызться друг с другом.

Это ведь только на первый взгляд кажется, что вольные земли большие, а места хватит

на всех. Ничего подобного. Клань живут эйром, он течет в жилах машин, дарит свет, тепло, движение. Лишь семью эйра, и осядут на землю неподъемные туши гигатраков, уснут многочисленные тарги, застынут бесполезным хламом скиммеры. Быстрая и подвижная семья, неуловимая, ловкая и юркая как песчаные змейки, застынет на месте выброшенным на сушу китом. Приходи и бери голыми руками. Вспоминается давешний Глотатель. Повелитель морской стихии, от которого в ужасе разбегаются даже катраны — пожран медузами заживо, выпотрошен и пущен на фонарик.

Пополнять эйр можно только у воды. Причем абы какая лужа не подойдет, хочешь увидеть знакомое голубоватое мерцание — ищи реку. Или озеро. Или берег океана. Это одиночки могут за пару дней на берегу пруда собрать себе на обогрев и дорогу. Семьи прожорливы. В сложных переходах движки и гравки поглощают эйр как дорвавшийся до медузы драк. Хочешь отправиться в рейд вглубь материка? Будь добр, запасись как следует, залей баки под завязку. Зеленъ жечь не каждая машина сможет, да и воды там надо много. Говорят, островитяне наловчились делать так, чтобы воду по кругу гонять, без потерь, но для клановых механиков это слишком сложно. Наскоро свести, прокинуть дорожку к баку через компрессор, и поехали. Быстро, надежно, дешево.

Потому рейды в пустыню так редки. Воздух сухой, воды нет, эйром не пахнет. Если встрянешь, останется только сливать все, что осталось, грузиться и уходить на скиммерах. Страшно представить, сколько в Жарке сгинуло техники. И ведь не вытащишь, движки дохлые, гравки плесень выела. Даже если подвезешь и заправишь — толку? Мертвое дерево поливом не оживишь, сколько не лей. Стоят, ржавеют, гразги жируют. Эти везде выживают, погань такая.

Вот и бодаются клань между собой за доступ к воде. Коты заправятся — Уже Гиены ждут. Гиены напилась — Стервятники на очереди. Удобных бухт на побережье не так уж и много, к рекам тоже не везде сунуться можно. На юге пустыня. На западе либо лес, либо горы, тоже делать нечего. На севере давно все поделено между Доминионом и Республикой, у них там союзы, территории, дипломатия разная. Клань предпочитали самую наглядную дипломатию: у кого скраппа больше — тот и прав. Работало на удивление хорошо. Либо ты злой и хитрожопый, либо стремительно пролетишь по всем ступенькам на дно. Начиная со ступеньки “А чо вы тут встали?” и заканчивая “Вон та баба моя, и ты, бородатый, тоже ничего так!”

При таком образе жизни, стычки между кланьми нередкость. Но в открытую кровавую вражду они вырастают нечасто. Нужно что-то посущественнее обычного бряцания оружием и пары случайных трупов. Но Котам и Гиенам удалось за несколько поколений взрастить настоящую ненависть друг к другу, вражда между ними нередко выливалась в кровавые побоища с кучей трупов и сгоревших машин.

За третьим столом почти никого не было. Брак присел с краю, пытаюсь вычленишь в гомоне еще что-нибудь полезное. Увы, отсюда далековато, доносятся лишь отдельные фразы. А подходить ближе нельзя, правила у семьи на этот счет строгие. Пока не позвали — не лезь, да и разговоры нечего слушать. Шарг знает, что там у тебя в башке и кому ты это расскажешь. Вот вернешься из Поиска, докажешь верность клану — милости просим. А до тех пор — сиди за третьим столом, толкаясь жопами с рабами.

Парень кинул в кружку твердый темный кубик. Вурщ, поболтавшись на поверхности кипятка, разбух и ухнул на дно с отчетливым бульком. Потянуло пряным, гнилостно-соленым паром.

Еще этот флир угнанный. Понятно теперь, зачем всю ночь эйр жгли в темноту, а погоню не отправили. Мало того, что умелых летунов не хватает, особенно способных в ночь лететь. Так их еще поди найди, перепились по кустам. В первую ночь Большого Сбора всегда так. Далеко на флире не улетишь, даже над океаном, летун выдохнется. Вот и лупили светом наугад, непонятно на что надеясь.

Брак, сделав длинный плоток из кружки, покачал головой. Угнать из семьи флир — это сильно. Это надо быть либо совсем отбитым на голову, либо иметь очень-очень хороший план. Кража машин наказывалась жестко, всегда и только смертью. Даже на другом конце света никто не даст гарантию, что уважаемый торговец или незнакомый бродяга на улице не передадут дерзкому вору послание. Из Поиска возвращались не все, но корни свои помнили. В то, что флир мог угнать кто-то залетный, не верилось.

По мере того, как солнце поднималось, а вурш заканчивался, Брак все больше нервничал. Он уже дважды подогревал дно кружки, чтобы остывший напиток не превратился в бесформенное желе. Если близнецы не соврали, охота должна была вот-вот начаться. Но у костра тишина. Даже тент совместными усилиями уже натянули, жратву раздали, а у стола старших по-прежнему пусто.

У выхода из Глотки суета. Там с утра на скорую руку поставили стену, сдвинув несколько тарг и перегородив спуск в ущелье железными прутами. Теперь дерут с приезжих на торг пошлину и проверяют уши. Две снятые с гигатраков дозорные башни позволяют наблюдателям видеть сверху весь подъем, никто не проскочит. Идею с пошлинами Гиены нагло сперли у северян, те драли с клановых три шкуры за возможность расторговаться на рынках и ярмарках крупных городов. Пусть теперь городские торгаши сами вкушают плоды своей жадности. Ругань стоит до небес, даже отсюда слышно.

Чтобы успокоиться, парень занялся починкой миски. Очистил от остатков каши, обтер тряпочкой. Долго и старательно дышал полной грудью, пока голова не начала кружиться. Взаясь за металл руками, напрягся. Дождавшись, пока миска не покраснеет от жара, медленно и аккуратно принялся выправлять вмятину пальцами. Процесс неторопливый, металл миски хоть и тонкий, в полпальца, но поддается тяжело. Соседи по столу внимания не обращали, ели и негромко общались. Лишь один из рабов, покосившись на калеку, продышался, и принялся сводить из куска ракушки какую-то игрушку. Так многие делают, клепают всякую ерунду, после чего впаривают под видом настоящих клановых оберегов и амулетов. Благо, торг под боком.

Брак почти закончил с миской, когда долгое ожидание закончилось. Со стороны "Мамаши" к костру вышел потасканный Гарпунщик, таща за собой здоровенный обломок прута и кусок обшивки тарги. Судя по его лицу, в яростной ночной схватке с алкогольными парами последние одержали убедительную победу. Дотащившись до костра, старший загонщик шумно прислонил железный лист к основанию решетки. Поплевал на руки, взялся за прут и, заранее болезненно скривившись, шархнул со всей дури железкой об железку.

БО-О-О-М!

Дури в Гарпунщике, даже в таком плачевном состоянии, много. Бряцнул многочисленными висюльками жилета, воинственно встопорщил бороду и шархнул еще раз.

БО-О-О-О-М!

— ...аргову мать, Гарпунщик!

Рыжий недовольно посмотрел на крикуна за вторым столом, ковырнул в ухе и снова шарахнул. Но уже без огонька.

БО-ОМ!

— В третий раз вяленько, но в целом ничего так.

— Мне твоя жена то же самое вчера сказала.

За столами заржали над дежурной шуткой. Убедившись, что привлек всеобщее внимание, загонщик выпустил тяжеленную железяку из рук и зычно заорал:

— Рейд на пузыри! Северная Подмышка! Через полчаса у Глотки! Загонщики и сборщики нужны все, кто на ногах стоять может. Остальные к Чегодуна.

Он закашлялся и смачно сплюнул в костер. Принял из рук Отбивки кружку, жадно отпил. Шлепнул жену по заднице свободной рукой, увернулся от подзатыльника и громко добавил:

— Гряземесы тоже в деле. Стая большая, на всех хватит. Срач с ними не разводите, после сочтемся. И помните, они Гряземесы. И никак иначе.

За вторым столом оживленно загудели. Часть Нашедших соскочила с лавок и рванули к стене форта. Будить движки.

— Гарп, где вписываться? Что по долям?

— Чегодуна ловите, он где-то тут бродит. Я жрать пошел.

У Брака отлегло. Охота все-таки состоится. Паршиво только, что идут две семьи. Чем больше охотников, тем меньше шансов осуществить задуманное. Оставалась надежда, что после бессонной ночи пойдут немногие. Да и слова Гарпунщика о том, что участие обязательно для всех сборщиков и загонщиков... Это могло означать лишь то, что собрать всех он и не надеется. Никто не будет выводить из форта столько людей ради одной охоты. Теперь остается только ждать и надеяться, что Логи не подведет.

Толстяк не подвел, сделал все идеально.

Вокруг выпрыгнувшего откуда-то Чегодуна уже собрались. Отвратительно бодрый, хотя и взерошенный, старший сборщик ухитрялся одновременно жевать, говорить, делать какие-то пометки планшете и время от времени прикладываться к объемистому жбану с пивом.

Логи заявился к костру громко. Поинтересовался, из-за чего шухер. Не дожидаясь завтракавшей с мужем Отбивки, навалил себе здоровенную миску каши. Окунул палец, почмокал, громко удивившись, что на вкус не такое дерьмо, как обычно. Ощущая на себе скрестившиеся взгляды, гордо выпятил из жилетки пузо и вразвалочку пошел к третьему столу. Криво повязанный на самодельной перевязи жахатель нещадно стучал оное пузо при каждом шаге, но толстяк не обращал внимания. За спиной болтался хорошо знакомый Браку тканевый сверток, из которого зыркало глазом оголовье Там-Тама. Подойдя к столу, невероятно гордый собой владелец жахателя плюхнул на стол кашу и начал шумно жрать. Оружие он положил на стол, а на калеку старательно не обращал внимания.

На лавке неподалеку из ниоткуда материализовались близнецы.

— С добрым утром, Логи. — заискивающе улыбнулся Ивен.

— Ум-гум.

— Толстый, откуда такая дура? — Близнецам заходы издалека претили — Ты кого ночью грабанул?

— Кого надо грабанул, — отрезал толстяк. Выгреб остатки каши и деликатно вытер ложку об штанину Ивена. — Где взял, там больше нет.

— Это ты в Поиск?

— Жахал уже?

Кивнув на оба вопроса, Логи изучающе глянул в сторону стола старших, где окружившая Чегодуна толпа начала потихоньку рассасываться.

— Не сломанный? Ты Браку покажи, он починит.

— Как назвал? Лупит сильно? Медузу свалит?

— Вот сейчас и проверим. Гарпунщик тут что-то про медуз орал.

— Орал. С Гряземесами в Подмышку пойдут. Ты тоже хочешь? — улевой загорелись глаза.

— Хочу. Мне перед Поиском отказать не посмеют. Какой я к шаргу клановый, если даже сраных медуз не бил. И Дум-Дум испытать надо.

— А что за клякса на прикладе?

— На глаз похожа. Нет, погоди... на жопу с ресничками, — Правый попытался втихомолку сцапать оружие, но получил по рукам и обиженно надулся.

— Так надо. Сам ты малолетняя жопа с ресничками. А на приклад я буду отметины ставить. За каждого врага.

— Ты к прикладу топор приделай. Сначала жажнешь, а потом топором. И кровящей черточки рисовать удобно.

— Неудобно, он железный. Ша, малолетки. Пойду в рейд проситься. — Толстяк грузно поднялся из-за стола, сграбастал жахатель и потопал к Чегодуну. Но внимательные близнецы успели заметить задумчивый взгляд, которым Логи одарил приклад.

— Привет, Чегодун. Как спалось?

— Отлично спалось, Жирный. Чего приперся?

Вокруг старшего сборщика почти никого не осталось. Сам он, прихлебывая пиво, задумчиво водил кончиком железного прутка по пластине планшета. На Логи взглянул колюче, но с интересом. Задержал взгляд на жахателе, после чего вновь уткнулся в планшет.

— Я не Жирный. Это отец Жирный, я просто большой.

— Да мне плевать. Ты жирный, значит буду называть тебя Жирным. Или ты против?

— Да называй как хочешь, хоть принцессой. Я в рейд хочу. На пузыри.

— А я хочу свой гравицеп и трех канторских красоток. Рано тебе в рейд. Из Поиска вернешься, будет тебе рейд.

— Я же не с пустыми руками, балластом. Во! — Логи сунул жахатель Чегодуну под нос. Тот брезгливо отвел железку от лица. — Мне еще искать, с кем ехать. Если медузу пришибу, легче будет. Будут знать, что вот этот парень не какая-то шаргова плесень, а в охотничий рейд ходил.

— Не пойдет. И вообще, где ты жахатель достал? Только не говори, что отец подарил.

— Сменял на торге у свободных. Я давно хотел, кри копил. Повезло.

— Прямо с утра сменял? Я тебя раньше обеда никогда не видел.

— С утра. Поиск же через неделю. Хотел урвать подешевле, если будет что стоящее. Вот, урвал.

— Дай гляну. — Протянул руку Гарпунщик, с интересом прислушивающийся к разговору. В его лапищах оружие казалось игрушкой.

Изучал со знанием дела. Прикинул к плечу, пощелкал. Зачем-то простучал ствол. Логи смотрел выжидающе.

— Делал новичок, но старательно. И талантливо. Баланс паршивый, банку менять замучаешься. Рычаг спусковой туговат, скоба дурацкая. Приклад слишком длинный. Зато дури много, ствол отличный. Тут еще вокруг банки усиление, если с металлом не накосячили — выдержит повышенное давление.

Гарпунщик кинул жахатель обратно толстяку. Тот поймал.

— Хорошая игрушка. Надежная. Почем брал?

— Три синих с мелочью.

— И даже не нагрели. Повезло.

— В рейд все равно не пушу. — вклинился в разговор Чегодун. — Там стволов и без тебя хватает.

— Чегодун, ты сдурел? Пусти мальчика по малой доле. Не видишь, его аж распирает. Я со своим первым стволом разве что в постель не ложился, песни ему на ночь пел.

— Не завидую ему. От твоего пения катраны на берег выпрыгивают. По малой доле, говоришь? — Чегодун задумчиво потыкал прутком в планшет. — Отец знает?

— Спит он. Как с вечера завалился, не просыпается. Трак от пердежа ходуном ходит.

— Динь-динь-ди-инь... — Чегодун на удивление мелодично изобразил колокольчик. Видно было, что для себя он все уже решил и просто говнит. — Если отец будет требовать увеличить долю, не дам.

— Да он и не узнает. Мало-ли, куда я ходил.

К столу, неся миски с едой, подошли Часовщик с Холиком. Механик остро взглянул на жахатель в руках толстяка, глаза на секунду округлились в изумлении. Но промолчал, тихо сел и начал неторопливо натирать лепешку сушеной колючкой.

— Ладно, я согласен. Иди, постреляй пузырярей. Тебе малую долю, или трофей? — Чегодун занес пруток над планшетом.

Логи облегченно выдохнул. Самое сложное, убедить Чегодуна, позади. Спасибо Гарпунщику. Отбивка, правда, смотрит исподлобья, не забыла поруганной каши. К счастью, за этим столом у нее власти нет, она просто ест вместе с мужем. Но в будущем обязательно припомнит, либо в миску плюнет, либо еще как нагадит. Она тупая, но злопамятная.

Выбор между трофеем и долей не стоял. Нет, толстяк с удовольствием захапал бы малую долю и радовался жизни, но Брак настаивал на обратном. Разница значительная. В рейде за долю, ты гарантированно получаешь часть добычи. Там сложные расчеты, делится на всю семью, но свой кусок всегда урвешь. А вот соглашаясь участвовать за трофей, от доли отказываешься. То есть, можно впустую потратить время и припасы. Зато, если добудешь трофей сам, да еще и в одиночку — будет полностью твоим. Или наполовину. Свои особенности там есть, но смысл именно такой.

В их с Браком ситуации, трофей был нужнее. Не получится добыть медузу — не страшно, малая доля с рейда им двоим не сильно поможет. А вот если удастся сбить хотя бы одну, да еще и самостоятельно — разом решат половину проблем с подготовкой.

— Трофей хочу.

— Уверен? Ты с этой штуки стрелял хоть раз?

— Найду кого-нибудь, кто стрелял, поможет. Так ведь можно? А то у меня банок мало.

— Можно, хоть весь лагерь с собой бери. Если согласятся, — обрадованный перспективой за бесплатно получить в рейде лишний ствол, Чегодун пришел в благодушное настроение. Чиркнул в планшете раскаленной палочкой. — Только колеса и плащ сам ищи. И поторопись, ждать не будем.

— Я уже. — Логи договаривал через плечо, уже разворачиваясь.

Старшие проводили взглядом обрадованного толстяка. Тот, вприпрыжку добежав до третьего стола, уже яростно жестикулировал и что-то орал, указывая пальцем в сторону Глотки.

— Ну а почему нет? — Чегодун захлопнул планшет и убрал штырек за пояс. — Охота парню впустую горбатиться, пускай горбатится.

— Хоть постреляет. С одним жахателем на трофей с медуз идти — только банки переводить. Но первое оружие, это как первая женщина, изучить ее перед первой ночью нужно как можно тщательнее.

— Ага, вдруг там член.

— Иди ты к шаргу, Час. Все опошил. Сам то что думаешь? Жирдяй возьмет трофей?

Старый механик задумчиво потеревил аккуратную бородку.

— Посмотрим.

Вспомнил знакомый жахатель в руках лысого толстяка, усмехнулся в усы и повторил.

— Посмотрим.

Радостную рожу приближающегося лысого Брак встретил с небывалым облегчением. Все время, пока длился разговор со старшими, он сидел как на иголках, мял в руках злосчастную миску. Да и почти все за третьим столом, за исключением старших рабов, смотрели во все глаза. Молодняк так уж точно. Шутка ли, хамоватый толстяк разжился где-

то настоящим стволом и пошел проситься в рейд.

Обитателей третьего стола не то, чтобы не брали в рейды. Брали. Но как довесок, рабочие руки. Доверять рабам или детям что-либо важное не рисковали. Потаскать чего, собрать, напилить. Последить за машинами, всякое такое. Долю за рейд они не получали, шло в зачет либо хозяину, в случае рабов, либо родителям. Если тот же Жирный пойдет в рейд за долю, притащив с собой все семейство, все равно получит лишь обычную долю, на всех.

А вот Логи всех удивил. Явно ходил проситься в рейд самостоятельно. Такое вообще-то не запрещено, но никто так не делает. Если бы на охоте присутствовал его отец, не сработало бы точно, участие сына пошло бы в счет Жирному. Но толстяк все верно рассчитал, идеально выбрал момент, когда отца нет, а свободных охотников в лагере мало. Теперь лучится самодовольством.

— Э-гей, неудачники! Угадайте, кто будет сегодня пузырей гонять? — лысый бухнул на стол жахатель и триумфально оглядел присутствующих.

— Ты?

— Ага. Пора эту малютку испытать в деле. Шаргова плесень, да я и сам засиделся. Прямо чую, как мышцы силой наливаются.

— Это тебя от жира распирает.

— Ссать так сильно хочешь? — Близнецы выпалили одновременно и уставились друг на друга. Правый снова незаметно потянулся рукой к перевязи лежащего на столе оружия.

— За долю вписался? — завистливо протянул Ивен.

— Бери выше, за трофей. Собью медузу, вся моя будет. Проставлюсь вечером.

— Ты ее сбей сперва. Это не молотком махать, уметь надо.

— Там Гряземесы будут. Всю стаю накроют. Тебе медузы точно не достанется. — Правый, сцапав вожделенный жахатель, глубокомысленно посмотрел вглубь ствола. Колупнул грязным ногтем приклад.

— Достанется, это же я. Хотя, верно. Ща.

Логи набрал полную грудь воздуха и заорал, обращаясь с высоты своего роста к сидящим:

— Котобои! Кто из вас, недомерков, умеет с жахателем обращаться?

— Я могу!

— Я банки менять умею.

— Я видел как брат жахает. Справлюсь.

— Я и сам видел, и жахал тоже. У меня в Там-Таме такой стоит. Банки менять много ума не надо, тут даже Ивен справится.

Поднявшийся со своего места Чартух, длинный и весь какой-то нескладный, поднял руку и заявил, тщетно пытаясь перекричать многоголосый гомон:

— Логи, я могу. Я у отца в мастерской работал. Чинить умею, жахать тоже, даже новый сводить пытался.

— Заткнулись все! — Толстяк отобрал у близнеца оружие и поверх голов указал толстым стволом на Чартуха. — Вот ты. Пойдешь со мной на медуз?

— Пойду. Сколько дашь?

— То есть, сколько дашь? Ты охренел, пугало? Я тебе даю шанс в настоящем рейде побывать, настоящего пузыря добыть, настоящим мужиком стать. Не говно за люторогами собирать или вонищей в кузове дышать, а реально поохотиться. А ты еще что-то с меня

поймешь пытаешься?

— Ты чего завелся? Я просто...

— Ты просто жадная шаргова отрыжка, и отца своего позоришь. Вот и сиди у себя в трюме еще год, полируя стволы, или чем ты там занимаешься. Другой бы сам приплатил, лишь бы со мной рвануть.

— Ладно тебе пыхтеть, сгруппил я. Извини. За так поеду. — Чартух извиняюще развел руками. В рейд ему хотелось. До возраста Поиска ему оставался еще целый год, а отец не оставлял попыток вырастить из парня механика, заставляя сутками напролет ковыряться с железками в мастерской.

— Да к шаргу ты мне не сдался, нытик. Хочешь со мной — сам плати. Синьку хочу.

Запрошенная толстяком сумма явно была нагло завышена. За синий кристалл эйра сменить можно было очень многое. На лице Чартуха отразились мучительные сомнения. Жадность боролась с азартом, и, в конце концов, одолела. Оставалось только достойно уйти.

— Не буду платить. Это всего лишь пузыри, а просишь как за драков. Смотри, скажу отцу, что ты кри вымогаешь.

— Да ты не перестаешь сегодня удивлять, пугало. Собрал полный комплект. Нытик, жадина, а теперь еще и стукач. Это на тебя так близость Поиска влияет? Все говно наружу лезет? Правильно лезет, таких в степи ждет только боль и унижение. А когда ты глупо и бездарно сдохнешь, на твою могилу будут ссать хомяки.

Не обращая больше внимания на красного от злости Чартуха, силящегося найти достойный ответ, но при этом не спровоцировать немедленный и безнадежный мордобой, толстяк вновь оглядел собравшихся:

— Еще желающие есть? Давайте быстрее уже, времени мало.

— Я готов, Логи, — поднял руку Брак. — Жахатели знаю, стрелять умею, чинить тоже.

— О, Бракованный! А чего сразу не сказал? Времени в обрез.

— Ну мало ли. Ты сегодня злой какой-то. Да и нога у меня, сам знаешь.

— Ясно. Тоже ссыкло, — припечатал лысый. — Зеленушку дашь?

— Дам.

— А две?

— Не наглей. Да и нету больше.

Маленький зеленый кристаллик сменил хозяина. Толстяк довольно хлопнул калеку по плечу, заставив того пошатнуться, гордо обвел взглядом стол и хохотнул.

— Пока, неудачники. Пойдем, Бракованный, надо еще шмотки из трака забрать.

Вслед удаляющимся понеслись разочарованные стоны, восхищенные вздохи, равнодушное молчание и одно приглушенное пожелание сдохнуть.

Правый доверительно наклонился к уху сидящей на скамейкелевой и горячо прошептал:

— Нам всем скормили какую-то шаргову лажу.

— То есть? — Левая заинтересованно подняла бровь и зашептала в ответ. — Почему лажу?

— Это все. Вот, что за столом было. Это не взаправду.

— С чего ты решил?

— Это Браков жажатель. Я как-то на стоянке видел, как он уходил с ним к лесу стрелять. Думал наверное, что никто не заметит. Видела, какой приклад длинный? Это чтобы

опираться при ходьбе.

— А почему он у жирдяя? Почему тогда Брак ему заплатил? И почему ты мне не рассказал, что у Брака жахатель есть?

— Не части. Хотел сам попросить жахнуть, когда в следующий раз пойдет. А с тобой он бы точно не разрешил, ты же девчонка. Еще сломаешь.

— Один раз всего было. Разрешил бы. Он правильный.

— Не знаю, зачем они все это провернули. Заранее договорились.

— Чартуха опустить хотели?

— Мелко.

— Мелко. Не знаю, есть тут какая-то тайна. Может, Браку в рейд нужно?

— Сам бы и пошел. Хотя нет, его же вчера отчегодунили. Не пустили бы. А зачем ему в рейд?

— Загадка.

— Разгадаем.

— От нас не скрыться. Мы везде и нигде. Тысячами глаз мы будем смотреть из тысячи мест, даже самых потаенных. Ничто не скроется от нашего взора. Всяк будет оценен и взвешен, а в конце все умрут. Как-то так.

— Что за ерунда?

— На рынке подслушала, там гадалка приехала. Круто звучит.

— Ага, круто. Кашу будешь доедать?

Правый в очередной раз получил по рукам и пошел приставать к понурому Ивену.

По пути к траку Жирного молчали, хотя толстяка аж распирало. Наконец, не выдержал: — Ну как? Я хорош? Как по маслу прошло.

Брак кивнул, признавая правоту напарника. Получилось действительно хорошо. Лысый убедительно сыграл самого себя. Теперь даже у подозрительного Чегодуна не возникнет никаких сомнений в том, что идея с рейдом принадлежит именно Логи. Наличие жахателя теперь за-ле-ге-нди-ро-ва-но. Никто не будет опрашивать свободных торговцев из-за такой ерунды, да те и сами не скажут. А то прибьют кого-нибудь из проданного тобой оружия, придется на своей шкуре испытывать выверты в логике у разъяренных родственников.

Все собравшиеся за третьим столом будут в один голос твердить, что Чартух сам зарвался. А обозлившийся толстяк, спеша, взял с собой первого попавшегося, кто готов был заплатить. Которым по чистой случайности оказался калека. Кстати, насчет заплатить...

— Логи, верни кристалл.

— Зачем он тебе? Закупаться припасами нельзя, спалишься. Все придется мне делать. Пусть у меня полежит. Мы же напарники.

Ссориться по пустякам с жадноватым толстяком не хотелось. Пусть оставляет. Лишний узелок, которым Брак привяжет напарника к себе. Это ведь калеке лысый нужен позарез, без него не справиться. А вот Логи вполне может плюнуть на перспективу отправиться в Поиск на своих колесах и послать напарника к шаргу. Еще и жахатель заберет.

— Ладно, оставь пока. Я в трак схожу, надо гогглы забрать и банки. Солнце слепит. Ты плащи и веревку приготовил?

— Обижает. Еще с ночи. Давай поделимся, так быстрее.

В отцовский трак Брак прокрался осторожно, опасаясь разбудить Джуса, кинул в сумку три увесистые банки из тайника и один из окуляров. Подумав, сунул туда-же длинный нож с наборной рукояткой из северной сосны, подарок матери. Нацепил на голову гогглы и тихо вышел. Даже дверь сводить не стал.

Логи уже нетерпеливо приплясывал на месте. К его снаряжению добавились два объемистых, криво скомканных свертка под мышкой, стянутых вместе тонкой бечевкой. И здоровенная бухта этой же самой бечевки, залихватски перекинутая через плечо. Увешанный вещами толстяк стал выглядеть еще больше, а на блестящей лысине проступили капли пота.

— Долго возишься. Без нас уедут.

— Успеем, — тяжело пропыхтел калека. Быстрая ходьба была настоящей пыткой. — Джуса разбудить боялся.

— Я своему настойку пустырника с самогоном смешал, его из баданги не разбудишь. Мать ее пьет, когда отец храпит громко. Нет в тебе, Брак, творческой жилки.

— Творческой? И откуда у тебя самогон, мы же вчера весь выдули.

— Это у тебя творческая. А самогон у меня был, я вчера еще по стоянке прошелся. Видал, что нашел?

Толстяк, воровато оглянувшись, показал Браку содержимое объемного кармана:

— Банка полная. Здоровенная. У костра нашел.

— Ты имел ввиду, у Чегдаша спер?

— Откуда знаешь? Следил за мной? — Логи вскинулся и подозрительно уставился на калеку.

— Куда мне. Считаю это прозрением. Боги отобрали мою ногу, но даровали мне глаза, способные прозревать истинную природу вещей.

— Глаза я у тебя тоже отберу, для комплекта. Как узнал?

— За вторым столом гудели. Удачная догадка.

— Понятно, — толстяк с заметным облегчением выдохнул. — Я боялся что спалили. К Дум-Думу подойдет?

Брак взглянул с сомнением. Прикинул размеры. Протянул сожалеюще:

— Не влезет. Даже не переделаешь толком, больно здоровая. Да и по виду не подходит.

— Почему это? Отличная же банка.

— Она от пилы, вроде. По-другому работает. У тебя в кувалде или в моем жахателе нужно, чтобы эйр весь сразу хлопнул. Видишь, — Брак на ходу сунул руку в сумку и достал банку. — Здесь концентрированный эйр. Нажмешь вот сюда, на эту пластину, давление внутри увеличится. Пальцем не получится, но если сделать это достаточно быстро и сильно, то эйр разом разгонится. Расширится. И вырвется вот отсюда, с этого конца. Тут металл тонкий, только чтобы начальное давление держать, его и прорывает как гнилую тряпку.

— А со стороны пластины? Не прилетит в лицо?

— Там все намертво, пластину назад отбросит только. Ну и камеры под банки в жахателях именно для этого делают толще. Если что — удержит. Хотя некоторые, — Калека выразительно посмотрел на Там-Там. — Некоторые сразу качают давление побольше, это можно, но опасно. Разогнанный эйр, прорвав банку, устремляется по стволу, а на выходе жахает.

— Я пошучу про свой пердеж?

— У меня есть выбор?

— Ну прямо как мой пердеж. Тоже прорывает, устремляется и жахает.

За разговором не заметили, как дошли до Глотки. Едва не опоздали, большая часть рейдовых машин уже укатили вниз по каньону сквозь открытый в дозорной стене проход. Осталась только пара криво стоявших желтых тарг Гряземесов и трак Гарпунщика с открытой площадкой вместо кузова, на которой высилась легкая скраппа.

Прямо на глазах подходящих парней, Гарпунщик махнул рукой из окна кабины: мол, догоняйте!

После чего его трак резво уполз вглубь каньона, гремя якорями.

Почуввав приближающуюся перспективу пропустить рейд, Логи удивительно шустро для своих габаритов рванул к оставшимся таргам. Брак, убрав банку в сумку, похромал следом.

Толстяк добежал до четырехколесной тарги с открытым кузовом, в котором уже сидела пара Гряземесов, постучал ладонью по крыше кабины, привлекая внимание водителя.

— Тебе чего, болезный? Потеешь как свинья перед забоем. — из окна кабины высунулась круглая кудрявая голова с дырявыми оттопыренными ушами. Лицо скрывали толстые гогглы и кудлатая борода.

Логи утер лысину свертком, шумно отдышался. Выпалил между вздохами короткими отрывистыми фразами:

— От Котобоев. На медуз. Подбросите?

— Что-то ты поздно, все ваши уже уехали. — водитель заметил Брака, хмыкнул. — Теперь понятно, почему задержались. Калека с тобой?

— Со мной.

— Тогда грузитесь. Только на борта сильно не опирайтесь, там слева проржавело все.

Толстяк облегченно выдохнул, приязненно взглянул на водилу. Забросил в кузов барахло, тяжело оперевшись на ступеньку закинул свою тушу внутрь. Помог вскарабкаться Браку. Стукнул по крыше, обозначая готовность ехать.

Тяжело просевшая тарга плавно выровнялась, приподнялась на рессорах. Где-то в глубине корпуса завывли гравки. Со звоном поднялись якоря, приземистая машина аккуратно тронулась, развернулась и резко рванула вслед за траком Гарпунщика. Сзади аккуратно пристроилась последняя машина. Дозорные с лязгом сомкнули импровизированные створки вслед уходящей технике.

Пока мимо неторопливо проплывали иссиня-черные стены Глотки, Брак успел внимательно изучить попутчиков. Похожи. Лица вытянутые, загорелые, оба гладко выбриты. Глаза защищены широкими сетчатыми полосами, крепящимися где-то на затылках. Интересно, братья? Или отец с сыном? Один явно постарше, уши все в клановых метках. Второй моложе, метки на уши получить еще не успел. Старший заметил интерес калеки, слегка повернул голову, чтобы было виднее.

Что там, интересно... Искатель, был женат, вдовец. Два ребенка, два скиммера. Четыре убитых врага. Семья Гряземесы, Клан Пылевых Гиен. Значит, скорее всего, отец с сыном.

Читать по ушам в клане учат с самого детства. Удобно, всегда видно, кто перед тобой. У самого Брака, да и у Логи тоже, уши чистые. Не все во внешнем мире любят кочевников, метки здорово бы усложнили бы молодняку Поиск. Слишком уж приметно.

Уши пробивают лишь тем, кто из Поиска успешно вернулся, да и то не сразу. Молодые же, ветреные. Пока найдут свое место в семье, успеют все работы перепробовать. Всех доступных баб перещупают. Или парней. Так чего уши лишней раз уродовать? Разве что метку клана наносили почти сразу, на церемонии Возвращения, но она самая незаметная, не всегда разглядишь.

— Ярлан, — протянул руку тот, что постарше. — А это Квок, мой сын.

— Брак, — пожал руку парень. Указал на расплывшееся на широкой металлической лавке тело. — А это Логи.

Тот приподнял пятерню в вялом приветствии. Короткая пробежка вытянула из него все силы.

Ущелье начало плавно расширяться. Показался узкий пролом в стене, одна из водоотводных расщелин. Возле нее стояли два тяжелых скиммера с прицепами и кто-то увлеченно копошился.

Ярлан кивнул в их сторону:

— Все им нейдет. Я сам, по молодости, гонял по водоотводам. Страшно, но весело. Скиммер угробить как нехер делать. Каждый год несколько человек бьются, а все лезут и лезут. Только чего сюда поперлись — непонятно. Это “Бойница”, она тупиковая. Уходит пещерами куда-то на восток Плещи.

— Я бы по водоотводу спустился. Я их все знаю. Но у меня скиммера нет. А “Бойница” не тупиковая, оттуда можно тоннелями выйти к “Кривой Бабке”. Правда, только пешком и по сухому времени, там вода все время стоит, — толстяк руками показал, как высоко стоит вода.

— А ты знаток, — ухмыльнулся искатель. — Скиммер еще достанешь. Хотя ты не в каждую расщелину пролезешь, с такой-то тушей.

— У меня просто кость жирная. А мышцы стальные.

Логи выпрямился, выудил из кармана флягу, шумно присосался. Повернулся к

напарнику:

— Брак, ты не дорассказал. Чем там тебе моя банка не угодила?

— Какая банка? — задумавшийся о своем калека отвлекся от созерцания приближающегося выхода из Глотки. — Ты о чем?

— Которая не подходит. Ты сказал, что у нее вид другой.

— А, эта банка. Как я сказал, с ней все нормально. Разница как между гравиком и гравкой. Вроде похожи, но работают по-разному. Она предназначена не для того, чтобы выпускать весь эйр за раз. Наоборот, понемногу стравливает. Компрессор в траке видел?

— Глаза бы мои его не видели. Каждый раз качать приходится.

— Компрессор берет сырой эйр из бака, после чего под давлением гонит его в двигатель. А качать тебе приходится, потому что компрессор крутится движком. Чтобы компрессор заработал, должен работать двигатель, а двигателю нужен эйр под давлением. Поэтому ты вручную качаешь первую порцию эйра. А дальше оно уже само.

— А банка тут причем?

— Твоя банка это как маленький компрессор. Там внутри эйр под давлением и мембранка. Мембранка эйр пропускает, но медленно. Для мелких двигателей, как на пилах, хватает. Видишь, тут крышка скручивается? Как только скрутил, эйр пошел. Можно прицепить шланг и что-нибудь запитать. Разом выпустить можно, но это будет просто пшик. Чтобы эйр жажнул, нужно давление повесить резко, а настолько эту банку не переделать. Проще расплавить и заново свести.

— А если я по ней кувалдой стукну? Резко же получится.

— Если ты по ней собираешься стукать кувалдой, — с интересом прислушивающийся Ярлан вклинился в разговор. — Меня предупреди. За часок. Я на другой конец Плеши свалю.

— Да я так, из интереса. Кувалда мне для другого нужна. А жажнет очень сильно?

— Логи, жажнет так сильно, что твою задницу найдут в Талензе. Если не размажется об купол раньше, — Брак тоже потянулся в сумку за флягой. — Да и стоит такая банка дорого. Здесь сталь крепкая, такую на коленке не сварить. Сводить тяжело, ну и мембранку поди достань.

— А мембранка откуда? Сильно дорогая?

Внезапно подал голос молчавший до этого Квок:

— Мембрану с драков добывают, причем нужны матерые. Мембраны там много, но достать взрослого драка тяжело. Стоит она дорого, к тому же сдыхает в течение нескольких лет, грубеет и рассыхается. На островах одна интересная рыбка водится, с нее тоже можно достать. Но качеством хуже идохнет быстрее.

Ярлан гордо потрепал сына по голове.

— Квок голова. В том году из Поиска вернулся.

— Далек был? — Брак взглянул на парня с любопытством.

— Далек. В Нью-Арке два года жил, потом на острова подался. Я неплохой механик, пригласили в Аркензо на верфи. Там нахватался.

— И как тебе работать на доми?

— Непривычно. Там все сложнее. В двух словах не опишешь. Большие города это, это... Ну вот у нас есть Большой Сход. Сколько здесь людей? Тысяча? Две? Кажется, что много. Но в Нью-Арке в одних только городских трущобах живет раз в пять больше. И это даже не самый большой город на Гардаше. Аркензо же еще внушительнее. Самое сложное, это бесконечные правила. Туда не ходить, это не делать. К этому доми так обращайся, к тому по-

другому. Нарушить что-нибудь очень легко, а наказания суровые. Я по первому времени из тюрячки не вылезал, косячил все время. Потом пообвыкся.

— А в Республике не был?

— Не-а. Так далеко на север не полез. Холодно там, даже летом. Я только в Поиске понял, зачем нас туда отправляют. В кланах все просто. Захотел — дал в морду. Украл — получил по морде. Захотел что ляпнуть, никто тебе слова поперек не скажет. Хочешь — охоться, не хочешь — не охоться. Будь полезен, и все, ты свой, ты при деле и сытый. А там... Я однажды загремел под стражу только за то, что карманнику руку сломал и зубы выбил. Представьте, у них тебя за это еще и накажут!

— Бреешь, — Логи неверяще покачал головой.

— А зачем мне? Вот ты, толстый, в Поиск когда? В этом году? В следующем?

— В этом.

— Давай уговор. Если вернешься и все еще будешь думать, что я брешу — можешь выбить мне два зуба, на выбор. А если хватит яиц признать, что я был прав — я выбью два зуба тебе. Идет?

— А если не договоримся?

— Тогда просто помудохаемся.

— Договорились.

Спорящие с силой стукнулись кулаками.

Тарга давно покинула уютную прохладу Глотки и теперь плавно катилась по степи на север. Солнце стремительно возносилось к зениту, начало ощутимо припекать. Металл кузова нагрелся, и все четверо глубоко задышали, гоняя эйр по телу.

Ярлан кемарил, развалившись на лавке.

— А еще жадные они, — Квок с удовольствием делился своими впечатлениями, найдя две пары свежих благодарных ушей. — Доми за деньги родную мать продадут. Потом украдут и еще раз продадут.

— У них тоже кри в ходу?

— В ходу. Но предпочитают золото или серебро. Кристаллы ценный ресурс, их в основном используют для мелкого обмена и подпольных торгов. А все солидные сделки только за вот это, — разведчик за шнурок вытянул из-под кожанки маленькую блестящую монетку, кинул Браку. — Серебряная, с первого заработка. Оставил на память.

Калека внимательно изучил монетку, повертел в пальцах. Круглая, неровная, вся покрытая мелким повторяющимся узором. На одной стороне какие-то мелкие надписи, на другой — глубоко вдавленный отпечаток пальца.

— А палец зачем? — он передал монетку требовательно протянувшему руку Логи.

— От подделок. Это палец какой-то важной шишки. Гарантия чистоты металла. Расплавить всякий сможет, а отпечаток ты попробуй подделать.

— И что, важная шишка лично каждую монетку сводит? Их же там тысячи. Палец отсохнет.

— Скорее, миллионы. Знаешь, я даже не задумывался об этом. Реально ведь отсохнет. Тоже мне, важная шишка, сидеть в подвале надышавшись эйром и пальцем шлепать от рассвета до заката.

Квок за шнурок забрал амулет у толстяка, повесил на шею. Расстегнул куртку, подставив лучам солнца удивительно волосатую грудь. Почесался.

— Может, раба какого держат, чтобы палец прикладывал. Кто проверять полезет? Мол,

о Великий Доми, дозволю сравнить сию презренную монету с твоим драгоценнейшим перстом!

— Они и правда так говорят?

— Иногда. На всяких важных переговорах мед льют рекой, чуть что не облизывают друг друга. А в обычной жизни разговаривают нормально, шарга через слово поминают. Хотя я только Аркензо видел, может в других доминионах не так. Везде свои заморочки.

Разведчик достал было короткую тупоносую трубку из темного дерева, с сомнением покосился в сторону полоскающего на ветру куска ткани из расползшегося свертка. С сожалением убрал трубку обратно.

— Пристрастился на островах, не могу отвыкнуть. А за табак торгаши дерут втридорога. Так вот, о чем я? Между доминионами вечная грызня, хотя внешне все в рамках приличий. Договоры, пакты, торговые соглашения. Пафосные приемы, делегации. А на деле срут друг другу в кашу при первой возможности. Между островами пираты снуют, с ними все неистово борются и костерят по матери. фно какого пирата не копни — работает на доминион, конкурентов кошмарит. Вот откуда у вшивого пирата боевой крейсер? И не какая-нибудь древняя рухлядь, а новый стриктор? А там и не такие есть.

— Ты о Джи Тааре? — Брак любил истории об островных пиратах.

— О нем, родимом. Никак не сдохнет, падлюка...

Тарга шла ходко, время за беседой летело незаметно. Водитель явно опытный, пустил машину чуть в стороне от пылящей колонны. Не настолько, чтобы мешать едущим сзади, но достаточно, чтобы сидящие в кузове спокойно общались. Из под широких колес с шелестом летели мелкие камешки и степные колючки. По полу кузова громыхали и перекатывались остро заточенные железки.

— А вы, парни, в первый раз на медуз?

— С оружием в первый. Я раньше только на разделке был. Логи тоже.

— Решили оторваться напоследок? В последний бой, он же первый? Тоже напросились на долю?

— Что значит, тоже?

— А вы, думаете, одни такие умные? Такое нечасто, но происходит. Молодежь надо обстрелять. Перед Поиском многие затариваются оружием, а потом в рейд за долю идут. В некоторых семьях это даже негласная традиция. Родители дома остаются, а отпрыски самостоятельно участвуют. За долю потом проставляются. — мечтательно добавил Квок.

Перед мысленным образом Брака возник образ храпящего Джуса. Здесь явно не тот случай. Судя по остекленевшему взгляду Логи, тот подумал примерно о том же. Тарга с хрустом врубилась в заросли сухого пустырника, проламывая массивным отбойником широкую просеку.

— У нас не тот случай. Просто удачно сложилось, все отсыпаются.

— Да как скажете. Медуз в подмышках почти каждый сбор бьют, хотя последние годы стаи стали пожиже. Отец рассказывал, что раньше чуть ли не всем кланом уходили, весь берег в ошметках. А сейчас вон, всего две семьи, да и те не полные. Долю хоть обычную берете, или малую?

— Мы вообще не за долю. За трофеем.

Хруст сминаемого пустырника и летающие вокруг обломанные веточки разбудили Ярлана. Тот с кряхтеньем распрямился, потянулся, вытряс из головы и одежды мелкий сор и набившийся песок.

— Дурни вы, — голос искателя спросонья звучал хрипло. — Надо было долю брать, хотя бы оторвались вечером. А так только задарма песка нажретесь и день потеряете.

Квок кивнул, соглашаясь. Указал пальцем на зажатый подмышкой у толстяка жахатель:

— Если у вас кроме этой игрушки ничего нет, можете сразу про медузу забыть. Даже если глушанете, ее ветром унесет.

— Ветер сильный с океана сегодня, — Ярлан послунывил палец и многозначительно поднял. С чего он так решил, учитывая что все четверо сидели в продуваемом насквозь кузове машины, осталось неясно. Но солидности словам мужчины прибавило. — Как шуганут, времени мало будет. Они сегодня злые, солнце жарит сильно, а пузыри этого не любят. Снесет быстро, а там сразу на высоту уйдут. Если не уронить, упустите. Помогать вам никто не будет, трофейных всегда подальше ставят, чтобы не путались под ногами. А то начнутся потом разборки, кто куда попал, кому помешал и кто во всем этом виноват. Трофейщики вечно срутся на разделке.

Логи кинул на Брака недоумевающе-обиженный взгляд. То мотнул головой, указал глазами на длинный сверток. Толстяк задумался, припоминая содержимое, потом просветлел лицом и заулыбался. Поправил оголовье Там-Тама, подмигнул багровому глазу, после чего спросил:

— А почему они на солнце злые? Это же пузыри, они тупые. При чем тут погода?

— Не погода, а солнце. Пока на отмели лежат, им это не мешает. А вот наверху их солнце сразу сушить начинает. Медуз сушеных жрал?

— О, точно, — Лысый извлек из кармана увесистый кулек, хапанул горстью медузок и захрустел. Протянул остальным. — Налетайте.

Отказываться никто не стал. Солено-перченые медузки отлично глушат жажду по жаре, только нужна привычка. Ярлан, сноровисто прожевав свою порцию, потянулся за новой, продолжая рассказывать:

— Это в дождь они могут сутками парить, или ночью. А жарким днем быстро теряют воду. Поэтому становятся резвые, как джорки во время гона.

— А какого шарга мы сейчас едем? Ночи бы дождались, или дождя.

— Как ты медуз ночью бить будешь? На ощупь? Они же прозрачные, почти не видно. Да и уходят на глубину обычно. В дождь можно, но муторно и мокро. А вот в солнечную погоду в самый раз. Их ярким светом глушит после воды, недолго правда. Пока сообразят, как раз успеем накрыть. Главное — не тупить и не мазать. — искатель Гряземесов кивнул на гремящие в кузове короткие копы с широченными наконечниками.

Таргу накрыло тенью от Плещи. Машины замедлялись, собирались в одну колонну. Пыля якорями, аккуратно втягивались в исполинский грот под нависающей громадой базальтового плато.

Разговор сам собой угас, все пассажиры кузова разглядывали открывающуюся взору картину.

Северная Подмышка впечатляла. Неизвестно, кто именно в стародавние времена дал ей такое название, но попал он удивительно метко. Плещь на этом месте далеко выдавалась в океан, тянулась отвесной стеной на несколько миль, прежде чем плавным изгибом уйти дальше на юг. Приливы и шторма тысячелетиями подтачивали нерушимый базальт, все глубже и глубже вгрызаясь в камень. Результатом бесконечного труда морской стихии стал огромный скальный грот на стыке побережья и плато, от которого по берегу тянулся широкий галечный пляж, густо заваленный разномастными каменными обломками. Со

стороны степи пляж упирался в почти отвесный каменистый подъем. Дальше к северу, милях в трех, берег с пляжем резко уходил в океан, где и обрывался высоким закругленным скалистым мысом, носившим среди кочевников емкое название “Пятка”.

Зажатая между мысом и плато бухта, довольно мелкая и неправильной формы, служила прибежищем для всевозможной морской жизни, спасающихся от участвовавших штормов. Волны сюда если и доходили, то сильно ослабленными, теряли свою ярость и бессильно расплескивались по пляжу, разбивались о каменистую осыпь. В приливы пляж затапливало целиком, уходящая вода оставляла за собой лоскутный ковер из гниющих водорослей и неудачливых морских обитателей, на которых жировали прибрежные птицы и немногочисленная живность. Воздух пах ядреной смесью соли, гниющих водорослей, моллюсков и выброшенных на берег медуз. И эйра, который во время отливов испарялся на берегу в таких количествах, что кислый запах отчетливо бил по мозгам, а воздух в Подмышке по ночам светился ярче иных светильников.

Колонна машин неспешно, искря якорями, двигалась по гроту в тени базальтового козырька. Брак во все глаза рассматривал поросшие чем-то зеленым влажные камни, свисающие со скошенного потолка зеленые сопки мха и каких-то растений. Солнце сюда не заглядывает, даже в сезон дождей. В гроте темно, неудобно, воняет гнилью, нависшая над головой громада плато подавляет своей массой, заставляет разыгравшееся воображение рисовать в голове устрашающие образы.

Нетрудно представить, как окончательно размытая монотонными ударами волн скала наконец-то облегченно выдыхает, трескается и с ужасающим грохотом обрушивается в бухту. Схлопывается исполинская подмышка, запечатывая Брака в своем вонючем душном нутре, на веки вечные.

Парень поежился. Именно так случилось с Южной Подмышкой, давно, еще Часовщик не родился. Тогда в одночасье клан почти целиком лишился трех семей, куча людей и машин сгинула в одночасье. Обрушившийся грот завалил обломками половину бухты, которая и так была значительно меньше своей сестры. С тех пор в Южную Подмышку почти не суются, а ночью так вообще никогда. Проехать к берегу сложно, бухта маленькая, кишит катранами. И даже не склонные к суевериям кочевники нет-нет, да и услышат призрачные шепотки за спиной. Может быть просто кажется, просто дедовы истории засели в глубинах памяти, дергают за струны нервов и пугают холодком между лопаток, заставляя прислушиваться и вычленять в шуме ветра призрачные голоса погибших семей. А что, если нет? Вот и не суются в Южную, лишь самые безбашенные рискуют.

Не только Браку здесь неудобно. Спутники тоже ежатся, нервничают, отводят взгляд от зеленовато-черных стен. Ярлан, а вслед за ним и Квок, выудили из курток фигурные металлические бляшки размером с фалангу большого пальца. Что-то пошептали и, широко замахнувшись, закинули тускло блеснувшие обереги вглубь грота. Звон упавших бляшек потерялся в скрежете якорей.

С других машин тоже полетела железная мелочевка. Кидали не все, многие демонстративно сидели к гроту спиной, упорно пялясь в сторону бухты.

Логи шумно завозился, порывшись в многочисленных карманах. Пристально изучив первый попавшийся округлый предмет, размахнулся и с молодецким хеканьем шваркнул тяжелой железной блямбой о потолок, обрушив вниз кусок зеленой дряни, наросшей на камнях. Особого впечатления грот на толстяка не произвел, но швыряться железяками ему понравилось.

Брак свой оберег подготовил давно, слышал об этом обычае от Симы. Мать вообще была кладезем всевозможных легенд и историй. Она собирала их со всей страстью, выпытывала в кабаках и у свободных торговцев, могла часами слушать разговоры у костров. Не записывала, письмо ей не давалось, но охотно делилась с теми, кто готов был слушать.

Легенды о Мертвых песках, Пернатых Акулах, Ночном народце и Толстом Навигаторе, страшные байки о Пожирателях Эйра, Танце Хаоса и многочисленных призраках старого континента, сказания о Черном Костре, Попутчике, Бесконечном Перекрестке и Зеркальном Котле, мифы о Гостях из-за Купола и Каменной Реке. Сотни, если не тысячи историй, полностью правдивые и выдуманные от начала до конца, страшные, смешные, поучительные и глупые, как похождения Коричневого Капитана.

Старые, замшелые истории, наподобие той, про ловкого вора, который ухитрился наставить рога половине монархов Талензы. И совсем новые, про Красную Ленту, когда один из притоков Килна в одночасье окрасился багровым после того, как в Республике погибла в покушении мать монарха. Сима знала их все и до самой смерти продолжала пополнять коллекцию.

Зря вспомнил маму. На глаза сами собой навернулись слезы. Брак отвернулся от спутников, прошептал в кулак “Смотри” и бросил под колеса маленькую железную фигурку собаки.

Машины, благополучно миновав грот, спустились к воде по каменной насыпи, распугав гулом двигателей многочисленных чаек. Двинулись вдоль пляжа, осторожно лавируя среди особо крупных каменных глыб. Навстречу рейду рванули три легких скиммера искателей, указывая удобную дорогу к месту будущей охоты. Подобно железной гусенице, машины одна за другой доезжали до относительно ровной и свободной от камней площадки, где сворачивались в привычную спираль охотничьей стоянки.

За то время, пока ехали по степи, шустрая тарга бородача успела вырваться в голову колонны и на стоянке оказалась одной из первых. Водитель сходу застолбил удобное место между двух неровных каменных обломков, влетел туда и заякорился, опередив разочарованно фыркнувший двигателем грузовой трак Гряземесов. Трак уполз искать другое место, а тарга тяжело осела на гальку. Усыплять двигатель водитель не стал, урезал подачу эйра до минимума и оставил тихо гудеть. Неподалеку остановились скиммеры, разведчики полезли проверять колеса.

Вылезая из кузова, Логи помог калеке спуститься. Ноги нещадно затекли, теперь напоминали о себе настойчивым покалыванием. Гряземесы уже споро разгружались, чувствовался богатый опыт. Отец с сыном энергично попрыгали, разминая конечности, выловили из кузова раскатившиеся копы и воткнули их торцами в гальку. По плечо взрослому человеку, с широким полумесяцем наконечника, скорее тяжелые дротики, чем копы. Всего вышло восемь штук, похожих, как две капли воды. Явно из рук одного садма. Брак изучающе потрогал бритвенно-острое лезвие, постучал костяшками по окрашенному ярко-оранжевой краской древку. Квок, заметив интерес, похвастался:

— Я сводил. Древки полые, цепового сплава, а то слишком тяжело для металки. И так жилы порвать можно. Щупальца режет на загляденье. Хотел сперва крестом наконечник сделать, но весит много.

— А не закрутит? — Брак смотрел на дротики с завистью, он так не умел. Один бы сделал без проблем, но тут восемь абсолютно одинаковых. Все полетят по одной траектории. Такой набор стоит намного дороже, чем его жахатель. — Ты где так сводить наловчился?

— Не закрутит, оперение поставим перед самой охотой. Иначе размокнет, — Квок распахнул дротики по двум кожаным перевязям, прицепил туда-же изящно изогнутые метатели. — Перевязи нужны, если придется место менять. Раньше в землю втыкали, неудобно было. А сводить на верфях учился. Доми точною одержимы, дерут за кривую работу нещадно.

— До медуз-то докинешь? — Логи с сомнением смотрел на короткие копыя. Жахатель выглядел солиднее.

Гряземес в ответ насмешливо улыбнулся.

Ярлан, закончивший с кузовом, покидал мелочевку в мешок. Накинул на плечи тонкий полупрозрачный плащ с глубоким капюшоном, второй такой-же перекинул сыну. Натянув плащи, оба Гряземеса широкими мазками нанесли на лица и кисти рук дурно пахнущую красноватую пасту, разом превратившись из нормальных кочевников в нечто невнятное, бесформенное и вонючее. Квок дружелюбно протянул банку Котобоям.

Брак отказываться не стал, быстро растер пасту по лицу и рукам, после чего с благодарностью кивнул и передал банку напарнику.

Логи нюхнул, чихнул и побрезговал.

Искатели закинули перевязи с дротиками за спину, махнули рукой подошедшему водителю и бодро утопали к центру площадки, где уже собирались другие охотники. Солнце немилосердно жарило в зените.

— Зря отказался, — Брак зубами развязал бечеву на одном из свертков и теперь скептически разглядывал огромного размера плащ из плотной ткани, пропитанной чем-то темным и влажно блестящим. — Другого размера не было?

— Простите, ваше высочество, у нас семья простая, карликов не держим, — толстяк не стал заморачиваться с бечевой и грубо выволок плащ из обвязки за уже торчащий кончик. — От чего я зря отказался?

— От пасты. Она вонючая, но необходимая. Лицо и кисти от щупальцев защитить. Тебе бы не помешало, у тебя морда широкая.

— Обойдусь, — толстяк легкомысленно махнул рукой, натягивая плащ. — Капюшон же есть.

Брак, вынужденный обматывать свой плащ бечевой, чтобы тот хоть как-то держался на плечах, сквозь зубы поминал шаргову семейку жиробасов. Уловил приглушенный смешок водителя. Подтянул полы снизу, кое-как закрепил, окончательно став похожим на сбежавшее с огорода пугало. Не хватало серпа, или что там бывает у пугал. Бухта веревки, перекинутая через плечо, окончательно завершила образ, придав ему целостность и даже некоторое утонченное благородство.

Логи неприлично заржал. Ему-то плащ был впору, обтягивал объемистое пузо, как килейский барабан. Он уже достал жахатель, повесил его на грудь и теперь пристраивал через плечо длинный сверток с Там-Тамом. Кувалда взирала на суету благосклонно.

Наконец собравшись, парни поблагодарили водителя и, с непривычки поскользываясь на камнях и путаясь в полах плащей, пошли вслед за Гряземесами.

Рейд внушал уважение. Пять траков, два больших прицепа, одиннадцать тарг. Скиммеров, правда, всего лишь три, но зачем они в охоте на пузырей? К тому моменту, когда напарники подошли к середине площадки, последний трак как раз заякорился и из него высыпали знакомые Котобои, шумно переругиваясь и спешно натягивая снаряжение. Это еще не все машины, грузовых траков всего два. Сборщики придут позже, собирать трофеи и заниматься разделкой. И, возможно, провозятся до глубокой ночи, когда все охотники уже давно вернутся.

Видно было, что новичков здесь почти нет. Все роли давно распределены. Молодняк и рабы крутятся вокруг машин, суетятся на разгрузке, машут кувалдами, загоняя в гальку крепежи. В любой другой день Логи и Браку пришлось бы делать то же самое, но сегодня они полноценные охотники, имеют полное право присутствовать в центре, где собираются клановые. Смотрелась парочка комично, высокий лысый пузан и чернявый взъерошенный паренек в плаще не по размеру, но среди собравшихся охотников хватало колоритных личностей.

Да и плащи у всех разные. Кто-то, подобно парням, облачился в тканый плащ с пропиткой из смеси густой смолы и отработки. Таких большинство, такая защита доступна, ее легко чинить. Тяжеловата, да и жарко в ней, но очень дешевая.

Кто побогаче, кутаются в полупрозрачные плащи из мембраны пустынных грязевиков. Плоские, как лепешки, пустынные жабы раскидывают по ночам кожистый зонтик, собирая дефицитную влагу. Как раз из этих зонтиков мембрану и вырезают, она тонкая, прочная, не боится влаги, а дыры в ней легко латаются раскаленным прутком и кусочком того-же материала, отрезанным от полы плаща. Всем хороши плащи, но дороги и редки. Рейды в пустыню нечасты, а по безопасным окраинам всех грязевиков давным-давно выбили.

Встречаются и экзотические варианты, один суровый седой Гряземес красуется плотным костюмом из канторского шелка, ярким красным пятном выделяясь на фоне одинаковых черных и серебристых фигур. Другой, Хольдер, целиком залез в нечто, напоминающее белесый непрозрачный пузырь. Стоит, переминаясь, похожий на грубо слепленного из обожженной глины человечка с маленьким лицом и подбитым глазом.

Перещеголял всех Гарпунщик. Свой жилет и короткие кожаные штаны он сменять не стал, предпочтя просто обмазаться с ног до головы защитной пастой. Теперь старший загонщик, взгромоздившись на кусок скалы с плоской верхушкой, воинственно топорщит рыжую бороду, напоминая то ли человека с содранной кожей, то ли одну из республиканских статуй правосудия. В виде человека с содранной кожей.

— Брак, почему так мало жахателей? — Логи высматривал в гудящей толпе знакомых разведчиков.

— А зачем их много? Основную работу все равно сделают скраппы, посекут стаю и самых здоровенных. А когда медузы пойдут над берегом, их закидают дротиками и гарпунами. Жахатели нужны, когда медуза низко, но сбить не успевают. Убить не убьешь, но оглушишь, может не успеть наверх уйти. Упавших, опять же, глушить надо, они щупальцами как безумные бьют, не подойдешь.

— А почему не бадангой?

— Бадангой нельзя. Людей накроет, — вклинился в разговор пыхтящий самокруткой

худой Котобой в драном черном плаще. — Привет, Логи. Это ты калеку приволок? На случай, если жрать захочешь?

— Иди к шаргу, Чегдаш. Чего тут забыл? Ты же на разделке всегда.

— Какая-то падла банку от пилы ночью сперла. А я за малую долю грузить не хочу, мне семью кормить надо.

Какая-то падла почесала сияющую лысину.

— Одолжил бы. Хотя тебе не дадут, ты задницу голой рукой подтираешь. Мне отец говорил, он врать не станет. Я бы не дал. Бракованный, ты бы одолжил банку этому жопорукому?

Брак предпочел промолчать, лишний раз портить отношения с членами семьи не хотелось.

— Логи, тебе медузы лицо когда-нибудь обгладывали?

Чегдаш, однако, развивать тему не стал и ушел к загонщикам. Толстяк проорал ему вслед:

—левой или правой, Чегдаш!? Это важно!левой или правой!?

Забойщики тем временем закончили крепить к земле прицепы с тяжелыми скрапперами. Развели по дальним краям площадки, почти вплотную к каменной насыпи. От стоящих рядом грузовых траков протянули гибкие шланги, наводчики налегли на рычаги, направляя короткие толстые стволы в сторону бухты. Когда начнется охота, времени перенести прицел не будет, уж слишком неповоротливые эти махины. Вооруженные тарги полукольцом встали между прицепами и спешно якорились. Скраппы на них не такие мощные, крепить машины к земле не нужно, хотя шатает при стрельбе зверски. Завершили композицию три боевых трака с открытыми площадками, расположившиеся ближе к морю. Эти направили стволы почти вертикально вверх. Вокруг суетился молодняк и рабы, спешно заколачивая длинные штыри в опоры.

— Брак, чего мы ждем?

— Сейчас все скраппы закрепят, и начнется. Ты гогглы почему не надел?

— Разбил, позавчера еще. Я же говорил.

— Забыл. Глаза береги.

— Смотри, начинается, — толстяк указал рукой на Гарпунщика.

К тому на камень залез седой Гряземес в красном шелке. Старшие загонщики, активно жестикулируя, что-то приглушенно обсудили. Ударились кулаками. Рыжий выпрямился во весь рост и громко гаркнул:

— Заткнулись все! — дождавшись тишины, он продолжил. — Начинаем через десять минут, ждем когда ветер поутихнет. К Пятке со мной двенадцать рыл, с Недом к Подмышке восемь. Четверо с дротиками к Ярламу под траки. Восемь жахателей под тарги. Наводчики, по скраппам.

— А Ярлам не просто искатель, — задумчиво протянул Брак.

— С чего ты решил? Хотя, снаряга у него отличная.

— Под траками самое важное место, но сложное. Там идут самые здоровые медузы, почти над головой. Опасно, если щупальцами зацепит, то снесет, даже плащ не спасет.

— Да ну его к шаргу, туда лезть. Проще сразу голову в жорку сунуть.

— Вот и я о том же. А Ярлан там главный. Расспросим потом. Сходи узнай, куда нам.

Охотники неторопливо разбрелись по позициям. Запыхавшийся Логи вернулся от Гарпунщика с новостью о том, что им полагается лезть на обрыв, сидеть там и не

отсвечивать. Мнение самого толстяка при этом значения не имело.

Брак выругался. Он то надеялся, что их все же поставят поближе к бухте. Насыпь это лотерея, наподобие тех, что на ярмарках ставят улыбочивые личности с располагающими лицами и холодными, оценивающими взглядами. Нет, выиграть можно. Если медузу не собьют над площадкой. Если ветер будет достаточно сильный. Если пузырь не успеет набрать высоту. Если, если, если.

Пока добрались до насыпи сквозь полукольцо машин, пока Логи, грязно ругаясь, помогал калеке забраться наверх, пока нашли удобный каменистый выступ, успело пройти минут десять. Повезло, Гарпунщик все еще стоял на камне в центре площадки, внимательно следя за повязанным на стволе скраппы ярким куском ткани, который неистово полоскал ветер. Кроме напарников, наверху были только двое.

Жизнерадостный невысокий пузан по имени Ухол, который работал механиком в мастерской “Мамаши” и гнал отменную самогонку из медуз и прочей дряни. И незнакомая светловолосая разведчица из Гряземесов, прилаживающая на камень жахатель с коротким, толстым дулом. Котобой весело помахал рукой вновь прибывшим, неловко прикидывая к плечу здоровенный арбалет с четырьмя изогнутыми дугами, опирающийся на высокие складные сошки. Рядом бесформенной кучей железа и веревок валялся ворот.

— Логи, забивай треугольником. Только глубоко, не жлобись, — Брак скинул с плеча веревку и потянулся под плащ в сумку.

— Сам бы и забивал, — ворчливо пробормотал вымотавшийся на подъеме толстяк. В сверток, однако, полез, вытянул оттуда три полуметровых железных штыря, кольцами загнутыми с одного конца. — Шаргова плесень! Я на охоте полчаса, а уже ненавижу охотиться.

Калека не обратил на бурчание напарника внимания и помахал механику:

— Привет, Ухол! Откуда такая бандура?

— Хой, Брак! Бандуру у торговца с утра сменял, за нагреватели. Вот, хочу проверить.

— Толку от нее на медузах. И натягивать замучаешься.

— Ага, глупая хреновина. Зато красивая. Мне так, для души. Да и вдруг в узел попаду? — Ухол с сомнением повертел в руках непривычно короткий дротик с клиновидным наконечником и белым оперением. — А толстый тебе зачем? Приманивать?

Парень кинул взгляд на лысого. Тот, высунув от напряжения язык, тщательно примеривался Там-Тамом к штырю. Хекнул, ударил, со звоном расплескав каменное крошево. Убедившись, что кончик вошел, Логи перехватил кувалду двумя руками, широко размахнулся и вломил уже всерьез. Над пляжем полетел возмущенный звон, железный кол разом погрузился в камень на ладонь. Пожалуй, действительно выйдет отличная приманка. На кого-нибудь, кто просто обожает потные, вонючие куски сквернословящего мяса с салом.

Брак достал из сумки чехол с окуляром, расстегнул застежки. Аккуратно извлек на свет тяжелую латунную трубку окуляра. Длиной в локоть, толстый, гладкие отполированные стенки бликуют на солнце. Снял кожаные защитные колпачки. С одной стороны у окуляра прячется в глубине бортиков таинственно поблескивающая линза, та самая, загадочная. С другого конца, намертво запаянного искусно сведенным металлом, подмигивает стеклышком маленькое отверстие, через которое и полагается смотреть.

Приложив окуляр к правому глазу и старательно зажмурил левый, парень посмотрел в сторону краснеющей внизу на камне фигуры Гарпунщика. Картинка послушно увеличилась, подернулась голубой дымкой эйра, проступили детали. У рыжего в руке обнаружилась

метровая, расширяющаяся кверху трубка сигналки, от которой к траку тянулся тонкий, длинный шланг.

Брак повел окуляром из стороны в сторону. Все охотники уже добрались до своих мест, рассыпались по обломкам скал, стараясь занять местечко повыше. Сверху напоминают стаю толстых, нахохлившихся ворон, куда затесались редкие чайки. Большинство вооружены метательными дротиками, но кое-где есть и полноценные, в полтора роста, копья. Тускло блестя на солнце разномастные жахатели, их немного, но есть. Машины стоят, хищно выставив стволы в сторону бухты. Вокруг двух скрапповозов, тяжелых прицепов, виднеется суета. Именно от их выстрелов сегодня во многом будет зависеть успех охоты, поэтому загонщики все тщательно перепроверяют. Шутка-ли, почти полтонны разнообразного металлического лома, который в случае ошибки наводчиков ударит прямо в охотников, вместо того чтобы поверх голов накрыть пузыряей. За такую ошибку, невзирая на оправдания и личность провинившегося, бедолагу ждет цепь и долгая ухабистая дорога, на которой он и останется тонким слоем.

Тем временем толстяк закончил забивать штыри, тяжело уронил Там-Там. Упарился, руки ныли, с лысины ручейками стекал блестящий пот, заливаясь куда-то под плащ. Стоило бы снять заранее, но заленился. Зато результат того стоил, колья вбиты по самое оголовье, торчат из камня покосившимся треугольником.

Логи бесцеремонно вырвал из рук калеки окуляр, устало плюхнулся на задницу на краю насыпи, свесил ноги и полез в глубины плаща за флягой. Буркнул:

— Теперь я смотреть буду. Давай, наводи тут все.

— Мог бы попросить, — Брак потер ноющее запястье. Шаргов толстяк с его лапищами.

— Мог. Но не захотел, — лысый шумно присосался, разом ополовинив емкость. Повертел в свободной руке латунную трубку, заглянул зачем-то в большую линзу. — Крутой окуляр. Тоже такой хочу.

— С другой стороны смотри.

— Поучи драка медуз обдирать. Сам знаю, — толстяк уставился в сторону бухты. — О, Длинный ссать пошел. А отсюда и не скажешь, коротыш какой-то.

Брак, доставший из сумки нож, никак не прокомментировал. Он нарезал три куса бечевки и теперь старательно вязал сложную конструкцию, сводя тянущиеся от колец веревки в единый узел. Закончив, начал аккуратно бухтить, стараясь, чтобы нигде не перекосило.

Веревки много, шагов восемьдесят, очень гладкая и тонкого плетения. Такие добывались только из Прядильщиков, мелких шипастых костяных задниц лесных пауков. Прядильщики жрали эйр литрами, были привередливы в еде, зато выдавали паутину воистину шарговой прочности. Правда, очень боится огня, если неудачно запалить — может за секунды выгореть по всей длине. Обращаться с Прядильщиками сложно, чуть ошибешься с подкормкой или подачей эйра, и вместо отличной паутины получишь расплзающееся месиво. Брюшка пауков собирали в целые группы, наподобие пчелиных сот, сводили намертво в железную коробку с резервуаром для подкормки и эйра, а на выходе ставили механизм, вращением рукоятки сплетающий паутину в единую нить. Стоили такие Прядильщики уйму кри, но без хотя бы одного такого в Семье не обойтись, прочные веревки нужны всегда. Да и паучий шелк, хоть и страшно боится огня, отличается завидными качествами.

Повезло, что мать толстяка является главной, и пока единственной прядильщицей

Котобоев. Логи не составило проблем по-тихому умыкнуть ценную веревку, да еще в таком количестве. Возможно, что даже вернет на место не спалившись, так что пропажи никто не хватится. По части что-то незаметно умыкнуть, лысому не было равных, что при его габаритах и общей неуклюжести казалось невозможным. Чем тот беззастенчиво и нагло пользовался, отводя от себя подозрения. А если его ловили за руку, хамовато нес в лицо такую дикую чушь и с такой откровенной наглостью, что от него обычно отставали.

— Брак, а где медузы? Я не вижу.

— И не увидишь, пока не шуганут. Под водой. Они ищут места поглубже, собирают эйр и кормятся.

— А чего в бухте? Тут же мелко для них.

— Зато безопасно. На них под водой многие охотятся, в основном катраны. Но и другие твари не гнушаются, тот же кракен или глотальщик может стаю в одиночку перебить. А над водой драки, арталисы, даже стая чаек может мелкую медузу заклевать.

— Тебя послушать, несчастнее медуз никого нет.

— Ну, примерно так и есть, — Брак закончил бухтить веревку и полез в сверток за деталями от жахателя. — Над водой враги, под водой враги, одни охотятся днем, другие ночью, солнце убивает, ветер может унести вглубь материка или разбить о скалы. Еще и люди, которые вообще непредсказуемые и шарг знает что им в голову взбредет. На островах, я слышал, медуз ловят сетями с цепов, сразу целиком. Пузырям вообще только ночью в дождь над океаном безопасно. Но там жрать нечего и молнией может ударить.

Неспешно рассказывая про медуз заинтересовавшемуся толстяку, выживая из головы все слухи, какие знал про пузырей, Брак привычными движениями собрал жахатель. Примкнул приклад, зафиксировал рычажком. Свинтил повисшую на короткой цепочке крышку, закрывающую место под банку. Снаряжать саму банку и взводить пружину не спешил, зато прицепил сверху на ствол корявую плоскую хреновину с дыркой посередине, сведенную из толстой проволоки.

— Это что? — ткнул пальцем в хреновину толстяк.

— Прицел. Такие на цепях и бадангах ставят. — Брак с сомнением глянул на нелепо высящуюся поверх ствола конструкцию, — Ну, может не совсем такие. Я еще не пробовал.

Парень выудил из сумки тряпку, обмотал ей извлеченный из свертка длинный прут. Смочил густым маслом из маленькой фляжки и принялся тщательно промазывать изнутри ствол, периодически глядя сквозь него на свет, чтобы не пропустить сухие места. Логи вновь уставился в окуляр. На площадке внизу все оставалось по-прежнему, разве что Гарпунщик устал стоять и теперь сидел на корточках. Ветер не утихал.

Закончив со смазкой, Брак достал из сумки три одинаковые железные банки, разложил в ряд перед собой. Придирчиво изучил, потряс, проверил пальцем нажимные пластины. Принюхался. Вроде бы не травят, но здесь, у самой кромки океана, воздух так перенасыщен эйром, что точно утверждать нельзя. От кислого запаха свербит в носу.

— Чего не заряжаешь?

— Рано, — покачал головой калека. — Хочешь узнать, как посильнее жахнуть?

— Конечно хочу. Я только за.

— Надо банку нагреть перед выстрелом. Слабо, не до красноты, просто чтобы горячая была. Нагретый эйр жахает быстрее и резче. Главное — не переборщить, а то без рук останешься. Ты греть сильно можешь?

— Не до красноты. Едва вскипятить воду хватит. Мне не дается, тяжело.

— Вот и будешь греть, я боюсь перегнуть. Нам надо все, что можно из банки выжать, если хотим медузу загарпунить.

— А почему все так не делают? В смысле, не гарпунят, про банку я понял.

Калека внимательно посмотрел на напарника. Разговаривать на эту тему не хотелось. Вдохнул, извлек из свертка последние предметы, два длинных железных гарпуна с массивными наконечниками. Древки ближе к торцу опоясывают широкие кольца светлого металла, по два кольца на гарпун. Протянул один толстяку.

— Острый, — тот потыкал пальцем тяжелый наконечник, от которого в сторону древка отходили четыре плоских железяки с ладонь длиной. У основания наконечника — широкий железный обод.

Брак все же решился и угрюмо произнес:

— Логи, никто не гарпунит медуз из жахателя, потому-что это самоубийство.

— Ты самоубиться решил? Прямо здесь? А что, вид красивый. Одобряю.

— Ты знаешь, почему из жахателей не стреляют ломом? Не задумывался, почему оставляют ствол пустым? Эйр очень своенравная штука. Когда давишь банку, весь эйр внутри нее разом разгоняется. Я не знаю, как это объяснить. Представь, что вот этот камень за одну секунду стал в сто раз больше. Раздулся. Вот и разогнанный эйр так же. И если у него не будет выхода, он раздуется во все стороны разом. И остановить его невозможно. Разнесет все вокруг к шаргу.

— То есть, вставив в ствол гарпун... — Логи нахмурился.

— Именно. Мы заткнем эйру выход. И он начнет расширяться. Я три месяца готовил этот гарпун. Шлифовал и подгонял. Видишь эти кольца? Они идеально подходят к стволу, ни щелочки не остается. Скользят по всей длине. Они из мягкого сплава, иначе я бы с ума сошел их сводить. Эйр будет расширяться, но в этом жахателе камера очень прочная, удержит на какое-то время. А пока держит, гарпун вытолкнет, уже не страшно будет.

— Но скраппы же стреляют ломом. Да и баданги тоже.

— В скраппах стволы короткие и очень толстые, их никогда не забивают так, чтобы выхода не было. Да и гравики стоят. А в бадангах знаешь, какие потери эйра при выстреле? У нас бы гарпун даже метра не пролетел.

— Шаргова плесень, Брак. Почему ты мне сейчас об этом говоришь? Нахер так рисковать?

— А какие у нас варианты, Логи? Мы трофейщики, наше место в самой жопе. Ты сумеешь кинуть отсюда копьё так, чтобы медузе в узел попасть, или хотя-бы канал к гребню перебить? Я не смогу. А если с веревкой кидать, даже Гарпунщик не добросит. Или, может у тебя скраппа в заднице припрятана? — Брак незаметно для себя разгорячился и почти сорвался на крик. Тяжело пытаться за минуту убедить человека в том, в чем ты за полгода не смог убедить себя самого.

— Успокойся, — произнес Логи удивительно спокойным голосом. — Не ори. Ты гарпуном стрелял?

— Стрелял, один раз. Вторым не пробовал, надеюсь не понадобится.

— Хорошо. Значит все по плану, продолжаем. Брак, ты ссыкло и перестраховщик, но именно поэтому я все еще здесь и даже не бью тебе морду. Если ты уверен, что это сработает и готов рисковать своей шкурой — я с тобой. Будь тут серьезный риск, ты бы зассал и не пошел.

— Ну спасибо...

— Говорю как есть, — Логи отрывисто чеканил фразы, — Может, потом я все-таки набью тебе морду. О таких вещах предупреждать надо заранее. Но прямо сейчас мы сидим здесь, дожидаемся начала, потом добываем самую здоровенную медузу и всю ночь бухаем. А все завистники дружно катятся к шаргу. Ты в деле?

— Угу.

— Отлично, — кивнул толстяк, — О, как раз начинается!

— Где? — понурившийся Брак поднял голову, но ничего нового не увидел — Не вижу.

— Я соврал. Момент был больно подходящий.

Ждать пришлось еще минут десять. Тряпку, наконец, перестало рвать ветром, она желтой кляксой обвисла на стволе и вяло затрепыхалась.

Брак, в сотый раз перепроверяющий жахатель, сперва этого не заметил. Зато оживился Логи, который успел дожрать оставшихся в кульке медуз, опустошить флягу, и теперь развлекался: демонстративно разглядывал в окуляр светловолосую искательницу Гряземесов и выразительно причмокивал. Ту внимание толстяка не радовало, но идти выяснять отношения из-за подобной ерунды девушка не спешила. Ограничилась тем, что повернулась на своей лежанке на другой бок и отвернулась. Чем привела лысого в еще больший восторг, ведь даже прикрытый полупрозрачным плащом, другой бок радовал глаз.

Поэтому момент, когда ветер донес снизу неразборчивый крик, Логи встретил во всеоружии. Споро перевел окуляр, успев увидеть поднимающего сигналку Гарпунщика.

Жахнуло. От старшего загонщика в воздух рванула ослепительная ярко-голубая вспышка, поднялась на высоту пяти человеческих ростов, после чего погасла. На землю принялось медленно оседать ярко-зеленое облако, а по ушам стегануло резким протяжным звуком.

— Водоросли сушеные, — пробормотал поднявший голову Брак. Пропустить звук сигналки было невозможно.

Гарпунщик, теперь зеленый, поспешил к собравшимся со стороны Пятки охотникам. Он уже успел откуда-то вытащить свой знаменитый гарпун и теперь использовал его для опоры, чтобы не оступиться на гальке. Задремавшие на жаре охотники спешно просыпались, трясли затекшими конечностями. Натягивали свои плащи слабые духом и не желавшие потеть на солнце.

— Логи, ты туда не смотри, — Брак тронул за плечо обшаривающего взглядом бухту толстяка. — Сюда смотри.

Послушно переведя окуляр в указанном направлении, лысый увидел, как с черной громады Плещи срываются три стремительные тени. Красуясь, упали почти вертикально вдоль скалы, и лишь над самой кромкой воды резким маневром выровнялись, пошли вдоль берега.

Начавшего было разглядывать приближающихся летунов Логи снова прервал калека, вновь указав на вершину плато. Оттуда, вслед за стремительными флирами, неторопливо выплывал великолепный пурпурно-золотой гравицеп. Неторопливо, словно красуясь, он покинул плато, немного снизился и направился к центру бухты.

— Это еще кто? Брак, кто это? Я даже в трубу не вижу.

— Не знаю. В первый раз вижу. Похож на яхту.

Калека, набрал полную грудь воздуха, сложил руки куполом и прокричал соседу по насыпи:

— Ухол! Это кто?!

Тот в ответ лишь развел руками, показывая, что сам не знает.

— Неважно. Потом узнаем. Не пропусти, сейчас шугать будут.

Подлетевшие флиры замедлились, зависли над водой в четырех сотнях шагов от берега, как раз напротив площадки охотников. Два грязно-ржавых и один ярко-желтый. Вода под ними бурлила и пенилась.

Браку невольно стало обидно. В семье никогда не заморачивались окраской машин, предпочитая простые и понятные личные метки, но сейчас стало стыдно перед Гряземесами. Уж больно нарядно смотрелся их летатель в сравнении с машинами Котобоев.

Флиры, тем временем, выстроились в неровную линию, сбросили в воду тяжелые сплюснутые сферы шугалок на длинных веревках, после чего неспешно двинулись к берегу. Отсюда не слышно, но под водой сейчас творится шаргово безумие. Какофония звуков, от неритмичного глухого стука клешней глубоководных крабов, до пронзительных воплей катранов. Оказавшемуся сейчас в воде покажется, что его окружают все ужасы океанических глубин разом. И все они неистово орут. Над поверхностью воды при этом стоит полная тишина.

Долго, однако, тишина не продлилась. Не успели флиры преодолеть и четверти пути, как из-под водной глади рванулось вверх что-то огромное и стремительное. Вспучился исполинский водяной горб, и тут же опал, расплескался, прорванный в центре бугристым, грязно-серым гребнем. Вслед за гребнем, в облаке водяной пыли и брызг показалась сама медуза, вытянутый радужный пузырь, полупрозрачный, пронизанный бесчисленными красноватыми прожилками, судорожно пульсирующий.словно обычный мыльный пузырь, если бы в мире существовали мыльные пузыри размером с таргу.

Брак, сам того не замечая, судорожно стиснул побелевшими пальцами приклад Дум-Дума. В отличие от вечно отлынивающего толстяка, он на подобных охотах бывал, но разглядеть что-либо из темного кузова грузовика почти невозможно. Да и места у смотровых бойниц всегда доставались самым шустрым и сильным. Зато теперь, снаружи, наконец-то можно во всех подробностях разглядеть величественное действо.

Набухший над поверхностью бухты пузырь вдруг резко рванулся вверх, с покатою поверхности водопадами хлестала вода. Вслед за огромным радужным зонтиком, опоясанным мелко сокращающейся розовой бахромой, потянулся из воды толстый жгут переплетенных щупалец. Он все тянулся и тянулся, длинный, в несколько раз превосходящий высоту купола. Наконец, полностью вырвавшаяся из водной стихии медуза замедлилась, зависла неподвижно. Плотное переплетенное клубок конечностей зашевелился, распался на четыре толстых каната с утолщениями на концах, окруженных блестящим на солнце облаком щупалец поменьше.

Флиры резво развернулись, набирая высоту рванули в сторону океана. Исполнившие свое предназначение шугалки скакали по поверхности воды. И вовремя!

Вслед за первой медузой поверхность бухты буквально взорвалась, взбурлила бесчисленными пузырьками. Десятки медуз, от крохотных, с кулак размером, до настоящих гигантов, способных укрыть под куполом немалых размеров трак. Вся стая взлетела разом, вызвав высоченные, беспорядочно сталкивающиеся друг с другом волны.

Прильнувший к окуляру, возбужденно пританцовывающий Логи издал протяжный восхищенный вздох. До ушей докатился грохот падающей в море воды. С зависшей над величественной картиной яхты блеснул солнечный зайчик.

Брак, не меньше толстяка пораженный зрелищем, от ступора оправился быстро. Сунул руку в сумку, выудив небольшой шарик грязно-бурого воска. Отделив два крохотных кусочка, плотно заткнул уши. Жестами заставил лысого сделать то же самое, после чего сунул в руки толстяку банку. Логи запыхтел, разогревая.

Медуз, подобно парусам раскинувших широкие щупальца, наконец подхватил ветер, понес в сторону пляжа. Не слишком быстро по меркам летучих исполинов, но расстояние до

берега сокращалось на глазах. Охотники подобрались, взяли оружие наизготовку. В ложа метателей легли первые дротики. Скраппы пока молчали, над поверхностью воды сбивать медуз не было смысла.

Пузыри шли вразнобой, далеко растянувшись над водой. Впереди с десятков самых здоровенных. И именно по ним, едва тень первой медузы коснулась пляжа, почти синхронно жажнули тяжелые скраппы. Галька вокруг орудий брызнула во все стороны, прицепы ощутимо качнуло, с окрестных камней вспорхнули стаи перепуганных птиц.

В слепящих голубых вспышках рванулись к стае облака острых железных осколков. Ударили, снося содрогающиеся щупальца, рвя и уродуя полупрозрачные купола, дробя коралловые гребни. Водопадами хлынула на девственно-белую гальку зеленоватая слизь из развороченных металлом отверстий. Строй пузырей смялся, сломался, раненых повело к земле. Одна из огромных медуз, разорванная почти пополам, тяжело рухнула в воду у самой кромки берега, окатив волной колеса траков. Замерла, опала бесформенной грудой, судорожно тряся обрубками щупалец.

По ушам, слышимый даже сквозь плотные затычки, ударил пронзительный визг. Многоголосый, рыдающий, умирающие гиганты отчаянно сигнализировали остальным об опасности, но неумолимый ветер продолжал тащить стаю прямо в ловушку.

Крикам медуз вторили проснувшиеся тарги. От линии машин замелькали синие вспышки. Миновавших уже почти половину пляжа медуз накрыло настоящим штормом из металлического лома, от собравшихся внизу охотников дождем хлынули дротики. Упавших, все еще опасных и бьющих щупальцами, тут же глушили ручными жажателями, кололи длинными копьями, стараясь поразить скрытый в глубине куполов нервный узел. А на пляж выплывали все новые и новые пузыри, поменьше. Сбившиеся в плотное облако, стремящиеся как можно скорее миновать опасный участок и взмыть в небо, подальше от творящейся на земле бойни.

Дождались своего часа траки. Ударили снизу, почти вертикально, прямо под куполы. Медузы шли низко, попавшие под голубую вспышку будто взорвались изнутри, расплескали по пляжу куски щупалец и разодранных на части тел. Охотники привычно пригнули головы, укрываясь от потоков едкой жидкости и жалящих обрывков парусов.

Стая умирала. Слишком слаженно действовали охотники, слишком хорошо была подготовлена засада. Уши резал непрекращающийся визг. На глазах у Брака, кто-то из группы Ярлана ловким броском дротика сбил мелкую медузу, разом опавшую и затихшую. Повезло, попал прямо в нервный узел. А если бы перебил эйровую артерию к гребню, летающая тварь лишь плавно опустилась бы на землю, оставшись по-прежнему опасной. Гарпунщик, ловко орудя длинным дыроколом, добивал уже третью по счету медузу. Со стороны тарг, которым повезло разжиться скорострельными скраппами, вспыхивало голубым.

Брак все больше нервничал. Нагретая банка уже давно заняла свое место, наконечник гарпуна он раскалил еще раньше. Но до сих пор ни одна медуза не добралась до гребня, не сумела миновать бушующей внизу смерти. Шансы загарпунить хотя-бы средних размеров пузырь таяли с каждой секундой. Оставалось надеяться, что прорвется кто-то из мелочи, пройдет по краю. Скраппы разряжены, дротики у охотников заканчиваются — но и от стаи остались жалкие ошметки.

Удачный шанс заметил Логи. Хлопнул по плечу сжимающего в потных ладонях жажатель калеку, махнул рукой, указывая направление.

Там маленькой, крепко сбитой группой шли три пузыря. Один побольше, и два совсем малыша, не больше скиммера размером, гребни только-только сформировались. Им чудом удалось миновать место побоища, пройти почти над группой охотников, которым было тяжело прицельно швырять дротики прямо вверх. Удалось избежать случайного выстрела скраппы. И теперь счастливики, наконец, разогрели гребни и принялись набирать высоту, стремительно возносясь над каменной насыпью.

Охотники на гребне оживились. Сверкнул опереньем выпущенный из бандуры Ухола короткий темный дротик, прошел сильно ниже. Со стороны световолосой жажнуло синим, задело самым краешком одного из малюток. Того отнесло, парус рассыпался безвольно обвисшими веревочками щупалец. Оглушенная медуза просела в воздухе, прекратила набирать высоту и с силой ударилась, расплескалась о верхний край насыпи, истошно крича. Треснувший почти пополам гребень утянул ее вниз по камням.

Брак стиснул зубы. Ладони моментально вспотели. Приклад Дум-Дума больно впился в плечо, раскаленный докрасна наконечник гарпуна ходил ходуном. Быстро, слишком быстро поднимается большой пузырь, стремится как можно быстрее уйти в небо, на спасительную высоту. Там он полностью раскроет парус и, лавируя в потоках ветра, улетит туда, где его невозможно будет достать.

Поймал медузу в самодельный прицел. Хорошо, что цель такая большая, даже с такого расстояния выдается за границы грубо сведенной сетки. Только бы не промахнуться. Только бы не застрял в стволе самодельный гарпун. Только бы не запуталась веревка. Только бы затея с наконечником сработала как надо. Решившись, про себя попросил помощи у мамы и жахнул.

Дум-Дум больно лягнул в плечо, почти сбивая калеку с ног. Зато гарпун не подвел, оранжево-красным росчерком рванулся к цели, увлекая за собой стремительно разматывающуюся веревку. Секунда, и наконечник с шипением бьет в цель, прямо по нижней кромке купола. Вонзился хорошо, пробил кольшущуюся плоть на всю глубину, из неровной дыры ударили наружу струи зеленоватого пара.

Логи что-то восторженно орал, медуза визжала. Бешено содрогаясь, рванула вверх еще быстрее, оставляя за собой смертельно опасный каменный обрыв. Но было поздно. Размотались кольца веревки, разогнавшийся пузырь будто впечатало в невидимую стену. Звенящая от напряжения бечевка и рывок медузы едва не выдрали из тела гарпун, но сработал хитрый наконечник. Железные лепестки от рывка легко разошлись, распустились цветком внутри полупрозрачной пульсирующей массы.

Плоть гребневых медуз мягкая, податливая. Ее точно не хватило бы, чтобы раскрыть лепестки. Но Брак раскалил на совесть, даже стремительно остывающий, заживо кипящий полупрозрачные внутренности металл был все еще достаточно мягок, чтобы цветок раскрылся и надежно зацепился.

Огромный радужный купол завис на натянутой веревке, словно диковинный воздушный змей. Ошеломленная болью и резкой остановкой медуза, не в силах подниматься больше вверх, попыталась хотя бы вернуться в родную стихию. Щупальца безумно замелькали в попытке поразить неведомого врага, туша просела в воздухе и начала стремительно снижаться.

Брак все еще перезаряжал дрожащими руками жахатель чтобы оглушить медузу, когда схвативший Там-Там Логи вдруг сорвался с места и, в нарушение всех планов, тяжело побежал к падающей твари. Упрямо наклонив голову и глубоко накинув капюшон, толстяк

неся с грацией люторога, на замахе сжимая двумя руками любимую кувалду.

— Логи, стой! Да стой же ты, кретин! — Калека понятия не имел, что за моча ударила в голову лысому, но он прекрасно понимал, что именно тот пытается сделать. — Только не жахай!

Увы, восковые затычки в ушах и несмолкаемый визг заглушали любые крики. Да и услышь Логи напарника, вряд ли остановился бы. В чем интерес добивать оглушенного, беспомощного врага? Свою первую охоту толстяк собирался провести на своих условиях, поразить Там-Тамом настоящего противника, нанести первую честную зарубку на рукоять. Ну и выпендриться перед светловолосой искательницей, раз уж на то пошло.

Разогнавшийся толстяк добежал как раз в тот момент, когда купол с глухим влажным плюхом бухнулся на камень, разбросав в стороны разномастные щупальца. Логи пропустил над головой слепо ударившее полупрозрачное бревно, низко нагнув голову проломился через паутину судорожно шевелящихся серебристых канатов. Оказавшись вплотную к куполу, замахнулся и вдарил со всей дури обратной стороной кувалды, метясь под гребень, в красноватый клубок сплетенных нервов.

Тяжелый боек глубоко вонзился в податливый бок медузы, проминая себе дорогу. Врубился глубоко, но до клубка не достал. И в этот самый момент сработал механизм в оголовье, металлический штырь всей силой удара лысого громилы вмял пластину банки с эйром.

Там-Там жахнул. Нет, он ЖАХНУЛ. Выплеснул разогнанный эйр широким конусом, прямо внутри тела. Кувалду отдачей вырвало из рук толстяка, тяжелая железная болванка вывернулась из раны и отлетела далеко в сторону. Но медузе уже было все равно. Внутри купола, там, куда ударила синеватая вспышка, вспух разрывающий все в клочья пузырь. Силящийся вырваться наружу эйр в разорвал нервный узел, разнес все то, что можно было бы считать мозгом. Из оставленной кувалдой раны ударил наружу широкий фонтан ошметков и зеленоватой жидкости. Ему вторил фонтан поменьше, вытолкнувший из тела глубоко засевший гарпун вместе с солидным шматом полупрозрачной плоти. Издыхающая медуза издала последний пронзительный вопль, судорожно хлестнула по сторонам щупальцами и затихла.

Толстяк, умудрившийся поймать под сбившийся капюшон солидную порцию медузых внутренностей, пошатнулся, попытался стереть с лица липкую обжигающую дрянь, но не успел. Бешено хлестнувшее в агонии толстое щупальце ударило его в грудь, отбросило. Тело вопящего Логи, пролетев с десятков шагов, прокатилось по камням и замерло неподвижно.

Заменивший банку Брак не успел. Да и как-бы он мог успеть, лысый рванул слишком быстро, бежал к цели разогнанным траком. Чудо, что ему вообще удалось подбежать на расстояние удара, медузы всегда чутко реагируют на присутствие, бьют не задумываясь огромными щупальцами, оплетают жгучими канатами и нитями. Разве что удар об землю на секунду оглушил, ошеломил летучую тварь. И даже в этой ситуации, толстяк сделал все возможное, чтобы сдохнуть. Вот какого шарга ударил жахателем? Да, медузу это пришибло моментально, но такого же результата можно было бы добиться, просто ткнув длинной острой палкой в нервный узел. Особенно легко это сделать, если предварительно оглушить жахателем. Собственно, они так и планировали, надежно и безопасно. А теперь напарник валяется кулем, неизвестно живой ли вообще. Лежит неподвижно, в неестественной позе, неподалеку от любимой кувалды.

Калека спешил как мог, хромал по направлению к напарнику. Только бы не помер

жирный. Особо теплых чувств к нему Брак не испытывал, но именно Логи заявился на охоту и трофей. Без него добыча достанется либо семье, либо войдет в общую долю. Тут уж как старший сборщик решит. И что-то подсказывало парню, что жадный Чегодун своего не упустит.

Повезло. Толстяк был жив, вяло ворочался на спине. Дышал тяжело, широкая рожа вся в ссадинах и кровоподтеках, лысина заляпана внутренностями медузы. Заметив прихрамавшего калеку, он что-то проговорил. Брак вынул из ушей затычки, благо бесконечный визг уже прекратил ввинчиваться прямо в мозг.

— Что?

— Смой с меня это говно, шаргова плесень! А-а-а-а, су-ука, как же жжется!

Вся левая половина лысины и часть лица выглядели ужасно. Багровые, распухшие, левый глаз заплыл под слоем зеленоватой слизи. Яд медуз действует быстро, проникает глубоко. Если не успеть быстро смыть гадость и смазать пораженные места специальной мазью, может навсегда изуродовать. Не говоря уже о том, что яд парализует. Не сразу, но конечности немеют, перестают слушаться. Хотя толстяк еще почувствует это на своей шкуре через четверть часа.

Брак смыл слизь водой из фляги, руками смахнул ошметки. Обжечься не боялся, красноватая паста защищала надежно. Лысый стонал и грязно ругался, пытаясь выпутаться из перекрутившегося плаща.

На медузу внимания не обращали, не до этого. Лежит себе и лежит. Как оказалось, зря.

Над напарниками промелькнула на мгновение закрывшая солнце тень, ударил по ушам басовитый гул. Ветер донес с обрыва истошный вопль светловолосой:

— Беги-и-ите! Дра-а-ак!

И на бесформенной кучей лежащую медузу тяжело опустился драк.

Драков не зря называют королями небес Гардаша. В пищевой цепочке крылатые создания занимают почетное верхнее место. То есть жрут вообще всех, и даже иногда друг друга. В небесах с ними сравниться не может никто, летают высоко и с огромной скоростью. Крылатые, с мощными задними лапами и длинным хвостом. Тупорылая голова на длинной шее покрыта острыми костяными наростами, поджарое тело надежно защищено мелкими чешуйками. С драками опасаются связываться даже одинокие гравипцы — никогда не знаешь, что взбредет в голову твари, не расценит ли она летающий корабль в качестве своей законной добычи. Догнать драка в небе невозможно, убежать от него — тоже. Горе тому флиру, которого заметит в своих владениях властелин небес. Налетит сверху, ударит когтями, после чего выковыряет из расплескавшихся по земле обломков сладкое мясо. Может и целиком схватить, унести в свое логово.

Хуже всего то, что драки весьма умны. Прекрасно знают, что в воздухе у них противников нет, чем беззащитно пользуются. Они почти никогда не летают поодиночке, формируя постоянные пары, охотятся вместе. Выбирают добычу придирчиво, благо зрение у них великолепное. Ловят кривыми когтями отбишихся от стадов люторогов, воруют скот у фермеров, могут даже нападать на траки, выхватывая беспечных наблюдателей, прозевавших появление небесного охотника. И конечно охотятся на гребневых медуз, которых ящеры просто обожают. Может из-за вкуса, а может из-за богатой эйром плоти. Эйра дракам нужно огромное количество, многочисленные эйносы в их телах потребляют целую прорву топлива.

Особо старые и матерые драки могут даже плевать сгустками горячей жидкости, которая способна с легкостью плавить металл. Охота на таких необычайно сложна, кому охота связываться с умной тварью, которая может плевром превратить таргу в груды оплавленного металла? Хотя именно из тел старых драков добывают целую кучу ценных ресурсов и мощных эйносов. Существуют целые семьи и банды вольников, живущие исключительно охотой на крылатых рептилий. Но чаще всего драков просто отгоняют, благо у тех обычно хватает мозгов не лезть на непредсказуемых двуногих в странных железных коробках. Могут больно ужалить.

Приземлившийся драк матерым не был, но и не детеныш. Молодой самец с синей чешуей, только вошедший в силу. Самку, похоже, еще не успел найти, охотится один. Иначе бы напарники уже были мертвы, атакуют пары стремительно и одновременно. Спасло лишь то, что ящер явно предпочел распластанную по камням медузу мелким двуногим.

Хотя даже просто своим приземлением драк наделал дел. Широченные перепончатые крылья шумно хлопнули, хлестнули по земле потоки раскаленного воздуха из бочкообразных утолщений на запястьях. Брака и поднимающегося Логи опрокинуло воздушной волной, протащило по земле. Ящер, не обращая внимания на людей, начал деловито обрывать лапами раскинувшиеся по земле щупальца, по-раповому наклоняя голову.

— Брак, эта сволочь жрет нашу медузу! — голос лысого срывался от напряжения и боли. Приподнявшись на локте, он вперил возмущенный взгляд в драка, обстоятельно хозяйничавшего над полупрозрачной тушей. — Жахни его!

— Тебе с медузой не хватило, решил сдохнуть насовсем? — Брак с трудом привстал на колени. Многострадальный ремешок на протезе наконец не выдержал и лопнул, бесполезная

железяка откатилась в сторону обрыва. — Он от жажателя даже не почешется, а нас заметит и сожрет. Сейчас щупальца оборвет, за гребень когтями подцепит и свалит.

— Ну так останови его! Гарпуном жхни. Какого шарга, мы что, впустую корячились? — Логи тяжело поднялся и пошел к Там-Таму. Подобрал, морщась от попавшей на руки слизи, в которой была перепачкана кувалда. С трудом выбил из захвата использованную банку и полез в карман за новой.

— Логи, не вздумай! Только разозлишь.

— Иди к шаргу, ссыкло. — Толстяк выудил из кармана заправленную банку и, чувствуя как немеют горящие огнем пальцы, принялся неловко перезаряжать Там-Там.

Брак лихорадочно соображал. Сейчас драк избавит медузу от лишней тяжести, откромсает щупальца и понесет вкусную тушу в безопасное место, чтобы там спокойно сожрать. Но кто даст гарантии, что перед этим он не обратит внимание на копошащуюся неподалеку закуску? Пасть у ящера здоровенная, человека драк такого размера может проглотить в один присест. А даже если не обратит внимания, то утащит медузу, значит все планы покатятся к шаргу. И ведь уже почти получилось, затея с гарпуном сработала идеально, даже несмотря на безрассудство Логи.

Жахнуть гарпуном? Но запасной гарпун остался у обрыва, да и не факт, что сработает. Разве что в голову удачно попасть, но драк это не медуза. На месте не стоит, вертит тупорылой башкой из стороны в сторону, отрывая конечности медузе. Только разозлишь, со все тем же печальным исходом. На других охотников надежды нет, Квок все еще судорожно крутит ворот своего арбалета, разведчицы не видно. Наверняка нырнула вниз с утеса, под защиту скрапперов. Жаль, что остальные охотники остались внизу. Драка они скорее всего заметили, но сделать ничего не могут. Умная тварь выбрала идеальный момент. Сейчас бы оглушили ящера с тяжелых скрапп, после чего добились. Даже без лома, который вряд ли успели перезарядить, тяжелые скраппы жахают страшно. Хмм, жахают...

Брак ухватился за внезапно пришедшую в голову мысль. Покатал в голове так и этак. Может сработать. Точнее, учитывая их ситуацию, это единственное, что может сработать. Если получится, драка удастся здорово шугануть, а может и ранить. От медузы он точно отстанет.

— Логи, ты банку от пилы не просрал? Дай мне.

— Держи, — подошедший толстяк протянул калеке увесистую колбу. Он уже перезарядил кувалду, но отнюдь не горел желанием бежать бить драку морду. Даже с Там-Тамом, слишком уж разные весовые категории. Схарчит и не заметит. — Придумал что?

Брак, не ответил. Достал из сумки последний оставшийся заряд от жажателя. Прикинул две банки друг к другу. Если расположить выходное отверстие малой банки прямо напротив мембраны в большой банке, а потом жахнуть... За результат он поручиться не сможет, но что-то точно произойдет. Главное — не ошибиться.

Сводить заправленные банки напрямую очень опасно, металл нагревается слишком сильно, эйр внутри может рвануть. Парень вытащил из сумки два коротких металлических штыря, наскоро раскалил, прихватил банки по внешним стенкам. Плеснул водой из фляги, кое-как остужая конструкцию. Теперь нажимная пластина.

— Брак, давай быстрее. Сейчас улетит, — рожа нависшего толстяка выглядела жутко, вся левая половина багровая и распухшая, правый глаз смотрит бешено.

— Не отвлекай.

Нужно что-то, что нажмет пластину. Вдавит ее внутрь, запустив процесс. Брак

судорожно перебирал содержимое сумки. Штырей не осталось, всякая мелочевка не подойдет, у фляги слишком широкое горлышко, нож... Нож!

Жаль терять мамин подарок, но больше ничего подходящего не было. Раскалив металлический торец рукоятки, Брак с силой приставил ее к пластине, тут же залив остатками воды. Свелось криво и ненадежно, зато банка не успела нагреться настолько сильно, чтобы эйр разогнался.

Получившаяся конструкция поражала своей нелепостью. Две криво сведенные железными штырями разномастные банки, из которых устрашающе торчит лезвие ножа. Логи смотрел с явным сомнением, но Браку было плевать. Он сунул хреновину в руки толстяка и указал в сторону примеривающегося взлететь драка:

— Швыряй. Так сильно, как сможешь. Постарайся не попасть в медузу, нож должен удариться о камень. Потом падай.

Лысый не стал задавать лишних вопросов. Прикинул в руке увесистую болванку, оценил расстояние. Шагов сорок, может больше. Жаль, что левый глаз не видит, сложно оценить расстояние. Толстяк глубоко вдохнул, широко замахнулся и с ревом швырнул уродливую хреновину в сторону драка, после чего кулем упал на живот, закрывая голову руками.

То ли глазомер все же подвел громилу, то ли яд медуз наконец себя проявил, но пролетела болванка едва ли половину расстояния, ткнулась тупым концом в камень и бессильно покатила по дуге. Калека едва не заплакал от разочарования. Драк, избавив купол от щупалец, уже ухватил коралловый гребень когтями и теперь неспешно расправлял крылья, поводя огромной башкой. Глаза, прикрытые бронированными прозрачными перепонками, внимательно следили за возней двуногих.

Из бочек на запястьях послышался зарождающийся гул. Еще немного, и мощные струи перегретого воздуха подбросят исполина в воздух, вместе с взмахами крыльев потащат ящера в небо. И допустить этого никак нельзя.

Брак крепче ухватился за жахатель, рывком поднял себя на ногу. Упер приклад в подмышку, и поковылял в сторону ящера. Не так уж и далеко, но это последний шанс, лучше подойти поближе.

Драк уже почти взлетел, когда калека остановился. Тяжело опустился на колени, взвыл из-за впившегося обломка камня. Стараясь не обращать внимания на боль, вскинул Дум-Дум. Прижался щекой к нарисованному на прикладе глазу. Выдохнул, наводя прицел, и жахнул.

Вырвавшийся из ствола сноп голубого света устремился к уже замершей связке банок. Широкой полосой, увлекая за собой мелкие камешки и пыль. Ударил, подбросил, швыряя тяжелую конструкцию прямо на шипящего ящера, который неистово мотал головой от яркой вспышки.

Выстрелив, Брак не стал бороться с отдачей. Завалился от пинка приклада назад, перекатился на живот и замер, закрыв уши и уткнувшись щекой в камень.

Секунду ничего не происходило, парень уже успел подумать, что и в этот раз ничего не вышло. А потом за спиной разом пропали все звуки. Длилось это всего мгновение, после чего по ушам ударил такой оглушительно вибрирующий скрежет, словно миллионы гравок взвыли одновременно. Голубая вспышка затмила солнце, расцветила камни призрачно-синим.

Спину Брака обожгло, по заднице как будто пнул великан. Парня подбросило, приложило об землю, выбив воздух из легких, потащило дальше по камням, немилосердно

обдирая лицо и руки. Под конец он уже просто катился, плотно прижав ноги и руки к телу, пригнув голову и молясь всем предкам, чтобы не сорваться с обрыва и не поймать затылком булыжник.

То ли предки действительно приглядывали за своим потомком, то ли калеке просто повезло, но остановился он удачно, даже ничего не переломал. Толстенный плащ не по размеру тоже сыграл свою роль, смягчив самые сильные удары. Мотающий головой Брак попытался приподняться, но подвели предательски дрожащие руки. Когда же удалось наконец выпрямиться на руках, подвел желудок, выплеснув из себя воду вперемешку с остатками полупереваренных медузок.

Проблевавшись, парень смог приподнять голову и осмотреться. Картинку немилосердно вело из стороны в сторону, взгляд расплывался, вокруг что-то влажно шлепало, но главное он успел увидеть.

Неизвестно, что именно послужило причиной прорыва разогнанного эйра. Может, запущенная Дум-Думом в полет конструкция все же смогла приземлиться точно на лезвие ножа с достаточной силой, чтобы продавить пластину. А может сам ящер инстинктивно попытался прихлопнуть мелкий летящий предмет. Как теперь узнать? Но сработало все именно так, как и задумывалось.

Эйр в малой банке разогнался, пробил тонкий металл стенки и устремился к единственному выходу, который, как назло, был перегороден тонкой мембранкой второй банки. Прорвал ее, рванул внутрь, сдавил заправленный эйр всей своей мощью. И разогналось уже все содержимое разом, разнося в клочья железное узилище и вырываясь наружу в ослепительной вспышке.

Медузы больше не было. Ее водянистое тело разметало в клочья, разбросав полупрозрачные ошметки по окружающим камням. Оторванные щупальца, размочаленные и грязные, ударной волной зашвырнуло далеко от места буйства разогнанного эйра. Растрескавшийся гребень, вырванный из лапы драка, валялся рядом.

Самому драку явно было очень плохо. Ящера здорово оглушило, отбросило от останков медузы. Левая лапа разворочена, шкуру с груди сорвало, обнажив белесые ребра. Крыло посечено осколками банок, на камни водопадом хлещет красная парящая кровь. Но до смерти зверюге явно еще далеко, даже не покалечен сильно. Машет тяжелой башкой, приходит в себя.

Логи, находившийся от выброса дальше Брака, почти не пострадал. Уже поднялся на ноги, руки сжимают рукоять кувалды. Глаз горит восторгом, лысина красная, вспухшая, плащ расстегнулся. Толстяк стоял пошатываясь, выжидая.

Ящер тем временем принял решение. Прекратил мотать головой, устремил взгляд в сторону моря. Слишком больно, слишком неожиданно, слишком страшно. Жирная сочная медуза, его законная добыча, оказалась хитрым врагом. Заманила поближе, а потом больно хлопнула. Все тело теперь болит, в глазах двоится. Это не опасно, надо лишь добраться до скрытого в прибрежных скалах логова, отлежаться, отдохнуть. Всего несколько недель, и он снова будет наводить ужас на побережье, жрать сочных медуз и гонять катранов. Хотя от медуз лучше держаться подальше. Какое-то время.

Драк, тяжело прихрамывая на лапу, развернулся к бухте. Расправил крылья, живые турбины вновь загудели, разгоняясь. Выгнул спину, отклячил задницу, хвост приподнялся.

Логи, поняв что неудавшийся похититель медуз намеревается смазать пятки и сбежать, тяжело бухая сапогами побежал наперерез к обрыву. Тело слушалось плохо, мышцы немели с

каждой секундой, обожженные участки кожи горели огнем. Сам он плохо представлял, что будет делать с летающей тварью размером с два трака, но позволить ей уйти просто так он не мог.

Ящер начал разбег. Тяжело подволакивая ногу, переваливаясь как беременная кракка, широко расставив крылья и вытянув длинную шею. За раненой рептилией тянулся широкий кровавый след, лапы проскальзывали на ошметках медузы, но она упорно продолжала разгоняться.

Вообще, драки вполне могут взлетать с места, даже с тяжелым грузом. Но только здоровые, полные сил и эйра. Сейчас же, с покалеченным крылом, оглушенный и страдающий от боли, повелитель небес избрал гораздо менее изящный способ взлета. Предпочел, разбежавшись, прыгнуть со скалы. Там перепонки поймают ветер, живые турбины в крыльях, напившись эйром, толкнут тушу вперед, после чего стремительно набирающий высоту ящер исчезнет в высоте. Небесно-голубая чешуя сольется, растворится в синевой неба, скрывая силуэт от возможных врагов. А там уже и до логова недалеко.

Помешали планам драка две вещи. Сперва рассерженным шмелем влетела в голову короткая темная стрела, застряла в углу левого глаза, пробив бронированную мембрану. Ящер заревел, его сильно повело вправо, из пробитого желтого ока хлынула кровь вперемешку с белесой слизью. Но не остановился, до спасительного обрыва оставалось всего ничего, забил неистово огромными крыльями. Бегущий наперерез двуногий опасений не вызывал, да и железка его не страшна.

Логи бежал изо всех ног, но все равно не успевал. Шаргов похититель медуз рванул слишком быстро. Да и толстяк сейчас не в лучшей форме, к тому же бег никогда не был его сильной стороной. Драк уже почти добежал до обрыва, когда вдруг оглушительно заревел и резко сменил направление, принимая ближе к Логи. Здоровяк все равно катастрофически не успевал, поэтому сделал единственное, что пришло в голову.

С криком: “Это тебе за медузу, сволочь!” — метнул вслед прыгнувшему с обрыва ящеру кувалду, а сам с огромным трудом остановился, проскользив по камням.

Кувалды летают паршиво. Точнее, летают они весьма неплохо, хоть и недалеко, особенно если отправлены в полет сильной тренированной рукой. Но, во-первых, не так то просто найти сильного человека, который тренируется метать кувалды. А во-вторых, попасть с солидного расстояния во что-либо меньше кузова трака, особенно если цель движется, почти невозможно. Но любовь ломает все преграды, как любят вещать расфуфыренные островные барды в своих сопливых сонетах, а Логи свою кувалду любил.

Там-Там тяжело прогудел в воздухе по пологой дуге и впился летящему драку в задницу. Точнее в то место, где задница плавно переходит в длинный, мясистый хвост. Гулко жажнул, подмигнул на прощанье глазом и, вертясь как пропеллер флира, улетел куда-то в сторону моря.

Уже поймавший ветер драк, получив в родной стихии неожиданно болезненный пинок, тонко и истошно завизжал. Не упал, летящего ящера сбить почти невозможно, но просел на левое крыло. После чего, роняя навоз и истекая кровью из многочисленных ран, низко прошел над площадкой охотников в сторону моря. Шарахнулся от висящей над бухтой яхты и, с трудом набирая высоту и безостановочно вопя, полетел в сторону Пятки. Вслед удирающему драку полетели дротики, жажнули несколько скрапперов, но достать шустрюю цель не смогли. Зато один из кружащих над бухтой флиров Котобоев, заложив крутой вираж рванул за подранком, не жалея эйра и надсадно гудя турбинами.

На крышу чьего-то трака тяжело рухнул оторванный с мясом кончик хвоста, покрытый мелкой синей чешуей.

На краю обрыва обессилено рухнул на камни Логи.

Рядом с испуганно заоравшим Чегдашем звучно рухнул Там-Там.

Брак выругался, рухнул и потерял сознание.

Висящая над бухтой гравияхта задумчиво покачала плавниками и неспешно поплыла в сторону Плеши.

Глава 12

Героем дня стал Логи. Его невероятный бросок видели и слышали многие, светловолосая успела предупредить охотников о появлении опасной твари и взоры многих были обращены в сторону обрыва. Жаль, не успели навести скраппы, никто не ожидал, что шаргова тварь решит избрать путь для бегства прямо над площадкой. Да и сам факт того, что драк решит сбежать, в голове не укладывался. Потому и не накрыли на взлете, позволили уйти на высоту. Но это не страшно, флир подранка не отпустит, проследит беглеца до логова, даже если для этого понадобится сжечь весь эйр и возвращаться ногами. Слишком уж ценная добыча.

Взрослый драк это целый новый флир, ценная мембрана на крыльях, способная удерживать давление эйра, наглазные щитки и многое другое. Даже бестолковая чешуя пойдет в дело, модники с севера готовы солидно платить за переливающиеся куски обработанной шкуры. Драка не упустят, запрут в логове, забьют и выпотрошат. Вон, уже собирается рейд из самых опытных охотников.

А бросок Логи, как это водится, стремительно обрастал слухами и выдумками. Счастливые очевидцы охотно делились деталями с неудачниками и прибывшими на пляж сборщиками, ввали, безбожно приукрашивая и дополняя совсем уж дикими подробностями. Внимательно обследовавшие место битвы охотники так и не поняли, что именно там произошло, а размазанная ровным слоем по равнине медуза и крепезж веревочного гарпуна лишь добавляли загадочности и порождали новые слухи.

Ухол с горящими глазами рассказывал про битву и сувал каждому под нос бандуру, из которой лично выбил драку глаз. Механику не верили, просили подробности, но он и сам ни шарга не видел, большую часть времени перезаряжая клятый арбалет. Услышал грохот, заправил стрелу — а уже в следующий момент мимо несется удирающий от толстяка ящер, которому Ухол и засадил стрелу прямо в глаз. Вот прям точно в глаз, клянусь эйром, сами увидите, когда драка добудете.

Сам виновник переполоха валялся в кабине трака Гарпунщика, весь перемотанный бинтами и обмазанный вонючей мазью от яда медуз. Был он сильно не в духе, страдал от боли, поэтому всех желавших подробностей слал к шаргу и смачно харкал в приоткрывающуюся дверь. Двигаться лысый пока не мог, парализованные мышцы повиноваться отказывались.

Брак сидел в кузове знакомой тарги совершенно опустошенный, прилаживал ногу и с отвращением глядел на происходящее вокруг. Пляж поменялся радикально и отнюдь не в лучшую сторону. Заваленный обрубками вяло шевелящихся щупалец, залитый зеленоватой слизью и ошметками плоти. Повсюду валялись все еще радужно переливающиеся на солнце купола дохлых медуз. Дневное светило уже вовсю принялось за работу, размочаленные и изодранные туши исходили влажным вонючим паром, стремительно теряя влагу и усыхая. Опавшие, расплескавшиеся о камни, растерявшие всю свою величественность.

Над пляжем вились настоящие тучи чаек, стремившихся урвать свою часть добычи. Птицы были повсюду, на камнях, на тушах пузырей, важно прохаживались по гальке ни шарга не боясь. Их пронзительный многоголосый ор противно звенел в ушах.

А по пляжу, подобно огромным черным птицам, бродили целые группы людей, занимаясь примерно тем же самым. Шесть траков с грузовыми прицепами прибыли аккуратно

после окончания охоты, вынырнули из Подмышки, аккуратно спустившись по камням. Высыпавшие из кузовов рабы и сборщики, во главе с Визрой и Чегодуном, поздравили охотников с удачной охотой, после чего принялись за грязную работу. На свет извлекли эйровые пилы, крючья, топоры и прочий мясницкий инструмент. Сборщики облачились в защитные плащи, натянули на лица глухие капюшоны, а на руки — толстые перчатки. Рабам достались высокие штаны из пропитанной ткани и тележки на высоких колесах.

Пляж наполнился визгом пил. Сборщики облепляли медуз как муравьи и начинали по кусочку из разбирать. Кромсались на ломти толстые щупальца — их до вечера высушат на раскаленном металле, сложат в ящики и отправят на кухни. Щупальца поменьше так же кромсали и сушили, из них получались те самые медузки, знаменитая закуска кочевников. Яд из них теряет свою силу, как только полностью уйдет влага, после чего маленькие кругляши щедро засыплют смесью соли и сушеной пустынной колючки.

Аккуратно срезалась ножницами бахрома под куполом и длинные пучки тонких серебристых нитей. Именно их пузыри используют для сбора эйра из воды и воздуха. Покрытые бесчисленными невидимыми волосками, паутинки цепляют на себя мельчайшие голубые частицы, вылавливают их даже из самого бедного воздуха. Нити очень ценны, из них плетут сетки для конденсаторов, делают водные ловушки для флиров, активно продают всем, кто готов хорошо заплатить. Некоторые из островных садмов, по слухам, даже носят одежду целиком из медузьего шелка, отдавая за нее целые состояния.

Купол тоже идет в дело. Богатая эйром плоть рубится на здоровенные куски, сушится и измельчается в порошок. Часть смешают с водорослями и специями, запрессуют в твердые темные пластины вурша. Часть пойдет на продажу, а часть на всевозможные мази, притирки, масла. Большая часть медицины кочевников так или иначе использует порошок из медуз, он же, в качестве благовоний, используется во множестве клановых церемоний.

Под конец дело доходит до гребня. Его аккуратно обстукивают молотками, раскалывают, извлекая на свет перекрученную костяную спираль — гравку. То, ради чего и затеваются большие охоты на гребневых медуз. Других эйносов в пузырях нет, но гравки абсолютно незаменимы, в них всегда недостаток и они всегда в цене. Чем больше медуза, тем больших размеров гравку из нее можно извлечь. Самые огромные и мощные пойдут на гигатраки и гравицепы.

В результате действий сборщиков, от исполинской туши остается лишь лужа дурно пахнущей слизи, обломки гребня, да мелкие позабытые ошметки, на которые тут же набрасываются птицы. Работают споро, на одну медузу уходит меньше пятнадцати минут. Первыми потрошат тела у воды, спешат до прилива. Рабы с тележками вереницей оттаскивают добытое для сушки к разложенным прямо на камнях широким железным листам, лениво подогреваемых садмами. Работы у них пока не много, солнце и так прекрасно справляется с нагревом листов, но ближе к вечеру придется напрягаться.

Глядя на разделку, Брака снова затошнило, хотя казалось бы, все оставил там, на обрыве. Морской воздух смешивался с кислым запахом эйра, вонью гниющих водорослей и моллюсков, к этому добавилась пряная вонь дохлых медуз. Скрыться на пляже от мерзкой смеси запахов было невозможно, приходилось сжав зубы терпеть. Да и пляж, заваленный полупрозрачными тушами, действовал угнетающе. Слишком уж велика была разница между величественным зрелищем всплывающих из бухты пузырей и этой зловонной бойней.

Терпеть осталось недолго. Работа охотников закончена, скоро все желающие погрузятся и отправятся обратно на плато. Останутся лишь сборщики, которым вкалывать на пляже до

глубокого вечера, и желающие отправиться за недобитым драком. Хотя последним еще придется дожидаться возвращения отправившегося за ящером флира.

К тарге подошел мокрый с ног до головы Квок. С кряхтением бухнул в кузов здоровенное ведро с морской водой, после чего принялся аккуратно развешивать по бортам влажные вещи для просушки.

— Спасибо.

Брак благодарно кивнул и принялся тщательно отмываться. Идти с другими охотниками к бухте не хотелось из-за неизбежных насмешек над голым калекой. Да и не в том он состоянии, чтобы так далеко хромать до чистого участка пляжа. Напротив охотничьей площадки вся вода была загажена слизью и кусками медуз, напоминая густой, кишасший падальщиками бульон. Ближе к центру бухты уже появились первые раздвоенные плавники катранов, привлеченных запахом добычи.

— Не за что, — Гряземес криво ухмыльнулся. — Мы вам еще и должны останемся.

— Это почему?

— Отец отправляется за драком. Если его добудут, трофеи с десятков медуз перекроют по цене.

Квок повесил оба серебристых плаща на борт и снял сетчатый наглазник. Глаза у него были уставшие, необычайно светлого оттенка.

— А сам чего не хочешь?

Калека закончил мыться и теперь полоскал изгвазданные вещи.

—хлопотно. Я сюда ехал отдохнуть, развеяться после мастерской. Одно дело — на скорую руку покидаться дротиками и к вечеру в лагере быть. А драка поди еще выследи, да и не факт, что у него логово на суше. Вдруг засел где-нибудь на островке. Потом ночи еще дожидаться, пока тварь заснет. Целый день терять во время схода мне не улыбается.

— А отец твой зачем тогда поперся? Ему заняться больше нечем?

— У него выбора нет. Он старший искатель, других настолько опытных здесь нет. У вас же, как ее, Чегила?

— Чагила. Ее сейчас нет, уехала к Южной.

— Угу. Ваша старшая еще шарг знает когда доберется. А дорогу до логова разведать надо, провести машины так, чтобы драк не заметил и не сбежал. Тут навыки нужны.

Брак закончил с одеждой, принялся отмывать оружие. Жахатель почти не пострадал, если не считать изувеченного прицела — сетку сплющило ударом о камни после прорыва эйра. Не страшно, доберется до мастерской — переделает. К тому же, реальная охота выявила многочисленные недостатки конструкции. Там-Там пострадал от падения гораздо сильнее. Погнутая рукоять, смятая и перекошенная набок банка. Кувалду придется чинить первой, иначе обнаруживший повреждения толстяк не отстанет, будет ходить и нудить. Благо, ремонт несложный, кувалду вообще проблематично сломать. А жахатель там примитивный.

Гарпуны были в порядке, так что единственной безвозвратной потерей стали банки и нож. Банки разметало в клочья, часть осколков скорее всего застряла в драке, часть раскидало по камням. А вот клинок погиб безвозвратно, даже рукоятку найти не удалось. Жаль мамин подарок, но без него не вышло бы так быстро соорудить эйровую бомбу.

Помывшиеся охотники уже начали понемногу расползаться по машинам. Кое-кто все еще бродил по пляжу с нюхачом в поисках утерянных дротиков, хотя обычно этим занимаются сборщики. Тут и там из гальки извлекались острые железяки, придиричиво

осматривались. Многие красили дровяки или повязывали яркие куски ткани, чтобы потом не было проблем с поиском своего оружия.

К тарге подошел бородатый водитель. Как Брак уже успел выяснить, звали его Копун, из загонщиков Гряземесов. Его скраппа была в ремонте, но пропускать охоту не хотелось, вот и отправился за наводчика к прицепному скрапперу.

Махнув рукой парням, бородач полез ковыряться с гравкой и проверять кузов на гразгов. Сначала молча, но потом любопытство взяло верх.

— Слышь, калека. Ну вы там учудили на гребне. А лысый правда пузырь с броска загарпунил?

Брак поморщился. Копун был не первым и вряд ли будет последним, кто подходит с расспросами. Малая доля славы Логи досталась и парню, в основном как единственному, помимо Ухола, очевидцу событий. Всерьез считать, что увечный принимал участие в бою, никому в голову не приходило, но расспрашивали настырно. Даже Чегодун с Гарпунщиком подходили. Задали пару вопросов, оглядели Там-Там и гарпуны, после чего свалили.

Брак, во избежание, всем говорил что ни шарга не помнит, демонстрировал внушительную шишку на затылке и истрепанный плащ. Любопытствующие разочарованно кивали и шли додумывать детали самостоятельно.

Старший сборщик перед уходом хмуро заявил, что хотя от медузы мало что осталось, свою часть трофеев Логи получит. То, что получится собрать. С драком пока непонятно, но тоже кое что должно перепасть. А вот калека в это полез зря, лучше бы сидел в “Мамаше” и возился с железками, вместо того, чтобы по камням протезом звенеть. У Часовщика работы много, нехрен дурью маяться. После чего старший сборщик еще раз напомнив об отцовском долге и утопал на разделку.

Гарпунщик же ничего не сказал, зато подмигнул, кивнув на гарпун, и отправился вслед за Чегодуном.

— Копун, я не видел ничего. Об камень ударился.

— А что жажнуло так? Тоже не видел? Это кувалда его?

— Не видел. Логи в порядок придет, сам у него спроси.

— Так он с нами не едет. В траке повезут, он же пока ходить не может.

— На стоянку приходи. Он вечером проставиться обещал. К попойке точно в себя придет, не пропустит.

Квок, слушающий разговор, сдержанно хмыкнул:

— Копуну на попойку нельзя. У него жена. Думаешь, зачем он сюда без скраппы поперся? Всю дорогу до бухты наливался, чтобы к вечеру выветрилось.

— Иди к шаргу, парень. Нихрена ты не понимаешь, потому что молодой и тупой.

— Что именно я не понимаю? Что ты тайком от жены побухать ездешь?

— Я же говорю, тупой ты. У вас, молодых, все просто: захотел выпить — выпил. Не хочешь — не пьешь. Но поживи с мое, пресытишься простыми путями. Выпить когда захочется — это пресно и скучно. Думаешь, мне жена не разрешает?

— Ага, так и думаю, — Квок улыбнулся и подмигнул Браку. — Разве нет?

— А вот и нет. Чем ты старше, тем больше ритуалов изобретаешь. Тебе уже мало просто выпить, тебе надо выпить так, чтобы это было твое. Кто-то пьет только из стеклянных бутылок. Кто-то только по хорошему поводу. Кому-то обязательно нужна хорошая компания, или проверенный собутыльник. Кто-то и вовсе пьет только островной ром двенадцатилетней выдержки, обязательно горячий и смешанный с вуршем. И на закуску исключительно

медузки из середины щупальца, а то вкус не тот. У меня вот такой ритуал, люблю пить в тарге, за рычагами. Чтобы больше никого в кабине, и солнце в харю светило. Руку с флягой в окно выставишь, такая благодать...

— Мне кажется, или ты только что попытался созданием натужной философской теории о выпивке оправдать свое подчиненное положение в вашем семейном тандеме?

— Что? — недоуменно переспросил бородач.

— Бреешь красиво, говорю.

За разговором время пролетело незаметно. Копун разбудил гравку, снял таргу с якорей. Прилив уже начал заметно подниматься, сборщики на пляже засуетились.

Взрыкивая движками, ушли в сторону Подмышки два скиммера искателей, вслед за ними неторопливо потянулись траки.

Уже перед самым отбытием, к тарге приблизилась знакомая фигура светловолосой. Девушка закинула в кузов увесистый тюк, ловко запрыгнула сама. Кивнула Квоку, с любопытством взглянула на задремавшего калеку, но говорить ничего не стала. Хлопнула ладонью по кабине и устало оперлась подбородком на руки, глядя на бухту удивительно светлыми глазами.

Тарга плавно тронулась с места и покатила по пляжу в сторону плато.

В форт возвращались, когда уже начало ощутимо темнеть. Без приключений миновали Подмышку, ехали неспешно.

По дороге разговорились. Светловолосую звали Кларита, она приходилась Квоку старшей сестрой. Их мать семь лет назад унесла пустынная чумка, но мучаться с воспитанием Ярлану не пришлось — сын как раз отправился в Поиск, а дочь должна была вот-вот вернуться. В результате, брат с сестрой не видели друг друга почти десять лет и последнее время старательно наверстывали упущенное.

Свой скиммер искательница отдала отцу, поэтому и возвращалась сейчас в кузове тарги. Тема для разговоров была одна, благо светловолосая видела больше остальных. Брак был вынужден продемонстрировать гарпун с раскрытым наконечником, рассказать, как именно он его изготовил. Квок оценил и даже дал пару советов на будущее, хотя и назвал Брака полным идиотом за то, что тот вообще додумался гарпунить из жахателя.

— Брак, я понимаю, что ты его сам изготовил, но таких умных можно прицепами грузить. Их слишком часто приходится собирать потом по кусочкам, складывая в те самые прицепы. Даже в доминионах, где помешаны на точности, это запрещено. Слишком рискованно для окружающих, — Квок закончил вертеть гарпун в руках и передал сестре. Та глянула без интереса. — Ради одной медузы так заморачиваться...

— Нам гравка нужна была позарез.

— Купили бы. Хотя нет, сейчас же не купишь. Все запасы торгашам сольют, если у вас нет знакомого в трюме. А по рыночной цене разоришься.

— Вот-вот. Да и кри у нас столько нет, достать за неделю не смогли бы.

— За неделю? В Поиск идете? Даже ты? — Кларита кивнула на протез. — Здоровьяка я понимаю, но тебе-то куда? Я в своей жизни повидала калек, не стоит тебе туда лезть.

Брак осознал что расслабился и проговорился. Вряд ли Гряземесы побегут стучать Чегодуну, но мало ли что. Пока соображал, как убедительно соврать, вмешался Квок:

— А почему нет? Если на колесах, то почти без разницы. К тому же у парня неплохо выходит сводить, плохой механик остался бы на обрыве. Найдет себе место где-нибудь в городе, в мастерской. Там на увечья всем плевать, лишь бы работал. Брак, ты же в город собрался?

— В город. Сперва в Яму, там посмотрю.

— Будешь в Яме, найди мастерскую Ржавого Зуба. Скажи что от Соплевода, он даст работу.

— Соплевод? Брат, ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Он всем тупые клички давал. Говорил, что я свожу как соплями мажу. Мастерская у него паршивая, платит мало, зато вопросов лишних не задает. Да и подучиться там можно, Зуб хоть и урод, но механик опытный. В Яме раздолье для экспериментов, я даже на островах не видел такой дичи.

— Спасибо, — за наводку Брак был благодарен. Его собственные планы были расплывчаты, но заглянуть в Яму он собирался обязательно. — Передать ему что?

— Передай, чтобы пошел и утопился в сральнике. И дверь за собой закрыл.

— Так что там все-таки жахнуло на обрыве? После чего драк сбежал? — Кларита задумчиво разглядывала покореженный Там-Там.

— Да не знаю я. Говорю же, головой ударился.

Разговор опять свернул в старое русло. Брак вяло отбрехивался, Квок с сестрой строили версии и беззлобно переругивались, тарга катилась. Незаметно пролетела дорога по степи, началась Глотка. Утренние скиммеры у Бойницы исчезли, зато параллельно машинам рейда карабкались по каньону редкие траки и тарги вольников.

До лагеря добрались почти затемно. На машинах зажигались эйровые фонари, с дозорных вышек лились широкие лучи света. Миновав ворота, заякорились у въезда в огромный форт. Спутники разобрали снаряжение, попрощались с Браком и ушли к своим. Копун предложил подбросить калеку поближе к стоянке Котобоев, парень отказываться не стал. Сейчас не до прогулок, все тело болело, нога держалась кое-как, голову саднило. Еще и жрать хотелось немилосердно, этот момент они с толстяком не учли. Одними медузками сыт не будешь.

У костра было оживленно, часть охотников уже вернулись и теперь активно делились впечатлениями, попутно набивая брюхо. Брак, навьюченный железками, тяжело поковылял в обход, напрямую к траку Джуса. Проклятый толстяк очень удачно свалился с параличом, едет в комфорте. А калеке теперь переть все, от веревки до шарговой кувалды. Хорошо хоть, догадался увязать большую часть вещей в один огромный сверток из плаща лысого и теперь тащил его за собой.

До трака парень дойти не успел, налетели близнецы. О подвиге Логи они уже были наслышаны и теперь жаждали подробностей из первых рук. Брак отмахнулся и, сославшись на усталость, сбежал в кабину машины, чем смертельно обидел обоих. Однако, далеко близнецы не ушли, устроили засаду у борта. Логи тоже скоро должен появиться, возможно он будет более разговорчив.

Только войдя в кабину, затащив тюк и закрыв дверь, Брак осознал, насколько же он вымотался. Хорошо, что Джуса снова нет.

Усталость навалилась разом, мгновенно. Придавила плечи, руки обвисли. С трудом дотащил себя до лежанки, парень зажег ночной фонарь и завалился на спину, невидяще смотря в потолок кабины.

Такой знакомый потолок. Железный, темный, весь испещренный отметинами от прутка. Крестики, точки, черточки. Кое-где отметки складываются в примитивные схематические рисунки, где-то просто раскиданы без всякой системы. В дрожащем свете масляного фонаря они, казалось, живут своей жизнью. Стоит отвести взгляд, и черточки смещаются, разбегаются как муравьи, расползаются. Их множество, сотни, если не тысячи, невозможно запомнить все.

Отметки дело рук Симы. Она никогда не жаловалась на память, держа в голове бесчисленные подробности своих историй. Но каждую обязательно отмечала, ставила отметку по одной ей известной схеме. Можно было ткнуть пальцем в любую металлическую кляксу, и мама обязательно расскажет вечером историю, которая за ней стоит. Будет долго сидеть в любимом складном кресле и говорить, говорить, изредка обращаясь взглядом к потолку, будто спрашивая подзабытые подробности. А сын с отцом будут сидеть и слушать. Джус с неизменной кружкой вурша в руке, а Брак — ковыряя очередную железку.

Дверь кабины оглушительно лязгнула, разрушая все очарование момента. Джус ввалился внутрь, с грохотом поставил на пол две канистры. Харкнул куда-то в темноту, споткнулся об тюк и выругался. Разжег большой фонарь. Судя по движениям, накидаться отец еще не успел, хотя обычно в это время уже заметно пошатывался. Тощий, жилистый, выгоревшие

волосы неопрятно выбиваются из под налобной повязки.

Джус занес было ногу над приемным сыном чтобы пнуть, но передумал, увидев что тот не спит. Вместо этого прошел к баку, набулькал себе в кружку, расплескав воду по полу. Отпил, скривился, но осушил до дна, шумно глотая.

— Привет, Джус, — Брак, переборов усталость, тяжело сел на лежанке.

— Не слышу счастья в твоем голосе. А где же радость, что любимый папа пришел домой после тяжелого дня, принес эйр. Чтобы тебе, бездельнику, было чем заправлять ночью обогреватель. А ты когда в последний раз называл меня отцом, скотина неблагодарная?

Брак выругался про себя. С трезвым Джусом иметь дело было гораздо тяжелее, чем с пьяным. Приемный отец становился желчным и невыносимым.

— Здравствуй, отец.

— Всегда бы так. — Джус принюхался к кружке и недовольно спросил, — Почему вода воняет? Опреснитель еще с утра запустили.

— Завтра с утра наполню. Трубы надо протянуть.

— Ножку не хочешь нагрузить? Это правильно. Хотя мне иногда начинает казаться, что от твоей здоровой ноги проку не больше, чем от тупой железки. Может, она тебе вообще не нужна?

— Я...

— Где ты был весь день? И что это за дерьмо на полу? — Джус пнул тюк, скривился. — Сборщики днем собирались в Подмышку, там пузыряей накрыли. Я полдня пытался движок разбудить.

— Это снаряга Логи. Он ходил на медуз охотиться, яда словил.

— И какого шарга ты это дерьмо сюда притащил? И почему именно ты?

— Я вместе с ним ходил, помощником. Хотел глянуть, как пузыряей бьют.

Джус вскинулся, резко подскочил к сыну. Схватил за жалобно затрещавший воротник куртки и приподнял над лежанкой. Пристально осмотрел, после чего отвесил чувствительный удар по уху. Отпустил, калека с трудом сохранил равновесие.

— Понял, за что?

— Понял. Нехер мне там делать.

— Нехер тебе там делать,

Оба произнесли фразу одновременно.

— Еще раз передразнишь, полезешь движок отмывать. Ни шарга ты не понял, просто повторяешь за мной, гразгова отрыжка.

Отец вздохнул и задумчиво прошелся по кабине. Еще раз пнул тюк.

— Из-за тебя мы упустили сегодняшнюю долю. Не знаю, что с движком, но эта тварь не хотела просыпаться. Мы должны работать, а не развлекаться на охоте. Сейчас как никогда нужны кри.

— Я знаю. Чегодун вчера просил напомнить о долге, но тебя не было. Сказал, что если не вернешь до конца недели, заберет трак. Я думал помочь, поэтому вызвался на охоту.

Про второй вариант Брак говорить не стал. Не стоит подкидывать отцу идеи. А двигатель он усыпил еще вчера ночью, накормив тварь до отвала и добавив самогона, как раз на тот случай, если отец вдруг решит отправиться со сборщиками.

— Помочь как? Сдохнув на охоте? Мне рассказали, что было у костра. Надеюсь, ты хотя бы догадался не платить этому жирдяю.

— Я не платил.

Брак тут же схлопотал еще одну затрещину.

— Не ври мне. В этой кабине кретин только ты. Я расспросил молодняка. Все в один голос твердят, что ты согласился за зелень. Я даже не буду спрашивать, откуда у тебя зелень, наверняка украл.

— Логи обещал вернуть, если добудем трофей.

Джус обидно заржал.

— Вы еще и за трофей? Шарговы кретины. И что, добыли?

— А ты сходи к костру, спроси, — Брак не удержался от колкости. Он много раз представлял у себя в голове этот разговор, но на трезвого отца его воображения не хватило.

— Медузу? — Джус недоверчиво посмотрел на сына. — Брешешь, как и всегда. А даже если добыли, я надеюсь у тебя хватит яиц стребовать свою долю у жирдяя. С него станется зажать.

— Он обещал отдать.

— А я обещал бросить пить. Никогда не верь подонкам, сынок. А этот Логи настоящий подонок, раз потащил увечного на охоту, взяв за это кри. Из таких мразей надо выбивать свое силой, чуть прогнешься — тебя поимеют и сожрут. Пойдем вместе, сам он не клановый, а его отец трусливее рапы.

Брак давно не слышал от отца такой продолжительной и связной речи. Это пугало. А тот продолжал говорить:

— Надеюсь, часть трофеев покроет сегодняшнюю долю, которой мы лишились по твоей прихоти. Чегодун, жаба пустынная... Знает же, гразгова отрыжка, что кри у нас нет. Трак он мой хочет... Ничего пока мы здесь живем, мой трак он не получит. Это память.

Джус с какой-то тоской осмотрел кабину, задержал взгляд на потолке.

— А еще ты со своим подонком другом. Куда ты в следующий раз за ним пойдешь? Прямоком в Поиск похромаешь, еще и приплатишь за это? Нехер тебе там делать.

— Я и не собирался. Сам постоянно твердишь, что там делать нечего.

— Ты меня сейчас в лицо кретином называешь? Только слепой джорк поверит, что ты об этом не думаешь. Видела бы Сима, во что превратился ее сын. Пропадает шарг знает где, на отца забивает, а потом в лицо называет кретином. Как есть Бракованный, вот ты кто.

— Мама хотела бы, чтобы я отправился в Поиск. Она сама мне говорила. И я не называл тебя кретином, отец.

— Еще бы ты назвал, выродок. Ты понятия не имеешь, что хотела Сима. Откуда тебе, шлюхиному выкормышу, знать, чего она хотела? Ты думаешь она хотела, чтобы ты сдох в степи от жажды на этой своей ковылялке? Что она хотела бы увидеть, как тебе выпустят кишки в Яме просто потому, что никогда не убивали калек до этого? Или что она хотела бы любоваться, как ты всю жизнь будешь рабом у Стервятников? Отличные мысли, продолжай в том же духе, сучонок, пока я тебя своими руками не удавил. Давай, расскажи мне, чего еще хотела мама? Нехер тебе там делать.

Парню очень хотелось возразить. Хотелось объяснить, доказать отцу, что тот не прав. Что ему не придется идти пешком, что он многое знает и умеет, что у него есть оружие и, возможно, напарник... К этому примешивалась глухая злость от оскорблений, к тому же приемный отец зря упомянул маму.

Но промолчал. Доказывать что либо распалившемуся Джусу невозможно, только еще сильнее заведется. К тому же, если он помянул Симу, значит в ближайшее время накидается до абсолютной невменяемости. Брак изредка пользовался этим, когда необходимо было

временно избавиться от отца. Просто упоминал в разговоре маму. Хотя чувствовал себя потом грязно и мерзко, старался не злоупотреблять.

Хотя, справедливости ради, в этот раз Джус прекрасно справился сам. Походил по кабине, в очередной раз пнул злосчастный тюк, угрюмо велел сыну перелить эйр из канистр в бак, после чего свалил.

Не требуется большого ума чтобы понять, куда именно.

К костру Брак не пошел. Слишком вымотался, да и не хотелось снова пересекаться с отцом, который наверняка вместе с остальными отмечает успешную охоту. Даже сквозь стены кабины слышны голоса и выкрики. Веселье в самом разгаре, благо в этот раз охота прошла не без приключений, было что обсудить.

Интересно, выследили ли охотники драка? Обычно к ним тяжело подобраться в логове, слишком чуткие. А даже если и подберешься, как его свалить прежде, чем уйдет в небо? А в небе с драком воевать бесполезно. Говорят, есть рискованные охотники на скоростных гравипапах и стрейбах, которые могут такое провернуть, но Брак таким слухам не особо верил. Слишком ярки впечатления сегодняшнего дня.

Вообще, все прошло очень даже неплохо, если не считать ранений Логи. Гравку они точно достали, завтра на распределении получится взглянуть на вожделенный трофей. Может быть еще что перепадет с медузы и драка. Должно хватить, чтобы прилично закупиться и снарядиться. Даже хорошо, что драк прилетал, теперь все внимание приковано к толстяку, про калеку вряд ли кто вспомнит. Разве что в очередной раз попытаются расспросить о произошедшем на обрыве, но на это есть проверенный метод.

Брак налил в кружку воды, вскипятил, закинул кубик вурша. Вытащил из продуктовой ниши несколько каменной твердости полосок мяса, пару сухарей. Сперва думал захватить медузок, но от одной мысли об этом желудок едва не скрутило. Нет уж, медузки сегодня подождут. Жевать всухомятку ему не привыкать.

Соорудив нехитрый ужин, парень приоткрыл дверь кабины и уселся на широкую ступеньку. У костра шумнее обычного, но не сильно. Сборщики еще не вернулись с берега, так что людей немного. От гигатраков бьет в небо уже привычный столб света.

Интересно, очухался ли толстый? В противостоянии яда медуз и желаний Логи непременно проставиться за удачную охоту, Брак бы не задумываясь поставил на яд. Парализует он надолго, а лысый, хоть и здоровый как люторог, хапнул его полной грудью. Скорее все же провалывается до завтра, даже несмотря на противоядие.

Можно было бы сходить проведать, наверняка лысый валяется сейчас у Жирного в траке, но переться куда-то по темноте откровенно лень. Сейчас дожует мясо и отправится спать, завтра тяжелый день. И глаза уже слипаются.

Близнецы вынырнули из темноты внезапно и бесшумно, как и всегда. Левая бесцеремонно сунула нос в кружку, Правый полез было на крышу, но на полпути передумал и спустился обратно.

— Ты нас обидел, Брак. Отмахнулся от своих друзей.

— Такое поведение недостойно великого победителя медуз.

— Подрывателя основ.

— Оруженосца самого Дракобоя.

— Но мы готовы тебя простить.

— Говори за себя, я не готова.

— Правда, что жирный отмудохал драка и оторвал ему яйца?

— В подмышке действительно так воняет?

Вопросы посыпались сплошным потоком, Брак поперхнулся вуршем и закашлялся. Левая заботливо постучала его по голове.

— Я тоже рад вас видеть. Что за Дракобой?

— Так жирного у костра называют. Говорят он драка жажателем сбил и кувалдой добил.

— Тот у него медузу украсть попытался, а лысый взбеленился.

— Разозлился. Наорал на драка, а тот сбежал.

— Говорят, что орать по-особому умеет, чтобы драков сбивать.

Перед мысленным взором Брака снова возникло зрелище толстяка, метящего кувалду вдогонку ящеру. Пожалуй что да, за такое к нему вполне может прилипнуть звучная кличка. В кланах такое не слишком распространено, но случается. Тот же Жирный. Как его все же зовут? Саил? Саул? Сол? Или Длинный, получивший прозвище за выдающиеся способности в области, скажем так, глубинной разведки.

— Так, — неиссякаемый фонтан красноречия близнецов пора было затыкать, — Давайте сделку. Вы мне приносите миску каши и свежие новости, а я вам расскажу про то, что было на обрыве. Идет?

— Идет!

— Я кашу не понесу. На такое я готова пойти только для моего будущего мужа, а ты на него ни гразга не похож. Пусть Правый за кашей идет.

Пока близнец, получив на руки миску, бегал к костру за едой, Левая плюхнулась на порожек рядом с калекой и принялась грызть слямзенный сухарь. Брак, обрадованный перспективой поесть горячего и никуда при этом не ходить, принялся сочинять наиболее правдоподобную версию событий. Главное, чтобы не всплыла банка от пилы, которой жажнули медузу. С близнецов станется растрепать всей семье, а там Логи не защитит даже новоприобретенная слава.

Новостей оказалось много. На завтра назначили празднование Возвращения, когда вернувшиеся из Поиска официально принимаются в клан. Вообще, это в большей степени именно ритуал, так как большинство возвращаются в семьи самостоятельно в течение всего года. Но многие специально ждут Большого Схода, особенно если в Поиске им посчастливилось разжиться хорошей техникой. Нет лучшего способа похвастаться и прославиться среди клановых, чем заявиться прямо к Возвращению на собственном траке. Ритуал скучный донельзя. Нашедшие выходят в круг старших и родственников, после чего долго и нудно перечисляют, что именно они вынесли из Поиска, где были, кого видели. Им торжественно вручают личную метку и первый крохотный прокол в ухе. Ну и дальше по кругу, пока не закончатся соискатели.

В любое другое время Брак с удовольствием бы поприбывал, рассказы о путешествиях он любил. Но в этот раз придется пропустить. Калека слишком давно не появлялся у Часовщика, да и на торг надо бы заглянуть, докупить мелочей.

Из других новостей порадовало раскрытие тайны гравипа в бухте. По словам близнецов, пафосная яхта прилетела еще днем, привезя с собой толпу вооруженной охраны и какую-то пафосную шишку из Республики. Кому-то взбрело в голову поглазеть на жизнь кочевников вживую, вот и устроили путешествие через весь Гардаш. Прибывший с яхты на торг очкастый мужик, узнав что вот-вот начнется охота на медуз, рванул назад как ошпаренный. После чего яхта, не жалея гравок, рванула к Подмышке вслед за флирами.

— А что за очкастый мужик? — Брак жевал безвкусную кашу, слушая с живым интересом. Цепы на сборе были нередкими гостями, закупались эйносами и припасами, благо Плешь находилась на побережье и летучим кораблям не приходилось жечь кри. Но вот гравицеп с другого Республики — это интересно. Таких гостей на памяти парня еще не было, обычно Плешь навещали только островитяне и доминионцы.

— Чванливый. Шмотки дорогие.

— Умный. Но тупой. Хотел сразу со старшими поговорить, но вместо этого улетел пузырярей смотреть.

— Нас не взял, мы бы все рассказали.

— Дурак. Но охрана у цепа хорошая, не подобраться.

— Мы не пытались, просто видели.

Других столь же значимых новостей не было. Торговцев прибыло много, но это дело привычное. Завтра большой торг наконец откроется, начнется сутолока и беспорядочные закупки. Торгаши будут пытаться нагреть клановых, клановые будут пытаться нагреть торгашей, у кого-нибудь обязательно что-нибудь сопрут, будут орать и махать в кругу. Рутина.

Выяснилось, кто угнал флир у Чернолапых. В семье пытались замять происшествие, но слухи все равно просочились. Вором оказался сын капитана “Самума”, искатель-летун Майро Чернолап. Пробрался ночью к хранилищу гигатрака, придушил охранника и украл кри на восемнадцать фиолок, не считая мелочи. После чего нагло улетел на своем флире в ночь. Пока обнаружили мертвого охранника, пока спохватились, беглец был уже далеко. Сам капитан гигатрака, Маргут, рвал и метал, проклинал сына и обещал своими руками оторвать ему яйца. По слухам, пообещал новенькую таргу любому, кто доставит Майро живым. А за мертвого — скиммер.

Маргута можно было понять, восемнадцать фиолок — это очень много. Чернолапы разом лишились солидного запаса средств, и это в преддверие больших торгов.

Волноломы, захватившие почти две дюжины пленных в стычке с Котами, выставили их в клетке на торговой площади. Не для продажи, туда просто можно было ходить и плевать в извечных врагов сквозь прутья решетки. Близнецы сходили, плюнули. Котов ждет незавидная участь, после окончания Большого Схода их либо закабалят, что маловероятно, либо просто казнят. А что, спрашивается, они ожидали в окрестностях Стеклопанной Плещи во время сбора Гиен?

Ну и напоследок пошши совсем уж мелкие новости, вроде массовой драки на стоянке Безногих из-за не поделивших место водителей.

Выполнив свою часть уговора, близнецы требовательно уставились на поужинавшего Брака. Тому пришлось перебороть постыдное желание сбежать в кабину спать, брат с сестрой бы такого не простили уже по-настоящему. У них был пунктик по части договоров и говнистый характер, поэтому малодушие здесь проявлять было чревато.

Версию рассказал обрезанную, упирая на особо смачные подробности. Близнецы слушали раскрыв рты, даже комментарии вставлять забывали.

— Брак, а зачем ты с ним вообще пошел? Он же чуть не запарол все, когда на медузу полез. Даже приплатил ему, я видел, — Правому явно не терпелось рвануть к костру чтобы поделиться новыми сведениями, но к великому сожалению калеки, отпускать его спать близнецы не спешили.

— Хотел на настоящей охоте побывать. Неизвестно, когда еще такая возможность

выдастся.

— Ну да, ну да. Ты же в Поиск уходишь.

— С чего вы решили? Подумайте сами, где я и где Поиск? Останусь без метки, зато живым.

— И это говорит нам человек, который добровольно полез на драка в компании с неуправляемым жиробасом?

— Зачем тебе была нужна медуза, Брак? Только не ври, что ты просто в компанию к Логи навязался. Толстяк за просто так даже жопу свою из трака вытащить ленится, а тут рванул шарг знает куда.

— Да говорю же, посмотреть хотелось. Логи сам загорелся. Я до этого охоту на пузырей только из трака видел, да трофеи с Джусом грузил.

— А откуда у него твой жахатель? — Левая лукаво улыбнулась, — Только не надо нам байку рассказывать, что его толстый на торге купил. Брат видел, как ты из него жахать ходил еще месяц назад.

Брак про себя выругался. Шарговы близнецы вечно ставят его в неудобное положение, слишком много знают. Требовалось быстро сочинить убедительное оправдание, но вот так сходу придумать историю, которая не будет казаться сведенной на соплях, ему не удавалось.

— Я... Эээ... Это другой жахатель. Я же в мастерской работаю, вот и брал попробовать. Интересно же.

— А гарпун, значит, тот же самый? Которым вы медузу загарпунили? Только не говори, что ты его за пару часов приспособил к новому жахателю, такое даже Часовщик не сможет. Я сам видел, как ты им холмик дырявил.

— Не надо нам врать, Брак. Мы все равно узнаем. К тому же, мы твои друзья, а от друзей важные вещи не скрывают.

— Рассказывай. Иначе к Чегодуну пойдем. Тут что-то нечисто, ему интересно будет.

— Он тебя любит. Обязательно поможет.

— Все время говорит о тебе.

Брак мысленно застонал. Ну конечно, кто еще мог заметить, как он на стоянке ходил тестировать оружие. А теперь его буквально прижали к стенке. Старый добрый шантаж с угрозами. Либо придется все рассказывать как есть, либо хлопнуть дверью и уйти. Нет, к Чегодуну близнецы вряд ли пойдут, это не в их духе. Но начнут копать дальше, а там шарг знает до чего ни докопаются и к каким выводам придут. Да и отношения будут испорчены.

Близнецы были теми немногими, кого Брак мог смело назвать своими друзьями, не считая Логи. Хотя называть толстяка другом он бы не стал. У них совпадают интересы, они объединены общей целью, да и полезность лысого нельзя переоценивать. Но именно другом его назвать калека не мог. А вот близнецов — мог.

Молчание затягивалось. Брак, все никак не решаясь, допил вурш, затем проверил крепеж протеза. Оглянулся, но вокруг никого не было, разве что от костра донесся особенно громкий взрыв хохота. Кто-то, подражая басу толстяка, орал: “Не трожь медузу, сука!”

— Джус задолжал Чегодуну. Не знаю сколько, но много. Если отец не вернет кри до конца недели, у него заберут трак.

Близнецы переглянулись.

— Ты поэтому подбил толстяка медузу забить? Чтобы с долгом расплатиться?

— Не получится. Я не знаю, сколько Джус взял, но одной медузой такое точно не покрыть. Даже будь там десятитонная красная гравка, все равно не хватит. Чегодун хочет

забрать трак, значит там от двадцати синек.

— Двадцать синек! Это очень много. Зачем Джус вообще к Чегодуну полез, все же знают, что старший жадный урод.

— Зачем Джусу столько кри? Еще один трак собрать?

Брак покачал головой.

— Я не знаю. Отец давно пропил последние мозги. Я этих кри не видел даже. Хуже всего то, что трак Джус отдавать не захочет. Он его из Поиска привез, всю жизнь водил, даже с Симой они поженились на крыше кабины. Если Джус упрется, у него остается еще один вариант.

— Какой? — Левая участливо взглянула на калеку. О ситуации с Джусом в семье знали все, но опуститься до занятия в долг у Чегодуна — это уже совсем дно жизни.

— Отец может отдать Чегодуну меня. Откажется от отцовства, а в конце сбора, как снимут запрет, меня закабалят и отдадут в рабство старшему сборщику. Джус избавится от меня и от долга, оставит при себе трак. А Чегодун получит хорошего механика в пожизненную собственность. Выиграют все, кроме меня.

— Какой ужас!

— Брак, а ты не преувеличиваешь? Джус пьяница и гад, а Чегодун это Чегодун, но ты все же свой, из Котобоев.

— Да ты в семье живешь дольше нас. И тебя вот просто так в рабство?

Близнецы заговорили одновременно, перебивая друг друга. Брак горько усмехнулся. Ему самому эта мысль в голову тоже не приходила, вплоть до вчерашней ночи.

— Я бы очень хотел ошибиться. Но рисковать не хочу. Даже если я надумал себе всякое, других вариантов нет. Мне нужно в Поиск. Я не хочу всю оставшуюся жизнь провести в мастерской, работая либо на Джуса, либо на Чегодуна. Как только я упущу шанс стать клановым, меня из мастерской больше не выпустят. Буду сводить, пока не сдохну в одиночестве. Даже если Джус загнется, а я все еще буду свободным, на трак претендовать не смогу. Максимум, на что смогу рассчитывать — тарга, да и то не факт.

— Ну так отправляйся, чего ты ждешь? Тебе уже есть семнадцать, по закону никто не сможет тебя удержать, даже если ты не дождешься Отправления, — Правый говорил горячо, его сильно задела новость о том, что друг попал в такую задницу.

— Без метки паршиво, почти как рабам. Ко второму костру не пускают и жениться нельзя. Задница, — Левая мыслила более практично. — Если все так, как ты говоришь, почему ты еще здесь? Давно бы уже сбежал.

— С этим? — Брак кивнул на ногу. — И как бы я по вашему сбежал? Ночью со стоянки ушел в степь? Угнал бы скиммер у разведчиков? Да я до костра с трудом могу иногда дойти, какая степь. Джус, хоть и урод, прав в одном. Без машины в степи я сдохну.

— А напроситься к кому? Или в той же Яме ушел бы со стоянки, чего ждал?

— Я изначально так и хотел. Но не рискнул, дурак. Думал дожидаться сбора, закупиться припасами, попутчиков найти. А вчера узнал про долг. Хотя, может и к лучшему, если подумать. Думаю, что меня бы все равно не отпустили, особенно если Чегодун это давно задумал. Уходить с кем-то из семьи не вариант, против старшего никто не пойдет. Меня и сейчас спасает только то, что никто не предполагает, будто я реально отправлюсь в Поиск.

— Поня-а-атно, — одновременно протянули близнецы.

— И что ты планируешь делать?

— А мы можем помочь?

— У меня есть скиммер, — признался Брак. — Ну, нечто похожее на скиммер, ехать должен.

— Ух! — глаза Правого загорелись. — Настоящий скиммер! Покажешь?

— Откуда у тебя скиммер? — Левая смотрела скептически. — Он гору кри стоит.

— Сам свел. Почти два года работал. Мне Часовщик помогал немного, но в основном сам. Кое-что подсмотрел, кое-что спер. Я давно задумал к поиску собрать транспорт, почти получилось.

— Почти?

— А толстяк тебе зачем тогда? Уехал бы уже давно.

— Не могу уехать. Гравки нету, я так и не смог достать. И колеса одного не хватает, но с этим проще. Думал, на торге разживусь. Приготовил гарпун для медузы, на всякий случай. Мне самому нельзя было идти, Джус бы отобрал трофеи и пропил. А теперь гравка честная добыча Логи, он за нее руки кому угодно отгрызет. Мы с ним договорились, что на скиммере вместе отправимся. Даже если Джус отречется заранее, толстяк меня вытащит. Уедем вместе, еще до Отправления. А когда из Поиска вернусь, уже неважно будет.

— А ты все продумал.

— Хите-е-ер. А мы еще думали, зачем ты с утра это представление разыграл.

В разговоре возникла пауза. Близнецы обдумывали услышанное, Брак по-прежнему сомневался, правильно ли он поступил, все рассказав. Но он всегда сомневался, даже привык уже.

Все трое проводили взглядом идущий со стороны океана тяжело груженный флир. Под брюхом машины болтался здоровенный, ярко светящийся синим мешок. Рисковый летун, точно не из Котобоев. Ночью собирать сетями рассеянный на поверхности океана эйр рискуют немногие, зато можно сразу выгребать из самых ярких пятен. Остальным приходится довольствоваться утренним сбором вслепую, по наводке дозорных с башен.

Прогудев турбинами, машина аккуратно пошла на посадку где-то в районе гигатраков, наводясь на столб света.

— Брак, а почему ты не обратишься к торговцам?

— Там многие приехали. Оплатил бы проезд, тебя бы до Ямы добросили.

Брак, заваривший новую порцию вурша, покачал головой. Предложил было близнецам, но те отказались, наморщив носы. Неудивительно. Вкус и запах у вурша необычные, не всякому понравится. Зато самое то для садмов, эйра в напитке растворено необычайно много. Механики так вообще глушат его постоянно, особенно вдалеке от источников воды.

— Не хочу я связываться с торговцами. Да и кри у меня почти нет, Джус почти все добытое спускает. Да и кто я в степи без колес? Еще один нищий бродяга? К тому же калека. Зато со скиммером можно многое. Товары возить, курьером быть. Да и вообще...

Близнецы согласно покивали головами. Жизнь кочевников крутится вокруг техники, остаться без колес — немыслимо. В вольных землях любой пеший сразу становится добычей. Охотиться нельзя, эйносы не добудешь, даже собирательством всякой редкой ерунды не займешься — на своей спине много не унесешь. Разве что сунуться на север, там порядки другие, но колеса все равно ценятся.

— Вот такие дела, — Брак сделал длинный глоток, глядя на увлеченно шушукающихся близнецов. — Проверю завтра гравку, попробую приладить к скиммеру. Там долго можно провозиться, если кривая и норовистая. Логи припасов закупит, его же отправлю колесо достать. И рванем в Поиск, как закончим. А Джус с Чегодуном пускай катятся к шаргу.

Близнецы закончили шушукаться, выпрямились и торжественно встали перед Браком. Левая взгромодила на голову миску из под каши, высоко вздернула подбородок и, повелительно вытянув руку в сторону калеки, низким голосом принялась вещать:

— Брак Котобой! Мы прощаем тебе твою дерзость и дозволяем смиренно искупить свою вину. Повелеваем тебе при первой же возможности продемонстрировать нам свои достижения, доказав полную серьезность своих дальнейших намерений! Мы, в свою очередь, обязуемся щедро наградить нашего верного вассала, ибо даже несмотря на проявленную им ранее преступную дерзость, действовал он так по тупости своей непроходимой, а не из злых побуждений. Так я повелеваю!

— Заверено, записано, исполнено! — Правый склонился в шутовском поклоне

— Что? — парень ни шарга не понял, что происходит. Близнецы вечно несли какую-то дичь, которую подцепляли от каждого встречного.

— На скиммере нас покатай, дубина. Когда починишь, — Левая стянула с немойтой головы миску и вновь плюхнулась рядом с Браком. — И Правому дай из жажателя стрельнуть.

— И Левой тоже дай жахнуть. Она хоть и девчонка, но не сломает. Я послежу.

— Я не уверен, что...

Браку не дали закончить фразу. Левая ловко хлопнула его ладонью по затылку, несильно, но ощутимо.

— А это тебе мое монаршеское порицание. За то, что друзьям ничего не рассказываешь. Так бы и свалил ночью, не попрощавшись?

— Нехорошо так поступать. Но мы не обидчивые. — Правый хотел было пнуть калеку по ноге, но пинать протез выглядело глупой затеей. — Ты нас покатаешь и дашь жахнуть. А мы тебе колесо найдем.

— Эээ... — недоуменно протянул Брак. — Не знаю, получится ли. А откуда у вас колесо?

— Все получится. Ты уж постарайся, иначе познаешь кару небесную.

— Пронзит наш взгляд твое жалкое естество, и перестанешь ты существовать, ибо нехер.

— Эй! Колесо у вас откуда?

— Какое колесо? Ой, нам пора. — Правый потянул Левую за руку.

— Спокойной ночи! — девочка махнула на прощанье рукой и близнецы растворились в ночи.

Брак помянул шарга и пошел спать.

Разбудил Брака припершийся поздним утром Логи. Морщась от грохота ударов в дверь кабины, парень устало потер глаза.

Спалось плохо. Всю ночь ворочался, голова болела, снилась какая-то сверхъестественная дичь. То Левая, восседая на троне в расшитой золотом мантии, повелевала запереть его в каком то гадюшнике наедине с немывтым Чегодуном. То Там-Там, подмигивая глазом, обещал обратить его в рабство, если немедленно не починит рукоятку.

Джус вообще не явился, хотя облегчения это не принесло. Кто знает, где он бродил всю ночь?

Логи, перемотанный с ног до головы бинтами, выглядел до отвращения бодро. Едва приоткрылась дверь, лысый радостно вломился в кабину, таща за собой здоровенный мешок. В кабине сразу стало тесно.

— Силен спать! — толстяк аккуратно положил мешок на пол рядом с вчерашним тюком. — Джус дома?

— И тебе доброе утро. Нет его, со вчерашнего не появлялся.

— Ну и шарг с ним. А это что? — лысый пнул многострадальный тюк.

— Снаряга вчерашняя. В следующий раз сам потащишь, я чуть не сдох пока допер.

— Тебе полезно, хоть мяса на костях нарастишь. В твоём возрасте жаловаться на работу... Куда ты катишься, Бракованный?

— Иди к шаргу, Логи, ты младше меня. И работающим я тебя никогда не видел. Как здоровье?

Выглядел толстяк не очень. Вся левая половина лица опухла, хотя краснота уже почти спала. Покрытая буграми лысина была похожа на ноздреватый фермерский каравай, рожа оплывшая, левый глаз белесый и сочится какой-то дрянью. Из под жилета белеют тугие повязки.

— Отличное здоровье. Только глаз ни шарга не видит. Я вчера еще хотел бухать идти, но мать не пустила. Всю ночь меня обхаживала: Сыночка то, Сыночка это, Сынок, зачем ты так... Тьфу, бабы.

Толстяк явно хорохорился. Движения его выглядели заторможенными и неуверенными, левая половина тела явно повиновалась из рук вон плохо. Несмотря на это, он уже успел развязать тюк и теперь внимательно изучал любимую кувалду.

— Я почию, — Брак не стал дожидаться очевидной просьбы. — Что в мешке?

— Трофеи. Моя доля за медузу. Наша доля. — поправился Логи.

— Пойдем на свет. Сейчас только, соберу все и умоюсь.

Устроились в закутке между траками. Толстяк, обливаясь потом, приволок из кабины вещи напарников. Брак сидел у раскрытого мешка и внимательно изучал содержимое.

Гравка. То, ради чего они затеяли всю эту авантюру с охотой. Неправильной формы костяная спираль размером с голову взрослого человека. Вся бугристая, перекрученная, местами торчат короткие костяные шипы.

— Это она? — Логи склонился над плечом калеки, пристально оглядывая трофей, — Уродливая. И маленькая какая-то.

— Она не маленькая, такого размера на тарги ставят. Медуза здоровая была. А что до уродливости, где ты красивый эйнос видел? Они все такие.

— Да я вообще их почти не видел вживую. Только в железе уже. А на скиммер встанет? Сам сказал, что большая.

— Встанет. Постараюсь впихнуть. Жрать только будет много. Доберусь до мастерской, погоняю, надо цвет и характер узнать.

— Ну и ладно. Не зря сходили, — толстяк потерял к гравке интерес и потянулся к мешку. — А это что?

В руке лысый держал наглухо закрытое железное ведро. Судя по вздувшимся на руке венам — тяжеленное.

Брак аккуратно приоткрыл крышку. Внутри обнаружилась вода, заполненная плотной перепутанной ватой стеклянистых волокон, сразу попытавшихся выбраться из наружу.

— Это медузий шелк. Такие мелкие щупальца, которые эйр собирают.

Калека упихал шевелящуюся массу назад в ведро и снова накрыл крышкой.

— Дорогие?

— В таком виде — не очень. Это просто сырая вата. Если так и оставить, сгниют за неделю. Чтобы их использовать, нужно обработать. Вытянуть нити, высушить, потом вымочить в укрепляющем растворе. Долгий и вонючий процесс. Проще прямо так продать, нам от нее все равно толку никакого.

Толстяк с сомнением посмотрел на ведро. Продавать трофей не хотелось, к ведру он испытывал прямо таки дружескую приязнь. Ну как можно продать друга, ради которого ты лично завалил огромную тварь, а потом прогнал вторую? Первый трофей всегда такой.

— Может, матери отдам? Она с веревками возится. Распутает.

— Долго выйдет. Вату обрабатывать недели две, к тому же места надо много для сушки. Не сомневайся, это только на продажу.

Кроме гравки и ведра, в мешке обнаружился метровый обрубок хвоста драка. Кто-то заботливо прикрыл место обрыва тканью и перемотал бечевой, чтобы мухи не засидели. Толстяк отлип от ведра и, схватив обрубок двумя руками, махнул им из стороны в сторону, будто кувалдой. Хвост свистел в воздухе и бликовал синими чешуйками.

— А это мне за каким шаргом?

— Жрать. Он вкусный, если пожарить. Можно еще чешуек надергать, на амулеты. Жаль, что шкуру тут толком не снять, место неудобное.

Толстяк опустил хвост, глянул уважительно. Ковырнул одну чешуйку, с натугой выдрал. Чешуйка была размером с фалангу большого пальца, твердая и острая на краях.

— Пожрать это хорошо. Я проставиться обещал, вот и пожарим. Никогда до этого драка не ел. А чешую на ожерелье пушу, давно хотел что-нибудь этакое. Я же теперь Дракобой, надо соответствовать. Ты уже слышал?

— Слышал. Прозвище тупое, но грозное, прямо как ты сам. Про тебя вчера уже небылицы рассказывали, будто ты гарпун голой рукой кидал, а на драка наорал так, что тот обосрался.

— А разве не так было? — Лысый заржал. — Банку только жалко. Но ты молодец, что сообразил. Я уже собирался с обрыва драпать впустую.

Посидели еще, обсудили вчерашнее. Калеке пора было собираться в мастерскую, а Логи, несмотря на браваду, явно было нехорошо. Условились встретиться вечером на торге, после чего толстяк ушел отлеживаться, тяжело таща за собой мешок и тюк.

Брак задумчиво покрутил в руках гравку. Большая. Придется исхитриться запихать ее в скиммер. Логи он говорить не стал, но гравки штуки очень капризные. Не факт, что эта

вообще окажется рабочей, может просто отказаться просыпаться. Ее все равно можно будет приспособить, или сменить на другую, поменьше, но это лишнее время. Время, которого у них не сказать что много.

Собрался, привел себя в порядок. Гравку и Там-Там завернул в ткань, чтобы не светить на весь лагерь. Пока умывался, вода в баке окончательно закончилась. И снова нет нет времени им заняться. Джус будет в бешенстве, но это нормально. Он такой всегда, последние годы уж так точно.

Дав себе твердый зарок заняться баком, Брак похромал к костру.

Вместо привычной Отбивки кашеварила сегодня Сельма, что не могло не радовать. Похоже, что Гарпунщик еще не вернулся из рейда за драком, поэтому его жена радостно забила на готовку и отправилась радоваться жизни. Радовалась жизни она обычно с Азданом, здоровенным усатым холостяком из механиков. Об этом знала вся семья, кроме самого Гарпунщика, но сдавать любовников рогоносцу никто не спешил. Отбивка злопамятна и готовит всем еду, а от буйства рыжего загонщика пострадает в первую очередь сам настучавший. Да, потом Гарпунщик остынет и будет долго извиняться, но сломанный нос и выбитые зубы от извинений назад не возвращаются.

Стройная, светловолосая Сельма приветливо улыбнулась Браку, навалила с горкой медузьей каши, щедро сыпанула острой приправы.

— Спасибо, Сельма. Да не иссякнет твой эйр. — поприветствовал ее традиционным островным приветствием калека.

В отличие от Отбивки, к матери близнецов Брак относился хорошо. Та отлично готовила, знала уйму всего и великолепно обращалась с навигационными и погодными эйносоми. Сказывалось островное происхождение — Сельму захватили в одном из северных рейдов. Сперва собирались закабалить и продать, но Барташ, даром что тупой как джорк, уперся рогом и во всеуслышание заявил, что на такой красивой бабе обязан жениться. Переубедить Барташа не легче, чем сдвинуть без гравок гигаграк, поэтому старшие плюнули и отдали пленную ему. Сельма сначала не оценила привалившего ей туповатого, пузатого и вонючего счастья, но постепенно прижилась. Под ее влиянием даже Барташ научился самостоятельно мыться и правильно надевать штаны, а уж о пошедших в мать близнецах и говорить нечего.

— Да не иссякнет твой, Брак. Ты близнецов не видел? С утра куда-то запропастились.

Калека развел руками:

— Не видел. Сам только проснулся.

— Понимаю, — Сельма мягко улыбнулась. — Вся стоянка со вчерашнего гудит. Увидишь близнецов, отправь их ко мне, пожалуйста.

Брак заверил женщину, что обязательно передаст, после чего пошел было к столу, но тут же вернулся.

— Сельма, у тебя конденсатор все еще сломан?

— Сломан. Где-то канал перебило. Крутит быстро, а эйр не идет. Барташ все никак не посмотрит.

— Может, я гляну? Могу вечером зайти.

— Заходи. Можешь заодно двигатель посмотреть, он дурит в последнее время. С меня ужин и история.

— Спасибо! Обязательно зайду.

По пути к лавкам привычно притормозил у второго стола, ловя обрывки разговоров, но

интересного на этот раз не было. Обсуждали вчерашний рейд и предстоящее Возвращение.

Пока завтракал, привычно отбрехался от любопытствующих. Ничего не видел, ничего не слышал, валялся без сознания. Спрашивайте самого толстяка. Срабатывало безотказно.

За столом старших сегодня пустовато, разве что хмурая невыспавшаяся Чагила вяло ковыряется в миске с кашей. Ее настроение легко понять — кому охота пропустить охоту на драка, да еще и отбить задницу по каменистой дороге к Южной Подмышке. Наверняка костерит мужа во все лопатки, Чегодун потрошение ящера ни за что бы не пропустил, поэтому ночью не вернулся.

Брак поискал глазами Часовщика или Ухола, но механиков за столами не было. Неудивительно, время позднее, рассиживаться за едой некогда. Аздана тоже не видно, по понятным причинам.

Пока парень неспешно хромал в сторону гигатраков, он во все глаза глядел по сторонам. А поглядеть было на что. Огромное пустое кольцо вокруг сгрудившихся в центре форта гигатраков буквально за день превратилось в оживленную торговую площадь. Солидно высятся разномастные траки свободных торговцев, зачастую непривычных форм и расцветок. Торгуют прямо с открытых бортов грузовиков, превращенных в импровизированные прилавки. Продают и покупают все подряд, от тяжелых штабелей ракушек до ящиков северного пива в стеклянной таре. Рядом обязательно крутятся один или несколько охранников, демонстрируя всему миру выставленное напоказ оружие и угрюмые небритые хари. Хотя угрюмые хари охранников тоже можно считать выставленным напоказ оружием. В любой точке мира и у любого охранника, это единственное оружие, которое всегда при нем. Чем шире и угрюмее харя, тем более эффективно действует на окружающих.

Раскиданы островки вольных добытчиков. Эти предпочитают надежные тарги с открытым кузовом, в котором зачастую возят привязанные легкие скиммеры. Тарги собираются вместе по нескольку штук, встают в кольцо. Натягивается тент, разводится костерок — и вот готова стоянка банды вольных добытчиков. Тут им, правда, приходится тесниться, место на площади не бесконечное. Но все равно стараются кучковаться по своим бандам. Эти торгуют всем подряд, эйносы, шкуры, оружие, рабы. Разве что эйр не продают, но везти его на Стекланную Плешь было бы верхом глупости. Вольники редко бывают разборчивы в добыче, гребут под себя все, до чего могут дотянуться, хватают всех, кого могут догнать. А догнать они на своих таргах могут многое, машины у банд очень быстры, хотя и прожорливы. Хотя драпать им тоже приходится часто, встреча в степи с любой клановой семьей может закончиться для вольников быстро и болезненно.

И конечно на площади полно всевозможных одиночек, которые с радостью пользуются возможностью безопасно расторгнуться на клановой земле.

Среди таких часто встречаются прелюбопытные личности и машины, можно достать уникальные товары. Одиночки зачастую забираются в такие места, куда не сунется ни один клан или банда, привозят оттуда разное интересное. Быть одиночкой на вольных землях опасно, ненадежно, но некоторые просто не могут жить по другому. Есть в этом некий романтический флер, оваянный ореолом бесчисленных и бесконечно приукрашенных историй.

Вот, к примеру, колоритная тройка. Здоровенный зеленый скиммер с кривым длинным рулем, двумя боковыми колясками и прицепом. В прицепе установлена стволом назад легкая скраппа на поворотном механизме, люльки увешаны многочисленными подсумками. Куда

на такой конструкции можно ездить. Брак не знал, но убежать на ней явно удобно. Можно отстреливаться на ходу, если скраппа не перевернет прицеп при стрельбе в движении. Троица одиночек тоже привлекает внимание, высоченный усатый бородач в странной шапке, пухлый чумазый парень лет двадцати и стройная полуголая девица выдающихся форм, судя по чертам лица — из кочевников. Все трое, грязно ругаясь, ожесточенно пластают длинными кривыми тесаками здоровенную тушу белого тунца, купленную с прилавка неподалеку.

А вот тут стоит здоровенная шестиколесная тарга, почти что трак. Черно красный, весь утыканный жуткого вида лезвиями и шипами, с огромным острым отвалом на носу. Тоже покрытым лезвиями и шипами. Патлатый детина в кожаном плаще и с синюшной рожей, пыхтя, впахивает в кузов упирающегося раба. Заросший старик с породистым лицом отчаянно упирался и в кузов жуткой машины явно не хотел.

— Упирается, — жаловался патлатый двум своим спутникам. В его словах чувствовалась некая таинственная недосказанность, — Не упирайся... Впахивать невпахиваемое — это мое призвание...

Спутники детины сочувственно кивали, но помогать не спешили, предпочтя лениво сидеть и пить пиво на солнышке.

Были еще торговцы от других кланов, но этих внутрь форта не пускали, держали за стенами. На территории форта безопасно, но лучше перестраховаться. История взаимоотношений кланов пестрит бесчисленными стычками, боями и застарелыми обидами. Никому не нужны лишние разборки, да еще и с техникой. Хочешь торговать на чужом сходе — кидай трак за стенами, а еще лучше — внизу, на равнине. Придешь пешком, со всем уважением — тебя никто не тронет. Разве что Котов на Плеши не видно, хотя Гиены тоже не горят желанием посылать торговцев к усатым. Между этими кланами уже не старые обиды, а настоящие реки крови среди обугленных остовов машин.

Брак миновал торг без приключений, хотя так и подмывало задержаться. Купить здесь можно очень многое, от редких эйносов до информации, но время не терпит.

Сверху, загородив собой солнце, нависла тень. "Мамаша" стояла, как и все остальные гигатраки, кормой в центр форта, выставив наружу оцетинившуюся стволами кабину. Сцепившиеся в плотное кольцо гигантские машины прикрывали своими тушами маленький внутренний дворик, куда не было доступа не только чужакам, но и многим клановым. Проходы между гигатраками наглухо сведены железными листами, не протиснуться. Единственный широкий проезд в сердце кланового форта оставлен между "Принцессой" и "Горбатым Холмом", но он круглосуточно охраняется и используется только для погрузки и выгрузки товаров из трюмов на торг.

Идти до центрального входа далеко, поэтому клановые им пользовались редко. Куда проще пройти через гигатрак.

Брак обошел "Мамашу" справа, миновав громадное, в три человеческих роста колесо, после чего постучал в неприметную дверь сбоку. Пока ждал, по привычке оценивал состояние колеса, выискивал каверны и спрятавшихся гразгов.

Гигатраки огромны и уникальны. Невозможно найти в вольных землях двух одинаковых, а северяне их не хотят и не умеют строить. Слишком это дорого, сложно, затратно по времени и металлу. А уж сколько нужно угробить отличных эйносов...

Жизнь гигатраков во многом напоминает жизнь человека. Появляясь на свет обычными маленькими грузовиками, они со временем растут, достраиваются, обрастая все новыми

детальями. Сменяются поколения владельцев, каждый из которых привносит что-то свое. Кто-то сводит кабину побольше, кто-то добавляет лишнюю ось. Кому-то приспичило поставить на крышу спарку из скрапперов, а кто-то, ругая предыдущего владельца, вынужден усиливать подвеску и колеса, добавлять новые гравки и движки. Постепенно трак становится слишком велик, чтобы считаться простым грузовиком. Машина набирает вес, матереет, обростает вооружением и командой. Начинает требовать все больше железа, эйносов, людей.

Со временем, гигатрак становится слишком большим, чтобы самостоятельно добывать себе пропитание. И здесь на помощь гиганту приходят юркие скиммеры и тарги, появляются добытчики-траки. Могут появиться и летучие флиры, которые не скованы земным притяжением и могут видеть далеко за горизонт. И все эти помощники неустанно снабжают едой исполинскую машину, трудолюбиво набивают трюмы, заполняют баки, обновляют эйносы.

Взрослый гигатрак становится домом для новой семьи, обеспечивает защиту и служит передвижной крепостью, способной справиться с любой угрозой. Даже летающим противникам стоит трижды подумать, прежде чем приближаться к гигатраку. Дальнобойные высотные баданги и скрапперы изрешетят любой гравичеп за секунды, подступиться с воздуха к колесным крепостям практически невозможно. К тому же, помимо непробиваемой брони, гигатраки отличаются удивительной для своих размеров скоростью. Хорошенько разогрев движки и гравки, машина начинает поглощать эйр в совершенно безумных количествах, зато и скорость набирает невероятную. Правда, с маневренностью у них все плохо. Многие помнят знаменитую стычку между семьями Стервятников и Люторогов, когда два разогнавшихся гигатрака на полном ходу врезались друг в друга. После того, как осела пыль от разгона десятков тонн эйра в баках чудовищных машин, на земле остался лишь забитый покореженным металлом кратер размером с фермерское поле.

И даже взрослый гигатрак по-прежнему продолжает расти. Подобно мифическим морским чудовищам, навреде вечно поминаемого шарга, они бесконечно поглощают металл, эйр, да и вообще все, что попадает в ненасытное брюхо. Огромные машины вырастают порой до совершенно невозможных размеров.

Самые старые гигатраки не могут даже просто стоять на месте, рискуя сложиться под собственным весом. Таков, к примеру, “Падший Цеп” семьи Красноголовых. Эта машина родилась из обломков упавшего где-то на западе тяжелого цепа, которыми укрепили и достроили головной трак тогда еще маленькой степной банды. С тех пор “Падший Цеп” настолько вырос в размерах, что ту же “Мамашу” превосходит в высоте в полтора раза, а на стоянках вынужден сжигать прорву эйра просто чтобы не развалиться. Зато и соперников у исполина почти нет, среди всех гигатраков вольных земель он входит в тройку самых огромных и опасных. К тому же, на стоянке “Падший Цеп” может в любой момент двинуться в путь, в отличие от своих младших собратьев, вынужденных долго сниматься с опор.

В стальной двери “Мамаша” с лязгом сдвинулась вбок заслонка, открывая узкую щель на уровне глаз. Оттуда на Брака с подозрением уставилась голова в круглых, черных гогглах. Внимательно осмотрев калеку, охранник что-то буркнул, закрыл заслонку и принялся греметь засовами.

Ждать долго не пришлось, толстенная железная дверь со скрипом приоткрылась ровно настолько, чтобы парень смог протиснуться внутрь, после чего с таким же противным скрежетом захлопнулась.

Внутренности “Мамаши” встретили Брака полутьмой и застоявшимся душным воздухом, пахнущим ядерной смесью эйра, смазки и пота. Узкий коридор с нишей, в которой располагалась боковая дверь, был пуст, если не считать скучающего охранника. Лица из-за гогглов не разглядеть, но судя по желтым штанам из неубиваемой плотной дерюги — это один из многочисленных отпрысков Кронга.

Калека поблагодарил привратника, ограничившись вежливым кивком. Угадывать, кто именно скрывается под гогглами он не стал, а то в прошлый раз знатно нарвался, перепутав Найту с ее братом Ларгушем. Синяк на щеке потом неделю не сходил, неторопливо сменяя цвет от темно синего к изжелта-зеленому. А что поделать, если одежда одинаковая и фигуры почти не отличаются? Да и бьет как взрослый мужик.

Длинный коридор нижней палубы, в котором оказался Брак, идет вдоль борта “Мамаши” между внешней обшивкой и внутренними помещениями. Тянется от кормы до кабины, где круто изгибается и упирается в центральный перекресток. Двери оттуда ведут на нижний уровень мостика, к лестнице и в похожий коридор с другой стороны.

Вдоль борта скрыты многочисленные узкие бойницы, через которые экипаж гигатрака может стрелять из жахателей почти в любом направлении. Сейчас часть из них открыта, впуская внутрь воздух и свет. Стальные стены влажно блестят, но следов ржавчины нет — Кронг на своей машине помешан и нещадно гоняет рабов, заставляя дочиста зачищать любые признаки коррозии. По потолку тянутся бесчисленные трубы.

“Мамаша” не самый большой гигатрак, но уж точно не самый маленький. Здесь три основных палубы, не считая надстроек наверху. Нижняя отдана на растерзание механикам и сборщикам, именно здесь находится главная семейная мастерская и вход в огромный грузовой трюм. На нижней палубе так же располагаются основные входы в технические тоннели — узкие лазы, ведущие к движкам, гравкам и прочей машинерии.

На средней палубе находятся жилые помещения, но посторонним туда хода нет. Как и на третий этаж, почти целиком отданный под арсенал и ангары для флиров. В “Мамаше” постоянно проживает почти треть Котобоев, но к общему костру они выходят редко, да и вообще смотрят на остальных членов семьи свысока. Благо в гигатраке есть своя кухня и столовая. Здесь вообще есть все, от крохотного зверинца до тюрьмы. Можно вообще наружу не выходить.

Быть частью экипажа “Мамаши” считалось престижным, но Брак бы на такое ни за что не согласился. Воздух во время стоянок здесь спертый, места мало, да и свободы никакой. Если поставили тебя следить за нагнетателями — будешь всю жизнь лупиться в одни и те же железяки, пока не сдохнешь от скуки. Так и гниют обитатели в огромной железной коробке, кичась при этом своим положением.

Недаром никто из старших, кроме патриарха, не живет в гигатраке, у всех свой транспорт. Да, Часовщик работает в мастерской, Холик просиживает штаны на второй палубе, а у Чегодуна весь трюм как личный кабинет. Но после завершения дел все разбегаются по собственным машинам. И даже сам всемогущий Кронг предпочитает спускаться поест к костру, за стол к остальным.

До мастерской Брак доковылял быстро, тяжелая, почти квадратная дверь находилась там же, в боковом коридоре. Навалился всем весом на тугой рычаг, в недрах двери солидно

лязгнул засов.

Мастерская встретила парня привычным сухим жаром и щекочущим ноздри запахом эйра. Светильники не горели, двустворчатые двери в трюм были распахнуты настежь, а уж там света хватало. Полностью громадные ворота грузового отсека распахивали редко, но сейчас широкая рампа на корме была опущена во внутренний двор, впуская солнце внутрь.

Калека, аккуратно обходя столы и заваленные железным хламом верстаки, прошел в угол помещения. Привычно скинул с себя одежду, повесил на сведенную к стене загогулину, рядом с чужими вещами. Вытащил из ящика легкие штаны и свободную рубашу из серой дерюги, заляпанные маслом и местами прожженные, натянул на себя. В мастерской всегда жарко, раскаленный металл высушивает воздух и нагревает его до порой невыносимых температур, но ходить голым чревато. Напорешься на острую железку, или прислонишься к раскаленной поверхности не продышавшись — сам виноват, останешься без доли за работу, пока не поправишься.

Хотя своей доли за работу Брак и так никогда не видел, всю ее прикарманивал себе Джус, справедливо полагая, что приемный сын таким образом отработывает свое содержание. Но одежду все равно старательно носил и латал при первой возможности, хоть и потел в ней неимоверно. Еще есть перчатки и плотная маска с прорезями для глаз, но их надевать лучше непосредственно перед работой, иначе можно запросто потерять сознание от жары.

Мастерская у Котобоев большая, занимает почти треть первой палубы “Мамаши”. Помещение плотно заставлено сведенными к полу верстаками, вдоль стен тянутся забитые всякой всячиной стеллажи и шкафы, свисающие на цепях с потолка железные листы огораживают отдельные закутки. В самом центре отсека, относительно свободном от хлама, булькает над масляной горелкой тяжелая чугунная посуда с широким основанием и узким горлышком. К посудине с потолка спускаются несколько тонких железных трубок. Все в помещении старательно закреплено к полу и стенам, или даже к потолку — при движении гигатрак может зверски трясти.

Несмотря на размеры мастерской, людей здесь работает мало, семье в последние годы остро не хватает механиков. Вот и сейчас, помимо Брака, в помещении присутствовали всего трое, занятых своими делами и не обращающих на калеку внимания.

Голый по пояс, потрепанный вчерашней охотой и последовавшей за ней попойкой Ухол, который пыхтя от натуги и тяжело дыша плавил в широченном корыте ракушки. Периодически он отрывался от раскаленной докрасна формы и сыпал в расплав всякую дрянь из стоящих рядом коробок. Дрянь местами пузырилась и горела. Помешав густую массу, бросающую на стены и потолок багровые отсветы, Ухол вновь брался за корыто и начинал пыхтеть. Судя по стопке остывающих у стены железных листов, пыхтел он давно.

За дальним верстаком уныло правил погнутые накануне дротики Рист, сутулый и длинноносый сын Часовщика. Рист терпеть не мог мастерскую и все, что с ней связано. Не отец, старательно не замечая страсти сына к небу и флирам, упорно заставлял его изо дня в день просиживать штаны в “Мамаше”. Несмотря на то, что длинноносый уже несколько лет как вернулся из Поиска и имел полное право самостоятельно выбирать себе занятие, пойти против воли отца у него не хватало ни мозгов, ни упрямства.

Ну и конечно сам Часовщик, занимавший полностью огороженный угол мастерской. Там располагалось самое ценное — склад и широкий стол для работы с эйносами. Доверять такую тонкую работу кому-либо еще старший механик не спешил, предпочитая заниматься

костяшками самостоятельно. Остальные довольствовались тем, что сводили для Часовщика разномастные железные корпуса для будущих устройств. Разве что Браку изредка перепадала возможность поковыряться с низкого качества эйносами, которые использовать толком не получится, а выкидывать жалко. В основном нагревателями, хотя пару раз удавалось поработать с гравками.

Именно в закуток к старшему механику парень и направился, кивнув по пути Ристу. Тот тоскливо взглянул на калеку, после чего вернулся к мурьжинью кривого дротика с расколовшимся древком.

— Ты поздно сегодня, — Часовщик внимательно взглянул на Брака из под густых бровей. В руках у него была маленькая, с кулак размером гравка, которую механик внимательно осматривал сквозь окаймленную металлом линзу на гибком штативе. На столе рядом высилась целая груда костяных спиралей разного размера. — Как себя чувствуешь? Я слышал, тебе вчера досталось.

— Доброе утро, старший. Я в порядке, просто затылкомшибанулся. Это Логи досталось.

— Сыну Саила? Неудивительно. Зря вы вообще туда полезли, — Часовщик капнул на гравку эйра из крохотной железной колбы, растер пальцем и придирчиво уставился в линзу. — Работать сегодня сможешь?

— Смогу, затем и пришел. Но, если возможно, я бы хотел закончить пораньше. Надо кое-что для себя сделать.

— Кое-что... говори прямо, не терпится гравку опробовать. Мог бы вообще сегодня не работать, я не буду возражать против твоего присутствия в мастерской.

— Я лучше поработаю. Но не откажусь от нескольких советов по гравке.

— Даже так? Тогда поговорим после обеда. На тебе заправка банок. Там к двери приволокли утром ящик, посмотри в нем. Попроси Риста помочь, если тяжело одному. Большие, если найдешь, не трогай. Я сотню раз просил не валить банки в одну кучу, все равно находится самый умный и находчивый, — механик вытащил гравку из под чашечки весов и не глядя швырнул в одну из коробок, где уже валялось несколько ее товаров. — Мусор желтый, почти не тянет. Хорошие гравки все реже попадают, один молодняк бьют.

— Мне показалось, что молодых медуз вчера не так много было, — Брак за манипуляциями Часовщика наблюдал внимательно, делая в голове заметки на будущее. — Почти все здоровые.

— Не смотри на обманчивую внешность, всегда старайся пронзить самую суть явления пытливым взглядом, каким бы легким тебе не казался первый путь, иначе... иначе... не помню, задница какая-то случится, — механик протянул руку за следующей гравкой. — Кто-то из старых философов Талензы сказал. Зануда редкостная, как и все философы. Ляпают вроде и глубоко, а вроде и очевидно. Ты еще здесь?

Брак все понял правильно, спешно похромал к искомому ящику. Банок оказалось немного, так что помощь Риста не понадобилась. И хорошо, созерцать его унылую рожу было выше всяких человеческих сил.

Парень приволок ящик к заправочному верстаку, достал и рассортировал банки на железной поверхности. Восемь малых, три средних и четыре больших, не так уж и много. Калека подумал и добавил еще четыре, две большие от жахателя и две средних от Там-Тама. Все пустые, с порванными перегородками. Хорошо, что нет банок с треснувшими стенками, иначе возиться пришлось бы гораздо дольше. Спустил с потолка заправочную трубку, идущую от компрессора, подтащил свежий лист желтоватого металла. Брак не знал точного

состава, вроде на перегородки идет сплав меди, олова и еще каких-то добавок. Мягкий, легко деформирующийся, но при этом достаточно прочный, чтобы закупоривать банку.

Перезаправка процесс несложный, но требующий ловкости рук и внимательности. Сперва с банки снимается старая перегородка, они позже отправятся к Ухолу на переплавку. Затем надо аккуратно приладить на старое место вырезанный из листа металла кружок, предварительно проделав в нем небольшое отверстие. В отверстие плотно заходит сменный кончик заправочной трубки из того же мягкого металла, заполняя банку эйром. Потом надо очень быстро прекратить подачу эйра, одновременно сведя наконечник заправочной трубки к перегородке, намертво его запечатывая. После чего остается лишь аккуратно разгладить пластину от торчащего куска заправочника.

Хорошо, что в мастерской нет необходимости слишком напрягаться со сведением. Испаряющийся из посуды эйр заполняет помещение кислой вонью, зато садмам работать намного легче. Разве что Ухолу приходится постоянно тяжело дышать, но у него самая затратная работа. Браку можно только мечтать о том, чтобы настолько сильно раскалить плавильное корыто.

Процесс несложный, но муторный. Банки разного размера, приходится под каждую сводить свою перегородку и наконечник, да и заполняются они с разным давлением. Брак провозился до самого обеда. Когда последняя заполненная банка переключалась в ящик, парень облегченно разогнулся над верстаком, расправляя задубевшую спину и оглядываясь вокруг.

В мастерской все было по-прежнему. Разве что пришел заметно заезженный Аздан, освещая себе дорогу темными кругами под глазами. Усач приволок здоровенное, аппетитно пахнущее ведро похлебки, круглую ноздреватую краюху хлеба и канистру с пивом. Расчистил от раскатившейся мелочи верстак у выхода в трюм, чтобы было побольше света, после чего оглушающе шваркнул по столу какой-то железкой, подавая сигнал к обеду.

Ели молча, сосредоточенно жевали, макая свежий хлеб в наваристую похлебку. Лишь Часовщик, кивнув на остатки краюхи, невнятно спросил с набитым ртом:

— Отфуда такая фоскошь?

— Муки свежей закупили. Там два трака от фермеров прибыли, наши вымели все подчистую. А Сельма напекла. — Аздан свою порцию ковырял неохотно, предпочтя потягивать пиво из высокой кружки. Явно успел уже поесть.

— Хорошо. Надоело сухарями давиться, — старший механик прожевал свой кусок и добавил: — У Сельмы хлеб всегда вкусный. Не то, что у Отбивки, ее булками можно пузыри сбивать и броню дырывать. Интересно, где она?

— Не слежу, — усач спешно встал из-за стола, — Пойду движок покормлю.

Доедали в тишине. Рист отпросился на верхнюю палубу. Благодушный и сытый Часовщик возражать не стал, хотя взгляд в спину радостно убежавшему сыну кинул недовольный. Ухол, отдуваясь, опрокинул в себя жбан пива и пошел наружу, захватив с собой бандуру — его сын должен был сегодня вернуться из Поиска и отец собирался вручить ему арбалет в качестве подарка. Поразившее драка в глаз оружие перестало быть просто неудобной железкой, обрастая историей. Такое и подарить не стыдно.

Оставшись вдвоем с Браком, Часовщик некоторое время неспешно тянул пиво, после чего вытянул из под стола тяжелую коробку.

— Сыграем?

Калека охотно кивнул. “Большую Охоту”, или попросту “Забойку” старший механик любил и охотно обучал ей всех желающих. К его великому сожалению, кроме Чегодуна среди Котобоев достойных соперников не было, немногие хотели вникать в мудреные правила островной игры, предпочитая обычные кости или “Сводилку”. Брак играть любил, но возможность выдавалась нечасто, кроме тех редких случаев, когда старший сборщик отсутствовал в трюме. Да и комплекта для игры у парня не было.

Часовщик раскрыл коробку, высыпал на стол груду зазвеневших фигурок. Привычно расчертил мелом столешницу и принялся расставлять крохотные статуэтки машин и зверей.

— Медь или серебро?

— Медь, — Брак предпочитал уступить сопернику право первого хода, так проще было планировать игру. — Я с банками закончил.

Старший механик аккуратно поставил на клетку второй гигатрак и принялся за бронзовые, почти черные фигурки добычи.

— Быстро ты, — на стол легла стая медуз. — Не сорвал?

— Одну только. Недогрел.

— Не страшно. Все срывают, даже я. Еще немного поднатореешь и научу мембранные заправлять. Там не так сложно.

Часовщик закончил расставлять фигуры, придирчиво оглядел результат. На столешнице угрожающе встали друг напротив друга две семьи, медная и серебрянная. У каждой семьи — по гигатраку, занимающему сразу две клетки. Вокруг гигатрака в стройном порядке расположились траки, тарги и ловкие флиры, цепочкой выстроились маленькие скиммеры. Остальное поле занимают многочисленные и разнообразные твари, от люторогов до драков, сгрудились стаи медуз, выглядывают из под столешницы жвалы плевунов. В самом центре поля — окруженное тварями помельче логово Грандаргаша. Сам хозяин логова искусно выточен из зеленоватого камня.

— Я умею мембранные заправлять. Пробовал разок, — Брак подождал, пока соперник сделает первый ход, выдвинув вперед скиммеры. Сам, подумав, отправил в разведку флиры. — С ними главное мембрану зажать между пластинами плотно и не торопиться.

— По тебе видно, как не торопишься. — Часовщик потратил свои ходы, чтобы атаковать скиммерами стадо люторогов, привлекая их внимание. — Ты куда вчера полез? Еще и Логи в это дело втянул. Парень чуть не убился.

— Логи сам виноват. Следовал бы моему плану, остался бы цел.

— А явление драка ты своей многомудрой головой тоже предусмотрел? Чем ты его отогнал? Банку жажнул? — механик вел партию неспешно, его скиммеры приводили добычу под атаку тяжелой техники, а траки уже начали доставлять первые трофеи в гигатрак. — Только не рассказывай мне сказки про потерю сознания, я умею сводить воедино факты, в отличие от остальных.

— Две банки, — Брак попытался было завести драка под тарги, но вражеский флир ловко увел его прямо из под носа. — Времени не было совсем, свел что было и жахателем к нему загнал.

— Шаргов дурень. Брак, я и предположить не мог, что из всех дураков среди Котобоев, именно ты окажешься самым тупым. Зачем так рисковал? Осколками посекло бы насмерть, или по земле размазало. Это не считая затеи с гарпуном. Тебе повезло минимум трижды, причем за каждый раз впору отмечать день рождения. Ладно, тебе плевать на себя, но вас было двое. Ты хоть рассказал Логи, в какую авантюру его втянул?

— Рассказал, — дела у калеки шли не очень, он уже потерял несколько скиммеров, а ловкая тарга соперника умудрилась сбить один из флиров.

— И он согласился в этом участвовать?

— Это же Логи. Он такой.

Наступила пауза, оба сосредоточились на игре. Часовщик уверенно опережал Брака по трофеям, почти полностью выбив тварей на своей половине поля и совершая дерзкие налеты на территорию противника. Зато гигатрак калеки почти вплотную подобрался к логову. Если удастся свалить грандаргаша, можно будет вывести на поле еще одного исполина, объединив несколько фигурок вместе. И тогда уже старшему механику придется туго, гиганты защищают все клетки вокруг себя от флиров, а вывести его из игры можно только пожертвовав другой гигатрак.

За толстяка вины калека не ощущал, тот знал, куда и зачем шел. Да и пострадал по своей собственной глупости.

— Значит, все же решил отправиться в степь? — Часовщик плеснул себе еще пива. — Не отказался от этой глупой затеи? Признаться, когда я вчера увидел твой жахатель у толстяка, решил было, что ты наконец взялся за ум.

— Почему глупой? Я просто хочу честно заслужить свою метку. Следовать своим желаниям, а не кого-то еще. Хватит с меня Джуса, надоело.

— Чтобы стать клановым не обязательно идти в поиск. Посмотри на меня, — механик указал на свои дырявые уши. — Я в Поиске не был. Тем не менее, я старший механик семьи, у меня есть жена, дети, свой трак. Ты не дурак, прекрасно понимаешь, что даже со скиммером и напарником, твои шансы вернуться ничтожно малы. Ты слабый, к тому же увечный. Зачем так рисковать?

— При всем моем уважении к тебе, Часовщик, я не думаю, что твой путь можно повторить. Ты попал в семью уже взрослым, сильным, знал и умел множество таких вещей, о которых Котобой не имели ни малейшего понятия. И даже учитывая все это... Сколько ты проходил в ошейнике? Лет десять?

— Двенадцать, — старик поморщился. Этот период своей жизни он вспоминать не любил. — Но я честно заслужил свое право на семью и метку.

— Да, ты заслужил. Но какова вероятность, что случится еще одно подобное побоище, где я смогу в одиночку спасти “Мамашу”? Ты был незаменим, прекрасно работал, изобрел кучу всего — но никто не спешил вводить тебя в семью. И только когда ты вытащил всех из полной задницы — старшие соизволили выдать тебе метку. Сколько тебе было тогда? Под сорок? А у меня какие шансы?

— Не делай из семьи врагов, Брак, — Часовщик вновь вернулся к фигуркам, выдвинул вперед траки, незаметно беря логово в клещи. — У тебя есть все шансы стать клановым. Никто не будет упрекать тебя в том, что ты не закончил Поиск. Ты еще молод, возможность проявить себя обязательно представится. И я верю, что ты ее не упустишь.

В словах механика, размеренных и веских, тем не менее сквозило едва уловимое сомнение, которое Брак почувал.

— Ты сам себя слышишь? Да во всей семье с трудом наберется пять человек, кто нормально ко мне относится. Остальные либо игнорируют, либо обращаются так, будто на мне ошейник.

Лицо Часовщика на мгновение дернулось, и Брак понял, что тот в курсе ситуации с Чегодуном. Неудивительно, старый механик знал все про всех, обладал отменной

наблюдательностью и способностью делать выводы. К тому же, он присутствовал при разговоре со старшим сборщиком.

Убедившись в своих подозрениях, Брак горячо продолжил:

— Либо я закончу Поиск и стану хозяином самому себе, либо сгнию здесь в ожидании чуда. Джус пьет столько, что долго не протянет. Кто знает, что придет ему в голову? К тому же, он задолжал Чегодуну. Я не пытаюсь создать из семьи врагов, но мне до усрачки страшно того, что может произойти. Вот и что мне делать?

— Не выражайся, — Часовщик хмуро смотрел на доску, где все вновь застопорилось. — Твой отец должен Чегодуну тридцать синих кристаллов. Я не в восторге от этой ситуации, я не в восторге от поведения Чега и не в восторге от Джуса. Все это смердит хуже, чем отхожее место на “Мамаше”.

Брак мысленно застонал. Тридцать синек это куда больше, чем он мог предположить. За такую сумму Чегодун удавится, но выбьет долг из отца. А в упрямстве Джус мог посоперничать с Барташем, свой трак он никогда не отдаст.

Надо срочно собирать скиммер и сваливать.

— Но от твоего желания отправиться в Поиск я тоже не в восторге, — старик сделал свои ходы, посмотрел парню в глаза. — Твои шансы успешно вернуться стремятся к нулю. Что бы ты себе не придумал, какой бы план не составил — забудь. Внешний мир тебя прожует и выплюнет, а протезом будет ковыряться в гнилых зубах. Я не могу и не хочу тебе помогать совершать эту ошибку, но мешать тоже не буду. Это твое решение, жить с его последствиями тоже тебе. Хотя будет очень обидно так глупо терять перспективного механика.

— Я не собираюсь сгнать в Поиске. Я лишь собираюсь честно доказать, что достоин стать Котобоем. Не хочу всю жизнь провести никчемной грозовой отрыжкой.

— Я же сказал, не выражайся, — Часовщик двинул фигурки. — Ты проиграл. Никогда не лезь на Грандаргаша, не обеспечив себе крепкий тыл. У меня больше трофеев, а ты потерял все траки.

Брак уставился на поле игры. Как он умудрился прозевать эти две тарги — уму непостижимо, но старый механик ловко провел быстрые машины по флангам, ударив по связанным боем тракам. Теперь шаргова тварь за один ход сломала оба грузовика, оставив Гигатрак в одиночестве. Выиграть в этой ситуации невозможно, только траки могут в достаточном количестве собирать трофеи и свозить их к медлительной головной машине. Даже то, что противник потерял обе тарги, уже не имело значения, парню никогда не догнать того по количеству очков.

— Этот ход называется мельница. Ловушка для тех, кто пытается хапнуть слишком много и забывает при этом смотреть по сторонам. Я пожертвовал тарги, значит это килейская мельница. Хотя вариантов здесь много.

Часовщик начал сгребать фигурки в коробку, аккуратно завернул в тряпочку каменную фигурку даргаша, чтобы не побилась.

— Часовщик, спасибо за честность. Я не собирался просить о помощи, просто...

— Не продолжай. Я все сказал. Хочешь глупо погибнуть, это твое право. Я не собираюсь ни мешать тебе, ни помогать в твоей затее. От работы я тебя освобождаю, незаметно выкатить скиммер помогу. Но большего от меня не жди.

— Спасибо! — от всего сердца поблагодарил Брак. Как незаметно выкатить скиммер через Чегодуну вотчину он до этого не представлял. Да и вообще, с души как будто камень

свалился. Старик механик, хоть и был невыносимо зануден во всем, что касалось работы, всегда относился к калеке с симпатией. Слово свое он держит крепко, и Браку этого достаточно. Жаль только, что на помощь больше рассчитывать не приходится, работа с эйнсом предстояла сложная и советы опытного наставника очень быгодились.

— Не благодари, — старший механик собрал фигурки, убрал коробку. Задумчиво посмотрел на парня, тяжело вздохнул. Обвел взглядом пустую мастерскую, после чего досадливо крякнул и добавил:

— Шарг с тобой, пойдём гравку посмотрим. Но больше помощи не жди.

Калека просиял и похромал в угол за мешком.

Брак утер пот с лица изрядно промокшим рукавом. Шаргова жара, шаргова духота, шаргов скиммер и шаргова гравка, будь она трижды проклята.

Опасения по поводу костяной спиральки не оправдались. Внимательно исследованная Часовщиком гравка оказалась рабочей, хотя и слегка сонной. Тянула не слишком много, на синий цвет, но для скиммера этого было вполне достаточно. Даже больше чем достаточно, гравка оказалась весьма неудобной.

Слишком большая, мощная и прожорливая для скиммера, но слишком слабая для тарги. Разве что для тяжелых грузовых подойдет, если понадобится снять часть нагрузки с кузова при перегрузе.

Для флиров тоже не подходит, там важна резвость. Трофейная гравка разгоняется слишком медленно, для юрких летунов это неприемлемо. Им куда важнее иметь возможность быстро сбрасывать и поднимать подъемную силу, все остальное отходит на второй план.

Вот парню и пришлось потратить кучу времени на то, чтобы придумать способ упихать здоровенную гравку в скиммер. Она размером с голову, и это еще без корпуса. Надо было точно рассчитать, где именно ставить, продумать поступление эйра и регулировку подачи...

В результате всех мытарств, Брак так и не приступил толком к установке, разве что нарезал листов железа на корпус, да утащил несколько медных трубок. В мастерской стало заметно светлее, солнце в трюм уже не проникало и Часовщик приказал зажечь светильники. Остальные механики на возившегося в отгороженном закутке калеку внимания не обращали. У каждого здесь есть свое укромное местечко, где можно спокойно ковыряться с железками. А ближе к вечеру все и вовсе ушли во внутренний двор на церемонию Возвращения. Теперь сквозь раскрытые двери трюма до Брака доносятся обрывки торжественных речей, хохот и радостные вопли.

Парень в очередной раз попытался придать раскаленной медной трубе правильную форму, перегнул и злобно помянул шарга. Кончики пальцев уже начало ощутимо покалывать — верный предвестник скорого ожога. Пора заканчивать, он и так сегодня слишком много сводит.

Как Ухол умудрялся целыми днями неумоимо плавить ракушки, оставалось для Брака загадкой. Да и Часовщик при нужде мог целиком раскалить докрасна тяжеленную ось “Мамаши”, хотя Ухол в негласном противостоянии все равно оставался победителем — старший механик очень быстро выдыхался.

Сам калека особыми талантами не выделялся. Мог докрасна раскалить десятикилограммовую болванку, но и только. Таких среди семьи больше половины, не считая откровенно бесталанных, вроде Логи. Гнуть Браку тоже было тяжеловато, да и слабые руки не сильно этому способствовали. Вот и сейчас, от тяжелой работы заныла голова, как будто в лоб с двух сторон медленно вворачивают раскаленные гвозди. Еще немного и перенапряжется, а этого допускать нельзя. От такого он до конца Схода не оправится.

Приняв твердое решение заканчивать, парень набросил на скиммер рваное полотнище старого тента, после чего подхватил отремонтированный Там-Там и направился в угол мастерской. Откинув неприметную дверцу, завалился в крохотную комнатушку,

заполненную переплетениями разномастных труб. Крутанул вентиль и прямо в одежде встал под струю ударившей сверху горячей воды.

Маленькие радости механиков — возможность почти неограниченно мыться пресной водой.

Прямо на себе постирав вещи, Брак выбрался из помывочной, дернул за рычаг обогревателя. Хитрое устройство состояло из двух эйносов — люторога и скальной кушварки, и создавало плотный поток горячего воздуха из широкого раструба.

Вещи высохли почти мгновенно, как и волосы. С сожалением выключив обогреватель, парень переоделся в обычную одежду, аккуратно сложил рабочие вещи в ящик. Хорошо, что воров внутри гигаграка можно не опасаться. Сердце семьи всегда хорошо охраняется, сунуться сюда рискнет только полный идиот. А обитателям “Мамаши” грязные шмотки механиков и их железки ни к чему. Хотя случается всякое, у Чернолапых вон флир угнали и ограбили. Но это был свой, такое событие — нечто из ряда вон выходящее.

Пока парень выходил наружу и пробирался по недрам “Мамаши”, невольно замечтался. Из головы Брака все никак не шла украденная сумма. Восемнадцать фиолок! Даже в самом грубом пересчете, это почти двести тонн сырого эйра. Чудовищное количество, которого будет достаточно для безбедной жизни в любом уголке мира. Кри это универсальная валюта, как бы не пытались контролировать и регулировать их оборот разные страны. Цветные кристаллы, подкрепленные самым надежным и востребованным ресурсом — эйром, упрямо продолжали использоваться в сделках на любом уровне,

Можно купить себе дом на севере, трак, несколько рабов. Открыть собственную мастерскую или факторию, если не прельщает жизнь в городе. Может, даже на подержанный цеп хватит, на стрейб уж так точно. Можно достать несколько улиток для редких металлов, добывать золото на берегах великой реки. Можно... Да проще перечислить, что с такой суммой сделать нельзя.

Сбежавшему Майро можно было только позавидовать, конечно, если Чернолапый умудрится остаться в живых. Пережить гнев клана почти невозможно. Да и какой он теперь Чернолап, наверняка уже назначили изгоем и вычеркнули его имя и метку из Святилища Памяти в недрах гигаграка. Наверняка после Большого Сбора рванут в разные концы Гардаша лихие ребята на быстрых машинах, привлеченные наградой за голову вора.

Замечтавшийся Брак уже почти дошел до места встречи с толстяком, когда его грубо толкнули в плечо, едва при этом не опрокинув. Опомнившись, парень поднял было взгляд, но тут до ушей донесся знакомый голос, радостно что-то оравший.

— Ооо! Там-Там!!! — подлетевший толстяк едва не вывернул калеке кисть, выхватив из его руки кувалду. — Вылезай оттуда, паскуда ушастая, жопа тебе пришла!

Последние слова он проорал на ходу, замахаясь Там-Тамом. Тяжелый боек просвистел в воздухе и со звоном впечатался в закрытую дверь небольшой синей тарги с крытым кузовом, оставив после себя внушительную вмятину.

— В круг давай, уродец! — кувалда пошла на второй замах. — Или извиняйся!

Водитель тарги, вздрогнув от звука второго удара, опасно покосился на вмятину и что-то прокричал.

— НЕ СЛЫШУ! — лысый замахнулся в третий раз, но бить не стал.

— Прости! — голос подрагивал, но страха в нем не было. — Прекрати курочить машину!

Толстяк все же вломил в третий раз, осыпав краску с двери. Столпившиеся вокруг

зеваки одобрительно закивали, кто-то подбодрил советом бить сверху, чтобы до макушки достало.

— За что прости, шаргова ты плесень? — голос Логи звучал почти ласково. — Прости за то, что у меня такая вонь изо рта? Или прости за то, что моя машина поцарапала твою кувалду? Или прости за то, что попытался нагло тебя поиметь, а потом назвал одноглазым уродом и сбежал в таргу?

— Прости за то, что назвал тебя одноглазым уродом и попытался поиметь! Доволен? Хватит курочить машину, говорю.

— Не совсем так, но сойдет, — толстяк пнул напоследок дверь и повернулся к Браку. — Пойдем, Бракованный. Каждый торг одно и то же, а все равно лезут. То что я выгляжу тупым не значит, что я тупой. Разница незаметная, но ощутимая. Но им не дано понять.

Сзади раздался лязг и горестный вопль. Начавшие было расходиться зеваки вновь обернулись. Вылезший из тарги удивительно лопоухий коротышка в глухих гогглах грустно оглядывал отвалившуюся целиком дверь с вмятиной посередине.

— За что ты его так? — Брак отвернулся от созерцания скорбящего коротышки и поспешил за напарником.

— Предложил мне отрез канторского шелка по дешевке. Я бы повелся, но шелк этот знаю хорошо, мать иногда из него шьет. Когда предложил водой проверить, этот сразу заюлил, ну и завертелось. Вовремя ты Там-Там принес, я бы упарился его из тарги выковыривать. Еще и уродом одноглазым назвал.

Брак оглядел толстяка. Выглядел тот значительно лучше, чем утром. Хотя, судя по выступившей на лысине испарине и тяжелой одышке, медузий яд еще давал о себе знать. Повязки Логи снял, но левый глаз по-прежнему закрывала повязка из сложенной в несколько раз марли, удерживаемая на голове веревочкой из того-же материала.

— Но ты и есть одноглазый. А уродом задолго до того был.

— Не нагнетай. Не хочу становиться еще и Бракобоем, а то так и запомнят. Меня ждет великое будущее, прелестные красавицы и мировая слава, а ты провоцируешь меня стать тем самым толстым кочевником, который до смерти избил калеку за длинный язык. Хотя искушение велико. Не надо так.

— Не буду, — опасливо заверил напарника Брак. — Куда идем?

— Пожрать хочу нормально, там и поговорим. Отбивкины помои в горло уже не лезут.

— Так сегодня Сельма на готовке.

— Шаргова плесень. Мало того, что меня мать весь день жидким дерьмом отпаивала, так еще и Сельму пропустил, сразу сюда пошел. А теперь небось ни шарга не осталось, все сожрали и на Возвращение ушли.

— У ворот кабак развернули, там Аздан пиво с утра брал. Хорошее.

— Вот и пойдем туда. Ты, кстати, рукоять Там-Таму криво свел, держать неудобно.

— Это у тебя от голода. Все я ровно свел. — с обидой ответил Брак. Он угробил на кувалду почти полтора часа, хотя мог потратить это время на скиммер.

— Не гони. Оружие — как тело любимой женщины, мужчина должен с закрытыми глазами определять любой изъян, — Логи наставительно поднял вверх палец. — Я чувствую изъян криво сведенной рукояти.

— Опять несуществующая мудрость отца? Если женщина любимая, то мужик либо промолчит, либо не будет считать это изъяном, либо смирится. Ты уже запорол первые два, так что смирись.

Напарники шли по торгу никуда особо не торопясь. Брак вымотался за день в мастерской, а Логи явно устал валяться бревном в траке. Теперь оба с любопытством глазели на непривычные машины, разглядывали людей и товары на прилавках.

— А что за проверка водой? — зябко ежившийся от подступающей вечерней прохлады калека остановился у трака, торговавшего кожаной одеждой. На откинутах борту лежало напоказ несколько пар добротных сапог и ботинок, богато изукрашенные длинные штаны и всякая мелочевка вроде перчаток и заготовок под гогглы. Но внимание парня привлекли куртки.

— Настоящий канторский шелк воду не пропускает, — толстяк встал рядом, с интересом уставился на толстые коричневые перчатки с обрезанными пальцами. — А этот уродец мне пытался подделку впарить. Тот же шелк, но без пропитки. На островах такое делают, но у нас видимо тоже кто-то взялся. Перепутать легко, выглядят они одинаково, только подделка у тебя через полгода расползется и сгниет. Он половину кузова распродать успел, падла.

— Молодые люди отлично разбираются в тканях, — из глубины кузова выглянула торговка, немолодая сухонькая северянка с коротким ежиком седеющих волос. — Может быть, юных воинов клана заинтересует мой товар? Здесь лучшие кожаные изделия во всех вольных землях. Слава о них гремит по всему Гардашу, от Джаки до Нью-Арка.

— Не брещи, старая вешалка, — вежливо возразил торговке Логи. — Лучшая кожа у Стервятников, но я сомневаюсь, что Перья тебя на выстрел баданги подпустят к дубильням. Перчатки побольше есть?

Пока торговка рылась в кузове и чем-то гремела, Брак завистливо разглядывал приглянувшуюся куртку.

Длинная, ниже задницы, из плотной темно-бурой кожи, прошитой по краям густой синей тесьмой. Высокий воротник, спереди запахивается с глубоким нахлестом, тонкой работы металлические застежки под ремешки. Рукава длинные, даже слишком, но явно можно завернуть — вон, даже крепления имеются. Кожа тисненая, вся покрыта мелким узором и пропитана устойчивым к воде лаком. Куртка выглядит солидно и добротно, особенно в сравнении с драиной калеки. И теплая навверняка, ветер держит. Мечта, а не куртка. Разве что, явно великовата для щуплого парня, но это не проблема. Всегда можно ушить. Еще бы штаны к ней... И сапоги...

— Хорошая, — Логи, заметив интерес напарника, внимательно изучил куртку, прощупал швы под пристальным взглядом хмурого охранника. — Даже швы пропитала, дождь удержит.

— Конечно хорошая, — торговка вновь вынырнула из кузова, протянула толстяку пару перчаток. — Сама делала. Кожа люторога, застежки латунь, в Доминионе заказываю. Я хоть и не Стервятник, но кое что умею, мой товар действительно много где знают.

Под неодобрительным взглядом женщины, Логи попытался натянуть перчатки, но те не налезали.

— Больше размером нет, на таких кабанов не рассчитывала, — торговка забрала не подошедшие вещи обратно. — Могу по руке сшить, но не раньше послезавтра. Заказов много, не продохнуть.

Она для наглядности продемонстрировала зажатый в руке пробойник угрожающих размеров.

— К шаргу тогда, — толстяк проводил исчезнувшие в глубине трюма перчатки

грустным взглядом. — Сдерешь небось втридорога. У меня сегодня день такой, все хотят поиметь героя.

— Так и есть, приглянулся ты мне, лысый. Прямо вот зудит у меня везде, как хочется с тебя три цены содрать. Или даже пять, — она кивнула на куртку, обращаясь к Браку, — Интересует?

— Сколько она стоит?

— Только для тебя — пять с половиной зеленью, — торговка окинула плечи калеки оценивающим взглядом, после чего продолжила участливым тоном. — Мерзнешь, небось, в этом рванье. Вы, клановые, понятия не имеете, что такое хорошая одежда, вечно ходите как оборванцы. За половину зеленушки подгоню по фигуре, будет сидеть как влитая. Еще за четыре уступлю штаны, столько же за ботинки.

Торговка чем-то дробно пощелкала в кузове.

— Всего это получается... На двух синьках сочтемся. Так и быть, пару зеленушек тебе уступлю, если все возьмешь. От сердца отрываю. Вижу, что тебе нужнее. — она замолчала и выжидающе уставилась на парня.

Брак с трудом подавил немедленный порыв развернуться и уйти, так низко падать в глазах незнакомой торговки он не был готов. Сумма была огромной. Нет, если выгрести все заначки, собрать получится. Не две синих, но близко. Можно продать второй окуляр или сыгравший свою роль жахатель, но это полностью лишит его начальных средств в Поиске, а зависеть от толстяка не хотелось. Жаль конечно, куртка ему приглянулась. Осталось придумать вежливую причину отказаться, чтобы при этом не показаться тем самым нищим оборванцем.

— Да шли ее нахер, Бракованный! За это обоссанное хомьяками дерьмо столько платить? — Логи демонстративно принялся и ткнул пальцем в здоровенный котел на крыше. — Чуешь, как из котла несет? Небось по всем стоянкам с ведром побирается. Тебе охота чужую мочу на себе таскать? Пойдем жрать, пока я не проблевался.

Толстяк, приобняв напарника за плечи, с силой развернул его от трака и потащил за собой.

— Так все дубят, кретин! А-а-а, шарг с вами, ходите в рванье. Кочевники... — начавшая было возмущаться торговка обратилась к охраннику, но тот лишь хмыкнул и приложился к фляге.

Остаток пути до въезда в форт, где между траками расположился навес передвижного кабака, проделали молча. Брак мерз и сожалел об упущенной куртке, а Логи явно устал.

Солнце уже закатывалось, тени вытянулись, на торге зажигалось вечернее освещение. Желтоватое дрожащее пламя масляных светильников, ровное многоцветье эйносов, бьющийся на ветру огонь обычных факелов. Кое-где загорелись костры из сушняка, а самые зажиточные разогревали ярчайшие эйровые горелки.

До кабака напарники не дошли совсем чуть чуть, пришлось проталкиваться через толпу клановых, обступившую только что прибывший трак. Здоровенная шестиколесная машина, судя по размерам капота перед кабиной — минимум с двумя двигателями. Явно не самоделка, сводили грузовик скорее всего островные мастера, причем талантливые. Увенчанная трубами кабина по размеру такая, что можно жить целой семьей, окна забраны толстыми прозрачными стеклами вместо привычных узких смотровых щелей и дырявого листового металла. А может это и не стекла вовсе, а что то намного более прочное, из органов островной живности. Металл везде сведен аккуратно, никаких щелей, броневые

листы по бортам явно стальные, усилены незнакомыми пластинами из чего-то похожего на хитин. На крыше кузова — тяжелая спарка скрапперов.

Но больше всего привлекали внимание ярко красный цвет трака и талантливо выполненные наросты на крыше кабины и кузова, изображающие спинной и хвостовой плавники катрана. Все вместе это создавало впечатление огромной хищной рыбины, которую зачем-то поставили на колеса и вооружили скраппой.

Покатый борт кузова был раскрыт. Кусок брони поднят вверх подобно крылу птицы, открывая широкий проем, из которого на землю спускался широкий пандус. Внизу стоял и вдохновенно вещал высокий торговец в темно красном гарбе с зеленой окантовкой. Рядом с ним высилась загадочная штукавина накрытая тканью, явный эйнос. И, судя по заинтересованным перешептываниям клановых, никто понятия не имел, какой именно.

Калека потянул першого напролом напарника за руку, призывая остановиться. Тот начал было недовольно бухтеть, но увидел красный трак и замер, зачарованно пожирая его глазами.

— ...лько раз флиры и искатели теряются во время переходов? Вы скажете, что редко, всегда можно найти семью по следам гигатрака. Но! — торговец поднял руку с вытянутым вверх пальцем. — Все вы наверняка хоть раз задумывались, что хорошо бы всегда знать, где именно сейчас остальные? Не догадываться, не предполагать, а именно знать! Да я сам бы не отказался знать, где сейчас моя жена и кого именно из друзей мне придется закопать в степи следующим!

Толпа радостно гоготнула над немудреной шуткой. Торговец был того самого, всеми горячо любимого и ненавидимого типа, над которыми несколько часов подряд смеешься, зачарованно слушая чушь которую они несут, а потом внезапно обнаруживаешь себя на полдороге к дому без кри в кармане, зато с почти полным собранием сочинений знаменитого летрийского искателя приключений Домгара Штиренго, без картинок и написанных на незнакомом языке. Таких торговцев всегда любят, ровно до тех пор, пока не придет пора бить им морду.

— Не вижу смысла дальше удерживать вас в неведении. Редко увидишь в этих краях столь честные и открытые лица, не несущие на себе печать многочисленных душевных пороков. И лишь поэтому, только вам, знаменитому клану Пылевых Гиен, я предлагаю сегодня совершенно новый, доселе неизвестный науке эйнос! — дождавшись тишины и всеобщего внимания, торговец театральным движением сдернул покрывало. — Представляю вам! Добытый в самых темных и мрачных глубинах океана, куда никогда не ступала нога человека. Нашлись смельчаки, которые совершили невозможное! Они вернулись оттуда, откуда никто и никогда не возвращался. И не просто вернулись, о нет! Там, в бездонной непроглядной темноте, они одержали величайшую победу над страшнейшим из противников, после чего вырвали из его остывающего тела вот это!

Торговец указал рукой на стоящую рядом с ним штукавину. Высотой по плечо взрослому человеку, она напоминала снеговика, наподобие тех, которые зимой лепят на севере. Три костяных сферы, стоящие друг на друге. Нижняя, самая большая, покрыта многочисленными круглыми сквозными отверстиями, две верхние одного размера — сплошная гладкая кость. Выглядел эйнос внушительно и загадочно.

— И что он делает? — выкрик прорвал плотину тишины, в толпе загомонили, полетели вопросы.

— На член похож... — голос толстяка сочился скукой. — Брак, я пойду, пожрать

возьму. Сил нет этого клоуна слушать.

Калека кивнул. Сам он не на шутку заинтересовался. Новые эйносы это всегда здорово. Конечно, в историю добычи он не поверил ни на зелень, но с неизвестными эйносами часто так. Никто не хочет разглашать свои тайны, иначе налетят охотники за наживой и выбьют все подчистую, особенно если тварь редкая и малочисленная.

Торговец, посерьезнев, прекратил плести словесные кружева и принялся объяснять. Толпа затихла.

— Не знаю, что это за тварь. При жизни она неповоротливая и прожорливая, как ваши гигатраки. Поэтому держит при себе стаю мелких приживал, которые охотятся и приносят добычу к основной туше. Деталей не знаю, сами понимаете.

Торговец выволок из кузова железный вытянутый ящик, раскрыл его и вытащил наружу нечто, напоминающее тупой костяной клин в четыре ладони длиной.

— Там, где она обитает, еды мало и видно плохо. Приживалам приходится уплывать очень далеко. Без этой штуковины, — он показал клин всем желающим, — приживалы просто потеряются и не смогут вернуться.

Торговец постучал костяшками друг об друга. Поставил клин тупым концом на ладонь, попытавшись удержать его в вертикальном положении, но тот упрямо падал тупой стороной в сторону костяного снеговика.

Со слов торговца выходило, что ядро работает для клиньев маяком, те всегда притягиваются к центральному эйносу. Чем больше эйра они получают, тем дальше область действия. Для демонстрации, делец предложил запустить флир и проверить. Толпа загудела.

Брак покачал головой. Действительно стоящая вещь. Семья, у которой в гигатраке будет такое ядро, сможет отправлять разведчиков гораздо дальше, даже во время переходов. Да и флиры смогут летать, не боясь затеряться и остаться без эйра. Если верить торговцу, который назвал дальность эффекта в двадцать миль, за такую штуковину многие семьи будут готовы заплатить очень много.

Заметив в толпе Квока, калека поприветствовал его кивком. Тот кивнул в ответ, продолжив внимательно следить за разглагольствующим торговцем. Неудивительно, что Гряземес здесь. У хороших механиков со временем образуется настоящая чуйка на всякие диковины.

Довольный произведенным эффектом, продавец эйноса, улыбаясь в аккуратные усы, достал из коробки целую охапку клиньев, заявив что их у него целых десять штук. После чего предложил провести аукцион среди желающих приобрести столь полезную вещь, сразу после демонстрации. Стартовая цена — пять фиолок.

Брак хмыкнул и похромал к кабаку, оценив ловкость торговца. Большой Сбор это идеальное место для продажи такого эйноса. И не только из-за того, что для клановых маяк действительно полезен. Собравшиеся на торге быстро донесут новости о новой игрушке до старших, а те никогда не упустят возможности утереть другим семьям нос. Эйнос всего один и торговаться за него будут до последнего, во много раз превысив ту сумму, которую заплатили бы торговцу в обычное время. Даже жаль Чернолапых, им придется туго. Они всегда кичились двумя своими гигатраками и богатством, а тут такой удар.

Вообще, Брак несколько не удивился бы тому, что в кузове грузовика-катрана скрывается еще несколько таких эйносов. Судя по ловкости торговца, с него станется путешествовать по клановым сборам, выставляя на продаже по одному маяку. Так он за один сухой сезон может заработать больше, чем целый клан за год. Даже завидно. И трак у него

великолепный.

Дойдя до кабака, калека оглядел забитые людьми столы, но напарника не увидел.

Тяжело вздохнув, встал под светильником у входа, напряг слух.

— Хромай сюда! — зычный голос донесся из-за столов откуда-то спереди и справа

Брак еще раз вздохнул и похромал на голос.

Логи жрал. Жрал он так, что длинный железный стол ходил ходуном, к вящему неудовольствию сидящих там за пивом мужиков откровенно бандитского вида. Запихивал в себя, почти не жуя, напластанные на железном подносе ломти мяса, утрамбовывал это все жареной картошкой с хлебом, после чего огромным глотком пива из кружки проталкивал все это внутрь. Объемистое пузо ходило ходуном, толстяк чавкал, рыгал, отплевывался и поминутно утирал лысину, но жрать не переставал.

Подошедшему калеке он вилкой указал на место рядом с собой, сейчас занятое с любопытством оглядывающим зал Там-Тамом.

Походный кабак внушал уважение порядком, организацией и масштабом. Три больших трака, два грузовых и один с походной кухней, встали трапецией, оставив открытым широкое основание. Между грузовиками туго натянули широкий тент, образовав таким образом нечто вроде огромного зала без одной стены. В зале поставили длинные столы с лавками, развесили по бортам траков светильники, а перед входом зажгли большой костер, издавлекавший внимание в темноте. С выходящих на сторону торгового двора кузовов траков свисали две ярко раскрашенные железные таблички, одна с непонятной надписью — для тех, кто умеет читать, а вторая с ярко намалеванной кружкой пива в обрамлении колбасок — для большинства посетителей.

К подсевшему Браку подлетел худой паренек на пару лет помладше, в заляпанном подсохшим всяким фартуке. Вопросительно глянул на Логи и, дождавшись ответного кивка, бухнул на стол перед калекой такой же поднос и кружку пива, после чего стремительно убежал в кухонный трак.

Брак, осторожно попробовав кусочек незнакомой жаренки, внезапно осознал себя неистово предающимся обжорству, на пару с толстяком. Приготовлено было просто невероятно, особенно по меркам неприхотливых кочевников. Сразу становилось ясно, зачем члены семьи так неистово разбегались по тавернам и кабакам на редких стоянках рядом с городами.

Насытились почти одновременно. Брак, сыто рыгнув, откинулся было спиной на борт стоявшего позади трака, но чуть не подскочил как ошпаренный — стена кузова была ледяная.

— Мясо морозят. Или еще что, — Логи предусмотрительно не стал откидываться и наблюдал за подскочившим напарником со снисходительной усмешкой. — Я тоже лысину себе приморозил.

— Холодом не тянет, хотя стена ледяная. Странно. — калека помахал рукой вдоль борта.

— С эйносоми намудрили. Они же не дураки, посетителей за их же кри морозить.

Посидели еще, выпили пива. Брак его уже пробовал за обедом, а вот Логи причмокивал, цедил с видом знатока и неустанно повторял, что нормальное пиво в клане варить не умеют.

Зал не пустовал, но и не был забит. Так, серединка на половинку. Приезжие и так полжизни по тавернам, предпочитают экономить для торгов, чем платить втридорога в полевом кабаке. А клановые большей частью на Возвращении, или отмечают на стоянках. Всех собираться там никто не заставлял, в основном были родственники, друзья и старшие,

но все равно народу много. После церемонии все это плавно перейдет в большой совет, где будут обсуждать текущие дела и планы на год, а потом в большую попойку, где обсуждать уже ничего не будут, зато начнется безудержное хвастовство и взаимные претензии.

Пока толстяк дул пиво, Брак пытался разглядывать площадку перед кабаком. Место здесь хорошее, света много, но снаружи почти ничего не видно. Ночь уже вошла в свои владения, за пределами зала клубилась темнота, но калеке показалось, что он видел тащившего что-то Джуса. Вот и сидел, ломал глаза, привычно вслушиваясь в разговоры вокруг — с отцом пересекаться не хотелось.

Логи, выхлебав половину пива, полез в карман за флягой. Набулькал в кружку, поболтал. Потянуло крепким и вонючим. Присосался, оглядел зал заблестевшими глазами и повернулся к калеке.

— Ну что там? Только не говори, что гравка нерабочая, не поверю. Ты бы тогда не пиво хлестал, а уже тряся бы и паниковал.

— Гравка хорошая. Великовата, но нам сойдет. Дня три провожусь, но поставлю.

— Красить будешь?

— Кого? — Брак сперва не понял вопрос, потом осознал, что толстяк имеет в виду скиммер — За каким шаргом его красить?

— Трак видел красный? Который на катрана похож. Он так и называется — "Катран", я спрашивал. Выглядит круто, там торговец какой-то хлыщ с островов. Говорят, это самый быстрый трак на торге. Давай тоже в красный скиммер покрасим? Потом знаменитыми станем, и нас по скиммеру узнавать будут.

Толстяк выжидающе посмотрел на калеку.

— И ловить нас тоже будет проще, когда ты что-нибудь сопрешь. Так и скажут охотникам за головами, мол жирный с молотком, на красном скиме, украл гуся. Второго такого в степи не найдете, а если найдете — ему тоже наваляйте, — Брак отхлебнул пива. — Не будем красить. Краски нет, сохнуть долго будет. В мастерской было бы быстро, но Час не разрешит, вонять будет.

— Скучный ты. Решил уже, как его из трюма выгонишь? И что там, кстати, с колесом?

— Краном на крышу "Мамаши" подниму, к флиру прицеплю и полетим ночью к Носу. Флир потом с обрыва скинем, никто не узнает. Главное, тряпок побольше и самогона, ну и трак на торге чейнибудь спалить, чтобы не хватились раньше времени. А колесо у Чегдаша сопрешь, тебе привычно.

— Я в деле! Только это, самогон я понял зачем, а тряпки? У меня есть старая рубаха, думаю хватит. А вместо трака можно таргу того ушастого уродца спалить, чтобы лишний раз не бегать. — воодушевился толстяк. — Может, еще раз банку жахнем, шума больше будет?

— А тряпки чтобы задницу подтирать, когда бухим на угнанном флире полечу, — с пива Брака слегка развезло, накатило шальное веселье. — Логи, я шучу. У нас не приключенческая история, где герою надо на каждый чих выдумывать безумный план. Флир скиммер не поднимет, да и управлять им я не умею. Часовщик поможет выкатить незаметно, нарисуем метку твоего отца и заякорим подальше.

— Я же говорил, что ты скучный. — разочарованно протянул лысый. — Мне про сжечь трак особенно понравилось. А сам чего колесо не сведешь?

— Не успею, да и тяжело там. С колесом вообще пока непонятно. Попробуй пошариться по торгу, думаю не будет проблем купить, если цену не заломят. Ну или сделай, как обычно. — Брак неопределенно поводит в воздухе руками.

— Это как?

— Как обычно. У меня тоже вариант есть, но я бы не стал на него полагаться. Главное

— в течение двух дней достать, мне его еще ставить и подгонять.

— Поищу. Брак, я вот что подумал, — Логи допил пиво и задумчиво уставился на дно кружки. — Ты на скиммере умеешь ездить? Потому что я не умею. Если даже все получится, у нас будет всего пара дней чтобы его освоить. А к семье лучше не обращаться, мне то ладно, а вот про тебя сразу расскажут.

— Тоже не умею, откуда? Да и с моей ногой тяжело с ним управляться. Я не думал, что в такой спешке все придется проворачивать. Хотя... — калека ненадолго задумался, а потом улыбнулся. — Есть идея одна. Помнишь Квока и Ярлана?

— Кого?

— Гряземесы. Мы на тарге вместе с ними ехали. Ярлан старший искатель, Квок тоже со скиммером обращаться умеет. Можем попросить научить. Хотя бы ехать по прямой, коляску я все равно свести не успею.

— Попробуем, но ты сам договаривайся. Я этого Ярлана даже видеть не хочу.

— Чего так? — калека с любопытством смотрел, как в кабаке завалилась шумная компания охранников, занявшая целый стол. — Нормально же общались.

— Эти недоумки драка моего упустили. Днем еще вернулись, злые и порожные. Я хотел сразу рассказать, но уродец меня отвлек. Логово нашли где-то в скалах, но подобраться незаметно не смогли. А когда сунулись в открытую, драк снялся и улетел. Только эйр пожгли и металл просрали, пока вдогонку жажали. Так что, нам с тобой трофеев не видать, кроме хвоста.

— Не повезло... — уныло протянул Брак. В мыслях он уже приспособил турбину к скиммеру и продал мембрану на торге, сменяв на нормальную одежду. — Злые небось все.

— Злой здесь я. Теперь даже проставляться не хочу, не за что, — толстяк разочарованно махнул рукой. — Хочешь идти к этому Ярлану — иди, но без меня. А то сорвусь.

Щуплый мужичок из одиночек, до этого битый час настраивавший хорпу, наконец заиграл что-то грустное и немелодичное про одинокий трак на распутье. Голос у него был сиплым и в музыку отчаянно не попадал, зато настроение передавал отлично. Публика в кабаке оживилась.

— Жаль... — Браку идея с Гряземесами запала в голову, осталось уговорить Логи. — А я то думал ты с Кларитой захочешь познакомиться. Так на задницу ее пялился.

— Что за Кларита? — оживился толстяк.

— Светловолосая из Гряземесов, с нами на обрыве была, — Брак глотнул еще пива. — Ярлан ее отец.

— Шаргова плесень! — выругался Логи. — Придется идти тогда. Ты про нее еще что-нибудь знаешь?

— Она лет на десять тебя старше, водит скиммеры и может попасть дротиком в задницу грязга за пятьдесят шагов. Еще у нее двое огромных свирепых нойтов с южных островов для ночных утех, и она как раз ищет третьего. — калека смерил пузо лысого оценивающим взглядом.

— Слабо, очень слабо. А где у грязгов задница?

— Весь грязг это сплошная задница. И все вокруг превращается в задницу грязга. — Брак широко раскинул руки, продемонстрировав размеры проблемы.

— Тю, тогда я тоже попаду. Так себе достижение. Может, предложить им хвост драка

пожарить? Они нас скиммером пользоваться научат, а мы им редкой жарачки. Ну, может приплатим что, если попросят.

— Не стухнет? — калека с сомнением покачал головой. — Ему еще дня три лежать.

— Не стухнет. У матери мелкая холодилька есть, я туда упихал. Она морозит слабо, но три дня обрубков протянет. Иди, договаривайся. Я тоже поищу кого-нибудь, иначе придется самим учиться. А на скиммерах это задница.

Вокруг взревели посетители, в едином многоголосом порыве подхватывая развеселую песню про невинную канторскую девицу и похитившего ее красавчика пирата. Дело шло к закономерному итогу, но вечно вмешивались члены команды и обстоятельства. То боцман в свисток засвистит, то другие пираты нападут, то юнга опрокинет поднос с вином и закусками. С этим самым юнгой капитан в итоге и уединялся, плюнув на девицу и выкинув ее за борт. Песню самозабвенно орали все, включая напарников, перекрикивая друг друга на похабном припеве.

— Надо припасы уже закупать. Ближе к концу схода торговцы разъедутся, можем не успеть, — прооравшись, Брак вновь обратился к толстяку. — Это на тебе.

— Куплю. Что именно надо? Еду понятно, возьму непортящееся. Мяса сушеного, медузок, крупы... Пива бочонок.

— Пиво не надо, не увезем. Возьми еще вурша пару плиток, самогона флягу. Сейчас, дай с мыслями соберусь. — калека выудил из сумки кусок ракушки и принялся чиркать на столешнице.

Логи вздохнул и заказал еще пива.

— Помимо жратвы, нам нужен мощный направленный светильник на скиммер, пару маленьких ручных. Палатку, две лежанки, котелок, — ракушка порхала над столешницей, рисуя схематические изображения предметов. — Тент от дождя, бухту веревки, пару железных листов небольших. Две пустых канистры под эйр, маленький складной конденсатор, шматок резины и метра полтора хорошего шланга.

— Это точно все нужно? Я удолбаюсь таскать. За каким шаргом тебе нужна резина?

— Колесо чинить, если придется. Не отвлекай, это еще далеко не все...

Когда Брак закончил рисовать, толстяк с тоской устался на исчерканную столешницу. Список внушал ему невольное уважение своей продуманностью, размером и бесполезностью. Ну за каким хреном в степи нужна вонючая жирная мазь, отгоняющая морских хищников? Или плотные шерстяные плащи, учитывая, что до сезона дождей еще почти полгода? Но спорить с упершимся калекой не стал, тот явно давно все это продумал и стоять за каждый пункт будет до последнего. Да и пиво уже подступало, сидеть становилось все тяжелее.

— Кри у нас есть на все это? У меня точно на все не хватит.

— Держи, — Брак протянул толстяку выуженный из недр куртки синий кристалл. — Остальное в тайнике, потом передам. Мне еще отцу отдавать, якобы долю с медузы. Вату продай, пока не стухла, на несколько зеленух точно потянет.

— А Джусу то за что? Его на охоте не было. Шли его к шаргу.

— Не могу я послать его к шаргу. Он из-за меня не смог поехать, придется покрывать. Иначе бузить начнет, к твоему отцу разбираться полезет, прознает еще чего. Оно тебе надо? Проще отдать.

— Ссыкло ты, Брак. Давно бы послал этого пьяницу. Но дело твое, хочешь унижаться — унижайся. — Логи поднялся из-за лавки, подхватил Там-Там. — Пойду сортир искать.

— Вон за тем траком. — указал направление калека.

— Угу. Не ввяжись тут в драку без меня, а то ты с пива буйный становишься, задираешь всех вокруг.

— Очень смешно.

За пределами зала призрачно замерцал эйр. Брак сидел в своем углу, допивая пиво и разглядывая посетителей. Зал уже заполнился почти целиком, подвалила шумная компания молодых клановых, явно отмечать Возвращение. Среди них калека заметил знакомую бандуру арбалета, а вслед за этим и ее владельца — высокого бородача в дорогой островной одежде. В парне с огромным трудом опознавался заматеревший Ругил — сын механика Ухола.

Перемена разительная. В Поиск тот отправлялся нескладным тощим подростком, у которого едва-едва начала пробиваться щетина. А сейчас за столом громогласно требовал пива молодой мужчина, явно уверенный в себе и многое повидавший.

Да и остальные в компании были на него неуловимо похожи. Кто-то одет победнее или побогаче, кого-то явно потрепало жизнью, но все без исключения больше не выглядели бесклановыми подростками. За столом сидело новое поколение Гиен, которому в будущем придется вести свои семьи в степь, сменив стареющих родителей.

Глядя на компанию, Брак в очередной раз убедился в правильности выбранного пути. Реши он остаться в семье, даже если парню каким-то чудом удастся избежать рабства и заслужить метку, он все равно никогда не станет своим среди завершивших Поиск.

Ведь это не просто пятилетняя ссылка, нет. Это испытание, возможность принести в клан что-то новое, сделать свою семью сильнее. Нашедшие возвращаются с техникой, эйносоми, знаниями об окружающем мире. Приносят свежие идеи, находят в Поиске жен и мужей, не давая семьям погрязнуть в кровосмешении. Да и сам факт того, что клановый возвращается на родную стоянку... Это отсеивает слабых, авантюристов и тех, кого по каким-либо причинам не устраивает кочевая жизнь. Если ты вернулся, отринул соблазны внешнего мира — ты уже свой, ты не предал семью, тебе всегда будут доверять.

Даже Часовщик, безусловно одна из опор, на которой держится благополучие Котобоев — все равно остается чужаком для многих из старшего поколения. Своим, честно всего добившимся и заслуживающим доверия, но все же — чужаком. И его это здорово гнетет, недаром так часто лезет в драку, невзирая на преклонный возраст.

Поэтому предложенный механиком вариант дожидаться подходящей возможности никогда не подойдет Браку. Свое место в семье нужно заслужить, любые окольные пути полны таких ям, на которых запросто можно свернуть себе шею. Это справедливо даже для урожденных клановых, а для приبلудного калеки и подавно. Даже молодняк опасается его задевать исключительно из-за покровительства толстяка, хотя раньше издевательств было полно. От плевков в еду или закинутого в нужник протеза, и вплоть до побоев. Да и оскорблений было полно.

Такой путь проходят многие, калека не исключение. Люди всегда безошибочно находят слабых, после чего сбиваются в стаи и начинают травить. Тот же Ругил... Тоже был объектом насмешек за свою нескладность, неловкость и излишнюю восторженную наивность. И где сейчас та нескладность и наивность? Хлещет за столиком пиво в обнимку с арбалетом, строит глазки фигуристой рыжей девице из Безногих и зыркает так, что подойти боязно. Наверняка в Поиске подцепил не одну красавицу из островных...

Вспомнив островных красавиц, Брак хлопнул себя по лбу, помянув шарга. С этими

посиделками в кабаке он совершенно забыл, что обещал Сельме зайти за конденсатором. Жаль уходить, но расстраивать женщину не хотелось. Благо, между столиков уже протискивалась массивная фигура Логи.

— К сортиру не протолкнешься, — пожаловался тот, плюхнувшись на скамью. — Но я протолкался.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, без последствий?

— Я тоже надеюсь, ага. Без последствий. Прикинь, они в сральнике жорку здоровенную поставили. Вот это я понимаю, продуманность. Надеюсь мясо не на ее масле жарили?

— Они этот кабак уже шарг знает сколько лет по степи возят. Конечно продуманные. Логи, я пойду к стоянке. Устал и спать хочу. Ты список запомнишь? — Брак кивнул на разрисованную столешницу.

— Запомню. Перечеркаю себе куданибудь. Иди, я еще посижу. Что-то внутри меня подсказывает, что будет махач, а мне это сейчас нужно. — толстяк пристально окинул взглядом столы, задержав свой взгляд на четверке молодых длинноволосых вольников в криво подогнанных куртках.

— Ты в пророки записался? Вроде, спокойно все. — калека с сомнением покачал головой, вставая из-за стола.

— Не сомневайся. У меня чуйка на такое, — Логи похлопал по пузу, где по всей видимости и располагалась чуйка. — Да и ты сваливаешь, это вернейшая примета.

Уже выходя из кабака, аккуратно обходя посетителей и внимательно следя за возможными желающими подставить калеке подножку, Брак услышал позади недовольный рев толстяка. Тот громко возмущался низким качеством здешней публики и в особенности тем, что некоторые пугала отрачивают волосы до жопы, как бабы.

Ожидавший чего-то подобного калека усмехнулся и похромал к стоянке. Лысый был суеверен, но практичен, взял дело в свои руки. Лишь бы не прибили жирдяя, хотя это маловероятно. К дракам на Сходе относились с пониманием, но только в кругу и не до смерти. Люд здесь простой и зачастую злопамятный, а степь маленькая. Устроившим бучу на торге не позавидуешь. В кругу же другое дело, просто пар спустить да кулаки размять.

К счастью, в траке Барташа еще горел свет. Постучавшему Браку открыл дверь насупленный Правый, которого заметили греющим уши на собрании старших, после чего за эти самые уши отодрали и отослали домой. Левой нигде не было видно.

От предложенного ужина пришлось отказаться, сославшись на усталость и сонливость. У Брака язык не повернулся признаться, что он уже наелся в кабаке. Сельма вряд ли поверила, от парня заметно несло пивом, но мудро промолчала. Предложила завернуть приготовленное с собой, чтобы не пропадало.

Забрав длинный сверток с разобранным конденсатором, калека с благодарностью принял тряпичный мешочек, из которого изумительно пахло свежей выпечкой. Наверняка пироги, раз уж удалось разжиться хорошей мукой.

Сглотнув невольно заполнившую рот слюну, Брак клятвенно заверил женщину в том, что починит сборщик эйра к послезавтра, после чего похромал домой. Работы предстоит много, следовало хорошо выспаться.

Содержимое мешочка сожрал заявившийся среди ночи Джус, найдя сверток по запаху и безжалостно истребивший все пирожки, кроме парочки совсем уж убогих, с начинкой из ненавидимых Браком водорослей.

Следующие два дня прошли как в тумане. Брак не вылезал из мастерской, приводя скиммер в рабочее состояние, ел там же. Поначалу собирался отказаться от предложения Часовщика и все же заниматься семейными работами, но быстро понял что не успевает. Скиммер пожирал все силы и время.

В трак возвращался затемно, насмерть вымотанный и с гудящей от бесконечного сведения головой. Хорошо, что не сорвался, хотя пару раз близко подходил к опасной черте. Спасибо Ухолу, который искренне радовался возвращению сына и изредка помогал калеке с особо тяжелой работой.

Джус вызывал у парня все больше опасений. Почти не пил два дня, ходил мрачный как туча, на сына старался не смотреть и целыми днями пропадал где-то на торге. Браку все же пришлось отдать отцу три зеленухи за медуз, что вкупе с переданными толстяку полутора синьками окончательно оставило его без средств. Остались только самые ценные вещи, припрятанные в тайниках, но трогать этот неприкосновенный запас откровенно не хотелось.

Самого Логи парень почти не видел, светя разбитой рожей тот днями пропадал на торге, таская к траку отца тяжелые мешки. В семье смотрели на это с пониманием, перед Поиском все старательно закупаются. Разве что удивлялись количеству и объему покупок, все прекрасно знали что транспорта у Дракобая нет. Но списывали на то, что лысый уже нашел хороших попутчиков, так как на своем хребте столько не утащить, будь ты хоть трижды здоровяком.

От близнецов вестей не было. Не то, чтобы Брак всерьез рассчитывал на обещание достать колесо, он гораздо больше надежд возлагал на ушлого толстяка. Но полное отсутствие новостей напрягало. Не хотелось бы, чтобы они ввязались из-за калеки в историю.

Большой Сход жил своей жизнью, торг гудел, прибывали и уезжали все новые и новые торговцы. В мастерской не до обмена новостями, но кое что во время обедов удавалось узнать.

К примеру, давешний эйнос-маяк уже купили. Как и ожидалось, вызвал он немалый ажиотаж, особенно после успешных испытаний. Крохотный флир с клинышком на борту улетел почти за горизонт, и даже там подвешенный в кабине эйнос продолжал упорно указывать в сторону Плеши. В ходе разгоревшихся нешуточных торгов, маяк выкупили Воющие за тридцать пять фиолок, после чего, торжествуя поглядывая на семьи неудачников, утащили костяного снеговика в недра “Жабовоза”.

Довольный донельзя торговец закатил пирушку, а к утру красный грузовик уже исчез со стоянки, в очередной раз доказав хитрожопость владельца. Слишком много завистливых взглядов собирал на себе удачливый делец, заработавший за день целое состояние.

На третий день Схода прибыл еще один цеп, на этот раз обычный, старый и пузатый. Пришвартовался неподалеку от яхты, приспустив массивный баллон. В отличие от экипажа гравичепа, на грузовике явно знали, зачем прибыли, тут же принявшись шерстить по торгу в поисках рабов и припасов. Скупали много, невзирая на качество, и семьи с радостью ухватились за возможность избавиться от залежалого и негодного товара. Высокий канторец в темной одежде, попыхивая трубкой, брал почти всех, разве что совсем уж детей и стариков не трогал. Платил кри и островным золотом, не скупясь.

Вопросов никто не задавал, дело привычное. Может, факторию планирует организовать, или ферму. Разве что пузатый цеп с удивительно подходящим ему названием “Помпезная вдовушка” вызывал любопытные взгляды, такую древность в степи встретишь нечасто.

В Южной подмышке Красноголовые умудрились загнать на мелководье пару катранов, после чего накрыли с берега скраппами под бдительным взором гравияхты. Всю остальную живность в окрестностях Плеши уже выбили, так что других рейдов до конца Схода не намечается. Загонщики и искатели маются от безделья, молодежь устраивает гонки на плато и пробует свои силы в расселинах.

В самой мастерской толком ничего не поменялось, разве что Часовщик пропадавал оба дня. На Ворчалу сводили новую бадангу взамен утерянной в стычке с Котами, и Волноломы хорошо платили опытным механикам. По качеству будет уступать старой островной, зато жажать дешевле и чинить проще.

Зато в вотчине Чегодуна царил натуральный бардак. Из трюма бесконечным потоком вывозили на гравитележках накопленный за год товар, стремясь сплавить все старые запасы негодных эйносов и трофеев. Тащили на торг все, от шкур до полустгнивших движков, всю ту дрянь, которую не удавалось сбыть разборчивым торговцам в городах. Взамен завозили стопки плющенных ракушек, редкую в степи древесину, специи и островной чай, продукты и ткани... Семья прекрасно обеспечивала себя всем жизненно необходимым в степи, но многое достать можно было только на севере.

Сам Чегодун, взъерошенный и злой, безостановочно орал басом на трюмных и чиркал в своем неизменном планшете. Именно сборщики отвечают в клане за торговлю, и несмотря на неприязнь к их старшему, Брак не мог не восхищаться тем, как кипит жизнь в трюме. По сравнению с сонной мастерской — будто другой мир.

К концу второго дня работы, на четвертый день Большого Сбора, скиммер наконец заработал. Надежно сведенная гравка заняла свое место, протянулись к компрессору трубки с эйром, подкормленный особой смесью двигатель очнулся от спячки и готов был в любой момент начать движение.

С двигателем калеке повезло пару лет назад. Идея построить свой скиммер родилась именно тогда, когда Брак после рейда на джорков уговорил Часовщика не избавляться от слабого зеленого движка с калечным захватом. Тот на удивление легко согласился, и избежавший жорки эйнос достался новому владельцу.

Брак двигатель выходил, даже захват удалось поправить, приспособив сложную конструкцию из сухожилий тех же джорков. Сначала хотел продать, но все испортил Джус, именно тогда начавший погружаться в пучину пьянства и тащивший из трака все, что плохо лежит. На мысль свести собственный скиммер калеку натолкнул старший механик, из раза в раз интересуясь, как долго двигатель будет без дела занимать место в мастерской.

И вот, наконец, двухгодичный труд завершен. По-прежнему не хватает переднего колеса, освещения и многих мелочей, но в остальном скиммер готов. Двигатель гудит, крутит компрессор, гравка послушно приподнимает тяжелую машину над железным полом мастерской. Вся большая тройца в сборе. Осталось только испытать.

Закончив раньше, чем рассчитывал, Брак даже начал было подумывать заняться колесом самостоятельно, но плюнул и пошел домой. Слишком устал, да и с наскоку колесо не сделать. Придется добывать резину и каменную смолу, растирать в порошок всевозможную гадость для укрепления. Еще нужен стальной каркас и кто-то, кто поможет замешать правильную смесь для заливки. Сам парень этого не умел, даже с задним колесом ему

помогал Часовщик. И то, на затвердевание ушел почти месяц.

Парень занес Сельме отремонтированный конденсатор, получив порцию благодарностей и лепешку с острой мясной пастой, которую немедленно сожрал, помня судьбу пирожков. Бак с водой удалось наполнить всего за каких-то десять минут, собрав простенький насос из компрессора трака и длинных трубок. Даже внимания особого не привлек, провернул все ранним утром.

Лежа рядом с храпящим Джусом и уставившись в крапчатый потолок, Брак устало размышлял. Он свою часть выполнил, скиммер готов. Дальше дело за толстяком. Или близнецами. До конца схода еще три дня, должны успеть. В полутьме кабины отметины, казалось, плавали, переползали с места на место, сами собой складывались в знакомые фигуры. Мелькает цеп, силуэт трака, знакомая кувалда ободряюще подмигивает, рассыпаясь ворохом крохотных медузок, которых затягивает в огромный спиральный водоворот... Наследие Симы жило своей жизнью в мерцании светильника.

— Я бы тоже не отдал тебя Чегодуну. — прошептал Брак, уже засыпая. Закорючки на потолке согласно закопошились.

— Жми, толстый!

— Тарган, не стой на месте!

— Две зелени на одноглазого!

— Не дай себя достать!

— Он выдохся!

— Дра-ко-бой! Дра-ко-бой!

Выкрики неслись со всех сторон круга. Плотнo обступившая бойцов толпа орала и улюлюкала, подбардивая своих претендентов. Солнце жарило немилосердно, матовый камень площадки раскалился, пузырились на солнце крохотные капли крови.

В центре кольца, тяжело дыша и истекая потом, схватились двое полуголых соперников. Бородатый вольник со сломанным носом, невысокий и крепко сбитый, с трудом удерживал напор лысого толстяка. Выставив руки далеко вперед, он подобно фехтовальщику парировал левым предплечьем взмахи обмотанных тряпьем кулаков, успевая наносить в ответ злые и быстрые прямые удары правой.

Получалось не всегда, здоровенные конечности жирного били с такой силой, что вышибали из равновесия, а руки от пропущенных ударов немели и уставали с каждой минутой. Сам же толстяк, по крабьи скрестив руки, закрывался и упрямо продолжал переть вперед.

Логи приходилось тяжело. Идея поучаствовать в боях, выиграв на ставках заветное колесо, наконец ему аукнулась, и еще как аукнулась. Первых двух противников он просто смял, отправив на камень меньше чем за минуту. Да и что двое молодых клановых могли противопоставить гиганту, которого наконец перестали мучить последствия яда. Логи даже не запыхался, снискав популярность у зрителей и две зеленухи с выигрышей. Мордобой он всегда любил и даже изредка тренировался с Гарпунщиком, компенсируя неопытность габаритами и воистину бесконечной дурью.

Но третий соперник, на появление которого толстяк и рассчитывал, оказался сведен из другого металла. Подошедший из толпы вольник, представившийся Тарганом, явно будучи опытным и уверенным в своих силах, сходу принял предложение Логи повысить ставки, согласившись поставить на кон запасное колесо от скиммера в обмен на жакет и банки к

нему. И вот теперь уже третий пятиминутный раунд толстяк пожинал плоды своего опрометчивого решения, с трудом удерживаясь на ногах от усталости.

Вольник оказался слишком опытным. Явно не дурак подражаться, выносливый, он не боялся принимать удары, лишь изредка смещаясь от особенно сильных замахов и уводя в сторону голову. А сам бил быстро и очень жестко, почти сразу оставив попытки достать лысого в голову и сосредоточившись на корпусе. Толстое пузо все еще спасало толстяка, рассеивая силу ударов, но стремительно покрывалось кровоподтеками и нещадно болело, как и многотрадальные ребра.

Хуже всего было то, что от ударов по туловищу выбивало воздух из легких и наваливалась усталость, а прикрыть его не было никакой возможности. Логи всегда защищал голову и грудь, справедливо полагая, что только идиот будет бить в неуязвимое брюхо. И вот результат — нарвался на соперника, который знал, что делал.

Первые два раунда, уstraшенный быстрыми и точными тычками в голову, Логи закрывался, позволив сопернику почти безнаказанно обрабатывать себя кулаками, в надежде что тот выдохнется. Но случилось наоборот, первым выдохлось пузо. Кажущаяся несокрушимой броня дала трещину, дыхание сбилось а держать руки становилось все тяжелее.

И вот в третий, завершающий раунд, толстяк плюнул на все и попер в атаку. Обороняться больше смысла не было, да и соперник подустал, растерял былую ловкость, с которой ухитрялся останавливать удары еще до их начала. Чувствуя, как стремительно утекают силы, Логи давил и давил, безостановочно выбрасывал в лицо противника левую руку, пытаясь загнать его в ловушку и вломить правой. Несколько раз уже промахивался, улетая всем весом в пустоту и получая болезненные тычки по ребрам, но упрямо пер вперед.

Бородатый тоже начал выдыхаться, парировать медленные удары было несложно, но шаргов толстяк бил настолько сильно, что от ударов болели кости. Как будто кувалдой долбят, настойчиво и без остановки. Времени контратаковать уже не было и Тарган полностью сосредоточился на защите. Сейчас этот безумный натиск пройдет, лысый выдохнется и свалится сам. Или придется ему немного помочь.

Скорее догадавшись, чем почувствовав, что сейчас просто упадет от усталости, Логи утроил усилия в последней попытке достать соперника. Повязка с головы давно съехала набок, побелевший мутный глаз бешено выпучился. Бородатый оставил всякие попытки бить и просто пятился, наглухо закрывшись, пока не уперся спиной в дружелюбную толпу.

Увидев, что отступать Таргану некуда, Логи рванулся вперед. Проигнорировал пропущенный удар в лицо и сам принялся бить со всей дури, дав наконец волю обоим кулакам. Попал по чьим то пальцам, выталкивающим бородача обратно в круг. Почувствовав, как казавшаяся несокрушимой чужая защита поддается и крошится, нанес еще несколько сильных ударов и обессиленно опустил руки, закрыв глаза. Если даже этого бородатому будет недостаточно, останется только признать свое поражение и смириться с потерей жахателя.

Толпа вокруг взревела, воздух наполнили радостные вопли попеременно с разочарованными возгласами. По плечам толстяка хлопали чьи-то руки, в уши орали.

Собравшись с силами, Логи открыл глаза. Все же достаточно. Бородатый вольник сидел на заднице, опершись руками о землю и ошеломленно лупая глазами. Из рта тонкой струйкой сочилось кровь, пузырясь на раскаленных камнях. Над ним суетились еще двое, судя по одежде — из той же банды.

Не выдержав, толстяк опустился рядом в такой же позе, дыша как загнанный люторог. Стекающий ручьями пот вперемешку с кровью начал скапливаться под ним в небольшую отвратительную лужицу, пачкая серые штаны и исходя вонючим паром.

Пришедший в себя Тарган с трудом ухватил зубами узел на запястье, трясущимися руками разматывая тряпки. Закончив, внезапно улыбнулся окровавленным ртом и протянул лысому руку. Тот с трудом ее пожал.

— Силен. Я думал, раньше выдохнешься, — бородатый едва заметно шепелявил и с трудом двигал стремительно распухавшей челюстью.

— Ты тоже, — Логи, поморщившись, принялся стягивать с рук окровавленные обмотки. — Шаргова плесень, меня так не херачили уже лет пять, с тех пор как Зулику в вурш нассал.

— Зачем?

— Задолбал потому что, сарак житрожопый. Также на торге дело было. Он отцу и братьям настучал, ну и поймали меня.

Толпа вокруг начала расходиться, освобождая место для следующей схватки.

— Толпой не считается, — Тарган с трудом поднялся на ноги. — Ты здоровый, как даргаш, и такой же бешеный. Уважаю. И прозвище хорошее, я слышал историю, хотя до этого не верил. В Поиск идешь? Или ты уже?

— Иду, — толстяк встать даже не пытался. Новый круг все равно собрали чуть в стороне. — Колесо отдашь?

— Отдам. Ты из Котобоев? Скажи метку, мои прикатят, — бородатый собрался было идти, но в последний момент задержался. — С нами пойдешь? Драться научу. Если со своим жахателем и оружием, на полную долю готов взять. Тобой через пару лет можно будет вместо скраппы торгашей запугивать.

— Не пойду. Уже есть напарник, просил не дурить без него.

— То-то ты на меня полез. Смотри сам. Передумаешь — ищи Бродячих Муравьев, спроси Таргана. Хочешь — напарника приводи, если не совсем дурак — фозьдем. Снимаемся послезавтра, но можем в степи подождать.

— Спрошу. Давай, хромай уже, куда шел. Хотя погоди... — толстяк оживился настолько, что смог приподнять руку. — Вы же торгашей стрижете?

— У тебя язык отсохнет за такие грязные слова. Мы честные добытчики, — неискренне возмутился бородатый. — А фего надо то?

— Хлам кое-какой прикупить. Ты же за это позорище в кругу хочешь отыгаться? Вот и обдерешь меня, как драк медузу. Торговаться не умею, но твоя разбитая мною рожа вызывает искреннее доверие.

— Пвиходи, найфем. Ффука... — Тарган осторожно ощупал челюсть. — Фтоянка напфотив Кфасных. Фсе, катифь к фаргу, Факобой.

Бородатый тяжело утопал в сторону кабака, на ходу натягивая протянутую спутниками куртку с вышитым на спине муравьем.

— Сделай как обычно, Логи... Ну ты знаешь... — толстяк передразнил голос калеки и ощупал лицо. — Сам по морде будешь получать в следующий раз. Как я его сопру, если все колеса сведены намертво?

Лысый еще некоторое время посидел, собираясь с силами. Выходило, что встать он сможет, а вот идти — навряд-ли. Все тело болело, с пуза как будто кожу содрали, ныла челюсть, куда пришелся последний удар вольника. Еще и повязка куда-то слетела, солнце

нешадно терзало едва видящий левый глаз.

Вдобавок, какая-то тварь махом опрокинула на него ведро холодной воды. Толстяк начал было грязно ругаться, но внезапно почувствовал облегчение. Ссадины стали меньше ныть, изнуряющая жара отступила, да и сил как будто прибавилось.

— Еще? — участливо поинтересовался высокий худой мужик в непроницаемо-черных очках, держащий в руках объемное ведро, близнец которого валялся рядом.

— Давай, — получив еще один водопад воды на голову, Логи тяжело поднялся, оказавшись вровень с неожиданным помощником. — Ты кто? За воду спасибо.

— Меня зовут Оршаг, торговец из вольных, — глаза собеседника были скрыты, странные гогглы плотно прилегали к коже головы. — А ты Логи, по прозвищу Дракобой. Надо сказать, я весьма впечатлен боем. Не знаю что увидели остальные, но я сполна оценил твою целеустремленность и упорство. К тому же, меня заинтересовало твое оружие.

— Там-Там не продам, — Логи отыскал истоптанную глазную повязку, прополоскал остатками воды в ведре и водрузил на голову. — Я за выигрышем. Хочешь потрепать языком, с тебя пиво в кабаке. Иначе я буду ходить за тобой и слать тебя к шаргу, пока ты сам к нему не захочешь свалить.

— И ночью тоже? — с любопытством поинтересовался торговец.

— Ночью особенно.

Логи подошел к тарге устроителя боев, получив с него честно заработанную зеленуху. Натянул жилетку, с трудом выволок из кузова кувалду и жахатель. От продолжения боев отказался, к вящему неудовольствию мослатого грузного вольника, однако настаивать тот не стал. Видно, что толстяк сегодня уже не боец. А захочет еще заработать — круг боев будет стоять здесь до конца Схода, желающих почесать кулаки на плато всегда достаточно.

— В кабак? Или я пошел?

— С удовольствием поставлю пиво хорошему бойцу, — Оршаг улыбнулся, предложив все еще неуверенно стоящему на ногах толстяку свое плечо для опоры. Тот брезгливо отказался. — Могу я по дороге задать пару вопросов, в качестве аванса?

— Задавай. В охрану не пойду, сразу говорю. Даже не пытайся, — Логи оперся на жахатель, как на костыль. Оказалось неожиданно удобно. Хорошо, что кабак неподалеку.

— Мне это ни к чему, но за предупреждение спасибо. А вот эта великолепная кувалда интересуется меня гораздо больше. Как и история, без сомнения увлекательная, о том как ты потерял свой левый глаз.

— Я его не потерял. Вижу пока плохо, но это пройдет.

— Безусловно пройдет, прошу прощения за ошибку, — мягко улыбнулся Оршаг, вступая вслед за толстяком в прохладный полумрак кабака. — Этому глазу еще очень многое предстоит увидеть.

Утро пятого дня принесло с собой резкую смену погоды. Изнуряющая жара спала, холодный ветер нагнал со стороны океана плотную завесу облаков. Туманная дымка, в солнечные дни быстро рассеиваемая солнцем, сегодня задержалась дольше обычного, накрыв Плешь полупрозрачным покрывалом.

— Расхолажило то как... Еще пара дней, и накроет, — полуголый благостный Джус сидел на приступке двери, держа в руках дымящуюся кружку. — Скоро Сбор придется до шести дней сокращать, а то смочит к шарговой матери.

Ежащийся от холода Брак промолчал, уныло бродя вокруг трака с длинным ломом в руках. Конец лома заканчивался широким плоским блином размером с две ладони, исходящим рассерженным шипением.

— Или вообще придется другое место искать. Раньше по месяцу хорошая погода стояла, а сейчас... Все чаще и чаще кроет. Вон еще один, под колесом! — четырехпалая рука ткнула в сторону кормы трака.

Калека подхромал к указанному месту и, хорошенько накалив наконечник, с силой припечатал давилку к камню. Глухо шмякнуло, из под железного блина рванулся в стороны зловонный пар и пузырящаяся жижа. Брак продолжал удерживать лом еще с полминуты, старательно пыхтя, после чего аккуратно приподнял.

На камне осталась неровной формы бурая клякса, плоская и местами обугленная. Не пострадавшие от жары участки по краям, зеленовато-прозрачные и мерзкие на вид, судорожно дергались, стремясь отползти подальше.

— Не дави так сильно, дубина, — Джус отхлебнул из кружки и почесал иссеченную застарелыми шрамами грудь. — Нажимай плавно, чтобы пропеклось. Или тебе охота ошметки весь день выжигать? Часовщик еще с рассветом садмов в “Мамашу” созывал, если пропустишь из-за своей криворукости — сам будешь с ним разбираться.

Брак помянул про себя шарга и принялся аккуратно прижигать расползающегося гразга. Погань судорожно пыталась избежать раскаленного металла, сокращаясь и дергаясь, но лом был быстрее.

— Откуда только занесло? Точно ведь какая-то ленивая падла на колесах притащила, поленилась проверить. Теперь на полдня шухер поднимется, торг встанет, — Джус допил и громко хлопнул ладонью по борту. — Эй! С тобой отец разговаривает. Так и будешь молчать?

— Падла... — пробормотал парень сквозь зубы, непонятно к кому обращаясь. Гразг, наконец, издох, оставив после себя лишь дурно пахнущую бурую пленку на камне. Таких пятен вокруг трака уже был с десятков.

— Что сказал?

— Не обязательно на колесах, говорю. Все машины на въезде досматривают, да и какой кретин гразгов забудет вычистить? Может, на цепи притащили.

— Скажи еще, ветром принесло. Хотя могло, мелких тварей штормами далеко разносит. Как-то даже под целый дождь из слизняков попали, я совсем мелким тогда был. Месяц их потом вывести не могли, три тарги потеряли. Под днищем смотрел?

— Смотрел. Нету там.

— Еще посмотри. Спину согнуть лень что-ли? Ты молодой, а задницу свою напрячь

боишься лишней раз, — Джус выудил из кармана штанины кисет и принялся плотно забивать короткую металлическую трубочку содержимым мешочка. — А про кретинов ты зря. В степи их хватает. Да и везде, раз уж на то пошло. Но в степи их особенно много. Слышал историю про то, как Рейколм коров перевозил?

— Примерно тысячу раз... — пробормотал Брак. Он обнаружил мелкого гразга с внутренней стороны колеса. Тот уже успел выжрать в резине небольшую каверну и уютно там устроился.

— Рейколм был вольник, из бывших вояк республиканских. Дурак по жизни, но где-то раздобыл приличный старый трак, кое как перебивался мелкими заказами и бандитизмом. Команду себе даже собрал, неплохую, себя называл не иначе, как “Капитан”. Далек на юг не забирался, понимал, что в степи его сожрут, — Джус раскалил палочку и затянулся сладковатым дымом, не слушая бурчанье сына. — А тут подвернулся ему заказ в Джаке, за хорошие кри. Тамошние фермеры собирались на берегах Калайны в пустыне пастбища разбить. Островные тогда как раз в устье город закладывали, с ферм сбывали бы туда мясо и молоко втридорога. Ну и наняли Рейколма перевезти за полконтинента тридцать голов скота, молодых телкок какой-то устойчивой к жаре погоды. По слухам, аж с самой Талензы доставили...

Калека слушал знакомую историю вполуха, взясь с щипцами. Гразг упорно не желал извлекаться из колеса, засел накрепко.

— ...дурак и согласился. Прицеп поставил решетчатый, коров туда напихал как рыбу в бочку, кузов тоже коровами и кормом забил. Так и поехали. Все бы ничего, но вольные земли Рейколм решил по побережью пересечь. Эйр сэкономить решил, да и боязно было через напрямик идти. Ему команда в один голос твердила, что затея тупая, надо по степи ехать. А то прижмут к берегу и все, деваться некуда. Но тот был упертый как люторог, послал всех к шаргу поперся вдоль берега. — Джус дожег остатки трав в трубочке и сунул ее в кружку, охлаждая. — Ну и нарвался. Все боялся бандитов и кланы, а опасаться следовало собственной глупости. Ну кто в здравом уме повезет тридцать молодых самок по побережью, в самый разгар сезона у люторогов? Да еще и в открытом прицепе. Молодые самцы, едва такое изобилие учуяв, срывались в галоп. У них мозгов на побережье совсем не остается, в башке лишь огонь и бабы. Одиноких кое-как отгоняли, но потом нарвались на здоровенное стадо, они тогда до полутысячи голов доходили.

Брак выковырял проклятого гразга и принялся аккуратно выжигать, стараясь не давить слишком сильно. А Джус тем временем заканчивал историю:

— Ну и началось. Лютороги на трак кидаются, таранят кузов и прицеп. Телки внутри от ужаса ревут, срут, а двинуться не могут, плотно стоят. Скорости Рейколму не хватало уйти, трак старый, банки быстро расстреляли. Да и что ты против такой кучи будешь делать? Озверевшее стадо сперва прицеп с мясом отодрало, а потом и телок. В кузове тоже задница полная, там места побольше было, а телки взбесились... В общем, раскатали тот трак изнутри, обшивку проломали и чуть кабину не снесли. Повезло кретином, что дорвавшиеся до телок лютороги про них забыли. Кое-как в степь сбежали, с разбитым кузовом и на одном движке.

Джус помолчал, задумчиво оглядывая свой трак. Перевел взгляд на вылезшего из-под днища сына.

— Уезжали из Джаки загрузив трак товаром на гору кри, а вернулись на обосранной вонючей развалине, которую даже в уплату пени за коров брать брезговали. К Рейколму

прозвище “Коричневый Капитан” намертво прилипло, с таким кретином даже команда бывшая работать отказалась, дружно к шаргу послали. А все потому, что плюнул на правило, которое даже малые дети в степи знают. Видишь на побережье люторогов — без гигатрака не суйся. А ты говоришь, кретинов нет...

— Про Коричневого Капитана много историй. Я навскидку штук пятнадцать или четырнадцать вспомню, — Брак против воли увлекся, он давно не помнил Джуса таким. Показалось на мгновение, что сейчас кабины выйдет Сима и позовет завтракать. — Жаль неизвестно, что с ним в конце стало. Он ведь потом гравцепом командовал, где-то на островах.

— Обычным цепом, откуда у него кри на гравик... Спился, скорее всего, или сгинул в океане. Хотя, такое говно всегда всплывает. Ему сейчас под полтинник было бы.

— Больше.

— Тебе то откуда знать? — Джус, будто опомнившись, вновь нахмурился. Выцветшие брови сошлись на переносице, рот скривился. — Гразгов всех выжег?

— Всех, кого нашел, — Брак продемонстрировал отцу закопченный железный блин, покрытый дымящимися ошметками.

— Не юли как девка. Либо ты выжег всех и уверен в этом, либо ты брехло и просто хочешь свалить. Ты брехло?

— Нет, отец. Я всех выжег, — Калека прислонил лом к кузову и устало выдохнул. Туман уже начал рассеиваться, из дымки проступали силуэты таких же бедолаг, бродящих с давилками вокруг машин.

— Если пропустил, выпорю так, что ходить не сможешь. Спрашиваю еще раз, ты брехло? Или уверен в себе?

Брак выругался и снова полез под днище. Джус наблюдал за ним с брезгливой жалостью. Потянулся было за пазуху, забыв что раздет, скривился и опять принялся забивать трубочку.

Гразгов больше не было. Калека с трудом выволок себя из под трака, исподлобья глядя на приемного отца. Тот, больше не обращая на сына внимания, продолжал возиться с куревом.

— Больше нет. Пойду в мастерскую, — не дождавшись ответа, Брак похрамал в сторону костра.

Джус промолчал.

На стоянке царила нездоровая суэта. Недотягивающие до садмов Котобои внимательно осматривали технику и землю, при обнаружении гразгов громко призывая на помощь вооруженных давилками помощников. Вокруг постоянно раздавались глухие шлепки и шипение, камень густо покрывали бурые пятна.

Даже у костра не видно было привычной фигуры Отбивки — вооружившись давилкой, повариха грязно ругалась и выжигала тварей вокруг столов. Гразги — это не шутка, тут не до готовки. Если позволить тварям расплодиться, можно запросто потерять бесценную технику. Сейчас все в форте, кто способен самостоятельно передвигаться, заняты поиском и уничтожением мерзких слизняков. Ну, или почти все.

Брак почти доковылял до “Мамаши” по опустевшему торгу, когда его догнал запыхавшийся Логи. Толстяк выглядел еще хуже, чем после рейда, весь опухший и покрытый лиловыми синяками. На спине он тащил здоровенный округлый мешок, перемотанный веревкой и явно скрывающий внутри что-то очень тяжелое.

— Бракованный стой, твою шаргову мать! — лысому явно было тяжело громко говорить. — Ты точно хромой? Рванул от костра как флир от драка...

— Доброе утро, Логи, — калека остановился, разглядывая напарника. — Это не я быстро хожу, это ты еле ползешь. Ты с таргой подрался??

— Какое оно нахер доброе. На! — лысый скинул с плеча мешок, глухо бухнувшийся о землю. — В следующий раз сам... Ааа, шарг с тобой, не поймешь. Тут колесо для скиммера и светильники, какие нашел. Дальше сам тащи, я вусмерть удолбался.

Брак кисло взвесил мешок взглядом и оценил расстояние до “Мамаши”. Выходило не очень, похоже недолго толстяку оставаться единственным удолбанным. Хотя наличие долгожданного колеса грело душу и сулило скорое окончание работ над скиммером.

— Хоть до двери дотащи, он больше меня весит.

— Подгони тележку, у вас там есть. Что ты как маленький. Хотя ты и есть маленький, вот такусенький, — Логи показал пальцами. — Я ради этого круглого говна вчера кровь проливал, твоя очередь проливать слезы, или что там у вас, у калек. Короче, тащи сам. Я грязгов искать, некогда. Жаль их кувалдой нельзя.

— Грязгов кувалдой не получится. Они от такого... — начал было Брак, но был бесцеремонно перебит.

— Ты мне на каждый чих будешь по полчаса языком трепать? Шаргова плесень, Бракованный, каждый ребенок знает, кто такие грязги. Все, иди уже! — толстяк хлопнул напарника по плечу задавая направление, а сам развернулся и пошел в сторону кабака.

— Эй, а грязгов искать?

— В кабаке они тоже есть, я уверен. С моей тушей только по всяким щелям лазить. Я герой, мне не положено.

Глядя вслед удаляющемуся громиле, Брак тяжело вздохнул. Чего еще было ожидать? В последнее время он слишком расслабился рядом с толстяком, забыл про его поганый нрав. Общая цель сплотила, из голоса Логи исчезла покровительственность, да и шутки перестали больно кусать. И вот — опять. Все как обычно.

Впору в очередной раз задуматься, правильно ли он поступил, положив весь груз в этот прицеп. Выбора особого не было, но...

Снедаемый злостью и вновь накотившими сомнениями, парень волоком дотащил тяжеленный мешок до боковой двери. Постучал, кивнул охраннику и продолжил борьбу с трижды проклятым колесом. Шаргов толстяк небось уже дует пиво и смеется над тупым калеккой. Брать тележку нельзя, придется идти через Чегодуна, просить о помощи тоже нельзя... Шаргов толстяк, неужели ему сложно было протащить мешок лишние пятьдесят шагов? Даже не волоком ведь, на спине пер, скотина отожранная.

В мастерскую калека ввалился озлобленный на весь мир и мокрый как медуза. Помимо колеса, еще и многострадальное крепление ноги опять разболталось, вынудив садиться и перезатягивать.

Брак не успел даже толком перевести дыхание, как подлетевший с выпученными глазами Рист сунул ему в руки давилку и фонарь. Сын старшего механика молча ткнул пальцем в распахнутый зев технического люка в полу, после чего убежал в трюм.

Следующие несколько часов слились для калеки в один бесконечный утомительный забег, или, вернее, заполз по тоннелям. Двигатели, баки, вентиляция, бесчисленные узкие лазы, забитые паутиной и грязгами. От вони сгорающих слизняков слезились глаза, локти и

колени саднило, а глаза болели в мерцающем свете паршиво настроенного фонаря.

Гразги — мерзкие твари. Никто толком не знает, откуда они взялись, но раньше их точно не было. Очень сильно раньше. Среди ныне живущих навряд ли найдутся те, кто застал время без шарговых пожирателей. Нашествие гразгов — нередкое событие в степи, с которым все давно умеют бороться. Но менее опасным оно от этого быть не перестает.

Взрослый гразг напоминает зеленоватого полупрозрачного слизня длиной с предплечье. Ползает медленно и бесцельно, оставляя за собой легко различимый след из блестящей слизи. При этом гразг жрет. Жрет все, по чему проползает, великодушно делая исключение для голого камня и стекла. Внутренности гразга содержат в себе невероятно едкую жидкость, которая неторопливо, но уверенно разъедает вообще все.

Металл, древесина, резина, ткани и мясо, даже другие гразги — слизняку плевать. Никто не знает куда именно деваются ставшие его жертвами вещества и предметы, так как жрать ему просто нечем. Возможно — поглощает сквозь кожу, но почему тогда не меняется размер? Гразги почти не растут после того, как набрали вес. Просто ползают и жрут.

Это не было бы так опасно, если бы не несколько очень неприятных особенностей.

Во-первых, гразги страшно ядовиты. Раздави такого, и хлынувшая из внутренностей жижа примется разъедать все вокруг. Даже просто прикоснуться голой рукой опасно, можно остаться без кожи на пальцах.

Во-вторых, появление. Никто не ожидает шарговых гразгов. Их главное оружие — внезапность. Внезапность, быстрота и безжалостная эффективность. Буквально за одну ночь любая стоянка может оказаться загажена слизняками. Если хоть немного зазеваться — можно запросто лишиться машин. Откуда они берутся — загадка. Среди кочевников ходят самые разные версии, начиная от ветра, разносящего крохотных слизняков по окрестностям и заканчивая карой свыше за какие-то проступки. Только в одном сходятся все и всегда: пропустил хоть одного гразга — будь готов к их повторному нашествию.

И в-третьих, слизняков почти невозможно убить. Их можно давить, резать, топить, измельчать — все будет бесполезно. Гразг, на которого наступили ногой, становится только злее. Расплющенная плоть бодро стекает обратно, а слизняк становится намного шустрее и активнее жрет все вокруг. Разруби на два куска — получишь двух маленьких и очень злых гразгов. Единственное, чего они действительно боятся — огонь, и то подойдет не всякий. Сжигать слизняка на обычном костре можно несколько часов кряду, будет лишь шипеть и исходить вонючим паром. Раскаленное железо в руках сильного садма работает гораздо эффективнее.

Еще ходили упорные слухи, что гразгов привлекает металл и эйр, но прямых доказательств не было. Некоторые всерьез верили, что гразги могут народиться даже внутри спящего человека. Способ борьбы с нашествием слизняков все равно оставался один — выжигать всех до единого, обшаривая даже самые укромные места.

Вот и приходилось Браку ползать по темным, холодным с ночи тоннелям, выискивая следы тварей. С десятков гразгов пали жертвой давилки, но заканчиваться они и не думали. Несколько раз он наткнулся на таких же бедолаг из экипажа гигатрака, ползущих навстречу. В этом случае приходилось с трудом разворачиваться или пятиться задницей до очередного отворота. Страдать приходится всем, будь ты хоть трижды старший. Даже Кронг, скорее всего, сейчас обшаривает внутренности кабины “Мамаши” с железкой в руке.

Хотя Логи может и отмазался, с него станется. Разогреть железо до нужной температуры он все равно не может.

Гразги закончились, когда день уже перевалил за середину. Покинув внутренности гигатрака, Брак долго отогревался за столом в мастерской, старательно выкашливая набившуюся в легкие пыль. Рядом мрачно сопел вымотанный до предела Рист, едва не надорвавшийся в трюме. Подошедший мокрый Ухол, напротив, был отвратительно жизнерадостен, как и положено человеку, первым занявшему помывочную после целого дня совместного вычищения выгребных ям.

— Ну что, сосунки, ушатали вас гразги? Колитесь, у кого сколько.

— Отстань, Ухол. И без тебя тошно, — сын Часовщика устало потер длинный нос. — Штук тридцать, не считал.

— У меня двадцать три, — Брак попытался вытряхнуть паутину из волос, но быстро оставил это занятие. — И еще восемь у трака.

— А у меня шестьдесят один! Или около того, — Ухол радостно осклабился. — Я же говорю — сосунки.

— Это потому, что ты всю третью палубу разом выжег, — подошедший Аздан плюхнул на стол захрустевший сверток. — Откуда только дурь берется, сводить ведь ни шарга не умеешь.

— Глядя на довольную Отбивку, я задаюсь примерно тем же вопросом, — Ухол вытащил из свертка горсть медузок и скривился. — Опять сухомятка.

— Мыться пойду, — убедившись, что никто не против, Брак с трудом поднялся.

— Воды захвати, — протянул ему ведро Аздан, после чего повернулся к довольно лыбящемуся пузану. — Причем здесь Отбивка?

Пока калека мылся и менял выстиранную одежду, к сидящим за столом успел присоединиться уставший Часовщик. Выглядел старик осунувшимся, левое предплечье замотано бинтами. Бухнувшего на стол ведро кипятка Брака он поприветствовал кивком головы, не прекращая говорить:

— ...троих. Еще один настолько пьян был, что так и не проснулся.

— Обглодали? — Аздан бухнул в ведро целую горсть кубиков вурша и принялся мешать.

— Там четыре или пять гразгов было, без шансов, — покачал головой Часовщик. — Сколько не твердим, чтобы не спали в одиночку...

— Причем здесь в одиночку? Сам сказал, что он мертвецки пьян был. Волноломы же. Останься хоть чуточка ума — проснулся бы. Крепкому сну не очень способствует, когда тебя заживо жрут, — Ухол зачерпнул вурша кружкой и с наслаждением вдохнул пар. — У нас без потерь?

— У Длинного рабыне руку раздробило, гразг опору скиммера сгрыз. А так — без потерь, только железо. С движками у многих проблемы, не просыпаются. Скорее всего — погрызли, мелочевки много народилось, — Часовщик скривился. — Очухаются, конечно, подкормим. Рист, не спи, иди мыться.

— Слизняков наловили? — Вопрос прозвучал приглушенно, Аздан перемалывал медузок целыми горстями.

— Три штуки. Вялые уже, значит почти всех перебили. Жаль, что четвертый бак разбили.

— Я не виноват, — Ухол поднял руки в притворном испуге. — Он сам упал.

Неудачную шутку не поддержали. Все присутствующие прекрасно знали, кто именно и как грохнул герметичную стеклянную емкость, но говорить об этом было противно.

Брак участия в беседе почти не принимал, старательно набивая желудок и заправляясь

вуршем. Ползание по тоннелям его основательно вымотало, но скиммер сам себя не доделает.

Дождавшись, пока остальные механики разбредутся по своим делам, парень отволол мешок с колесом в свой закуток, где принялся изучать содержимое.

Колесо было почти идеально. Явно снятое с тяжелого скиммера, литое и почти неизношенное. Даже подгонять особо не придется, разве что вилку расширить и свести ось нужного размера. Стоит отдать толстяку должное, в добыче отличных вещей ему не было равных.

А вот пара светильников же сразу вызвали вопросы. Нет, эйносы отличные, явно с каких то морских тварей. Сведены в аккуратные коробки с застекленными отверстиями, полусферические отражатели отполированы на совесть. Но вот застрявший в одном из отражателей рваный кусок металла, живо напомнивший о легком скраппере, а так же вырванные с мясом крепления... Наверное, лучше воздержаться от лишних вопросов.

Это же Вольные Земли, тут всякое случается.

Брак настолько увлекся работой, предчувствуя скорое окончание основательно надоевшей работы над скиммером, что раздавшийся за спиной голос Часовщика едва не заставил его сердце выпрыгнуть из груди.

— Достал-таки... Ровнее веди, левую перекосило.

— Ага, вижу. Сейчас. — калека аккуратно поправил раскаленную железку, после чего поднял взгляд на старшего механика.

Старик, скрестив руки на груди, стоял в проходе и грустно смотрел на скиммер. Рабочую одежду он уже сменил на длинный кожаный плащ с многочисленными подсумками, на шее висел тяжелый визор с единственным широким стеклом в медной оправе.

— Там в боковую дверь ломился твой приятель, но я велел не открывать. Не стоит пускать кого-попало в мастерскую, особенно сейчас.

— Спасибо. Только Логи мне тут не хватало.

Часовщик окинул взглядом закуток, присел на стоящий у стены, криво сведенный корпус гравки. Кивнул на скиммер:

— Не передумал?

— Ты же понимаешь, что не могу, — Брак этого разговора ждал, поэтому был готов. — Я встретил тут вернувшихся из Поиска. В том числе сына Ухола. Веришь, только сейчас осознал, в чем именно между нами разница. Либо я стану как они, либо мне нет места среди Котобоев. Просто не выдержу осознания того, что я упустил. Так что нет, я не передумал. Тем более сейчас, когда все почти готово.

Парень был готов к уговорам и надоевшей песне про "нехер тебе там делать", но старик удивил. Старший механик молчал, вертя между пальцев незаконченную фигурку скиммера для Забойки.

Брак мысленно пожал плечами и продолжил возиться с колесом.

— Ты же на север собираешься? Сомневаюсь, что тебе придется по нраву Яма. Значит двинешься дальше, за реку. Доминион? Или сразу Республика? — голос старика звучал устало.

Калека, подумав, уверенно ответил:

— Доминион. Не люблю холод. А оттуда постараюсь на острова. Бойцом мне никогда не стать, зато есть неплохие шансы нормально выучиться механике. А лучшие механики — на островах. Поработаю в мастерской, наберусь опыта. Если проявлю себя, могут пригласить на архипелаг. Да и полетать всегда мечтал, вспомнить это ощущение.

— Ты вообще что-нибудь помнишь?

— Обрывки, иногда сны. Стены из темного дерева, латунь и медь. Помню гудение гравок и странное круглое окно. — Брак раскалил длинный брусок и принялся аккуратно сводить ось. — Жаль, не помню лица матери, только силуэт. И немного голос. Может, полет поможет.

Часовщик раскалил фигурку скиммера и принялся доделывать ее, ловко орудуя маленьким стальным штырьком сложной формы.

— На Талензе верят, что сны это ворота в мир мертвых. Лишь во сне человек получает возможность увидеть тех, кого лишился. И лишь бесконечно близкие люди могут оттуда, из-

за кромки, помочь нам увидеть во снах давно забытое, либо недоступное нашим обычным чувствам настоящее. А иногда и неявное будущее. То короткое мгновение между явью и сном, где граница между мирами истончается и мы можем услышать их голоса... — Старик печально покачал головой. — Если ты видишь во сне мать, значит она пытается с тобой говорить. И лишь от нас зависит, сможем ли мы услышать и понять.

Брак, заметив в последней фразе горькое “нас”, и осторожно спросил:

— Мама?

— Мать. И отец. Брат с сестрой, племянница. Хотя насчет нее я не уверен. Архипелаг жестокое место, что бы тебе о нем не рассказывали. Я только когда из рабства вырвался узнал. У кабального не так уж много возможностей связаться с внешним миром, — Часовщик криво ухмыльнулся. — Сперва надеялся, что меня выкупят родные, семейство у нас было достаточно зажиточное. А потом... годы прошли.

Старик сменил стерженок на другой, плоский и тонкий, затем продолжил:

— Может и хорошо, что не узнал, пока носил ошейник. Это меня сломало бы. А так — трепыхался, вырваться хотел, — Часовщик помолчал. — Вся семья сторела заживо в доме, за одну ночь. Тогда многие на Баолано погибли. Лиорцы очень хотели заполучить город и не считались с потерями. Знаешь, я поэтому и остался в клане. Тут честнее. Вот взять хотя бы Котов. Они ненавидят нас. Мы ненавидим их. Они нас убивают, мы убиваем их. Льется кровь, умирают люди и горят машины. Но это — честная война. Мы не притворяемся друзьями, не бьем друг друга отравленным ножом в бочину, улыбаясь при этом в лицо. Если когда-нибудь Коты победят Гиен, я буду твердо знать, что это была заслуженная победа. Пусть грязная, пусть кровавая и жестокая — но честная.

— Между кланами хватает подлости, — Брак неуверенно покачал головой. — И в спину били, и целые стоянки травили. Вырезали целые семьи на корню, нападая толпой. Я многое видел и слышал.

— Тебе просто не с чем сравнивать. Вот твой приятель, Логи. Вы вместе готовитесь, строите планы. Наконец, отправляетесь в Поиск на совместно построенном скиммере. Там он бьет тебя по голове своей киянкой, забирает все и оставляет подыхать в степи. Это подлость?

Брак поежился и кивнул. Слова старика упали на плодородную почву.

— Но это честная подлость, если можно так сказать. Ты мог ее ждать, мог подготовиться. Выбрать напарника понадежнее, не поворачиваться спиной. Она предсказуема.

Брак хотел возразить, но не успел.

— А теперь представь себе, что я прямо сейчас ломаю тебе ногу, — Часовщик взял в руку тяжелый железный прут и махнул им в воздухе. — Ставлю на скиммер свою метку, после чего сдаю Чегодуну все твои планы. Приплачу с пяток синих, чтобы он уступил тебя мне. Прoderжу прикованным в мастерской до конца Схода, после чего закабалу и надену ошейник. Остальные механики вопросов не зададут, потому что я закрою мастерскую под удобным мне предлогом и тебя никто не увидит. Логи передам, что ты решил его кинуть и сбежать самостоятельно, но был пойман, пусть он тоже тебя возненавидит.

Старик говорил размеренно и спокойно, не прекращая орудовать штырьком. Калека с каждым словом холодел, будто в помещении на полную мощность врубили морозилку.

— Затем мы с Чегодуном повернем все так, будто ты давно служишь Котам, чтобы никто даже не подумал за тебя заступиться. Найдем подходящий случай, вроде того, где

погибла твоя мать. Та стычка была попыткой сгубить приютившую тебя семью, но неудачной. Поэтому ты хитростью получил доступ к внутренностям гигатрака, воспользовавшись доверчивостью старого механика, и с тех пор ждал подходящего момента. На торге ты встретился со своим связным из Котов, молодым парнем с чистыми ушами, выдающего себя под простого вольника. Вы с ним обговорили место будущей засады...

— Хватит, пожалуйста! — взмолился Брак. Его трясло, слова старого механика ложились на сердце тяжелыми камнями. Описанная картина поражала своей жестокостью, но в то же время была до боли... реалистичной?

Часовщик остановился на полуслове, оценив состояние парня. Хотя видно было, что продолжать в таком духе он может еще долго. Потянулся рукой и успокаивающе потрепал калеку по голове, растрепав черные волосы.

— Занесло меня слегка. Все у вас получится, не переживай. Надеюсь, суть ты уловил и объяснять разницу не придется, — старик снова принялся за фигурку. — То, что здесь кажется невероятной дикостью и вероломством, там называется одним простым и обыденным словом — “политика”. Или “Высокая Политика”, но там уже даже мое воображение отказывает. Эта шаргова политика унесла жизни Раоса и Лаиды, Гриаса и Гриады, походя оборвав род Аураццо. Может Майлара спаслась, не знаю. А уже через пару дней Лиор и Килея радостно облизывали друг друга и клялись в вечной дружбе, позабыв про сожженный дотла город. Вечная грызня между доминионами перемалывает в своих челюстях все, до чего дотягивается, не щадя при этом никого.

Закончив, старик замолчал. Тишину опустевшей мастерской нарушал лишь едва слышимый скрежет очередного штырька по фигурке.

Брак выдохнул, унял стучащее сердце. За полчаса Часовщик рассказал о себе больше, чем за предыдущие двенадцать лет. При этом явно разбередил старые, не до конца затянувшиеся раны.

— На юге архипелага, среди многочисленных верований нойтов, существует одно сказание. За исключением незначительных различий, оно существует и остается неизменным даже среди жителей полностью закрытых островов, — размеренно заговорил Брак, временно оставив попытки приладить ось. — И оно тоже касается снов. По утверждениям доканов, самых мудрых людей племени, сны есть ничто иное, как бесконечные отражения бесчисленных миров, подобных нашему. И во всех этих мирах живем мы, такие же, но другие. Все миры соединяет лишь одно, Великий Океан. Дарующий жизнь, бесконечно огромный и простирающийся сквозь само время. В каждом мире океан свой, но в каждом мире он один и тот же. Все сущее отражается в его вечно меняющихся водах. Сны — это лишь попытка слабого и глупого человеческого разума постичь Великий Океан, разглядеть в его водах свое истинное предназначение. Но все, на что способен наш разум — это увидеть в волнах причудливо искаженное отражение другого мира.

Калека глотнул из остывшей кружки, скривился но продолжил:

— Кто знает, что ночью покажет тебе Великий Океан? Умиравшему от болезни он подарит мир, где тот жив, здоров и никогда не пробовал те странные фиолетовые ягоды. Безнадежно влюбленному — мир, где он все же рискнул признаться в своих чувствах. Проигравшему свой самый важный бой — покажет победу. Потерявшему близких — мир, где они вместе. И лишь плохим людям отражения покажут только боль и потери, в бесплодных попытках повлиять на их природу...

— Красиво. Не слышал, — Часовщик уважительно кивнул. — И спасибо. Сима?

— Сима. Она всегда красиво рассказывала.

— Жаль ее. Тренируйся больше, рассказывай. Пробуй сказать проще, местами перегибаешь и сбиваешься с ритма.

— На ком мне тут тренироваться? На Джусе? Логи? Кроме близнецов Сельмы и не слушает никто. Эту историю я вообще в первый раз рассказал, переврал половину.

— Это точно, — хохотнул механик. — Я этих доканов видел своими глазами. На канторцев похожи, только ниже ростом и кожа темнее. Уж мудрости там столько, что ведром не вычерпать. Жрут, спят и всех красивых баб племени под себя гребут. В этом они точно мудрецы.

Помолчали. Брак принялся, наконец, за крепеж колеса, с трудом приподняв переднюю часть скиммера перекинутой через трубу на потолке цепью. Часовщик, закончив, пристально изучал получившуюся фигурку через крохотное изогнутое стеклышко.

— Брак, в последний раз прошу — не ходи в Поиск. И нет, прежде чем ты начнешь возмущаться и возражать, выслушай меня.

Раскрывший было рот парень замолчал. Часовщик говорил слишком спокойным и серьезным тоном.

— Я не прошу тебя отказываться от него насовсем. Но сейчас отправляться на север опасно. Ты видел гравицеп?

Брак кивнул.

— Это “Двойная Спираль”, личная яхта уполномоченного посла Республики в Доминионе. Он с семьей совершает развлекательное путешествие по Вольным Землям, в компании своего хорошего друга и будущего зятя. По чистой случайности, им является младший сын действующего Наместника.

— Мне это ни о чем не говорит. — покачал головой парень.

— Неудивительно. Ты хоть примерно представляешь себе, кто и как управляет двумя самыми крупными странами Гардаша? Я избавлю тебя от лишних подробностей, скажу вкратце. Республика независима. Ее основали отпрыски одной из королевских династий с Талензы, еще в самом начале Освоения. Потом они обросли жирком и послали Старый Свет к шаргу, объявив о своей независимости. Им даже помешать никто толком не смог, настолько все быстро провернули.

Часовщик бережно спрятал фигурку в кармашек плаща.

— Доминион — другое дело. Это целиком и полностью детище островных доми. В пределах архипелага доминионы готовы грызть друг друга по любому поводу, но только не в этом случае. Формально, каждый из доминионов признает над собой власть одного из правителей Талензы, которые милостливо позволяют существовать независимым островным государствам. По факту, на Старый Свет давно всем плевать, доми набрали такую силу, что признают монархов лишь формально. Сам Доминион управляется Наместником Риланской Империи, но это даже меньше, чем формальность. Реальная власть там принадлежит совету из представителей всех двенадцати островных государств. Именно доми, с помощью Доминиона, выкачивают с Гардаша ресурсы. И Наместника это перестало устраивать.

— Час, я запутался. Доминион, доминионы. С Республикой все понятно.

— Не путай, есть доминионы — независимые островные государства. И есть Доминион — большая страна на севере. Если уж совсем просто, Наместнику Доминиона надоело быть скиммером в руках островных игроков, он хочет стать игроком сам и ни с кем не делиться. Его в этом поддерживают правители Талензы, которые спят и видят, как бы поднасрать в

кашу островитянам. Также его поддерживает Республика, которая под шумок планирует отщипнуть солидный кусок земель и заработать на войне.

— Будет война с островами?

— Да. Наместник сейчас в тайне собирает силы. Он дошел даже до того, чтобы обратиться за помощью к кланам. Доми у всех сидят вот тут, — механик показал, где именно. — Людям до смерти надоело отдавать сокровища Гардаша за бесценок.

— И эти важные шишки на яхте уговаривают кланы присоединиться? Летают по Сходам?

— Именно. Стервятники, Волки и Скорпионы уже на стороне Доминиона. Мь следующие на очереди. Наместник торопится, опасаясь что план раскроется, поэтому обещает много. Очень много. На Совете чуть не передрались, но я склонен полагать, что предложение Наместника примут. И когда война неизбежно разразится, кланы отправятся на север, воевать с Архипелагом. Я не знаю, когда именно это произойдет, но Поиск в Доминионе — худшее место, где можно будет оказаться. Во время войны ставят в копье всех, кто способен его держать, а зная нравы островных — это будет настоящая бойня. За Гардаш доми удавятся, забудут обо всех обидах и выступят против Доминиона единым фронтом. Тягаться с техникой и воздушным флотом островитян — безумие, они столетиями наращивали силы. Если ты попадешь в эту мясорубку — ничем хорошим это не закончится.

Брак крепко задумался, машинально продолжая сводить. Лезть в мясорубку ему не хотелось. Из путаных объяснений старшего механика он уяснил одно — на Гардаш скоро придет большая война. А это такая штука, из которой ничего хорошего никогда не выйдет. Про большие войны здорово слушать истории и перебивать косточки участникам, но самому участвовать...

Невольно вспомнилась та злополучная стычка с Котами. Своими глазами он ее не видел, метался по “Мамаше” наспех сводя рваные дыры от скрапперов. Но вой эйносов и грохот исполинских баданг запомнил навсегда, как и леденящий ужас от осознания того, что в любую секунду сквозь броню гигатрака может ворваться в коридоры тускло блестящая смерть. Именно тогда Джус обзавелся шрамами на груди и потерял палец, а приемная мать погибла прямо в кабине трака, пробитая насквозь ловким копейщиком на тарге. А ведь это была лишь рядовая стычка двух не самых сильных семей. А битва кланов? Несколько кланов? Армий целых государств? Воображение отказывалось работать и лишь рисовало смутные картины грохочущего бадангами кровавого безумия, охватившего весь мир.

— Ты был против? — Брак с натугой поставил колесо на место и принялся закреплять.

— Да. Я против того, чтобы участвовать в чужой войне и на чужой земле, как бы велика не была предложенная награда. Решай я единолично — увел бы весь клан на юг и поднялся по берегу Калайны в сердце Гардаша. Там переждал бы несколько лет. Вдали от океана, но обеспечить себя худо-бедно сможем. Но мой голос здесь ничего не решает, слишком многим блеск кри затмевает глаза.

— И что мне делать?

— Отложи Поиск. Выжди несколько лет, пока не разрешится ситуация на севере. К тому же, если Гиены примут участие в боях, у тебя будет реальный шанс заработать свою метку. В ближайшее время семья будет для тебя самым безопасным местом, вся шваль на материке ползет наружу в преддверии войны.

— Разве Поиск можно отложить? — Брак удивленно взглянул на механика — Я думал, что семнадцатилетие это единственный шанс.

— Это скорее рекомендация. Так не принято, но в исключительных случаях Поиск можно перенести. Ты калека, к тому же без транспорта и средств оплатить проезд. Этого вполне достаточно, чтобы убедить старших дать тебе несколько лишних лет на подготовку. Я смогу это устроить.

— Час, ты забываешь, что у меня нет нескольких лет. Даже если я напридумывал себе воображаемых врагов и никто меня не собирается кабалить в уплату чужого долга... Я не знаю, сколько еще протянет Джус. Месяцы? Полгода? Он убивает сам себя, и чем дальше — тем это становится заметнее, — Брак от злости криво свел последний крепеж, помянул шарга и сквозь зубы закончил. — Да я не уверен был, что он до этого Схода доживет. Если все останется как прежде, Джус скоро сдохнет и я окажусь там же, где сейчас. Наследовать ему я не могу, родственников нет, а законы Большого Схода больше не будут давать защиту. Я все равно окажусь ни с чем, останется либо идти в экипаж “Мамаши”, где я загнусь от тоски, либо надевать ошейник. Или прибиться к чужой семье, где ко мне всю жизнь будут относиться как к рабу.

Брак говорил горячо, все больше распаляясь. Шаргов Часовщик, старый хитрый лис, все же его достал. Размягчил всеми этими разговорами про сны, семью, рассеял внимание, после чего жажнул в упор. И теперь парень с ужасом осознавал, что его собственные выводы звучат далеко не так убедительно, как он сам себе представлял. И про семью, и про то, что его никто не примет. Есть ведь та же Сельма. Да и скиммер у него уже есть, им владеть можно даже без метки. А на другую чашу весов уже легли мрачные пророчества о близящейся войне, не поверить которым мог только полный кретин. Мысли метались перепуганными джорками, всплыли наружу все старые сомнения в собственном плане.

— У тебя в логике изъянов больше, чем дырок в куртке. Не вижу смысла даже указывать на них, — Часовщик поднялся во весь рост, отодвинул раскрасневшегося парня и одним ловким движением намертво свел крепление колеса. Окинул результат скептическим взглядом, выправил мелкие неровности, плавными движениями загладил швы.

Подумав, старик аккуратно нанес на корпус скиммера свое личное клеймо, маленькую шестеренку с пятью зубцами. Не ту метку, которую получает каждый клановый, но знак механика, создавшего предмет. На немой вопрос калеки он лишь пожал плечами и кивнул головой в сторону трюма.

— Не будет лишних вопросов. Потом на свою заменишь, когда придумаешь, — он выпрямился и размеренно покачался с пятки на носок. — Брак, если ты останешься, я тебя усыновлю. Не важно, что сделает Джус, не важно, как долго он еще протянет. Если ты потеряешь отца, я готов стать им для тебя.

Калека сперва не понял, занятый разглядыванием клейма, но потом до его разума медленно дошло значение последних слов. Он неверяще поднял взгляд на старика, который продолжал степенно говорить:

— Это даст тебе несколько лет отсрочки, переждать и подготовиться. Никто не посмеет сказать и слова против, вопрос с Чегодуном я решу. Подучишься сводить, я сам тебя натаскаю, освоишь скиммер, может даже сведешь таргу. И когда придет время — отправишься в Поиск полноценным механиком с собственным клеймом. Не знаю, как именно будут развиваться события на севере, но сейчас одиночке там делать нечего. А за несколько лет многое может поменяться.

Брак застыл в ступоре. Механик приберег тяжелую артиллерию напоследок, сейчас она вдребезги разнесла последнюю линию ослабленной защиты и принялась громить опоры. Те

самые, на которых стоял весь план парня.

— Зачем? — голос калеки звучал глухо, глаза предательски жгло.

— Я самодур и так хочу. Подумай своей головой. Мне шестьдесят два, у меня трое сыновей, которым я не доверю даже обогреватель разбудить. Лет десять я может и протяну, а потом? В семье нет других механиков, способных свести хотя бы скиммер. Ухол силен лишь в плавке, Аздан делает только то, что ему говорят. Механики “Мамаши” кроме своего гигатрака не знают ни шарга. Думаешь, зачем Чегодун в тебя вцепился? Просто потому, что он злобная жадная скотина? Не спорю, он именно такой, но в первую очередь он думает о семье.

Старик ловким тычком прутка разбудил двигатель скиммера, покачал рычаг компрессора.

— По сути, я делаю то же, что и он. Просто мои методы другие, — Часовщик вслушался в загудевший двигатель, подкрутил клапан подачи эйра. — Семье нужен механик. Тебе нужно обучение. Мне нужен соперник в "Забойку".

Старший механик уселся в широкое сиденье скиммера, примерился к рулю, но гравку будить не стал.

— Я не прошу тебя принимать решение прямо сейчас. Я обещал помочь со скиммером, я помогу. Обкатаю его по Плещи, отлажу и заправлю. Даже сейчас вижу, что якорь слишком легкий для такой машины. Но это мелочи. Пригоню вечером к своему траку, дальше вы уже сами.

— Часовщик, я... — Брак понимал, что надо что-то сказать, но слова упрямо отказывались складываться в предложения. — Спасибо.

— Не спеши благодарить за слова и обещания, они ничего не стоят. Важны только действия. Помни о подлости, если все же решишь не отказываться от принятого решения. Не в моих силах заставить тебя его поменять. Обещай только, что наведишь перед отъездом.

— Ты же сам сказал, что обещания ни шарга не стоят. Конечно навещу.

— Умный, да?

Старик разбудил гравку и ворчливо добавил:

— Чего стоишь? Помоги выезд расчистить. Стар я уже стал, железки ворочать...

Брак сбросил с себя оцепенение и похромал в мастерскую.

— Бракованный, тебя там вместо движка в “Мамаше” используют? Выглядишь паршиво.

Логи сидел возле двери гигатрака и с любопытством следил за мелким грязгом, силящимся выбраться из кольца стеклянных бутылок. Еще одна бутылка, полупустая, была зажата у него в лапище и толстяк периодически к ней прикладывался.

— Не твоими стараниями, — Брак мрачно уставился на слизняка. — Нахрена ты это сделал? Дай сожгу.

— Не трогай, он мелкий и бесполезный, прям как ты. Сейчас допью и в бутылку посажу, назову Браком. Будет меня в Поиске сопровождать, — лысый глотнул пива. — Буду его кормить и оберегать.

— А он тебя будет ненавидеть и ночью выгрызет тебе второй глаз, — Брак присел рядом, следя за бесплодными попытками побега. — Ты бутылку как закрывать будешь? Любую пробку он растворит и сбежит.

— Камнем заткну. — Логи показал криво обколотый камешек.

Калека покачал головой:

— Надолго не удержит. Ему малейшей щели достаточно, просочится. Иначе зачем бы мы у северян баки закупаем за безумную цену? Без тебя умных хватает. Это он сейчас тупит, так как места много.

— Все равно попробую. Представь, он уже трех других грязгов на моих глазах сожрал. Они к нему сами сползаются, а он их жрет. Я тоже так хочу.

— Грязгов жрать? Удачи... — Брак насмешливо посмотрел на толстяка. — У них такое бывает. Сползаются друг к другу и пожирают. Чаще случается, если ты их давить пытаешься. Может это самка? Они ползут к ней ради страстной любви, но получают в ответ лишь боль и страдания.

— Не, это точно мужик. Упертый и тупой, — Логи кивнул на грязга, настойчиво пытающегося вскарабкаться на бутылку. — Все равно попробую.

Он махом допил пиво и принялся неловко загонять упирающегося слизняка в широкое горлышко. Закончив, заткнул бутылку камушком и принялся заматывать какой-то тряпкой.

Брак смотрел на это с сомнением, но не мешал напарнику маяться дурью. Хочет испытать все прелести прожженной задницы и испоганенных вещей — его право. Мысли калеки сейчас были заняты совершенно другим. С Часовщиком они больше не говорили, но слова старика намертво укоренились в разуме и сейчас прорастали, вытесняя все остальное.

— Что со скиммером? — закончив с пробкой, Логи довольно посмотрел сквозь грязга на выглянувшее из-за облаков вечернее солнце, после чего убрал бутылку в карман. — Меня не пустили. Баба какая-то бешеная на входе.

— Найта. Она обычно спокойная, если про ее внешность плохого не говорить.

— Я и не говорил. Наоборот, похвалил. Сказал, что такой выдающейся фигуре нужен подходящего размера мужчина, а у меня как раз есть один на примете, — толстяк горделиво хлопал свое пузо. — Так что со скиммером?

— Скиммер готов. Часовщик его проверит и к своему траку подгонит. Но... — Брак, решившись, обратился к толстяку:

— Слушай Логи...

— Так а какого шарга мы расселись тогда? — лысый одним движением сгреб бутылки,

закинув их в сумку калеке, после чего встал. — Угадаешь, что это?

— Что? — Сбитый с мысли Брак уставился на до отвращения знакомой формы мешок, на котором до этого сидел напарник. Округлый, перемотанный бечевой... — Ты где-то достал еще одно колесо? Зачем?

— Не я. Мне даром не сдалось по второму разу рожу под кулаки подставлять.

Толстяк взвалил мешок на плечо и тяжело потопал в сторону стоянки. Калека поспешил за ним, звеня бутылками при каждом шаге.

— Я в поте лица искал грязгов, места себе не находил. Все думал, как там у тебя дела, не нужна ли помощь нормального, полноценного человека. От двери этой не отходил...

— Логи, откуда колесо?

— Близнецы прикатили. Не знаю, где достали. Я расспрашивать пытался, но они какую-то чушь несли. Шаргова плесень, Брак, и это был твой запасной план? Как ты вообще с ними общаешься, у меня через две минуты башка разболелась.

— У тебя в черепе кость сплошная, чему там болеть? — калека лихорадочно соображал, что теперь делать со вторым колесом.

— Вот и я удивляюсь, как им это удастся. Короче, они попросили напомнить тебе об обещании, сгрузили колесо и сбежали. Ты им что пообещал? Надеюсь, не в Поиск с собой взять?

— На скиммере прокатить, — ответил Брак. — И дать из жахателя стрельнуть.

— Да у тебя талант заставлять других сводить нахалюву. Может, к шаргу этот Поиск? Оставайся тут, через пару лет подобных махинаций тебе Кронг сам ключи от гигатрака отдаст. Еще и приплатит сверху, лишь бы ты снизошел. — Логи хохотнул над собственной шуткой.

— Катись к шаргу, — слова толстяка опять вернули мысли Брака к разговору в мастерской. — Куда мы идем?

— Скинем это дерьмо и пиво у меня, не таскаться же с ним по торгу. А потом пойдем твоих Гряземесов искать, насчет завтра договариваться. — проходя мимо костра, толстяк помахал рукой кому-то знакомому. — Ты же до сих пор не договорился?

— Логи, я не уверен насчет завтра, — Брак снова попытался перевести разговор в нужное русло.

— Не ссы, — толстяк расценил слова калеки по-своему. — Даже если говномесы не согласятся, я тут познакомился кое с кем. Мне не откажут.

— С кем?

— Бродячие Муравьи. Банда вольников, двенадцать рыл. Я их главному вчера морду разбил, потом полночи бухали вместе. Промышляют охотой, ну и торгашей щиплют. Я у них половину снаряги по дешевке выкупил. У них трак есть, две тарги и пять скиммеров, — Логи привалил мешок к стенке своего трака, облегченно выпрямился. — Тарган научит, если попрошу.

— С чего бы ему помогать? — вяло спросил Брак. Он все пытался донести до напарника, что планы поменялись и вся их авантюра не имеет смысла, но толстяка было не заткнуть.

— Так они меня к себе зовут. На полную долю, для начала на год. У них скиммер один пустует, водила погиб в прошлом месяце, а замену так и не нашли. Я им подхожу идеально, за мной клан, я силен, молод и красив. Воевать на технике обучат, да и вообще... У них жизнь по сравнению с семьей — просто шаргов праздник. Едут куда хотят, грабят кого

хотят. Бухают по кабакам, заказы берут. Там всем насрать, что метки у тебя нет и Поиск ты не прошел. Не трус и готов драться — ты уже свой.

Толстяк вещал вдохновенно, описание жизни вольников явно запало ему в душу. Брак даже позавидовал, у него шансов попасть в банду почти не было. Не потянет. Зато от речи лысого зародилась надежда, что не придется начинать тяжелый разговор о том, что никуда они вместе не отправляются и все было бессмысленно. Пусть себе идет к вольникам, там громиле самое место. Брак даже был готов насовсем отдать ему жахатель и уступить уже закупленные припасы.

— ... цеп нашли упавший, прикинь? Выгребли из корпуса эйносов на семь фиолок, потом три месяца из кабаков не вылезали. Тарган даже подумывал второй трак купить, но не успели. Я им, кстати, про тебя рассказал, сказали что хороший механик всегда в цене, пусть и калека. Там всем плевать, ты свой дл тех пор, пока носишь на спине муравья. К шарговой матери кланы с их правилами, вот где настоящая жизнь!

Брак вытащил из сумки пиво, передал разгорячившемуся напарнику. Тот возбужденно мерял шагами площадку у трака и размахивал руками, в красках расписывая жизнь вольников. Калека дождался паузы и задал свой вопрос:

— Ты же согласился?

Логи осекся, как то разом осунулся и тяжело опустился на мешок с колесом.

— А как ты думаешь? Послал их к шаргу, дважды. Если не отстанут, и в третий раз пошлю. — ответ толстяка сочился глухой злобой.

— Почему? — Брак удивленно выпучил глаза. Он ожидал всего чего угодно, кроме такого ответа.

— Потому что это слишком просто. Говно в красивой обертке. Ну что я с ними увижу? Те же задолбавшие степи, только из-за руля скиммера? Который, к тому же, мне не принадлежит. Я иду в Поиск не затем, чтобы все так же глотать пыль и трясти жопу в седле, гоня одиноких торгашей по указке Таргана. Сытно, пиво, бабы, видимость свободы. Что еще надо тупому клановому?

— А что тебе еще надо? — удивился Брак. — Покатаешься с ними годик-другой, потом отправишься куда захочешь.

— Ты сам в это веришь? — Логи посмотрел на калеку как на слабоумного. — Брак, это ловушка. Через год я привыкну, обрасту жирком, имуществом и друзьями. Сменяю один клан на другой, поменьше. Чего я там добыюсь? Смещу Таргана и буду главным в этом муравейнике? Если не сдохну при этом, там таких умных с десятков. И даже так, я по прежнему буду плавать мелкой рыбешкой в этих шарговых Вольных Землях. Но отказаться от этого уже не смогу.

Логи откупорил бутылку пива и сделал глоток. Выудил из кармана тускло блеснувший шарик и уставился на него.

— Привычка это страшная вещь. Мне будет хорошо, я буду из раза в раз обманывать себя, обещая, что вот после этой стоянки точно уеду. С каждым разом таких мыслей будет все меньше, пока я незаметно для себя не превращусь в обычного вольника, каких тысячи. Буду орать пьяные песни у костра, трахать какуюнибудь страшную девку из тех, кто может глазом вскрыть бутылку пива и умеет зубами разделявать армов. А рядом будут верные друзья и подпевалы, которые будут смеяться над моими тупыми шутками и хлопать по плечам. А когда я оступлюсь или глупо сдохну — будут шумно поминать, прежде чем поделят мое имущество и дружно заблюют безымянную могилу. Я останусь в их памяти как

Логи Дракобой, меня будут славить и помнить. Примерно пару месяцев, прежде чем найти очередного неудачника на мое место.

Логи тяжело покачал лысой башкой, потер левый глаз. Брак заворуженно слушал. Уж от кого, но от толстяка он таких слов не ожидал.

— Им насрать на меня. Таргану просто нужен сильный боец в банду, он будет говорить именно то, что я хочу услышать. Все, лишь бы я добровольно пошел с ними. Ты сильный и любишь драться — мы дадим тебе драки и обучим. Любишь кабаки — мы из них не вылезаем. Хочешь бабу — да половина Ямы захочет переспать с настоящим Муравьем. Жаден — вот тебе история, как мы нашли целую гору кри, — Логи криво усмехнулся и продолжил, — Они даже подогнали мне снарягу почти бесплатно, были уверены, что тупой толстяк обязательно клюнет и все вернется обратно в банду. А на деле все это — шаргова ловушка на кретинов, не имеющих своих собственных желаний и амбиций. Да половина не вернувшихся из Поиска сейчас гниет где-то в степи под одинаковыми неприметными холмиками, обоссанными хомьяками.

Логи протянул Браку полупустую бутылку и замолчал, вертя в руках шарик.

— А что ты сам хочешь? Зачем тебе в Поиск?

— Я? Сложно сказать, сам не знаю. Но точно не сидеть безвылазно в степи. Посмотреть бордели Нью-Арка, увидеть заснеженные горы на севере. Полетать над океаном, быть может, стать воздушным пиратом на архипелаге. Прикинь меня капитаном? Повязка на глаз уже есть, а у тебя ноги нет. Идеально будет. Отведать знаменитую островную кухню, от которой сводит скулы и растут волосы. Читать научиться. Добраться до Талензы... Брак, я ни хрена про мир не знаю и с воображением у меня проблемы. Чтонибудь придумаешь, ты же умный. Небось уже целый список составил?

Брак одним махом допил оставшееся в бутылке пиво. На душе было паршиво донельзя. Хотелось бить себя пустой бутылкой по голове и орать на тупого толстяка, который во второй раз за день сломал все в голове. Чтобы потянуть время, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Что за шарик? Дай гляну.

Толстяк, однако, шарик не отдал и бережно спрятал его обратно в карман.

— Да встретил торговца одного. То ли Оршаг, то ли Ограш. Шарг его разберет, я не запомнил. Он меня в кабаке пивом отпаивал.

— Бесплатно?

— Ему понравилось, как я Таргану рожу разбил. Я сперва подумал, что будет в охранники уговаривать пойти.

— А он уговаривал?

— Не-а, — толстяк махнул рукой. — Просто расспрашивал о разном. Мы недолго сидели.

— А шарик тут причем?

— От него. Брак, мне сложно объяснить. Он вроде обычный мужик, но какой-то мутный. Почти не говорил ничего, только вопросы задавал. Веришь, я предложение Таргана уже был готов принять. Всерьез думал послать тебя к шаргу с твоим скиммером и рвануть с вольниками.

— А чего передумал тогда? Ты же так убедительно мне только что доказывал, какая это задница. — Брак недоумевающе поднял бровь.

— Да не знаю я. Толком не помню даже, о чем говорили. Говорю же, он мутный,

говорит настолько правильно, что хочется лицо разбить. А шарик мне продал, сказав что отдал бы за так, но не положено. Зеленуху пришлось отдать. — Логи развел руками.

— Поздравляю толстяк, тебя поимел хитрожопый торговец. Запудрил мозги и впарил безделушку, — подытожил Брак. — Я бы на твоём месте пошел и выбил с него кри. Мозги он тебе здорово затуманил. Зато ты меня не кинул, научился задвигать речи и теперь владеешь собственным шариком.

— Я все еще могу тебя кинуть, зануда ты одноногая.

— А с кем ты тогда в Поиск отправишься, стратег одноглазый? Ты хоть знаешь, в каком именно месте растут волосы от островной солянки? Да ты без моего здравомыслящего присмотра все пять лет из кабака вылезать не будешь, какая там Таленза.

— Под твоим мыслящим присмотром мы уже целый час жопы от моего трака унести не можем. Пойдем уже к Гряземесам договариваться, в задницу Таргана. И тебя заодно.

Логи грузно поднялся и размашисто зашагал прочь от трака. Брак поспешил за ним, скопом кляня ногу, тупого толстяка и хитрожопого старшего механика. И заодно себя. Себя сильнее всех.

— Так где там именно растут волосы от островной солянки?

Договориться с Квоком оказалось на удивление просто. После недолгих расспросов на стоянке, напарники отправились напрямик к “Великому Пыхателю”, гигатраку Гряземесов, прозванным так за хитроумную систему охлаждения излишне мощных эйносов. Из исполинской трубы, криво торчащей из корпуса в районе третьей палубы, в воздух изредка выбрасывались густые клубы пара. В сочетании с причудливой формой самого “Пыхателя”, издавонка гигатрак напоминал смотрящее в небо стальное лицо, довольно попыхивающее самокруткой.

Выглянувший из боковой дверцы механик кочевряться не стал. Квок был настолько задолбан истреблением гразгов, что согласился почти сразу. Отмахнувшись от предложения сожрать хвост драка, он уточнил место утреннего сбора и велел как следует затариться пивом, после чего скрылся в недрах “Великого Пыхателя”.

— Прямо мои мысли читает, — поделился соображениями Логи, уставившись на бронированную дверь. — Такие знакомые на вес золота.

— А ты идти к нему не хотел. — Брак тоже был приятно удивлен. Он готовился к долгим уговорам и не особо рассчитывал на успех.

— Я даже отца его готов потерпеть. Шарг с ним, с этим драком.

— На Ярлана я бы не рассчитывал. Он старший искатель, как будто ему делать больше нечего, кроме как едва знакомых Котобоев учить.

— А что ему еще сейчас делать? Вокруг Плещи сейчас из живности только мыши и муравьи остались. Хотя будь у них чуть больше мозгов, тоже давно бы сбежали. Поверь мне, Ярлан припрется.

— Искатели не только живностью занимаются. Они врагов ищут, местность разведывают... — Брак осекся под насмешливым взглядом толстяка.

Какие враги могут быть на неприступном плато, где собрался весь клан? Под прицел гигатраков сунется только самоубийца. А разведывать здесь давно нечего, обе бухты проверили в первый день.

— Ты все закупил, что я сказал? — неловко перевел тему калека.

— Почти. Я тут прикинул, надо копьа достать. Или дырокол один, — сказал толстяк. — И пару ножей хороших, ты забыл.

— Ты копьем умеешь владеть?

— У меня же Там-Там, зачем мне копье?

— Вот и я не умею. И скажи, за каким шаргом нам копьа? Веревку протянуть и бельс сушить? То же самое про дырокол, ты с кем в степи воевать собрался? С голой жопой на гигатрак?

— Ну мало ли, — обиделся Логи и неуверенно добавил: — Охотиться можно. Ножи ведь точно нужны.

— Я тебя для этого и попросил лист железа взять. Будет нужно — сведу. Ты бы сразу признался, что просто хочешь на оружие у торговцев поглазеть, и не говорил глупостей.

— Давай тогда раба купим? Или рабыню, — лысый плотоядно облизнулся. — Я там ходил глазел, есть такие красотки, что даже Холика заведут.

Брак на секунду задумался, но потом сожалеюще помотал головой:

— На скиммер не влезет. Думал уже об этом, но тогда я был один. К тому же, там

какой-то канторец скупает всех подряд. Если кто и остается, то либо немощные, либо нам не по карману. Что из припасов ты уже успел купить?

Толстяк перечислил. Брак, сверившись по памяти со списком, удовлетворенно кивнул. Не хватало лекарств и всякой всячины для скиммера, зато еды, питья и техники лысый закупил от души. Дав себе зарок лично проверить купленные устройства, калека задумчиво улыбнулся. По всему выходило, что делать сегодня больше нечего, скиммера все равно пока нет.

— Веди к своим торговцам, шарг с тобой.

Толстяк просиял и рванулся на площадь с грацией люторога.

Торг сегодня был вялый. Уставшие воевать с гразгами торговцы нехотя расхваливали товар и переругивались с редкими зеваками. На черном камне целыми россыпями выделялись неровные бурые кляксы.

Довольный Логи сходу потащил калеку в сектор Волноломов, где традиционно кучковались продавцы всевозможных смертоубийственных приبلуд. Задержаться по пути пришлось всего раз, когда Брак заметил торговца смазочными смесями — маленького неказистого дедка на таком же маленьком неказистом траке, после чего толстяку пришлось переть на себе увесистую канистру с густым маслом для скиммера.

"Ворчала" впечатлял. Чуть ниже "Мамаши", но более приземистый и массивный, опирающийся на четыре пары огромных зубчатых колес. С его плоской крыши угрожающе выглядывали жерла исполинских баданг, могущие по размерам посоперничать с самыми толстыми древесными стволами. Знаменитые "Правая" и "Левая".

"Правая" выглядела как обычно, а вот "Левую" облепили копошащиеся фигурки, мерцали вспышки и сыпали снопы искр. Да и ствол баданги был заметно короче.

Корпус "Ворчалы" пестрел свежими заплатками, прозрачная броня с правой стороны мостика обуглилась и была покрыта паутиной трещин.

Высоко вскинув голову, чтобы как следует разглядеть шрамы гигатрака, Брак присвистнул. Логи ткнул его локтем в бок и показал пальцем на незамеченные калекой изодранное колесо и здоровенную вмятину в бочине. Вид при этом толстяк имел настолько горделивый, будто лично долбил борт кувалдой, а колесо изгрыз зубами.

— Шаргова ма-ать... Это кто их так?

— Коты, кто же еще.

— Я знаю, что Коты, — ответил Брак. — они гигатрак что-ли подогнали прямо под Плешь?

— Не-а, — Логи помахал рукой мрачному лохматому типу за клановым прилавком, тот в ответ скривился так, будто гразга лизнул. — На стоянке ночью тайком на корпус поднялись, хотели баданги снести. Так же как ты, банками, только побольше. Что-то там у них пошло не так, одна рванула раньше времени. А вторую жахателями с крыши сбросили, уже в полете разорвалась.

— А нападавшие? Я слышал, что многих повязали.

— Почти всех. Они как поняли, что облажались — сразу сдались. Ссыкуны конечно, но иначе бы им там на месте устроили "кровоавую девятку". На что рассчитывали вообще, криворукие кретины?

Брак задумчиво посмотрел на деревянную клетку в центре импровизированной площади, битком забитую грязными людьми. Машины торговцев стояли вокруг неровным кольцом.

— Не скажи. Я готов поставить свою вторую ногу на то, что где-то неподалеку был наблюдатель, готовый подать сигнал остальным Котам. Может флир или одинокий скиммер с ночным окуляром, — калека изобразил, будто прикладывает к глазу трубу. — Если бы лазутчикам удалось снести обе баданги, наблюдатель послал бы сигнал. И на стоянку налетели бы уже всей семьей, вместе с гигатраком. У "Ворчалы" вооружение слабое, без баданг он почти беспомощен.

— Да ну? Получается, что они криворукие, но не кретины?

— Скорее всего. Или кретины, но выдающиеся, я в такое не верю, — парень замер, осененный внезапной мыслью. — Знаешь, зачем они рядом с Плешью напали?

— Зачем? — Логи уставился на сидевших в клетке оплеванных Котов. — Так хотели сдохнуть?

— Если бы такое произошло в степи, пленных бы просто перебили. Протащили на цепях и все, хана Котам, — Брак показал на натянутые вдоль корпуса "Ворчалы" цепи. — А так их просто избили и притащили на Сход как трофеи.

— И чем это лучше? Чтобы в тебя харкали всю неделю, а потом все равно казнили? "Левую" им не простят, даже кабалить не будут. Ну, разве что механиков. Сбежать тоже не удастся, тут все на виду.

— А почему ты так уверен, что их казнят? Может, к Волноломам уже заглядывал неприметный мужичок и предложил солидную сумму за это недоразумение. Не зря они так кри разбрасываются, ремонтируя бадангу, — Брак криво ухмыльнулся, вспомнив разговор в мастерской. — Такая вот маленькая клановая политика. Не уверен правда, что сошлись в цене, Волноломы должны быть в ярости. Но это вопрос времени и цены.

— Вот почему они наглые такие... — лысый задумчиво покрутил башкой. — А я думал просто тупые.

— Угу. Если я прав, то это была очень продуманная попытка. Достигни они успеха, и на Плешь прибыло бы на один гигатрак меньше. А то и на одну семью. А при неудаче... — калека выразительно кивнул на клетку и поводит пальцами, будто пересчитывая кри.

Логи внезапно повернулся и быстро зашагал к пленникам. Те при приближении толстяка привычно отпрянули к дальней стене. Неподвижным остался лишь молодой длинноволосый мужчина с узким лицом, красоту которого не уродовали даже грязь, кровоподтеки и сломанный нос. Он сидел на куче тряпья, неловко отставив в сторону туго перемотанную бинтами ногу. Сквозь грязные тряпки проступали бурые пятна подсохшей крови.

— Опять этот мешок с салом пришел, — громко пожаловался он остальным пленникам. — Я при виде его ощущаю себя не жрамши полгода. Эй, друг, поделись сальцом с голодающими?

Логи замер у клетки, опустил канистру на землю и, набрав побольше слюны, смачно харкнул сквозь прутья решетки в говорившего. Попал с первого раза, чувствовался богатый опыт. Сидящий Кот, даже не попытавшись увернуться, утер плевков с щеки грязным рукавом и весело блеснул серыми глазами.

— Если так хочешь увидеть меня мокрым, тащи сразу целое ведро, быстрее будет. Или это для меня канистра? Польщен, — он поскреб грязными ногтями заросший недельной щетиной подбородок, откинул с лица волосы. — Ты где свою любимую жену оставил? Которая тоже одноглазая и весит как гигатрак?

— А ты подползи поближе, я тебе покажу. Заодно водичкой угощу. — толстяк плюнул

во второй раз, но промазал.

— А оттуда не достанешь? Я понял, тебя на хромых потянуло, — с притворной грустью протянул пленник, заметив стоящего поодаль калеку. — Сочувствую, мой жирный друг, но ты не в моем вкусе. Тебя слишком много там, где не надо, и слишком мало там, где это имеет значение для мужчины. Мир вам и счастье, любитесь под сраку, или как там у Гиен принято. А это мой вам свадебный подарок.

Он выудил руку из под тряпья и с завидной ловкостью метнул в толстяка дурно пахнущий сгусток. Попал удачно, весь забрызганный коричневой гадостью Логи завопил дурниной и с криком: “Су-у-ка усатая!!!” принялся ломиться в прутья, продолжая сыпать грязными оскорблениями. Пленники радостно заржали. Со стороны “Ворчалы” к клетке неспешно двинулись двое охранников с длинными копьями, лениво позевывая и глядя на происходящее со вселенской скукой. Такие сцены на площади происходили с первого дня, лезть в загаженную клетку никто не спешил, а тычки тупой стороной копья пленных Котов не вразумляли.

Брак сплюнул на камень и отвернулся. Знал же, что толстяк обязательно опять учудит, есть в мире воистину незыблемые вещи. Солнце встанет на рассвете, ночью с неба взглянут на землю Левый и Правый, раз в неделю с океана налетит шторм, а Логи обязательно вяжется в блудняк.

Парень прошелся по периметру, без особого интереса разглядывая прилавки торговцев. Везти ручное оружие для продажи на Сходе — на редкость глупое занятие. Клановые механики и сами прекрасно умеют сводить жакхатели и дыроколы, а уж о простом холодном оружии и говорить нечего. Более того, многие торговцы с радостью закупают на торге изделия семейных механиков для перепродажи на севере — клановое оружие отличается завидной дешевизной и надежностью, компенсируя неказистый внешний вид и примитивное устройство.

Брак остановился у распахнутого борта потасканной сепью тарги, разглядывая выставленное на продажу содержимое. Простые копья с пустотелым древком и граненым наконечником, разномастные тесаки из паршивого железа, тяжелые неудобные жакхатели... Кому на торге нужен этот хлам, который любой пряморукий садм сведет за пару часов, даже не вспотев? На что вообще рассчитывали торговцы — четверо длинноволосых парней, сидящих на крыше машины и хмуро наблюдающих за перебранкой у клетки?

По-видимому, лицо калеки настолько отчетливо отражало ход его мыслей, что это привлекло внимание одного из сидящих. Высокий вольник в слишком большой для него кожаной куртке спрыгнул с крыши и подошел, на ходу сплевывая огрызок самокрутки.

— Берешь чего? — голос звучал устало и зло, серые глаза ощупывали взглядом неказистую одежду калеки. — Товар отличный, другого не держим. Если берешь от десятка, добавлю почти целую среднюю банку.

Брак покосился на протянутую банку. Выглядела она так, будто ее пожевал драк, после чего выплюнул прямоком в яму с гразгами. Восстановить такое не под силу даже Часу, только на переплавку.

— Пожалуй, откажусь, — вежливо ответил калека. — Много покупателей?

— Покупателей много, — процедил торговец. — А еще больше любителей впустую тратить мое время. Друг, ты либо покупаешь, либо хромаешь куда хромал. Я приехал на торг продавать оружие и бить морды, но оружия у меня еще целый кузов.

Брак пожал плечами и пошел дальше, сопровождаемый мрачным взглядом

длинноволосого. С вольниками связываться себе дороже. Если, конечно, в тебе не полтора центнера веса, в руках кувалда, а мозг в черепе болтается как сморщенное яблоко в трюме гигатрака.

Умные торговцы знают, что везти на торг нужно что-то действительно стоящее. Редкие сплавы, богатые украшения, ценная древесина... Клановые на такое падки. У того же Гарпунщика есть украшенное резьбой древко гарпуна из какой-то удивительно твердой древесины красноватого оттенка, за которое тот отдал чуть ли не фиолку. Старший загонщик берег ценную палку как зеницу ока, менял на ней наконечники по дням недели и всюду таскал с собой. Трогать не позволял, утверждая, что это высосет всю удачу из деревяшки.

Помимо этого, хорошо продаются редкие, либо технически сложные штуковины. Тот же арбалет Ухола, который теперь уже арбалет Ругила. Почти бесполезная в бою бандура, которую при этом купили в первое утро торгов. Нещадно при этом переплатив, о чем потом Ухол жаловался остальным механикам.

Брак лениво хромал вдоль машин, глаза на товары. Приценился было к неплохому ножу под замену сгнувшему на охоте, но не сошелся в цене с продавцом. Не особо то и хотелось, на самом деле. Оружие калеку никогда не привлекало, а интересного здесь не было. Тесаки, копья, дыроколы и жахатели. Хотя следующая машина, собравшая вокруг себя солидную толпу зевак, его внимание все же привлекла. И неудивительно.

Приземистая двухместная тарга оранжевого цвета с черным рисунком на капоте, изображающим раскинувшего пылающие крылья арталиса. Две пары широченных колес, высокая посадка и скорострельная спарка скрапперов на крыше, окрашенная в синий. Ничем иным, кроме как знаменитым “Капитаном” тарга быть не могла. Подражателей в степи хватало, но настоящего “Капитана” сходу выдавала приметная парочка одиночек, беспечно болтающих ногами на крыше.

Лорн и Аршала, Граф и Курильщица, одни из самых знаменитых вольников, про которых ходили легенды еще при жизни. Лорн здоровенный, жилистый, с коротким ежиком рано поседевших волос, по слухам — один из сильнейших садмов Гардаша. И Аршала, смуглая невысокая канторка удивительной красоты, прячущая гриву иссиня-черных волос под намотанным на голову платком. Курильщица некогда состояла в команде Коричневого Капитана, но давно послала неудачливого лидера к шаргу, предпочтя Вольные Земли островам. Этих двоих знали по всей степи, восхищались, ненавидели, но уважали все без исключения.

Сейчас парочка вольготно расположилась на крыше тарги, не обращая внимания на начавший накрапывать мелкий дождик. Лорн крутил в руках какую-то коробку с торчащими из нее трубками, а Курильщица курила, вполглаза приглядывая за товаром и лениво отвечая на вопросы хриплым низким голосом.

И вот у раскрытого кузова “Капитана” Брак застрял уже всерьез. Большую часть товара наверняка уже раскупили, парочка никогда не разменивалась на дешевки и неизменно вызывали ажиотаж своим появлением, но даже жалкие остатки привлекли нешуточное внимание калеки.

Появления толстяка Брак сперва не заметил, занятый изучением искусно сведенного кургузого жахателя из зеленоватого металла. Жахатель привлек его внимание аж четырьмя стволами, сведенными в один массивный цилиндр, и полным отсутствием приклада. Как из такого жахать он не представлял, хотя толстяк может и удержал бы. Лет через пять.

— Думаешь, как его удержать? — насмешливый хриплый голос вырвал калеку из

раздумий. — Зря сомневаешься, даже ты сможешь. Эта малышка жахает четыре раза и напичкана таким количеством эйносов, что можно одной рукой держать.

— Фальдийский сплав, четыре гравика, банки можно докрасна греть. Вон там между стволами отверстие, эйр заливать. Может опрокинуть скиммер с двадцати шагов, — Логи с придыханьем прошептал все это на ухо калеке, обдав легким ароматом испражнений. — Я как увидел, влюбился.

— Привет, толстый. Опять на “Гидру” нацелился? Никак, достал уже четыре фиолки? — С любопытством спросила Аршала, принохиваясь.

— Мужчине не обязательно овладеть оружием или женщиной, чтобы убедиться в том, что это идеал. — наставительно поднял палец лысый.

— Для тебя, судя по всему, недостижимый. И не многовато в твоём идеале дырок? — убедившись, что запах исходит именно от толстяка, женщина нахмурилась и добавила: — Свали от “Капитана”, провоняешь тут все.

Толстяк с тяжелым вздохом отошел, потащив за собой разочарованного Брака. Тот как раз нацелился на странную штуковину, напоминающую глухой шлем, к которому зачем-то приделали рога.

— Ну? — спросил Логи напарника, когда они отошли от легендарной тарги.

— Что ну?

— Ну как тебе “Капитан”? А Гидра? Я тоже так хочу.

— Интересно. Жаль что в первый день не зашел. И если бы кое-кто не вонял как задница Джуса, я бы еще там постоял.

Толстяк легкомысленно махнул канистрой:

— Успеешь еще. Ты в первые дни к ним даже не подошел бы, тут такая толпа была. А ты зачем нюхал задницу Джуса? Интересные у вас там семейные обычаи.

Брак поморщился. Обмениваться тупыми колкостями не хотелось, опять накатили мысли. Он выразительно помахал перед носом ладонью:

— Иди помойся, что ли. Да и вообще, я спать хочу. Скоро стемнеет уже, а завтра опять весь день на ногах. Близнецов еще искать...

— Может, ну их? — толстяк потер ладонью лысину, понюхал руку и скривился. — Шаргова плесень, теперь я точно уверен, что ты прав. Ублюдки слишком наглые. Этот болтливый даже задницу свою не удосужился поднять.

Брак покачал головой.

— Никогда не ссорься с близнецами, Логи. И никогда не кидай близнецов. А ты в своей простоте предлагаешь нарушить оба правила разом. Встречаемся завтра на рассвете у трака Часа. Попробую пораньше свалить, чтобы с Джусом не пересекаться. Прихвати припасов на день.

Толстяк согласно кивнул, после чего хлопнул напарника по плечу.

— Долго не гуляй, по темным местам не ходи, баб чужих не лапай, а то папа наругает. — Логи хохотнул над немудреной шуткой и зашагал к стоянке.

Глядя вслед тяжело топающему напарнику, который, расталкивая встречных, гигатраком пер к стоянке Котобоев, Брак напряженно размышлял. Нога болит, куртка промокла и почти не греет, но идти домой не хотелось. До темноты почти час, а у него впервые за весь Сход нет неотложных дел. Вполне можно побродить по торгу, к тому же зрелище легендарного “Капитана” пробудило в нем любопытство. Кто знает, какие еще диковины удастся найти?

О своем решении Брак пожалел. Не сразу, конечно. Сперва он долго бродил среди чужих машин, купив себе кусок пирога с тунцом и заполнив флягу горячим вуршем.

Посмотреть было на что. У торговцев эйносами можно было приобрести почти все, от простых обогревателей до золотых ракушек. Такую Брак видел впервые, с любопытством уставившись на покрытую пятнами золота костяную раковину, напоминающую панцирь улитки. Охраняли ее два угрюмых амбала с топорами, недобро косясь на любопытствующих. Золотые ракушки стоили целую гору кри, нашедший такую запросто мог разбогатеть в одно мгновение, но встречались они исключительно редко. Наткнувшись на колонию, охотники могли истребить за день несколько тысяч улиток, так и не найдя драгоценного эйноса. Хотя и ракушек попроще хватит простым охотникам за глаза. Главное — найти колонию.

Побродил по лавкам с одеждой и безделушками. Кузов одного из траков был полностью увешан разнообразными амулетами, любых форм и изготовленных из чего угодно, от камня до редкой островной глазури. Кочевники народ суеверный, чем успешно пользуются разнообразные шарлатаны, тоннами привозя на торг всевозможный мелкий хлам. Несмотря на отсутствие единой религии в Вольных Землях и насмешки над бесплодными попытками республиканских проповедников, за свои приметы кочевники цеплялись упорно, наделяя сверхъестественными свойствами что угодно.

Зачастую это сложно заметить, но у любого выросшего в клане есть в голове целый ворох своих маленьких заморочек. Туговатый Логи носится со своим глазом, Часовщик клепает точные копии техники, Кронг, по слухам, собирает на мостике “Мамаши” огромную мозаику из осколков брони поверженных гигатраком врагов. Про Гарпунщика и говорить нечего, увешан как елка звенящими оберегами.

Даже Брак, хотя и относил себя в этом вопросе к скептикам, таскал в кармашках куртки несколько приглянувшихся мелочей. Раньше еще был крохотный медный кружок карманного зеркала на цепочке, доставшийся от настоящей матери, но парень его по глупости потерял, забыв на стоянке. А через две недели после этого погибла Сима...

Поэтому калека внимательно изучал бесчисленные безделушки на прилавках. Вдруг какая сверкнет вспышкой в дальнем углу разума, подмигнет с прилавка, прошепчет едва слышно на ухо: “Меня, возьми меня! Я помогу”.

Увы, в этот раз ничего не попало. Разве что один тонкий браслет из трех искусно переплетенных между собой полосок разных металлов, серебра, латуни и черной бронзы. Брак с сомнением смотрел на браслет, не понимая, чем он его зацепил. Выглядело украшение откровенно женским и смотрелось на тонком запястье парня нелепо. Окончательно вопрос с покупкой решила торговка, заломившая цену в четыре полных зеленухи, которых у калеки все равно не было.

Стремительно темнело, без Логи на торге становилось откровенно неудобно. Брак все чаще ловил на себе презрительные взгляды, несколько раз его явно нарочно толкали, сопровождая это грубой бранью в сторону неловкого хромца, который как нарочно лезет под ноги. Не уважает, значит. После того, как чья-то ловкая подсечка заставила рухнуть на землю, а некий сердобольный паренек с готовностью помог подняться, попутно избавив карманы от последней зеленухи, парень плюнул на все и похромал в сторону дома.

Дождь прекратился, зато со стороны океана задул промозглый ветер, выстужая из тела остатки тепла. Брак кое-как грел руки об раскаленную флягу, из которой испарялись капли недопитого вурша. Вечная проблема садмов, либо ты рискуешь обжечься, либо почти не ощущаешь тепла от металла. Приходится калить едва ли не докрасна, а толку никакого.

До стоянки оставалось всего ничего, из сумерек уже выплывала нависающая над торгом громада “Мамаши”, когда сзади раздался оклик и тяжелые шаги. Брака грубо схватила за плечо чья-то сильная рука, сопровождая это возгласом на незнакомом гортанном языке.

Калека обреченно застыл. По законам жанра, в такой вечер герой просто обязан вляпаться в неприятности.

Можно, конечно, резким движением крутануться на месте, сбросив с плеча чужую хватку и швырнув в лицо неизвестному противнику флягу, а потом дать деру, ловко петляя и перепрыгивая через машины, пока не покажется спасительная площадка у костра, где ждут верные соратники. Еще можно на ходу схватить с прилавка пару заправленных жахателей, или метнуть за спину вон тот торчащий из рыбины тесак...

Седьмой или восьмой рассказ о похождениях капитана Рейколма, самое начало. Впереди ждут пытки в застенках доми, а затем дочь местного правителя, томная красотка с бездонными синими глазами и огромной грудью.

Мысли Брака промелькнули стаей перепуганных чаек, сердце бешено стучало, а колени предательски задрожали.

Восхитительно красивый грудной голос позади произнес с еле заметным акцентом произнес:

— Это точно он.

— Пап, говорю же, это он!

Мужчина позади с сомнением хмыкнул, после чего спросил сочным баритоном:

— Парень! Это ты драка три дня назад шуганул?

Брак отмер, тяжесть с плеча исчезла. Медленно повернувшись, изумленно уставился на абсолютно не подходящую для этого места компанию.

Невысокий полноватый мужчина в круглых очках, в богато украшенном плаще с меховым воротником. Высокая черноволосая девица с выдающимися формами и умным лицом. И молодой парень, едва ли старше самого Брака, в островном гарбе.

Больше, разглядеть ничего не удалось, сумерки стремительно сменялись ночью.

Помимо этой троицы, сзади стояли двое угрюмых бородатых громил в странной железной одежде, похожие друг на друга как две капли воды. Разве что тяжелый двуствольный жахатель левый громила держал правой рукой, а правый — в левой.

На Брака троица смотрела со сдержанным любопытством, как на диковинную зверюшку.

— Ты глухой? — парень в гарбе помахал перед лицом застывшего калеки широким рукавом. — Понимаешь меня?

Мужчина наклонил голову набок и с сомнением произнес тем самым баритоном:

— Не похож он на местного. Может, вольник?

Брак пришел в себя, мысленно ударил ладонью по лицу. Он успел навоображать себе шарг знает что, а это всего лишь любопытствующие владельцы гравияхты. Как там ее, какая-то Спираль.

— Да, я вас понимаю. Простите, задумался, — он судорожно вспоминал, о чем его спрашивали. — Да, это я шуганул драка. Простите.

Прозвучало откровенно жалко, и он во второй раз приложился об воображаемую ладонь. Это просто гости торга, такие же, как и сотни других торговцев. А он, Брак, здесь на правах хозяина и должен вести себя соответствующе.

Хотя пока, надо признать, выходило препаршиво, что легко читалось на лицах собеседников. Даже темные глаза на непроницаемых лицах громил, казалось, смотрели презрительно. И угрюмо.

Только девушка радостно оживилась и горделиво вскинула подбородок:

— Я же говорила, что это он. Волосы черные и нога та самая. Парень, ты счастливчик, я видела как тебя швырнуло. Не обращай на них внимания, они все пропустили. Тебя как зовут?

Говорила она очень быстро, проглатывая окончания, но в целом понятно.

— Бракованный... То есть Брак. — тут же поправился калека.

Мужчина удивленно вскинул бровь, а доми хмыкнул, глядя на железную ногу, после чего сказал без акцента:

— Почему я не удивлен? Римма, ты хотела узнать про обычаи кланов? Как тебе такое — назвали безногого Бракованным? Уже обнадеживает?

— Это врожденное, или?.. — Мужчина рубанул ладонью по запястью вместо продолжения.

Брак почувствовал раздражение. От излишней бесцеремонности собеседников, но

больше от того, что даже северяне в первую очередь спрашивают о его ноге. В клане он к насмешкам давно привык, но сейчас резануло обидой.

— Или. — буркнул парень. Продолжать разговор не хотелось.

Девушка недовольно покосилась на спутников, после чего обратилась к калеке.

— Не обращай на них внимания, Брак. Я не представилась. Меня зовут Римма Мезогнак. Это мой отец, Фолдис Мезогнак, — она указала рукой на мужчину в плаще. — И мой жених, Эртауго Калдамеро.

— Римма, я уже говорил тебе, будь проще, здесь другие нравы, — доми подхватил невесту под локоток. — Брак?

Калека вопросительно на него взглянул.

— Брак, я Эрт. Это Римма и Фолдис. Если очень хочешь обратиться уважительно и по правилам этикета, добавь перед именем "сар" или "сари". И говори как обычно, не надо пытаться подстраиваться под нас или копировать обороты речи, это звучит глупо.

Брак не выдержал и взорвался:

— Да я еще трех слов не успел сказать, как вы успели обвинить меня в том что я вольник, калека и тупой кочевник. Сар Эртауго Калдамеро, я в состоянии запомнить три имени и обращение к благородным. Я пойду уже?

Римма прыснула, и пихнула жениха локтем. Фолдис тоже улыбнулся.

— Брак, успокойся. Мы здесь в гостях и ведем себя неподобающе. За это приношу свои искренние извинения. Можешь ответить на пару вопросов про охоту? Это не займет много времени. Просто я впервые в жизни видела нападение драка, и это впечатляет. Вы всегда так их отгоняете?

Девушка говорила с такой естественной искренностью, что Браку стало стыдно. Понял, что неприятностей не будет, и сразу сорвался. А ведь гости с гравицепа это реальная возможность лично пообщаться с северянами. Сима бы их не упустила, выжала досуха.

— Я сам толком не знаю, как их отгоняют. Обычно скраппами, но надо еще успеть навестись. Драку одной медузы достаточно, обдерет и улетит. Мы на охоте в первый раз были, драк унес бы трофей. Вот и пришлось выкручиваться.

— А чем ты его так приложил? — с любопытством спросил Фолдис. — Ягодой?

— Чем? — не понял Брак.

Фолдис кивнул правому охраннику. Тот молча отцепил с пояса увесистую железную болванку на короткой цепи и показал калеке, проигнорировав протянутую руку.

Действительно, напоминает ягоду на стебельке. Если раскрутить такую, можно закинуть очень далеко. И тукнется точно выпуклым носом, вызвав разгон эйра в банке, вокруг которой сведена круглая сфера с мелкими насечками. Такую если разорвет, осколками посечет всех вокруг.

Брак, оглядев ягоду, завистливо хмыкнул. Драка такой, пожалуй, не уложишь, но намного удобнее и надежнее его кривой самоделки. Сразу видно преимущество подхода северян, экономят эйр и металл, компенсируя это мастерством сведения. К тому же, садмы наверняка изготавливают их десятками, если не сотнями. Неудивительно, что дротики Квока настолько хороши, Гряземес основательно набил руку в островных мастерских.

— Откуда у меня такая? — покачал головой калека, поежившись от холода. — Была пара банок с собой, свел нечто похожее на скорую руку.

Уточнять о том, что его поделка без пинка от выстрела жахателя даже не сработала, парень благоразумно не стал. Достаточно того, что по сравнению с ягодой она выглядела

таргой Чегдаша на фоне великолепного "Капитана". Кривой и убогой.

Эртауго, однако, взглянул на парня с интересом.

— Ты за полминуты свел заполненные накопители, сидя в двадцати шагах от драка?

— Не двадцать, подальше. Я плохо помню уже. Других способов шугануть не было, он собирался пообедать нашей гравкой.

Доми собирался еще что-то сказать, но был прерван Фолдисом:

— Эрт, может тебя все устраивает, но мне уже не двадцать лет. Мы третий час бродим по торгу, я устал и не прочь посидеть за кружкой горячего вина. Предлагаю идти назад.

— Яхту еще чистят от слизней, — Римма сморщила носик. — Я не собираюсь полночи дышать горелыми гразгами. Пойдем в "Гаргу", там точно есть вино.

— О, точно! — оживился Эрт. — Мне с Гнездовья хозяйка задолжала две бутылки лиорского.

— Тогда идем туда, пока окончательно не стемнело, — Фолдис выудил из под плаща блеснувший золотом хронометр, откинул крышку и близоруко уставился в глазок. — Не пойму, синий?

— Синий, — неожиданно тонким голосом ответил склонившийся над его плечом охранник. — Почти фиолетовый.

— Значит, часа три, не раньше. Ведите, дети мои. Можете кочевника с собой взять, если остались еще вопросы.

Римма кивнула и обратилась к калеке, не обращая внимания на нетерпеливо переступающего с ноги на ногу Эртауго:

— Брак, ты не откажешься выпить с нами вина в "Гарге"? Судя по твоему виду, тебе не помешает согреться. С нас угощение, с тебя рассказы о жизни Пылевых Гиен. Идет?

— Что за "Гарга"? — озадаченно спросил Брак.

— "Гарцующий Гигатрак", походная корчма. Странно, что ты о нем не слышал. Он один у вас на рынке.

— Я там даже был. Просто не знал, что он так называется. Корчма это кабак?

— Да, по-вашему это будет кабак. Там же написано на входе.

Признаваться в неумении читать парню тоже не хотелось. Да и рассказывать о чем-либо северянам желания не возникало. Римма еще нормальная, а вот Эрт и Фолдис смотрят, как на дохлую медузу. С другой стороны, глупо отказываться, если тебя приглашают в кабак послушать рассказы, да еще и угощают. Часовщик советовал ему тренироваться — и это отличная возможность. Возможно, даже удастся пополнить копилку историй и продолжить дело Симы.

К тому же, это напомнило Браку истории о бродячих бардах Талензы, которые всю жизнь проводили в пути и задерживались лишь для того, чтобы поделиться своими песнями и историями в кабаках. Кончали они, правда, традиционно плохо — постоянно связывались с мутными личностями, называющими себя героями, благородными ворами и истребителями чудовищ. Спутники таких персонажей дошли как гразги, то есть долго, мучительно и зачастую не до конца, а барды всегда были в первых рядах на роль тупо и героически сдохших. Брак, правда, играть не умел, что внушало некий оптимизм, да и на героев троика похожа не была.

— Ты идешь или нет? — Эрт уже приплясывал от нетерпения, недовольно глядя на задумавшегося калеку. — Римма, пойдем, кочевник не с нами.

— Кочевник с вами, — Брак решил все же принять предложение. Жаль только, что нет

Логи, но толстяк наверняка завалился спать перед завтрашним. — Дорогу показать?

До кабака добрались быстро. Помощь калеки не понадобилась, охранники уверенно провели четверку сквозь темный лабиринт машин напрямик к въезду на торг. Явно привычный для них маршрут, что и неудивительно. Где еще отдыхать двум амбалам, когда охранять никого не требуется?

В зале охранники сразу направились к дальнему столу в углу, где аккуратно освободили лавки от возмущенных такой бесцеремонностью вольников. Дальше недовольного бурчания дело не дошло, свободные места в зале еще оставались.

Римма, Эртауго и Фолдис заняли одну сторону стола, предоставив Браку сомнительное удовольствие быть зажатым между двумя сведенными в металл тушами бородачей. Калека уже знал из разговоров по пути, что зовут их Флагель и Андео, первый из Республики и не знает языка, а второй откуда-то с островов. Удивительно, что при таких различиях в происхождении, выглядеть они умудрялись абсолютно одинаково. Видимо, дело в бороде.

Разговор вначале не клеился, северяне обсуждали что-то свое, делали заказы. Эрт ругался с подавальщиком по поводу бутылок вина, которые ему должна была некая Закалка. Фолдис с Риммой вполголоса молились, нагревая хитро переплетенными пальцами тонкие сосуды, исходящие ароматным дымом.

Стиснутый между дующими пиво охранниками, Брак заварил себе вурш для согрева и теперь осторожно изучал северян. При свете проявились новые детали, под плащом Риммы оказалось богато украшенное платье из плотной темно-синей ткани. С прикрытой глухим воротником шеи свисала обернутая в несколько оборотов золотая цепочка, увешанная мелкими подвесками с драгоценными камнями. Других украшений тоже хватало, от браслетов до массивных сережек. Зачем девушке понадобилось тащить всю эту красоту на грязный рынок — неясно.

Фолдис растерял всю свою внушительность, свет безжалостно высветил наметившуюся внушительную плешь, щурящиеся близко посаженные глаза и пухловатые обвисшие щеки. Вокруг он поглядывал с нескрываемой брезгливостью и поминутно протирал столешницу полый плаща.

Зато с Эртауго вышло наоборот, при свете фонарей стало ясно, что он намного старше Брака. Умное лицо, темные внимательные глаза, аккуратные усы и борода. В своем ярком гарбе он смотрелся среди посетителей черной чайкой и привлекал лишнее внимание, но молодого мужчину это, казалось, ни капли не беспокоило.

— Зачем вы вечно эти помои пьете? — Фолдис закончил молитву и недовольно покосился в сторону калеки. — Пахнет так, будто в кружке что-то давно умерло.

— Это вурш, отец. Традиционный клановый напиток, который изготавливают из...

— Я знаю, что такое вурш, — перебил девушку Фолдис. — Я спрашиваю, зачем они его пьют. Только не говорите мне, что из-за вкуса, я прекрасно видел как кочевники варят пиво. У этого гнилья никаких шансов.

— Вурш бодрит, — пояснил Брак, не дожидаясь пока к нему обратятся. — К тому же им очень хорошо согреваться. В степи бывает очень холодно, особенно в сезон дождей. Ко вкусу со временем привыкаешь, к тому же он сильно различается у разных семей.

Северянин скривился и недовольно процедил:

— Сейчас принесут горячее вино, им и согреешься. А это убери. Лучше вылей, только подальше от стола, нам здесь еще есть.

Когда Брак, кляня себя за малодушие, вернулся с пустой кружкой к столу, там уже

успели появиться подносы с едой и многочисленные бутылки. Довольствоваться мясом и пивом северяне явно не собирались, поэтому столешница ломилась от прежде невиданных калекой блюд. От тонко нарезанной вяленой голени драка, густо засыпанной острыми специями, и до широкой тарелки с кусками сыра, вперемешку с печеными грибами. Пахло одуряюще, а подавальщик продолжал приносить новые и новые подносы.

Потянувшегося было за ломтем мяса калеку довольно грубо хлестнул по руке охранник. Фолдис, примерившись, оторвал жареную ножку рапы, аккуратно надкусил. Лишь после этого за еду принялись все остальные.

Некоторое время все сосредоточенно насыщались, дорвавшийся Брак моментально обожрался и теперь осоловело пил пиво под насмешливым взглядом троицы.

Молчание нарушил Эрт. Активно жестикулируя кубком с вином, он вернулся к прерванной теме:

— А еще вурш пьют, потому что в нем полно эйра. Кочевники его делают из медуз, в плоти которых эйра очень много. Собственно, паршивый запах и прочая мерзость являются лишь бесплодными попытками отбить вкус эйра в пойле. Самое смешное, — он сделал глубокий глоток и потянулся за куском сыра. — Самое смешное это то, что аналоги вурша есть почти в каждом уголке мира. Называются по-разному, изготавливаются тоже, но суть при этом одна. Попытка употреблять растворенный в воде эйр в высокой концентрации.

Фолдис поднял бровь:

— Зачем его пить? Сводить это не помогает.

— Многие верят, что таким образом можно повысить свою силу как садма. Что если изо дня в день в течение многих лет употреблять эйр внутрь, это по капле будет расширять возможности пьющего, — Эрт пожал плечами. — Глупость конечно, но никто не запрещает верить в глупости. С тем же успехом можно годами питаться только грибами, надеясь что это вырастит больше волос на голове.

Фолдис, как раз накладывающий себе на тарелку грибы, с подозрением уставился на доми, но тот не обратил внимания.

— Но среди степняков действительно много садмов, — Римма сыпанула в кружку какой-то пряный порошок и сделала пробный глоток. — Это может быть связано?

— У степняков не так много садмов. Их столько же, сколько и повсюду. Просто кочевники готовы назвать садмом любого, кто способен самостоятельно вскипятить себе воду. Вот, к примеру, наш сегодняшний гость... — Эрт сделал многозначительную паузу.

Брак, разморенный едой и пивом, намека не понял. Он вообще почти не слушал разговор, последние минуты тупо пялясь в столешницу, где чья-то шаловливая рука нацарапала губастую красотку с огромной грудью. Рядом была пометка, но ее смысл от парня ускользал.

— Брак, к тебе обращаются, — девушка помахала у него перед лицом ладонью. — Ты садм?

— А? — калека очнулся и попытался поймать нить беседы. Вышло не очень.

— Мы здесь обсуждаем, почему среди кочевников так много садмов. Ты можешь нам рассказать, как именно вы определяете возможности человека? — терпеливо пояснила Римма.

— Болванку тяжелую калим. Если докрасна нагреешь, ты садм. У нас это ничего не значит почти.

— Вот! — многозначительно поднял палец доми. — Что и требовалось доказать. Я

почти не ошибся с метафорой про кипячение.

— А что с этим не так? — не понял Брак. — Все так делают.

— С этим способом все не так. — Эртауго закатил рукав гарба, явив собеседникам широкий зеленоватый браслет, покрытый резьбой. — Какой металл вы греете? В каких условиях? Как сильно нысыщаетесь эйром? Как долго греете? И это не считая десятка других проверок на способность гнуть.

— Греем железо, килограмм десять. Иногда сталь. Да какая вообще разница? Умеешь сводить — сводишь. Не умеешь — идешь к механику. Я вот не могу ходить нормально, мне теперь никогда не видеть почетного звания “Ходящего”? Здесь такое никому не нужно.

Северяне дружно хмыкнули. Римма задумчиво, Фолдис презрительно, а Эртауго в кубок с вином, расплескав капли по усам.

— На, держи, — доми протянул браслет калеке. — Попробуй нагреть так сильно, как сможешь. Ты же “садм”?

Последнее слово он выделил голосом.

Брак с сомнением повертел в руках железку. С виду ничего особенного, но зеленоватый цвет металла явно намекал на какой-то сплав. Да и весит слишком мало. Попахивает подставой и его попытки наверняка вызовут насмешки, не зря даже охранники смотрят выжидающе. Но деваться некуда, халявную еду и пиво нужно отрабатывать.

Хорошенько продышался, благо ветер нагнал с океана прорву насыщенного эйром воздуха, обхватил украшение ладонями. Браслет начал послушно нагреваться, но в какой-то момент дело застопорилось. Как будто пытаешься вывернуть из земли за ось глубоко вкопанное колесо от трака. Вроде бы и поддается, но кроме вялого распатывания сделать ничего не выходит. Так и браслет, чем больше он нагревался, тем сильнее сопротивлялся усилиям калеки.

Брак пыхтел, голова заболела, но добиться от железки даже слабой красноты не удалось. Издевательски проигнорировав прорву усилий, достаточную чтобы расплавить с десятков ракушек, браслет вывалился из ослабевших пальцев и покатился по столу. На с трудом соображающего от напряжения калеку обрушился довольный смех сидящих за столом.

— Так, так, что у нас тут... — отсмеявшийся, Эрт ловко подхватил браслет и приложил к его раскаленному боку небольшой эйнос, напоминающий костяную лопаточку. — На удивление неплохо.

— Сколько там? — с любопытством протянула Римма.

— Почти триста двадцать. — Эртауго вернул браслет на руку и закрепил рукав гарба, чтобы не прожечь ткань. — Прилично, он мог бы работать в мастерской.

— А у тебя?

— Четыреста девяносто три.

Брак пришел в себя и выпалил мучавший его вопрос:

— Что это за шаргова железка? Я чуть не надорвался. Какой-то сплав? Похож на фальдийский, но я не слышал, чтобы он так туго сводился.

— Почти угадал, основой здесь фальдийский сплав. Но с кое-какими добавками. Можешь не спрашивать какими, я все равно не знаю. Этот сплав называют рефальдом. Сам он почти ничего не стоит, наравне с тем же фальдийским сплавом. Но вот изделия из него зачастую стоят совершенно безумных денег. Догадываешься, почему?

— Потому-что его сводить тяжелее, чем грязга плющить?

Эртауго кивнул:

— Почти невозможно. Чем сильнее он нагревается, тем активнее сопротивляется. Людей, способных в одиночку расплавить рефальд, буквально единицы. Я знаком лишь с одним, и ему пришлось потратить почти целый день на этот браслет. Есть обходные пути, но это намного дороже и сложнее.

— А если несколько садмов? — подала голос Римма.

— Не сработает. Они нагреют большую массу, но температура будет ограничена силой лучшего из садмов. Говорю же, таких единицы. — Эрт окунул палец в вино и пощупал браслет, после чего опустил рукав. — Или нужен талант именно к рефальду, но я о таких садмах даже не слышал. На островах из него делают кандалы для тех, кого опасно заковывать в древесину.

— А какие еще у него свойства? — Брак с возросшим интересом уставился на железку. — Он прочный?

— Понятия не имею, я не механик, — Эртауго уже потерял интерес к разговору и потянулся за бутылкой. — Тебе с ним все равно не светит работать. Сколько тебе, пятнадцать?

— Семнадцать.

— Тем более. Еще года три и упруешься в потолок, — доми налил вина себе и Римме. — Готов поставить этот браслет на то, что не доберешься даже до четырехсот.

— Я слышал слухи про один эйнос, который может расплавить что угодно, — Фолдис прожевал грибок и задумчиво почесал нос. — Какой-то костер.

— Черный Костер. — машинально брякнул калека.

На него уставились три пары округлившихся глаз.

— Что? — удивленно спросил Брак. — Это легенда об эйносе с Талензы, родом еще с тех времен, когда человечество даже про купол не знало. Он обладал способностью так сильно нагревать металл, что на целый переход вокруг вспыхивало и сгорало все живое. Сам металл светился столь ярко, что любой взглянувший в его сторону всю оставшуюся жизнь видел отпечаток исполинского черного костра. Отсюда и пошло название. По легенде, костер прекращал гореть лишь когда сгорал весь металл, которого он касался. Или заканчивался эйр в выжженном воздухе. Не очень долго, на самом деле.

Римма, стремительно что-то черкавшая свинцовой палочкой в крохотном блокноте, подняла глаза и восторженно спросила:

— А еще что про него знаешь?

Брак напряг память, выуживая подробности. Если уж привирать, то всегда опираясь на существующие факты, иначе занесет и спалят. Так всегда говорила Сима. А Джус добавлял, что еще и измордуют. Поэтому выбирать слова следовало очень аккуратно. Он глотнул пива и размеренно продолжил.

— Никто точно не знает, как именно выглядит Черный Костер. Возможно, даже прадеды прадедов всех ныне живущих никогда его не видели своими глазами, довольствуясь устными преданиями своих прадедов. Чаще всего его описывают как человеческий череп с парой высоких, изогнутых рогов. Угольно черный, отполированный и недобро скалящийся. Возможно, это череп сильнейшего из когда-либо живущих садмов. А возможно, это просто маленький костяной эйнос размером с кулак, который выронил сам Шарг, спускаясь с небес на землю...

— Шарг же в океане обитает... — влез было Эрт, но на него зашикали.

— В одном мнении сходятся все — если Черный Костер когда либо вновь явит себя, это принесет бесчисленные беды, возможно даже гибель всего человечества. Слишком много стало на поверхности металла, и стоит одному безумцу выпустить этот эйнос в любом из городов... К счастью, никто не знает, где именно он находится, да и сама правдивость легенды под сомнением. Быть может, он до сих пор лежит где-то под толщей камня на Талензе, навеки забытый. А может быть он и вовсе никогда и не существовал, являясь всего лишь отражением представления наших предков о безграничной мощи и неминуемом конце света. И должен признаться, мне гораздо спокойнее было бы спать, твердо зная про то, что Черного Костра никогда не существовало.

Брак закончил и присосался к кружке. Ему было удивительно хорошо, будто после долгой и трудной дороги он наконец-то смог почесать то самое место между лопаток.

— Жутковато... — Римма продолжала строчить.

— Боюсь себе представить, как сильно он смог бы нагреть рефальд. Костер же работает до тех пор, пока не сожжет металл дотла? — Эрт задумчиво разглядывал браслет.

— Главное, чтобы его не нашли ваши ученые. С них станется спалить половину Гардаша просто так, чтобы проверить. — Фолдис тоже потянулся за бутылкой. — Но я согласен с дочерью, жутковатая байка. Я таких подробностей не знал.

Римма закончила писать и уставилась на Брака поверх блокнота:

— Это все, что ты знаешь о Черном Костре?

— Именно о нем — да. Но есть еще старая тогвианская легенда о Предвестниках...

— Ересь, — проворчал Фолдис, но продолжил внимательно слушать.

Брак прокашлялся, поднял взгляд и продолжил свой рассказ. Ему отчаянно не хватало потолка трака, но он представил себе знакомые закорючки на грязном полотнище тента, и они послушно проступили, ожили на темно-зеленой ткани, щедро делясь своими историями.

Ему было хорошо.

— ...Но почему оранжевый? Их же зам-метно!

— А им плевать. На “Капитане” стоят такие гравки, что он может даже в воздух ненадолго подняться, не заблокируешь. А догнать его в степи невозможно, Графу даже запретили участвовать в ежегодном турнире Ямы. Да и в других, я уверен, тоже. Иначе они с Курильщицей смело могли бы еще до старта гонки рисовать во весь борт метку победителей. А оранжевый цвет, по слухам, потому что в тарге нет ни одного эйнаса качеством ниже оранжевого. Я боюсь даже представить, сколько эйра жрет эта машина. Не удивлюсь, если любого, кто попытается угнать “Капитана”, разнесет прорывом эйра по всем вольным землям, вместе с таргой. Слухи такие ходят...

— А правда, что они добирались до южной оконечности материка?

— Кто знает? Подтвердить их слова все равно некому, но я бы не удивился. Если кто и успеет провернуть это за семь дней, то только “Капитан”.

— А почему “Капитан”?

— Курильщица назвала в честь бывшего нанимателя. Тот был настолько редкостный неудачник, что когда они с Графом покупали самую убогую и кривую таргу на торге, вопрос об имени даже не стоял.

Ночь уже давно перевалила за середину, гразгов на яхте наверняка не осталось, но расходиться никто не спешил. Хорошая еда и вино раскрепостили, развязали языки и сгладили различия в происхождении. Даже заносчивый Фолдис расслабился и подобрел, а уж после того как Андео вернулся с гравицепа с комплектом для игры в забойку...

Периодически к столу подходили смутно знакомые клановые, поприветствовать троицу северян. Особенно уважительно здоровались с Эртауго. Даже Чегодун приходил, заставив калеку невольно вздрогнуть, но старший сборщик Котобоев внимания на парня не обратил. Может, не узнал, или сделал вид, что не заметил.

Брак устал, вымотался и хотел спать, в голове шумело, но уходить не хотелось. После его рассказа о Пылающем Предвестнике, Римма вцепилась в него клещом и принялась основательно копать в мозгах. Она быстро смекнула, что в знании различных историй калека выходит далеко за рамки обычного фольклора кочевников, и принялась исподволь расспрашивать о жизни парня в перерывах между рассказами. Затем Фолдис отметил его внешность, заметно отличающуюся от большинства клановых. Эрт принялся расспрашивать о работе в мастерской...

Брак вначале не особо стремился распространяться о себе, ограничиваясь односложными ответами, но собеседники свое дело знали туго. Да и пиво сыграло свою роль, развязав язык и притупив осторожность. Сперва он рассказал про Симу и ее страсть к историям, затем упомянул про свое появление в клане. Оговорился о своем Поиске и напарнике.

Шаг за шагом любопытствующие северяне вытягивали из подвыпившего парня подробности его жизни. О делах клана он особо не рассказывал, да и не знал толком ничего. Зато о себе выложил почти все.

О том, как более десяти лет назад семья Котобоев наткнулась на обломки разбившегося о скалы гравицепа, где среди болтающихся на воде кусков обшивки обнаружили едва живого и насмерть замерзшего ребенка. Как семейный лекарь, тогда еще почти стройный Холик,

отпилил беззвучно плачущему мальчишке ногу ниже колена, распухшую и синюшную от укусов шипохвостов. Брак этого почти не помнил, но судя по рассказам матери, сил на то чтобы закричать у него просто не было.

Рассказал о приемных родителях, молодых и полных сил сборщиках. Сима и Джус уже несколько лет не могли завести детей, и отчаявшаяся женщина ухватилась за возможность вырастить хотя бы чужого ребенка. Благо Джус, удачливый и полный энтузиазма, привез из Поиска новехонький трак, так что место у них было. Он даже не возражал особо, пребывая в надежде, что рано или поздно Сима все же понесет. Увы, этим надеждам не суждено было сбыться.

Рассказал о своей первой поделке, кривоватом рулевом рычаге для отцовского трака и первом знакомстве с Часовщиком. О том, как помогал не отличавшейся высоким ростом матери добираться до потолка кабины с прутком в руке.

Об отношении к себе среди Котобоев Брак не распространялся, к тому же, после рассказа о смерти матери на него накатила мрачная апатия.

Собеседники, по счастью, быстро это заметили и перевели разговор на более жизнерадостные темы.

К примеру, что за приметная оранжевая тарга стоит на торге и кто ее владельцы?

— Так она ходила с Рейколмом? — задумчиво протянул Эрт, хрустя медушкой. — У нас к нему отношение другое. Он в свое время знатно покуролесил в Доминионе и поднял на уши весь Нью-Арк. Я могу найти сотню эпитетов, но назвать его неудачником у меня язык не повернется. А уж какие истории о нем ходят на островах...

— У Вольных Земель долгая память. Странно, я не вспоминал про него два года, а за сегодня вы уже вторые.

— Тебе надо чаще выбираться в люди, — Римма отложила блокнот и потянулась. — Я за один вечер записала больше, чем за весь предыдущий месяц. Столько историй пропадает.

Доми приобнял ее за плечи и они о чем-то тихо заговорили.

Фолдис убрал последнюю фигурку в богато украшенный ящик и удовлетворенно откинулся назад, прикурив от столешницы длинную сигару. Он два раза разгромил Брака в забойку, после чего явно поддался в третьей партии, позволив калеке вырастить гигатрак и задавить себя силой. Республиканцу явно не хватало новых противников, а играл он так, будто сам шарг подталкивает его под локоть. Глядя на Брака сквозь сизые клубы дыма, Фолдис спросил:

— Так ты говоришь, что сам построил скиммер, и вся эта возня с медузами нужна была для добычи гравки? Он хоть ездит самостоятельно?

Брак утвердительно кивнул.

— Еще как. Завтра мы с напарником будем учиться его водить, надеюсь нам хватит двух дней до конца схода.

— Это впечатляет. Любой тупой дикарь с островов может взять дубину побольше и что-то сломать. Неважно, откуда этот дикарь и насколько он умен. Просто дубина будет крепче, а сломать он сможет больше. Самые сильные дикари способны ломать целые страны, ввергая их в объятия войны. Но копни поглубже, и под громкими титулами и богатой одеждой ты обнаружишь все того-же тупого дикаря. Даже жаль, что нам не встретился по дороге твой напарник.

Брак представил себе Логи, яростно долбящим кувалдой по стене Нью-Арка, и усмехнулся. Воображаемый толстяк пыхтел, утирал пот, но продолжал свое бессмысленное

занятие.

— Вы еще сможете его застать послезавтра.

— Зачем? — Фолдис глубоко затянулся и выразительно кивнул на охранников. — К чему мне тратить свое время на поиск того, что и так меня окружает? Искать самый вкусный глоток воды, плавая в реке?

— Логи не такой, — Брак не мог не вступиться за толстяка, хотя в глубине души тоже считал его туповатым дикарем. — Просто он не всегда может держать себя в руках.

Оправдание прозвучало откровенно жалко, но лучшего Брак сходу придумать не смог. К тому же, он не был до конца уверен, что даже за год сможет придумать что-то получше. Фолдису, однако, было плевать:

— Дай ему самую большую в мире кувалду, воспользуется ли он ей, чтобы пробить проход в Западном Заслоне? Попробует ли на прочность Купол? Или, быть может, избавит нас от Зеркального Котла?

Толстяк в воображении Брака обзавелся титанических размеров Там-Тамом и радостно осклабился.

— Скорее, он найдет самую большую голову и проломит ее.

— Заметь, ты сам это сказал.

Фолдис слишком глубоко затянулся и закашлялся.

— Создавать что-либо всегда сложнее, чем разрушать. Ты уже делаешь свои первые шаги на этом пути. Сегодня скиммер, завтра цеп. Кто знает, что будет послезавтра? Главное не останавливаться.

Брак предпочел промолчать. Фолдис нес высокопарную банальную чушь, но явно получал от этого удовольствие. Его глубокий голос подходил для этого идеально.

— Значит, ты идешь в этот ваш Поиск. Могу я поинтересоваться, зачем ты хочешь его завершить?

Брак помялся с ответом. Вопрос северянина прозвучал глупо. Как если бы у парня спросили, зачем он подтирает задницу.

— Чтобы получить метку и стать настоящим клановым. Сделать семью сильнее.

— Чушь, — отмахнулся Фолдис. — Попробуй лучше.

— Почему чушь? — не понял Брак. — Я смогу завести семью и владеть собственным траком.

— Я не спрашиваю тебя, почему ты собираешься туда отправиться, это очевидно. Я спросил, зачем ты хочешь его завершить. Я знаю, что у вас это вроде проверки на преданность клану и прочая и прочая. Но что держит тебя здесь? Семьи у тебя, считай, нет. Относятся к тебе не слишком хорошо. К тому же ты приبلуда.

— Котобои это моя семья. Я вырос здесь, это дом.

— Дом это место, где тебя ждут. Ты уверен, что тебя будут ждать здесь через сколько, пять лет? — Фолдис показал раскрытую ладонь. Пальцы были короткие, толстые и внушительные. — Это срок, за который очень многое может поменяться. Ты продумал план для своего Поиска, почти его реализовал, компенсировал собственные слабости. Это похвально. Возможно, ты даже наметил дальнейшие шаги. Дай попробую угадать...

Брак тоскливо поморщился и принялся раздумывать о том, чтобы встать и уйти. Что за день сегодня такой, каждый встречный норовит залезть к нему в голову. Как будто мало ему утреннего разговора с Часовщиком, теперь даже едва знакомый северянин будет стремиться его поучать. Сейчас наверняка затянет очередную вариацию песни про “нехер тебе там

делать”.

Фолдис выдержал паузу и продолжил:

— Ты планируешь добраться до ближайшего города. Хотя это очевидно. Но оседать там не будешь, попробуешь достать прицеп или чтонибудь похожее. Денег у тебя много быть не может, поэтому придется зарабатывать. Курьерами вас не возьмут, никто не доверит двум клановым выкормышам хоть что-то серьезное. Значит, будете возить товар. Наверняка с факторий или отдаленных промыслов. Начнете с малого, заработаете репутацию. Будете осторожно забираться все дальше на север, пока не доберетесь до Доминиона. Я прав?

Брак осторожно кивнул. По правде сказать, он даже так далеко не планировал. Не до того было, да и первоочередной задачей всегда было завершить скиммер. Вырваться в Поиск, а дальше как пойдет. Это Логи мечтатель, а калека прекрасно знал о том, что мир всегда найдет возможность обломать.

Фолдис, однако, эту неуверенность заметил и усмехнулся.

— Даже так близко не заглядывал? Хотя это, наверное, даже правильно. У вас здесь такой бардак, что любые планы неминуемо полетят в бездну. Но хотя бы конечная цель у тебя есть? Куда ты будешь стремиться? Если ее нет, я разочаруюсь.

— На острова хочу. Обучиться и наняться механиком на цеп. Я многое хочу повидать.

— Неплохо, хотя и банально. Половина мальчишек твоего возраста мечтает о полетах. Но вот ты провел свои пять лет в небесах над архипелагом. И ты хочешь сказать мне, что вернешься сюда? Краем глаза взглянешь на бесчисленные чудеса этого мира, после чего бросишь их позади и проживешь оставшуюся жизнь в пропахшей вуршем кабине? Гордым обладателем метки, ржавой машины и дырявых ушей, но лишенный остального мира? Ты здесь даже нормальной цели себе не можешь придумать.

— Почему? — обиженно спросил Брак. — Чем эта цель плоха?

— Тем, что это не цель, а глупые мечтания ребенка. Ну же, включи свое воображение. Ты полночи рассказывал нам истории, и при этом даже не подумал о том, что мог бы стать героем одной из них. К примеру, ты мог бы попытаться найти свою семью.

— У меня есть семья. Зачем ее искать?

— Настоящую семью. Разузнать, откуда летел тот цеп и кем была твоя мать. Попытаться разыскать ее родственников, найти свою родину. Быть может, где то на Талензе до сих пор горюет о ее гибели безутешный муж. А тебе даже в голову не пришло попытаться его отыскать.

— Но это невозможно. Цеп разбился более десяти лет назад, я даже названия его не знаю. И почему Таленза?

— Просто наугад сказал. Ты не похож на выходца с островов, слишком светлая кожа. А для Гардаша у тебя слишком темные волосы и глаза. А по поводу невозможно... — Фолдис затушил окурок сигары об столешницу и щелчком отправил в полет в угол зала. — Это просто сложно, а не невозможно. В мире вообще мало вещей, которые заслуживают такого эпитета. Цеп же летел с архипелага? Тебе всего-лишь нужно найти архивные записи о покинувших порты гравичепах за тот период. Сопоставить с прибывшими на материк, возможно найти упоминания о катастрофе. И дальше раскрутить эту ниточку.

— Но это десятки, если не сотни портов! — воскликнул парень. — К тому же, я не умею читать.

— Так научись. Не можешь найти учителя, сделай это сам. Используй свои мозги для чего-то дельного. Сколько новых историй ты узнал с момента смерти матери?

Брак замешкался. Новые истории это последнее, о чем он думал последние годы.

— Одну? Две? Теперь представь, что будет дальше? Но зато у тебя будет метка и свой трак. А по поводу сотен портов... Ты же сам хотел летным механиком на острова?

Калека глубоко задумался. Слова республиканца звучали на удивление здраво. А ведь он даже не пытался убеждать, просто задавал вопросы и рассуждал вслух. Брак ведь действительно почти никогда не задумывался о том, чтобы попытаться узнать больше о матери. Довольствовался смутными воспоминаниями, в надежде вспомнить ее лицо. А ведь задумайся он о возможности разузнать побольше чуть раньше...

Да и слова северянина о семье задели. Обида за Котобоев смешивалась с подлыми мыслишками о том, что так оно по сути и есть. Вонючие кочевники, которые колесят по степи, ничего толком не знают и не хотят знать. Надолго ли хватает задора у вернувшихся из Поиска, прежде чем клановая жизнь отбирает все назад? Тот же Квок, умелый, многое знающий, талантливый механик. Не превратится ли он через несколько лет в еще одного безликого Чегдаша — трусоватого ленивого выпивоху, все таланты которого заключаются в умении останавливать диск пилы, зажав его между коленями? Хотя есть же Часовщик, Сельма, Ухол...

— Вот тебе разница между мечтой и целью. Заметь, я даже не пытался, просто указал на самое очевидное. Ты бы и сам до этого додумался, пусть и не сразу. Не становись дикарем с дубиной.

Фолдис замолчал, задумавшись. Достал из под плаща хронометр, проверил время. Покосился на задремавшую парочку. Наконец, нарушил тишину:

— Римма собирает предания и легенды Вольных Земель для своей работы на звание бакалавра кафедры истории в Коллегии. Хотя сомневаюсь, что это тебе о чем либо говорит. Просто прими как должное, что она готова выслушать и записать все то, что ты знаешь. Это значительно сэкономит ей время.

— Я точно не успею все рассказать, не до этого будет.

Фолдис занес руку над уголком стола, несколько раз глубоко вздохнул и сжал кулак. Брак изумленно на него уставился — уголок стола исчез, металл на месте слома топорщился острыми зубцами. Согнуть предмет такой толщины, не прикасаясь и не накалив, не смог бы даже Часовщик.

Северянин покрутил треугольный кусок железа в руках, после чего перекинул калеке. Тот неловко поймал и уставился на отпечаток пальца, глубоко вдавленный в поверхность треугольника. С другой стороны обнаружилось две строчки угловатых закорючек.

— Держи. Моя благодарность за неплохой вечер. — Фолдис залпом допил вино. — Хотя можешь считать это авансом.

— Что это? — треугольник напомнил Браку островную монету, которую показывал Квок.

— Будешь в Республике, это откроет тебе кое-какие двери. Например, в портовые архивы. Или библиотеки. Сам решишь, только не злоупотребляй. В Доминионе тоже может сработать, хоть и не везде.

Брак аккуратно спрятал кусочек металла в недра куртки, после чего поинтересовался:

— Спасибо. А почему аванс?

— “Двойная Спираль” отбывает послезавтра, ближе к полуночи. Римме не стоит носиться по вашему форту в поисках одного единственного кланового, пусть и много знающего. Я хочу нанять тебя. Явишься к яхте до нашего отбытия, покажешь печать охране.

Тебе подберут место в экипаже.

— Какое место? — спросил Брак. От усталости он уже туговато соображал.

— Это не мое дело, капитан решит. Мы еще два месяца проведем в небе над вольными землями, после чего отправимся в Республику. Тебе решать, сойти в Доминионе или лететь дальше на север. Хотя я бы на твоём месте не совался сейчас к островитянам, — Фолдис криво улыбнулся. — В полете расскажешь моей дочери все, о чем она попросит, потом будешь свободен.

До Брака наконец дошел смысл сказанного.

— Сар Фолдис, спасибо за предложение. Но я не могу сейчас ответить.

— А зачем я, по-твоему, отдал тебе печать? — проворчал северянин. — Не явишься до отлета, буду считать что ты его не принял. Хотя в таком случае я буду разочарован. Считай своей основной платой возможность сразу пропустить всю ту часть своего плана, где ты долго и нудно колесишь по степи в поисках неприятностей. Сразу перейдешь к этапу с гравицепами.

— Я смогу взять скиммер? Или моего напарника?

— О скиммере можешь забыть, “Двойная Спираль” не грузовик. Только то, что несешь на себе. О напарнике тоже, мне не нужен на борту еще один клановый. Предложение касается только тебя, исключительно из-за того, что это поможет моей дочери. Отдай скиммер напарнику, если хочешь. Или продай.

— А что мне делать в Республике? — вырвалось у калеки раньше, чем он понял, как жалко прозвучит этот вопрос.

Фолдис взглянул на него с уже знакомой по первой встрече высокомерной брезгливостью:

— Думай сам. Если тянешь на вторую ступень, устройся в мастерскую. Свой аванс ты получил, остальные советы на борту яхты, если у меня возникнет желание ими с тобой поделиться. Думаю, тебе уже пора. До рассвета осталось не так много времени.

Он отвернулся и принялся аккуратно тормошить за плечо дочь.

Брак еще раз поблагодарил Фолдиса, после чего с трудом выбрался из-за стола — охранники даже не подумали подвинуться. В зале было почти пусто, разве что за столиком у входа спал одинокий вольник, уткнувшись лицом в поднос с медузками.

Дорогу до стоянки парень почти не запомнил. В голове шумело от выпитого, тяжесть в желудке настоятельно требовала посетить отхожее место. Предутренный торг жил своей, особенной жизнью, наполненной шуршанием, вздохами металла и разноголосым храпом. Многочисленные светильники давно погасли, и лишь неизменный столб света от “Холма” разбивался об плотное покрывало низких облаков, заливая туман вокруг призрачным сиянием.

В трак Брак не полез, снаружи прекрасно было слышно доносящийся изнутри храп Джуса. Будить отца среди ночи звоном протеза не хотелось, поэтому парень аккуратно залез на крышу кузова. Выволок из ящика в углу засаленное одеяло, после чего тут же, на крыше, устроил лежанку, подоткнув под голову сумку и плотно укутавшись.

Запоздало помянул шарга, вспомнив, что так и не предупредил близнецов о завтрашней встрече. Хотя какой завтрашней, океан уже почти перестал светиться. Еще два-три часа, и заалет рассвет. Хорошо, если удастся урвать хоть немного сна. Идти к близнецам сейчас бессмысленно, стоянка спит, за исключением пары ночных дежурных у костра.

Мысли путались, а сон все никак не шел.

Брак лежал, уставившись в клубящееся море тумана, и думал. О Часовщике, о Фолдисе о скиммере. День вышел настолько богатым на события, что до сих пор не удавалось их толком разложить по полочкам. Не говоря уже о том, чтобы решить, как дальше быть.

Еще вчера он боялся рабства и надеялся лишь на то, что успеет в срок починить скиммер и убраться со Схода. А сегодня, будто из распахнутого кузова трака Гарда-Первооткрывателя, на него посыпались новости, одна прекраснее другой. Рабство ему больше не грозит, скиммер готов, Часовщик хочет его усыновить, за пределами схода стоит гравецеп, который готов принять его на борт... Да еще и впервые за долгое время удалось почтить память Симы, продолжив ее дело.

Что со всем этим делать и как поступить, Брак пока не знал. Чего он хочет больше? Учиться сводить под крылом старого механика? Глотать пыль, трясясь в сиденье скиммера вместе с Логи? Или отправиться в долгожданный полет в компании людей, готовых его слушать?

Насколько же проще было вчера, когда существовал единственно возможный план действий. А теперь мысли метались и разбегались, голова гудела. Провалившись минут пятнадцать, Брак мысленно сплюнул и наконец принял решение.

Завтра. Он обдумает все завтра. И обязательно решит.

Но научиться управлять скиммером нужно обязательно. И дать близнецам жажнуть.

С этими мыслями калека забылся беспокойным сном.

Ему снился Логи, доламывающий огромной кувалдой стену, из-за обломков которой смутно виднелся женский силуэт, приветственно машущий рукой.

— Брак! Браааак! — вопли Джуса, казалось, доносились со всех сторон разом. — Где тебя носит, гразгова отрыжка!? Браак!

Гразгова отрыжка открыла глаза, поморщилась от бьющего в лицо солнца и перевернулась на другой бок.

Облака рассеялись. Солнце стремительно испаряло следы вчерашнего дождя, смывшего с камня последствия великого истребления слизняков. Над головой едва слышно поскрипывал конденсатор.

Внизу продолжал разоряться приемный отец. Так и не дозвавшись сына, Джус покинул кабину, грязно выругался и пошел в сторону костра, продолжая орать.

Брак дождался, пока вопли утихнут, после чего выпутался из под одеяла. За утро оно успело впитать в себя немало росы, и вид теперь имело совсем убогий. Голова гудела и немилосердно хотелось опорожнить переполненный мочевого пузыря.

— Ты специально подбирал куртку в цвет одеяла? А я все удивлялась, что за странная ткань. Тебе только штанов таких не хватает.

Брак покосился на свою куртку. Действительно, такая же лоскутная тряпка неопределенного цвета.

— Ты мне и сошьешь. Вернусь из Поиска, вручу тебе самую большую иголку... Привет, Левая.

— Фу! — показала ему язык девчонка. Продемонстрировала бы что-то более оскорбительное, но руки у нее были заняты. — Доброе утро, пропоица.

— Пьяница! — над краем крыши появилась голова второго близнеца. — Мы видели, как ты с северянами вчера квасил.

— Кинуть нас хотел? Мы ему колесо, а он даже не вспомнил о своих друзьях.

— А мы весь вечер прождали.

— Променял друзей на бабу с сиськами.

Брак, кряхтя, поднялся. Помахал руками, разгоняя кровь в задубевших конечностях. Близнецы продолжали висеть на борту не делая попыток подняться.

— Там Джус ушел уже, не видели? Привет, Правый.

— Воплей не слышно, значит ушел. Он тебя еще с вечера искал.

— Ругался.

— Орал и топал ножками.

— Прямо как толстяк.

— Только лысый еще обещал тебе рукоятку в задницу засунуть, если не придешь немедленно.

— Только не уточнил, рукоятку чего.

Брак помянул шарга и посмотрел на солнце чтобы определить, насколько сильно он проспал. С рассвета прошел уже минимум час. Логи наверняка уже злой как драк, да и Квока подводить нехорошо.

Близнецы терпеливо ждали, пока калека спустится и сделает все свои дела. При этом они по-прежнему свисали с крыши, болтая ногами и вертя лохматыми головами. Зато к месту встречи рванулись со скоростью скиммеров, стоило Браку сделать первый шаг.

Говорят, что каждая машина может многое рассказать о своем владельце. Это не всегда

так, но трак Часовщика мог не только многое рассказать, но и нарисовать портрет, а так же исполнить на валантийском органе гимн в честь старого механика.

Шестиколесная массивная туша с двухосным прицепом походной мастерской была тщательно отполирована, на гладкой поверхности ни следа ржавчины. Свой трак Часовщик свел не только из привычного железа или стали, борта покрывали фигурно выполненные узоры из наслаивающихся друг на друга латунных и медных листов. Вся машина напоминала вывернутый наизнанку часовой механизм островитян, многочисленные шестеренки которого разом замерли, не успев отсчитать следующее мгновение.

Кроме размера и украшений, трак мог похвастаться великолепной проходимостью и идеально выверенной работой эйносов. Старший механик никогда не прекращал его дорабатывать и наращивать, среди Котобоев даже ходили упорные слухи о том, что из “Клепаного Саркофага” может в будущем вырасти гигатрак. Дому Часовщика не хватало лишь вооружения, но все те же слухи твердили о скрытой в недрах прицепа шестиствольной чудо-скраппе.

Рядом с великолепным траком, с внешней стороны форта, стояли на камнях два заякоренных скиммера и небольшая широкая тарга. Машина и легкий скиммер в желтой расцветке Гряземесов, а второй скиммер, тяжелый, разбрасывал вокруг блики от полированных металлических деталей.

Вопреки опасениям Брака, на его опоздание внимания не обратили. Не хуже скиммера сверкающий блестящей лысиной Логи вдохновенно вещал и активно разводил руками, демонстрируя нечто очень внушительных размеров. На его груди болтался амулет из небесно-синих чешуек в криво сведенной медной оправе, да и в целом толстяк выглядел значительно лучше вчерашнего. Подошедшему калеке он кивнул, не прекращая живописать свой великий подвиг.

Благодарные слушатели внимали. Близнецы были уже здесь, рассевшись на раскатанных по земле одеялам. Там же обнаружилась вся семья Гряземесов. Ярлан и Квок курили трубки, а Кларита валялась на одеяле, вытянувшись во весь рост и стянув с себя кожаную куртку. Браку они помахали руками и жестами пригласили присоединиться.

— У тебя интересный друг, — вполголоса сказал Ярлан присевшему рядом калеке. — Ты знал, что он начистил морду Таргану? Если не брешет, конечно.

— Не брешет, — пробормотала светловолосая не поднимая головы. — Клирд все уши мне прожужжал, он три зелени потерял на ставке.

— Силен. Тарган злобный и мелочный засранец, но драться умеет, — уважительно кивнул Ярлан.

— Жирный у нас такой! Только не заткнешь.

— Он однажды даже общий стол на спор сломал. С двух ударов.

— Просто первым ударом промахнулся. Талант!

— Талантище! Гордость Котобоев.

Логи, осознав что его больше не слушают, сплюнул на камень и тоже подошел. Повязку с головы он снял, но глаз под ней выглядел плохо. Мутный, болезненно воспаленные веки заплыли, из уголка сочится желтоватая гадость. Ее лысый поминутно утирал грязным платком.

— Бракованный, мне тут по секрету рассказали, что ты вчера всю ночь жрал от пуза и употреблял дорогущее вино в компании пышнотелой девицы. А выглядишь при этом так, будто тебя гигатраком переехало. Где правда? — толстяк развел руками в притворном

недоумении. — Кому же мне верить, двум известным малолетним лжецам, или моему доброму одноногому корешу, который никогда бы не забыл позвать своего друга на такую попойку?

— Прямо пышнотелая? — показал руками Квок. — Брак, а по тебе не скажешь, что ты ходок.

— Северная принцесса! — важно уточнил Правый.

Левая покосилась на Брака, а Логи скорчил страдальческую мину и с печалью взвыл:

— И ты молчал! Хотя бы намекнул! Ткнул бы пальцем, я бы прибежал к ее стоянке, ломая все преграды на своем пути.

— Прости, Логи, твоя принцесса вообще не на стоянке. Да и не принцесса она, просто благородная, — Брак покосился на солнце. — Поверь, я бы позвал тебя, но не мог.

Ярлан выбил трубку об колено и легко поднялся на ноги.

— Давайте выдвигаться. Клар, ты на мой скиммер. Квок за рычаги. Остальные в кузов, барахло туда же.

— Куда едем? — поинтересовался Брак. — Вниз?

— Боишься об камни расшибиться? Не переживай, тебе понравится. Там в кузове мешок, посмотрите по дороге.

— Можно мне на скиммер? — спросила Левая. — Все равно туда едем.

— И мне. Только я на большой хочу, — добавил Правый. — Нам Брак обещал, за колесо.

Ярлан для виду помялся, нахмурился, будто что-то высчитывая. Потом махнул рукой и улыбнулся:

— А давайте. Парень, ты со мной. Девчонка к Кларите. Только держись крепче, она так водить и не научилась толком.

Светловолосая, не вставая с одеяла, показала отцу неприличный жест.

Ехали недолго, не больше получаса. Плешь не слишком обширная, если двигаться на транспорте, но изобилует опасными расселинами. Провалишься в такую, запросто можешь угробить и себя, и технику. К счастью, путь указывал Ярлан, который похоже знал все плато наизусть, ловко выбирая безопасную дорогу.

Гнал он при этом с такой скоростью, что тарга Квока едва за ним успевала, а напарников в кузове трясло, как руки Холика с похмелья. Кларита не отставала, один раз даже сблизилась в упор с бортом тарги и ловко ткнула лысого в задницу тупым концом дротика, вызвав этим дикий восторг у Левоу.

— Это любовь! — проорал на ухо Браку толстяк, потирая пораженное место.

Тарга как раз пересекала покрытый мелкими трещинами и кустарником участок, так что шум от колес стоял невероятный.

По дороге Брак вкратце описал вчерашние события в “Гарге”, умолчав лишь о предложении Фолдиса. Несмотря на уже наступившее завтра, решение так и не пришло, а о мнении толстяка можно было даже не спрашивать. Пошлет Брака в небеса и будет убеждать отдать скиммер за так.

Логи похмыкал и запросил деталей об охранниках. Как вооружены, во что одеты, как себя ведут. Калеке пришлось рассказывать, выуживая из памяти подробности и дополняя их воображением. За Флагелем и Андео он почти не следил, всецело поглощенный беседой с северянами.

В упомянутом Ярланом мешке обнаружилась защита. По два набора прочных и легких доспехов из какого-то серебристого сплава. Наколенники, налокотники, усиленная

металлом кожаная куртка и шлем с сетчатым забралом. Выглядело все это заметно поношенным, явно не в первый раз используется для обучения новичков.

Брак нацепил защиту без особых проблем, лишь слегка повозившись с ремешками на куртке, чтобы как следует ее закрепить. А вот на Логи куртка упорно не налезала, наотрез отказываясь сходить на пузе. Пришлось кое-как стянуть ее найденными в кузове обрывками веревок, так что выглядел толстяк теперь до крайности нелепо.

Ярлан уверенно вел группу на юг, замедлившись лишь когда они достигли южной оконечности Плеши. Когда-то здесь было продолжение плато, но старый обвал в Южной Подмышке унес с собой в бухту огромную прорву камня, оставив после себя резко обрывающийся в пустоту обрыв.

Старший разведчик Гряземесов некоторое время плавно катил вдоль уступа, прежде чем окончательно остановиться в, пожалуй, самом живописном месте плато. Именно здесь начинался исполинский разлом, по которому схлопнулся грот. Результатом буйства морской стихии стал плоский, широкий уступ, с которого открывался величественный и пугающий вид на засыпанную обломками бухту и гладкую, будто отшлифованную пилой базальтовую стену.

Заякорив скиммер неподалеку от обрыва, Ярлан махнул рукой Квоку, указывая на место для тарги. Рядом с резким разворотом заякорилась Кларита, едва не сбросив с сиденья восторженно размахивавшую руками Левую. Близнецы соскочили со своих мест и немедленно рванули к самому утесу, на ходу обмениваясь впечатлениями.

Квок выпендриваться не стал, тарга остановилась плавно и аккуратно. Выпрыгнувший из кузова Логи, гремя амуницией, помог спуститься калеке и принялся вытаскивать из кузова вещи.

Брак, не дожидаясь указаний Квока, выдвинул из под куска тарги опоры, опустил на камень, но крепить не стал. Плато здесь плоское, уклона нет, так что можно не бояться скатывания. Хорошо смазанные и подогнанные шарниры даже не скрипнули.

— Ну и как тебе моя малышка? — подошедший механик любовно похлопал машину по желтой крыше. — Не всякая тарга сможет угнаться за отцом, хотя он особо не торопился.

— И это у вас называется “особо не торопился”? — Брак закончил крутить рукоятку на четвертой опоре и с трудом разогнулся. — Да я чуть все зубы не проглотил. Подвеска жестковата.

— Зато дорогу держит и не заваливается на поворотах. Комфорт для траков, тарга в первую очередь должна быть быстрой. Я зову ее “Бонитара”, в честь одной островной рыбы.

— Сам свел? — Брак не сомневался в ответе, но Квок явно хотел похвастаться и этого вопроса ждал.

— Вот этими самыми руками, — Квок продемонстрировал калеке покрытые пятнами масла ладони. — Из двух скиммеров собрал, своего и старого материного. Добавил тут, свел здесь, ну ты знаешь... Там от старой начинки внутри почти ничего не осталось уже.

Брак с легкой завистью покосился на желтую машину. Ему о таком мастерстве можно только мечтать. В тарге, в отличие от скиммера, приходится учитывать целую кучу тонкостей при настройке эйносов, развесовку гравок, да и вообще это на порядок сложнее. К примеру, заставить синхронно работать два двигателя уже становится непосильной задачей для необученного механика. Как быть, если один двигатель синий и капризный, а второй желтый и очень медленно разгоняется? Чтобы они тянули машину с равной силой, приходится заниматься филигранной настройкой подачи эйра и мощности компрессоров,

учитывать все, вплоть до питания. Иначе машину в лучшем случае просто бестолково закрутит на месте, а в худшем — разнесет на куски работающими вразнобой двигателями.

Что уж говорить о гигатраках, в которых на каждое исполинское колесо зачастую приходится по два движка. Почти невозможно встретить настолько здоровенных джорков, чтобы их эйносы были способны переть тяжелую машину в одиночку. Брак о таких даже не слышал, хотя слухи о них ходили. Вот и приходится команде механиков гигатрака сидеть внутри почти безвылазно, следя за состоянием бесчисленных устройств. Это только в глупых историях островитян герой может в одиночку управлять чем-то вроде “Мамаши”. В суровых реалиях степей, такой гигатрак закончит свой путь кучей дымящегося металлолома уже через полдня.

— Я думал, ты с Аркензо что-то привез, — сказал калека. — Зачем здесь сводить?

— А как бы я перетащил таргу сюда? Фрахт грузовика до степи дорого обходится, а гнать ее из Доминиона... Да и транспорт на островах дрянной, только по дорогам ездить, — Квок оглянулся и потянул парня за рукав. — Пойдем, отец зовет. Напомни потом, я расскажу тебе о машинах островитян. Там много глупого, но интересного. К примеру, тормоза.

Брак кивнул, сделав себе пометку на будущее, подхватил первый попавшийся сверток и пошел вслед за Гряземесом. Сзади гулко топал нагруженный по самые уши толстяк.

Ярлан уже натаскал с окрестностей камней и сложил их в круг, организовав примитивное костровище. Теперь он сидел на корточках, задумчиво глядя на океан. Кларита, согнав близнецов с обрыва, руководила сбором кустарника.

— Тяжеловат и гравка тугая. Еще что-то с движком, не сразу цепляется, — озвучил искатель свои впечатления подошедшему калеке. — Хотя для Поиска самое то, можно хорошо нагрузить. Если вдвоем поедете, сведи упоры под ноги и руки, иначе рюкзак может свалиться. На, это там явно лишнее.

Ярлан протянул Браку тонкую цепочку с болтающейся на ней блестящей фигуркой и пояснил:

— На руле висела. Тонкая работа, один в один как твой скиммер. Там на основании еще надпись, но я читать не стал. Передай мое почтение механику, который эйносы регулировал, так даже Квок не сделает. Идите, готовьтесь, через полчаса буду, — он кивнул в сторону двухколесной машины. — Зря вы защиту так рано нацепили.

Брак на ходу изучил маленькую фигурку скиммера. Та самая, которую вчера сводил Часовщик. На вытянутом овальном основании тянется вязь аккуратных символов, сама фигурка выполнена с удивительной точностью и вниманием к деталям. Поговаривают, что в “Клепаном Саркофаге” у старого механика есть целая полка, уставленная маленькими копиями клановой техники. Жаль, что немногие могли увидеть ее своими глазами. Хотя у калеки теперь есть шанс.

— Здоровый какой! — восхитился толстяк, когда напарники подошли к своему скиммеру. — Брак, размер какой из своих конечностей ты пытался возместить этой машиной? Зря старался, твоей тщедушной тушке даже гигатрак не поможет. А вот для меня в самый раз.

Логи, закряхтев, перекинул ногу и взгромоздился на место водителя, ухватившись лапищами за руль. Скиммер ощутимо просел под его весом.

— Размер твоих мозгов, конечно же. Еще в первый раз, когда тебя увидел. Прямо осенило. — Брак обошел ерзающего задницей по широкому сиденью напарника, внимательно ощупывая взглядом машину.

Скиммер действительно впечатлял. Высокий, сведенный из толстых труб руль достает почти до груди толстяка. Широкие колеса по пояс, раздутое брюхо высоко поднято над землей. Длинной махина достигала двух человеческих ростов, если не считать выдающуюся назад сетчатую платформу багажника.

Даже Брак впечатлился. В мастерской он привык и не обращал внимания, но здесь, на открытой местности, да еще и на фоне сидящего толстяка... Скиммер точно заслуживал звания тяжелого, а то и тяжелейшего. Если бы не гравка, движок бы его даже не сдвинул.

Поискал изменения, внесенные Часовщиком. Другой бы не обратил внимания, но калека знал свое создание до последнего штырька. Здесь криво сведенная трубка аккуратно притянута к корпусу. Тут отсутствует вмятинка на баке, добавлены несколько переключателей, обеспечивающих жесткость конструкции. Все по мелочи, но поразило количество изменений. Как будто умелый художник взял работу ученика, и всего несколькими штрихами превратил заурядное полотно в нечто выдающееся. Не шедевр, но и не примитивную поделку.

Еще и все баки заполнены под горлышко, разве что эйра чуть не хватает — сожгли за дорогу.

Наверняка ведь Часовщик потратил на это весь вечер. А то и всю ночь, не просто так он даже не вышел с утра из своего трака. Надо будет обязательно поблагодарить старого механика, который вместо заслуженного отдыха с семьей доводил до ума чужую машину.

— А если серьезно, Брак, почему он такой здоровый? — толстяк наугад подергал рычаги, с грохотом уронив задний якорь. — Нет ты не подумай, я не против. Просто он заметно больше семейных скиммеров.

— Так получилось, — калека наклонился над сиденьем, прикидывая места крепления упоров для рук. — Мне нужна была машина, способная проехать где угодно. Сначала я собирался делать меньше, но быстро понял, что с моей ногой обычный скиммер мне не подойдет. Вариант с таргой отпал, сам понимаешь, а для трехколесной схемы у меня не хватило бы мастерства. Нужно было придумать, как сделать его устойчивее. Потом возник вопрос топлива и его пополнения, потом двигатель оказался слишком большой. Еще нужен был багажник под барахло, ты же видел список... Ну и вот.

Брак виновато развел руками, после чего показал напарнику, какой рукояткой поднимается якорь. Тяжелая зубчатая железка со звоном встала на место.

— Давай покажу, что здесь и как. Ты же до этого на скиммере не ездил?

— Нет, только в детстве зажоппником. Потом почему-то предлагать перестали, — Логи хохотнул и слез с сиденья. — А ты?

— Ни разу. Знаю, как что устроено, но сам понимаешь. У Джуса скиммера никогда не было, а больше некому было учить. Смотри, сперва тебе надо запустить компрессор. Вот тут рычаг, качаешь его раз десять...

Толстяк разобрался на удивление быстро. Под присмотром калеки он несколько раз разбудил движок, заставляя его полностью уснуть между попытками. Не сразу, но разобрался с вентилем гравки, вынудив корпус скиммера заметно приподняться над землей.

— С гравкой главное осторожнее, не перегрей, — Брак крутанул вентиль обратно. — Она сонная, не сразу разгоняется. Если переборщишь с эйром, может сгореть.

— Угу, — Логи покрутил вентиль, после чего ткнул пальцем в еще один рычаг. — А это зачем?

— А это одна из причин, почему скиммер вышел таким большим. — калека показал

толстяку на шарообразное утолщение в корпусе. — Здесь внутри один хитрожопый эйнос из джарков. Наши его зовут шариком или гуделкой. В клане его, кроме как в флирах, почти не используют, зато островные готовы скупать сотнями.

— И что он делает? Дай угадаю, он круглый и гудит?

— Скорее, воет. Если хорошо накачать его эйром, он может удержаться в стоячем положении, даже если тот стоит на месте. Или когда медленно едешь. Я ногой не могу нормально опираться, вот и пришлось выдумывать. Только греется сильно, но мне так даже лучше — задница не мерзнет.

Толстяк дернул рычаг, внутри корпуса загудело, скиммер завибрировал. Когда гудение перешло в негромкий надсадный вой, машина вдруг неторопливо покачнулась и поднялась с подножки, застыв в стоячем положении.

— А почему его все не используют? Удобно ведь. — Логи с сомнением посмотрел на пузатый бок эйноса, морщась от звука. — Это из-за шума?

— Не-а. Точнее, не только из-за звука. Еще он мешает управлять, весит как половина тебя и жрет эйра больше, чем все остальное разом, — Брак уперся в бок скиммера плечом, но пошатнуть его не смог. — А еще он может в любой момент пойти вразнос, вырвать днище и улететь шарг знает куда. И тебе здорово повезет, если это будет днище скиммера.

Логи отшатнулся от машины как слизняк от соли. Медленно и с недовольным шипением.

— Шаргова плесень, Брак! А за каким хреном ты ее туда вообще запихнул? — Толстяк все же вернулся и осторожно, будто прикасаясь к ядовитой змее, опустил рычаг. — Сначала гарпун, затем банка, теперь это. Может ты просто сразу до обрыва прогуляешься, тут недалеко. Пять вдохов, и готово. Заодно насладишься видом.

Брак невольно кинул взгляд на обрыв, где виднелись две лохматые макушки. Близнецы свесили ноги в пропасть и соревновались в плевках против ветра.левой ветер явно подыгрывал.

— А у меня был выбор? Можно было бы люльку свести, но это еще на месяц работы и ненужное внимание. К тому же, колесо лишнее нужно, — Брак вспомнил про валяющееся где-то в траке Жирного лишнее колесо и добавил: — Может, еще сведу по дороге, удобнее будет.

— Он точно, как ты там выразился, “не пойдет вразнос”? Мне дорого мое днище.

Калека покачал головой.

— Только если внутрь попадет лишний эйр. Эйносы же тупые и прожорливые, прямо как ты. Кинь обычный обогреватель в бак с эйром, он будет нагреваться пока не сгорит, или не спалит все к шаргу. Только породившие их создания могут полностью управлять своими эйносами, нам остаются жалкие огрызки. Так что не переживай, я просто хотел поглядеть, как ты скачешь перепуганным рапом и кудахчешь от страха. К тому же, шарик нужен только когда стоишь или едешь очень медленно, потом можно усыпить.

Толстяк выругался, сплюнул, но отвечать не стал. Вместо этого ткнул пальцем в массивную корму скиммера.

— А тут что? Внизу движок, это я знаю. Над ним бак для эйра. А вот зачем эта штука? Похожа на отцовские банки для перегона бухла.

— Это зелень жечь, если застрянешь без эйра в степи. Сюда воду наливаешь и закидываешь кри, потом кипятишь. Он во второй банке охлаждается и сразу в бак. Такие на скиммерах не ставят обычно, тяжелые и вода нужна. Но я подумал — почему бы и нет? Мало

ли, что в степи случится?

— Я уже говорил, что ты ссыкло и перестраховщик? — Логи задумчиво уставился на банку. — А если я не могу вскипятить?

— Костер разведи.

— А лучше вообще не оказывайся в такой ситуации, когда застрял без эйра в степи, — подошедший Ярлан хлопнул толстяка по плечу. — Лучше подготовиться и не ехать, чем ехать не подготовившись. Готовы?

Напарники кивнули.

Гряземес опустил на глаза знакомую сетчатую защиту и принялся натягивать тяжелые кожаные перчатки.

— Тогда будите. Времени мало, поэтому буду делать из вас начинающих искателей по методу моего отца, ласковым укором.

— Это как? — заинтересованно спросил Логи.

— Буду ласково бить тебя кулаком каждый раз, когда ты ошибаешься. Полезай в седло, жирдяй. И помните — вы сами меня об этом попросили.

— Я не просил... — начал было возражать толстяк, но был прерван коротким ударом в бок и заткнулся.

Костер уже весело хрустел собранным кустарником, угли по краям кольца камней подернулись пеплом. Над кострищем заняла свое место тяжелая круглая решетка на коротких ножках. Вокруг валялись одеяла и стоял одинокий складной стул. Сидевшая в нем Кларита мурлыкала незамысловатый мотивчик и кипятила в котелке какое-то пойло, а Квок молча отбивал с днища тарги присохшую грязь, довка орудуя кривым красным ломиком.

Близнецы же всю радувались бесплатному зрелищу, громко комментировали и делали ставки на то, кто из напарников следующим получит от старшего разведчика тычок в бочину.

Ярлан разошелся не на шутку. Раз за разом, до седьмого пота заставлял напарников трогаться и вести тяжелую машину между цепочек раскиданных по плато камней, награждая за ошибки увесистыми тумачами. Шарик при этом будить запрещал даже калеке. Он утверждал что с таким эйносом водить сможет даже круглый дурак, а дураков, как известно, учить бесполезно.

Брак сквозь зубы ругался, ошибался и высекал протезом о камень снопы искр, но упорно продолжал пытаться. Скиммер казался невероятно тугим и неповоротливым, руль упрямо сопротивлялся попыткам его сдвинуть, а немногочисленные рычаги, казалось, обрели собственную жизнь, множились, двоились и менялись местами. И это не говоря о уже том, что тяжеленная машина вечно норовила завалиться набок.

Искатель Брака вначале ругал, пытаясь вбить в его голову, что нельзя ехать слишком медленно и не стоит бояться наклоняться в поворотах. Но калека вечно осторожничал, даже кулаки не помогали, поэтому Ярлан плюнул и полностью переключил свое внимание на толстяка.

— Да не вставай ты! Сиди на жопе ровно, ты со скиммером единое целое. И не насилуй так захват движка, эйром скорость держи! — орал в сведенные ладони Ярлан.

Логи кивал и отправлялся на очередной круг. Толстяк лучился восторгом, быстро усвоив основы и теперь пробуя на прочность нервы наставника. На его наколенниках и налокотниках уже красовалось немало свежих отметин от столкновений с камнем, а шлем потерял солидный кусок желтой краски с левой стороны.

Глядя на напарника, который высекая якорями искры лихо остановился рядом с Ярланом, Брак с горечью признал, что навряд-ли он сам так сможет. Пока калека думал, высчитывал скорость и судорожно пытался вспомнить последовательность действий, толстяк действуя на одних инстинктах и ни шарга не боясь, ухитрялся учиться с огромной скоростью. Да и дури в нем было немеряно, тяжелый руль в огромных лапах летал как пушинка. Браку же оставалось только аккуратно ехать по прямой и избегать сложных маневров.

Верно Логи говорит, он ссыкло и перестраховщик. Может и впрямь, плюнуть на все, отдать скиммер толстяку и свалить на яхте? Жалко будет расставаться с машиной, но кри на выкуп у лысого все равно нет, из ценностей только Там-Там и припасы на Поиск, которые Браку точно не понадобятся. Да и скиммер будет в надежных руках.

Логи с грохотом завалился в повороте и едва успел отпрыгнуть, пропахав локтями камень. Скиммер прокатился дальше, высекая бортом искры и гремя полуотвалившимся багажником. Нисколько не смущенный, толстяк рывком поднял машину на колеса и весело

скалясь замер, подставляя пузо под очередной удар подбежавшего Ярлана.

В сильных руках — поправил себя Брак. Скиммер точно окажется в сильных руках. Он тяжело вздохнул и похромал к Ярлану — настала его очередь получать тумачи.

Солнце уже стояло в зените, когда наставник объявил перерыв и усыпил двигатель. Напарники, оба мокрые от пота, уставшие и вонючие, с облегчением рухнули там же, где и стояли. Брак за тренировку обзавелся вмятиной на шлеме и здорово зашиб руку, а Логи с ног до головы был покрыт ссадинами и порезами. Особенно пострадало неприкрытое курткой пузо.

Скиммер, правда, пострадал гораздо сильнее. Борта стесало об камни, руль погнуло, а многострадальный багажник отвалился окончательно. Половины зубцов на якорях как не бывало, остались где-то на камнях.

— А ты красить хотел, — устало пробормотал Брак. — Вышла бы у нас сейчас самая дорогая кисточка для самой бессмысленной покраски.

Логи покосился на исцарапанный и покрытый свежими сколами камень Плеши, после чего стянул с головы шлем и ответил:

— Все равно покрашу. Я даже присмотрел, где краску достать. Главное, вовремя свалить потом, пока не хватились.

— Что я слышу, вы уже намереваетесь свалить? — Ярлан опустил рядом с напарниками тяжелое ведро с водой, в котором плавали две бурые мочалки. — А ведь дальше самое интересное. Мойтесь и приходите к костру, надо обработать ссадины и пожрать.

Оставив позади грязную лужу и побитый скиммер, Котобои устало пошли к остальным.

— Брак, я сбилась со счета, тебя восемь раз ударили, или девять? — весело прошамкала Левая с набитым ртом. В руках у нее был надкусанный пирожок размером с лопату.

— Какая разница? Я все равно победил, толстяк отхватил не меньше двадцатки. У меня пальцы закончились считать, — Правый свой пирожок уже прикончил и теперь облизывал жирные ладони. — Подставляй лобешник.

— Давайте я, — не вставая с одеял предложила Кларита. — У меня щелбаны счастливые.

За время тренировки стоянка изменилась до неузнаваемости. Стул перекочевал к обрыву, где рядом на треноге уместился длинный окуляр, вокруг костра раскинулось кольцо одеял и прямоугольный металлический лист, служивший столом. На нем призывно блестели пухлыми боками дюжина пирогов, тазик с медузками и две объемистых фляги с явно непрым содержимым.

Кларита, облаченная в легкую рубаху и короткие штаны, валялась на спине, натянув на глаза гогглы с темными линзами. Свои светлые волосы она стянула на затылке, а удивительно мускулистые руки раскинула в стороны, всем своим видом выражая неземное блаженство.

Квок при виде напарников отложил в сторону мелодично звякнувшую фалгарну и весело спросил:

— Ушатал вас отец?

Брак устало кивнул и бухнулся на одеяло рядом со столом. Логи поводил носом, цапнул пирожок и подозрительно его обнюхал.

— Откуда такая роскошь? — толстяк надкусил выпечку и потянулся за флягой. — Вкусно. Я думал, мы драка жарить будем. Где хвост, кстати?

— Близнецы притащили целый мешок. Эй, руки прочь от фляги! — Квок ловким

движением выдернул уже открытую емкость из рук лысого. — Он в тарге. Там у меня морозилка за сиденьем. Рано еще для мяса, вечером пожарим.

— У него там еще пиво спрятано. — довольный Правый поднялся с одеял и пошел к кузову. — Или что-то такое, я слышал как звенело.

— Ты вечно преувеличиваешь. Откуда у него? — Левая вытерла покрасневший лоб грязной ладонью. — Компотик. Или сладкая островная водичка. Он даже пирожки не ест, куда ему пиво. Маленький еще.

— Пиво? Холодное? — оживился усердно работающий челюстями толстяк.

Квок обезоруживающе улыбнулся и развел руками:

— Стоило один раз сказать, что не люблю водоросли. И вот я уже личный враг юных Котобоев, а мою заначку раскрыли всему миру.

— Не брещи, ты от медузятины тоже отказался. — Левая обвиняюще наставила на механика палец. — Матери нажалуюсь. Хотя нет, лучше отцу, так даже смешнее будет. Возмездие папы тупо и неотвратимо.

— Прощай, молодой Гряземес! — патетично проорал гремевший чем-то в кузове Правый. — Ты умрешь молодым и оплеванным, проклиная тот день, когда отказался от нашего пирожка!

— А на твою могилу будут ссать хомяки. — добавила Левая.

Логи поперхнулся и закашлялся, сдерживая смех.

— А можно мне с водорослями?

— Мне с медузой. Я водоросли тоже не очень, — Ярлан садиться не стал, а протянутую сыном еду сунул за пазуху. — Малец, захвати мне банку краски, под сиденьем должна быть.

Пока Брак жевал удивительно вкусную стряпню Сельмы, Логи с деликатностью люторога пялился на Клариту. Он лично всунул светловолосой первый попавшийся пирожок, оказавшийся с начинкой из медузы, и теперь глупо улыбался, слушая ругань искательницы.

Правый вернулся от тарги, таща Браков жажатель и небольшую банку, покрытую желтыми потеками. Ярлан банку забрал, велел напарникам перевязаться и отдыхать, после чего разбудил легкий скиммер. Лихо развернулся на месте и умчался вглубь плато, разбрасывая из под колес мелкие камни. Толстяк завистливо присвистнул.

Квок извлек из сумки ворох бинтов и маленький пузырек с мазью для обработки ран. Состав ее не менялся уже целыми поколениями и был прекрасно известен каждому: Богатые йодом водоросли, немного плоти медузы и какая-то плесень, постоянно появляющаяся на гравках. Жгла эта дрянь немилосердно, оставляла на коже несмываемые бурые разводы, зато гарантированно предотвращала воспаление и подсушивала раны.

Шипящих от боли напарников раздели и обработали. Браку помогла Левая, наскоро смазав ссадины и криво замотав бинтами руку. А вот за Логи всерьез взялась Кларита, злорадно улыбаясь и щедро заливая многочисленные порезы шарговым зельем. Толстяк поначалу лишь скрипел зубами и героически улыбался, но когда светловолосая добралась до многострадального пуза не выдержал, разразившись отборной бранью и шипя как дырявый компрессор.

— Что с глазом? — Кларита закончила туго перематывать брюхо, затянула в узел концы бинта. — Дай посмотрю.

— Нормально все, — раздраженный толстяк попытался отстраниться. — Соринка попала.

Однако светловолосую это не остановило. Она крепко схватила Логи под челюсть

пальцами, вынудив поднять лицо, после чего принялась внимательно изучать глазницу. Вялые попытки лысого вырваться она игнорировала.

— Даже не рыпайся, — посоветовал Квок — Ее даже отец боится, когда дело касается здоровья. Клар у нас самая боевая, три года провела лекарем на патрульном грависе. Будешь дергаться, сломает тебе ноги. Потом вылечит, конечно, но оно тебе надо?

Толстяк прекратил попытки сопротивления и покорно застыл.

— На островах? — с интересом спросил Брак.

— Республика, — ответила разведчица, внимательно вглядываясь под оттянутое веко. — К ним на побережье регулярно наведываются гости с востока с целью осмотреть достопримечательности и пограбить. Там, по слухам, целый пиратский город, скрытый в Сормовой Сыпи, вот и лезут. Толстяк, ты к лекарю ходил?

— Ходил. — голос Логи звучал приглушенно. — Холик сказал, что само заживет.

— Бреешь, — отрезала Кларита. — Он либо должен был дать тебе капли, либо он кретин. Были капли?

— Были. Но я забыл, сколько капать. К тому же глаз не болит. И видеть могу.

— Значит, кретин здесь только ты, — подытожила женщина, отпуская подбородок лысого. — Квок, у тебя еще остался тот мелкий пузырек? Намешай мне три капли жженки в соленой воде и добавь каплю отцовской мази для спины.

— Где я соленую воду тебе возьму? — Квок, однако, поднялся на ноги и пошел к тарге. — Мазы нет! Отец увез.

— Шарг с ней, потерпит, — Кларита повернулась обратно к толстяку, — Ты же потерпишь?

— Что потерплю? — подозрительно сощурился Логи и попытался потереть глаз, но был остановлен хлестким ударом по руке. — Что там?

— Хана твоему глазу, дурень, — ласково ответила ему светловолосая. — Жженка либо поможет, либо нет. Я ставлю на второе, к тому же ты в любом случае больше не сможешь нормально видеть. Чтобы ты понимал, еще вчера шансы были бы гораздо выше.

— Держи, — подошедший Квок протянул сестре маленький железный пузырек. — Только учти, ему еще до вечера Впадину трамбовать.

— Знаю, — отмахнулась та. — Я самую малость, выдержит. Вон как хорохорится. Как вернется, дам остальное.

Она оторвала кусок бинта, сложила его в несколько раз и промокнула жидкостью из пузырька. Тряпка окрасилась бурым.

Толстяк заподозрил неладное и, судорожно порывшись по карманам, вытащил не свет крохотную бутылочку. Показал ее Гряземесам, осторожно пытаясь отползти от тряпки.

— Это от Холика. Может ей?

— А давай! — обрадовалась светловолосая. — Самое время ссать на догорающий трак.

Она приблизилась к толстяку и потянулась за бутылочкой, а когда тот отвлекся — с неожиданной силой дернула руку лысого на себя и резким движением припечатала тряпку к глазнице.

Логи отшатнулся, от неожиданности опрокинувшись на спину, после чего истошно завопил и схватился за лицо.

Кларита удовлетворенно распрямилась, подошла к столу и плеснула себе в кружку из фляги. Придирчиво выбрала пирожок и снова развалилась на одеяле, не обращая внимания на орущего и катающегося по земле толстяка.

Квок, вновь взявший в руки фалгарну, извлек из нее протяжную трагическую ноту.

На наевшегося Брака надели близнецы, с требованием немедленно дать им жажнуть. Пока шла суматоха у костра, они успели натаскать две внушительных пирамидки из разномастных камней неподалеку от обрыва, и теперь нетерпеливо тянули калеку туда.

Пришлось вставать и идти. Учитывая ту легкость, с которой близнецы добрались до жахателя, единственное что их удерживало от самостоятельных действий — это отсутствие банок, которые сейчас лежали в сумке калеки. И неизвестно, как далеко они могут зайти в своих попытках из заполучить.

Вообще, никто в клане не запрещал молодняку владеть оружием. Воспитание и обучение целиком лежало на плечах родителей, поэтому многие из детей рано получали свои первые копья и ножи. Но жахатель это уже кое-что посерьезнее. Заправка банок стоит немало, сделать это самостоятельно не так-то просто, даже при наличии прямых рук и компрессора. Да и последствия от неудачного применения карманной артиллерии могут быть печальными, достаточно вспомнить историю Подвеса. Конечно, там был скраппер, но жахатель тоже может натворить бед.

Поэтому близнецов понять можно, это едва ли не единственный для них шанс опробовать оружие в деле. В противном случае придется ждать Поиска, да и там неизвестно, как все сложится.

К чести мелкотни, разобрались они моментально. Сразу видно влияние Сельмы, старательно вкладывавшей в лохматые головы умение быстро соображать. Первый важно выслушал пояснения Брака, с третьей попытки вставил банку правильным концом и замер в величественной позе. Прильнувшая к длинному окуляру Левая махнула ему рукой, после чего парень неторопливо навел ствол на пирамидку и жахнул.

Голубая вспышка ударила чуть правее, зацепив грудку камней самым краем, но этого хватило. Бульжники разметало, часть отправилась в долгий пологий полет в сторону бухты, остальные просто скатились с обрыва. Будто невидимый великан дунул. Отдачей Правого опрокинуло, но жахатель он из рук не выпустил и теперь сидел на заднице с глупой и счастливой улыбкой. Над обрывом кружили потревоженные чайки.

— Мазила! — подбежавшая Левая выхватила оружие из рук брата и торопливо принялась перезаряжать. — Такой момент испоганил.

— Да что ты видела в эту трубу? — обиженно произнес Правый, поднимаясь с камней. — Я на тебя посмотрю, как ты попадешь. Брак, она его точно сломает.

— Не сломаю. А в окуляр все видно, просто глаз второй закрывать не надо. Мне Квок рассказал, пока кое-кто чаек считал. — она ловко сменила банку и теперь пыхтела, взводя тугую пружину. — Брак, я сама. Все правильно теперь?

Калека кивнул и пошел к окуляру. Он давно его заприметил, и все гадал, откуда у Гряземесов такое устройство. Наверняка ведь не слабее того, через который Римма наблюдала за охотой. Если владелец Квок — наверняка притащил с островов, в степи такие просто не делают.

Осмотр вблизи подтвердил мысли Брака. Окуляр явно предназначался для цепов. Картинка в нем приближалась настолько, что можно было разглядеть плавники катранов на выходе из бухты. Разобравшись с треногой, перевел зрительную трубу на грудку камней.

— Жахаю! — завопила Левая.

Ее попытка вышла гораздо удачнее. Столб эйра с грохотом ударил прямиком в

основание пирамиды, широким веером зашвырнув камни в море. Крупные бульжники летели неохотно, зато всякая мелочевка унеслась со свистом, окончательно расшугав птиц. Одна из чаек, трепыхаясь и истошно вопя, упала вниз. Калека проводил окуляром ее недолгий полет, окончившийся на груде камней, образовавшейся после обвала.

— Воооооо! — счастливо заорала девчонка. При выстреле ее пошатнуло, но она удержалась. — Добы-ы-ыча!

Она гордо сунула жахатель в руки подошедшего Брака и с вызовом взглянула на брата.

— Ну и кто теперь криворукая? Кто теперь жахатель сломает и на задницу упадет?

— Ты выше и у меня подсмотрела, как жахать правильно. А с чайкой просто повезло, я их первый спугнул.

Голос Первого сквозил обидой на несправедливость этого мира.

— Жалкие оправдания неудачника. Просто признай, что я умнее и лучше во всем. А еще у меня первый трофей, а у тебя сопля из носа торчит, — Левая повернулась к калеке и спросила: — Брак, а из чаек эйносы бывают?

Тот подумал и мотнул головой, убирая пустые банки в сумку:

— Эйносы у всех бывают. Разве что у совсем букашек их нет. Но что они делают у чаек — никто не знает. Может, рыбу помогают искать или прицеливаться, когда гадят. Если узнаешь и научишься использовать — разбогатеешь. Этих тварей на побережье немеряно.

— А такое часто бывает? — Правый утер нос и уточнил: — Ну, когда новые эйносы находят.

— Не очень. Большую часть тех, которыми легко пользоваться, уже давно открыли. Обычно это дело случая, зачастую несчастного.

Брак вспомнил жуткую историю о том, как на Талензе почти поголовно истребили собак, узнав о свойствах их эйносов. Из них можно было изготавливать нюхачи, способные по образцу запаха искать его источники вокруг устройства. Нетрудно представить участь несчастных шавок в захлестнувшем Старый Свет безумии. Все, от искателей сокровищ до стражников, стремились обзавестись нюхачом. От поголовного истребления собак спасло только то, что их к тому времени успели завести на Гардаш, где они расплодились в неосвоенных землях и стремительно дичали.

Пожалуй, не стоит ее сейчас рассказывать. Каждой истории свое время.

Подумав, Брак вспомнил давешнего торговца на красном траке и улыбнулся. Это близнецам точно понравится. Все любят ловких дельцов и необычные штуковины.

У костра все было по-прежнему, разве что угрюмый толстяк сидел надувшийся, как рапа на яйцах, и поминутно ощупывал новую повязку на глазу.

Брак как раз заканчивал рассказывать раскрывшим рты близнецам о необычном эйносе, когда ветер донес со стороны плато гул двигателя. Ярлан подъехал стремительно, умудрившись заякориться на расстоянии вытянутой руки от Квока. Тот даже бровью не повел, продолжая извлекать из инструмента незамысловатую мелодию.

— Готовы? — Старший разведчик даже не стал слезать со скиммера. — Собирайтесь, едем. Багажник почему еще не свели?

Брак пожал плечами. Сорванный багажник это последнее, о чем он думал. Логи с трудом поднялся и болезненно скривился.

— Квок, сведи им багажник по-быстрому. Толстый, что с глазом?

— Я жженку залила. Там совсем все плохо. — Кларита помахала пузырьком. — Совсем чуть чуть.

— Паршиво, он мне нужен свежий. Плесни ему из дальней фляги, на три пальца. — Ярлан уставился на Брака с недоумением. — А ты что стоишь? Иди помогай с багажником и буди скиммер. Не забудьте про защиту, остальные вещи можете оставить.

Когда изрядно повеселевший Логи, скрипя курткой и на ходу натягивая шлем подошел к скиммеру, багажник уже занял свое законное место. Кривовато, но Квок заверил калеку, что этого будет достаточно.

Ярлан остановился рядом, нетерпеливо велел трогаться и следовать за ним. На вопрос калеки о том, куда именно они поедут, он лишь многозначительно улыбнулся и подмигнул сыну.

Брак со вздохом занял свое место за толстяком и вцепился в его куртку, посетовав на отсутствие подножек и ручек.

Логи рванул с места, забыв поднять якорь и разбрасывая снопы искр, но быстро исправился и уверенно повел скиммер вслед за удаляющимся разведчиком.

Квок проводил машины взглядом, хмыкнул и пошел к тарге. Самое время доставать мясо.

— И что это такое? — с недоумением спросил Логи, глядя вниз.

Ярлан привел напарников к широкому и пологому основанию расселины, плавно уходящей куда-то в сторону Подмышки. Спуск был широкий, ровный и прямой, покрытый плотно утрамбованной каменной крошкой и покатыми валунами. Дорога тянулась на сотню шагов, после чего терялась за поворотом.

— Это, мой юный ученик, называется Голая Впадина. — Ярлан многозначительно поднял вверх палец, совершая какие-то манипуляции с баком тяжелого скиммера. — Между прочим, раньше было одним из самых больших ущелий на Плещи.

— А я почему о нем не слышал? — в отличие от Брака, который со стоном сполз со своего места и прихрамывая мерил шагами камень, Логи слезать не спешил. — Я почти все расселины знаю.

— Из-за Южной Подмышки. Ты родился не так давно, вот и не знаешь.

Ярлан закончил с баком, поставил на землю тяжелую канистру и закурил.

— Из этого ущелья раньше был прямой выход в грот. Не слишком широкий, к тому же сквозь сеть пещер. Там шарг ногу сломит, темно и сыро. Но если знать дорогу, скиммеры или небольшая тарга могли проехать напрямик к бухте, минуя Глотку, — он глубоко затынулся и покачал головой. — Скорее всего, именно из-за пещер Подмышка схлопнулась. Хотя кто знает? После тех событий о существовании Впадины предпочитают не вспоминать. Делать здесь нечего, а слухи ходят неприятные.

Напарники по-новому посмотрели на ущелье. Оттуда как-то незаметно потянуло холодным ветерком, донесшим призрачные шепотки. Несмотря на палящее солнце, повеяло потусторонней жутью.

— Сейчас это просто ущелье, пещеры давно недоступны. Вода туда по-прежнему уходит, но протиснуться через завалы невозможно. Проход сначала широкий, но постепенно сужается и ветвится. Большинство ответвлений становятся узкими настолько, что даже пешему невозможно протиснуться, шесть оканчиваются тупиком.

Ярлан принялся пристраивать канистру на свой скиммер. Напарники озадаченно за ним наблюдали, не понимая, что от них хотят.

— У вас вода есть? — неожиданно спросил разведчик.

— У меня фляга, — показал толстяк.

— И у меня.

— Отлично. Тогда слушайте меня. В одном из тупиков я пометил камушек своей меткой. Краска желтая, не пропустите. Привезите его назад к костру.

— Что? — изумленно спросил Брак.

— Я туда не полезу, — насупился Логи.

Ярлан не обратил на них внимания. Оседлал скиммер, надвинул на глаза щиток и закончил:

— Времени вам до темноты. Хотя я бы не задерживался так долго, иначе мы сожрем всего драка. Квок уже должен был начать. Вода у вас есть, толстяк уверен, что освоил скиммер... Так что вперед.

Он тронулся было, но остановился. Повернул к напарникам голову и добавил:

— Пешком не суйтесь, не успеете. Да и камешек тяжело будет нести. Если думаете

отказаться — завтра весь клан будет знать, что толстый и калека зассали и бросили отличный скиммер в Голой Впадине.

— Почему бросили? — недоуменно спросил Логи, но Ярлан помахал рукой и уехал.

Брак уже знал ответ и с тоской посмотрел на бак. Эйра там оставалась едва-ли четверть, остальное хитрый Гряземес слил и увез.

— Потому-что если мы там застрянем без эйра, никто не будет нас вытаскивать, — уныло пояснил он напарнику. — А у нас в баке как раз до вечера осталось, и это если шарик не будить.

— Да пошел он к шаргу! — возмущенно взревел толстяк. — Я туда не поеду! Мы только сегодня на скиммер сели, а этот говнюк предлагает нам лезть в ущелье рядом с Южной? Да мы там не развернемся, и проходов наверняка до жопы. Поехали назад, пусть сам ищет свой сраный камень.

Брак с тоской вздохнул. Он бы с огромным удовольствием так и сделал. Вернулся бы в лагерь, проглотил насмешки и забыл об этом. Но хитрый Ярлан все верно рассчитал. Они обязательно полезут в ущелье за этим сраным камнем, потому что...

— Брак, мы обязаны достать этот шаргов камень! Пошел он в задницу, если думает, что мы струсим. Шаргова плесень, чтобы я из-за какого-то Гряземеса...

Ну вот, обреченно вздохнул Брак, слушая беснующегося напарника. Теперь точно придется лезть вниз. Не просто так Ярлан выпивку ему дал. Толстяка задели за живое, теперь он усрется, лишь бы не ударить в грязь лицом. Вряд ли старший разведчик действительно собирается рассказать всему клану, но лысому этого не объяснишь. Вон как покраснел и пыхтит, будто люторог на побережье. Пора это заканчивать.

— Достанем, куда денемся. — Брак опустил в сиденье и хлопнул напарника по плечу. — Только осторожно давай.

Толстяк завершил тираду смачным эпитетом в сторону Ярлановской мамы и кивнул. Поправил шлем и скрежеща полуопущенными якорями тронул скиммер вперед. Широкие колеса легко проглатывали неровности и мелкие бульжники, гравка тихо гудела.

Начало пути оказалось на удивление простым и скучным. Спуск напоминал уменьшенную копию Глотки, все те-же черные стены, уходящие вертикально вверх, такая же мелкая щебенка под колесами. Разве что не так просторно и света меньше.

Но все встало на свои места, едва напарники достигли поворота. Толстяк с трудом вывернул руль слишком разогнавшегося скиммера, мимо в опасной близости мелькнула стена, но удалось проскочить. Зато, повернув, едва не уперлись в здоровенный обломок скалы, перегородивший добрую половину ущелья.

— Может пешком проверим? — предложил Брак, но толстяк упрямо мотнул головой и повел скиммер сквозь узкий проход. В тишине ущелья, скрежет руля по камню заставил калеку испуганно дернуться, а пальцы рук Логи побелели.

Скиммер проскочил узкое место и покатил дальше по извилистому проходу. Напарники спустились уже глубоко, о том, что на поверхности сейчас день, напоминала лишь узкая полоска света, мелькавшая наверху. Периодически она пропадала — стены ущелья отнюдь не отличались идеальной ровностью. Брак показал напарнику, где включать светильники, и на матово-черные стены упали два ярких снопа света.

Логи на удивление быстро принаоровился. И если поначалу он осторожничал и полз со скоростью гразга, то вскоре, к вящему ужасу калеки, вошел во вкус. Стены расселины проносились мимо с пугающей быстротой, а больше Брак ничего толком не видел из-за

широкой спины напарника. Высовывать голову он опасался, справедливо опасаясь оставить ее на стене длинной и неопрятной красной полосой.

Скиммер внезапно резко замедлился, послышался скрежет якорей. Дождавшись полной остановки, Логи не оборачиваясь ткнул напарника в коленку:

— Куда дальше?

Брак осторожно выглянул. Они остановились на первой развилке. Свет солнца сюда доставал, освещая два темных прохода неровной формы.

Калека слез со скиммера и изучил пол в поисках следов. Бесполезно, щебенки здесь почти нет, кругом гладко окатанный водой камень, на котором скиммер следов не оставляет. Даже царапин от якорей нет, Ярлан не стал бы оставлять такие очевидные подсказки. Да и оба прохода выглядели одинаково, загадочно и зловеще. Как узнать, в каком из них напарников поджидает заветный меченый камень, а в каком лишь мрачная пустота, наполненная...

Логи с шумом разгрыз медузку и зачавкал, нарушив всю жуткуоватую идиллию момента. Его страх перед ущельем давно прошел и толстяк с удовольствием тарачился вокруг.

— Поехали направо, — махнул рукой калека. — Только не гони так.

— Чем быстрее, тем легче. Если еле плестись, никуда не впишешься и опрокинуться можем. — Логи крутанул вентиль и гравка загудела чуть громче. — А почему направо? Заметил что?

— Там стрелочка нарисована желтой краской.

— Правда?

— Нет. — сказал калека, усаживаясь на сиденье. Ему здесь отчаянно не нравилось.

После первой развилки стало как будто легче. Толстяк быстро вел машину по узкому проходу, лишь изредка чиркая стены рулем. Дорогу по-прежнему преграждали валяющиеся обломки скал, в стенах нередко мелькали уходящие куда-то в стороны узкие трещины, а один раз напарникам даже пришлось наклонять головы, чтобы проехать под наискось нависающим куском стены. Но первоначальный страх ушел, первобытный ужас перед темнотой и старыми байками растворился в свете фонарей, а Логи вел скиммер все увереннее.

Дорогу напарники выбирали всегда самую правую, по настоянию калеки. На пути встретилось уже четыре развилки, так будет проще запомнить неисследованные проходы.

В первую неприятность влипли по собственной невнимательности. Калека задумался, Логи разогнался и не заметил что мелькающие мимо стены резко приблизились. Хорошо, что толстяк успел заякориться раньше, чем сузившийся проход намертво заклинит руль. Пути впереди не было, узкая щель круто изгибалась в толще камня. Со стен с легким перестуком осыпались мелкие камешки.

— И что делать? — лысый попытался повернуться к напарнику, но ни шарга не разглядел. Темнота подступила вплотную, а стены как будто поглощали свет фонарей.

— Назад ехать, что еще... Мы с тобой идиоты. Ярлан же предупреждал об узких проходах. А мы поперлись вперед как самые настоящие кретины. Надо было сразу понять что проход сужается. А если бы мы застряли? Эйра не так много, назад пешком, скиммер отсюда не вытащишь...

— Утомонись. — Логи привычно ткнул пальцем в колено, калека ойкнул и замолчал. — Давай по порядку. Как нам ехать назад? Ногами толкаться?

В темноте за спиной что-то завозилось, послышался скрежет, а затем и голос слегка успокоившегося Брака:

— Трогай назад, только очень осторожно.

Логи аккуратно нажал педаль. Скиммер вздрогнул и медленно покатился назад, скрежеща багажником. Не видно было ни шарга, поэтому толстяк остановил машину и тяжело оперся на ноги.

— Брак, ты можешь сделать так, чтобы один фонарь светил назад? У меня постоянно ощущение, что меня сейчас из темноты за жопу схватит нечто ужасное.

Толстяк провел несколько томительных секунд, напрягая задницу в ожидании, но калека на подачу не отреагировал. Значит, либо крепко задумался, либо ему очень паршиво. Да и самому Логи узкий проход действовал на нервы, особенно напрягала перспектива еще неизвестное количество времени таскаться по его братьям-близнецам. Ведь наверняка они еще не один раз упрутся в такую задницу, прежде чем отыщут шаргов камень.

— Могу. Но не здесь. И придется усыплять все. Давай лучше просто не будем в такую задницу залезать. — голос калеки звучал глухо.

Логи все-таки сумел сдать назад в достаточно широкое для разворота место. Едва не застрял, раскорячившись, но вывернул, вполголоса кляня напарника за то, что не мог сделать скиммер чуть поменьше.

Брак вновь перекинул рычаг, и толстяк повел машину назад.

Следующий час напарники почти не общались. Брак сидел нахохлившись и проклинал себя за малодушие. Давно следовало принять решение и отправиться на яхту, а не ввязываться в эту авантюру. Толща камня над головой подавляла, в глазах рябило от пляски лучей света по стенам.

Логи тоже молчал, лишь изредка сквозь зубы ругаясь, когда очередной ход начинал резко сужаться. Прежних ошибок толстяк не допускал, разворачиваясь загодя, но нет-нет да и мелькала предательская мыслишка о том, что он поторопился и пропустил проход с камнем.

Тупик вынырнул из темноты внезапно, на пятый или шестой раз. Проход резко расширился, выпуская скиммер на округлую площадку. Света не было, колодец стен над головой изгибался куда-то вбок, не позволяя солнцу проникнуть внутрь. Да и неизвестно, есть ли там вообще выход на поверхность. Дорогу впереди перегораживал завал из влажно блестящих камней размером с таргу, сжатых исполинскими ладонями стен.

— Все, не могу больше, — мокрый от пота толстяк сполз с сиденья и потянулся за флягой. — Шаргова плесень, не знал, что со скиммером так тяжело.

Брак тоже слез, едва не рухнув при этом на землю. Нога онемела от долгой езды, к тому же он здорово замерз.

Луч света от двух фонарей разгонял темноту узким конусом, разбиваясь об темные стены, и калека вяло подумал, что стоило бы развести их в стороны. Покачал руль, поведя светом по пещере.

— Медленнее веди, я ищу шаргов камень! — изломанная тень толстяка на каменном завале казалась мифическим чудовищем, нависающим над людишками.

Брак покладисто повернул руль в сторону завала. Логи бродил, пиная обломки и изредка

наклоняясь.

— Ты же не думаешь, что нам повезет с первой попытки? — скептически произнес

Брак. — В этом шарговом ущелье шесть шарговых...

— СУУУУУУКА! ЯРЛАН, КАКАЯ ЖЕ ТЫ СУКА!

Рев толстяка заставил калеку испуганно подпрыгнуть, и выпустить руль. Луч заметался по пещере, уткнувшись куда-то в угол.

— Бракованный, свети сюда. — голос Логи звучал неожиданно спокойно, даже буднично.

Парень вновь взялся за рукоятку. В свете фонаря возвышался толстяк, поставив ногу на здоровенную каменюку.

На темной поверхности каменного обломка ярко желтел грубо нарисованный кулак с выставленным вверх средним пальцем.

— Нет, ну каков ублюдок! — наверное в сотый раз произнес Логи, пыхтя и упираясь спиной в останки багажника. — Принесите ему "камешек". Вернемся, в задницу ему этот камешек затолкаю.

Брак был с напарником полностью согласен, но промолчал, занятый сведением "камешка" над задним колесом. Весил он как гигатрак, удивительно что толстяк вообще смог его поднять. Для нормального крепления пришлось закручивать решетку чуть ли не в узел, иначе они рисковали потерять обломок по дороге. Радует лишь, что эйра в воздухе предостаточно, потоки воды столетиями нагоняли его сюда, пропитав воздух кислыми испарениями.

Закончив, долго сидели на камнях, тупо уставившись на оскорбительный желтый рисунок. Скиммер пришлось подогнать вплотную к стене, чтобы хватило света для работы.

— Как думаешь, у него правда такая метка? — Брак отхлебнул из фляжки. За время работы он согрелся, но совершенно вымотался.

— Не удивлюсь. За каким шаргом я вообще тебя послушал? Надо было к Таргану идти, — Логи злобно посмотрел на содержимое искореженного багажника и сплюнул. — Взял бы Там-Там, сейчас бы расколотили эту штуку, ссыпали в мешочек и уже возвращались назад. Небось уже драка моего доедают.

Он снова сплюнул и поднялся.

— Мне Гряземесы вообще не нравятся. А тебе приперло обратиться с самому ненормальному из них. Всего то надо было научиться скиммер водить, а не сидеть в самой темной заднице на Плещи.

— А как же Кларита и ваша великая любовь? — Брак тоже встал и принялся напоследок проверять крепеж обломка.

— Она вообще на всю голову ушибленная. — Логи потер повязку. — Самая ненормальная из этой шайки. К тому же, у нее парень есть, свадьба через два месяца.

— Это кто же тебя так обломал? Кто посмел посягнуть на любовь всей жизни величайшего из воинов Котобоев? — язвительно спросил Брак. — Кто этот безумец, чье прекрасное лицо лишь по трагическому недоразумению все еще не вбито прямиком в череп?

Толстяк уселся на сиденье и с лязгом поднял якорь.

— Уж точно не огромный нойт с южных островов для ночных утех. Какой-то Гряземес. Откуда я знаю? — он потянулся назад, но до рычага не достал — Садись уже и переключи на

задний ход. Зачем ты вообще его так далеко запихал?

— Я же не рассчитывал, что придется ползать на скиммере по тоннелям, в которых теснее чем у Жирного в траке за семейным ужином. — Брак сел и перевел рычаг. — Переделаю на стоянке, это несложно.

— Ну хоть какая-то польза от этого места. — проворчал лысый, сдавая назад. — А за мою семью ты еще ответишь, прибудыш. Будешь теперь ходить и огля...

Компрессор стукнул и затих, а вслед за ним поочередно уснули движок и гравка. Последними, померцав, погасли фонари.

Напарники остались в кромешной темноте.

С уснувшими эйносами на напарников обрушилась звенящая тишина. Какое-то время потрескивал остывающий металл, но вскоре даже этот звук затих. Где-то неподалеку капала вода.

— Брак?

— Не знаю, эйр еще был. Попробуй покачать компрессор.

— Я ни шарга не вижу. Есть чем подсветить?

Брак с трудом отогнал подступающую панику. Это нормально, просто вырубился компрессор. Сейчас толстяк его запустит и они уберутся из этой дыры.

Парень на ощупь вытащил из сумки железный штырек и раскалил кончик, кое-как подсветивший все вокруг красноватым сиянием.

Логи наконец нашел рычаг компрессора и принялся его качать. Но даже с двадцатой попытки, двигатель остался глух к попыткам его разбудить.

— Брак, не запускается, — толстяк продолжал терзать рычаг, а в голосе прорезалась несвойственная для него нервозность. — Что делать?

Калека бросил штырек на камни, где он зашипел, исходя паром. Собрался с мыслями. Страшно было до усрачки, а Логи своими воплями только мешал.

— Слезь и помолчи.

Туша напарника со скрипом слезла с сиденья и замерла в темноте, выдавая себя только шумным сопеньем.

Что могло пойти не так? Эйр в баке точно оставался, Брак проверял его едва ли не поминутно. Дело точно не в гравке или фонарях, они просто получают эйр и ни на что не влияют. Значит, либо двигатель, либо компрессор.

— Брак, ты еще долго? Мне помочь?

— Логи, просто заткнись и помолчи хоть пять минут.

Итак, либо компрессор, либо двигатель. Если умер двигатель, то компрессор тоже прекратит работу, значит отрубятся все остальные эйносы. Двигатель без эйра не запустишь, значит проверить его не выйдет. Зато компрессор можно качать вручную, пусть и слабо. Значит, нужно проверять в первую очередь его. Нужен только слабый эйнос, который покажет, работает ли шаргова железка. Хотя нет, даже эйнос не нужен, здесь же темно.

Сумбурные мысли выстроились, наконец, в упорядоченную картину. На самом деле, все очень просто.

Брак аккуратно пересел на место водителя и перекрыл эйр обоим фонарям. На ощупь раскалил одну из идущих от компрессора трубочек и аккуратно ее отогнул.

Если теперь начать качать компрессор, вырывающийся из трубочки эйр будет слабо светиться голубым. Не будет света — значит сдохла именно шаргова железка. А это дело поправимое.

— Брак...

Калека лишь шикнул, не поднимая головы, и принялся сосредоточенно качать рычаг. Голубым не светилось. Значит, компрессор.

У Брака будто камень с души упал. Не важно, что именно там сломалось, такое устройство он сможет собрать даже из фляги, в полной темноте и с завязанными руками. Он здесь не застрянет!

— Брак!

— Что тебе, болезный? — калеке было так радостно, что даже назойливый толстяк не смог эту радость омрачить. — Жопа нам, помрем тут скоро.

— Оглянись!

Брак уловил нечто странное в голосе толстяка, поднял глаза и обомлел.

Пещера светилась. Светились стены, по которым волнами прокатывалось голубое пламя. Светились камни завала, каждый по отдельности и все вместе разом, позволяя различить каждый скол на своей поверхности. Нежно голубым светился пол, местами сияя чистой бирюзой, как будто Брак стоял на поверхности океана. И даже сам воздух светился, в воздухе плавали призрачные, едва различимые завихрения.

Это не похоже было на обычный дневной свет, как не похоже было и на эйровые светильники. Будто оказался ночью в океане, только он окружает тебя со всех сторон разом и светится в тысячу раз ярче.

Брак замер, пораженный увиденным. Не сразу осознал, что он прекрасно видит сидящего напарника, да и переливающийся скиммер можно разглядеть до самой последней детали.

— Это... Я бы никогда не подумал...

— Угу... — в голосе Логи слышалась почтительность, никогда прежде не слышанная калекой. Его широко раскрытый глаз сверкал в темноте, будто пытаешь увидеть все и сразу.

Говорить не хотелось. Брак чувствовал, что ему просто не хватит слов. Судя по виду толстяка, он тоже испытывал нечто подобное, так что напарники просто молча сидели и смотрели.

Сидели до тех пор, пока холод пещеры не напомнил о себе трясущимися зубами и окоченевшими руками.

Брак пришел в себя, улыбнулся и уверенным жестом отсоединил трубу, идущую от бака. Пошарил занемевшими пальцами, вытянув из недр компрессора маленький круглый шарик на бечевке. Криво ухмыльнулся и спрятал шарик в куртку.

— Ну что там? — голос толстяка дрожал от холода.

— Буди и поехали, пора возвращаться — Брак наскоро вернул все трубки на место, подобрал с пола штырек и уселся на скиммер. — А то все без нас съедят.

Возвращались молча, переваривая увиденное. Логи не стал зажигать фонари, ведя машину по светящимся голубым тоннелям. Глядя на темные стрелки, указывающие путь на развилках, Брак глубоко задумался. Сколько всего клановых знают об этом маленьком чуде, сотворенным природой? Многие ли из молодых оболтусов догадаются выключить свет фонарей в самых глубоких расселинах, чтобы увидеть это незабываемое зрелище? Вряд ли таких много.

Наверное, попробуй Ярлан объяснить это словами, у него бы ничего не вышло. Ведь нужно что-то гораздо сильнее слов, чтобы заставить двух едва обученных парней рисковать своим скиммером, спуститься в самые глубины плато лишь для того, чтобы увидеть как светится эйр?

Лишь когда они достигли поверхности, с сожалением глядя на то, как светящиеся голубым участки сменяются мертвым камнем, Логи прорвало.

— Брак, это было охренительно! Шаргова плесень, да это самое прекрасное, что я видел в своей жизни! — он выкрутил руль и неспешно покати́л в сторону лагеря, хотя явно мог

ехать быстрее.

— Согласен, — Брак кинул взгляд на закатное солнце. — Мы там несколько часов проторчали.

— Я бы и дольше остался, но замерз как... как... Замерз, короче, — Логи помахал ладонью, придерживая руль одной рукой. — Подумать только, если бы твой скиммер не навернулся, мы бы ничего этого не увидели.

— Он не мог не навернуться, Логи.

— То есть? — толстяк попытался оглянуться, но оставил эту затею.

— Старый трюк с компрессором, мне Часовщик рассказывал. Я только потом догадался посмотреть. Скорее всего — работа Квока. Стоило нам надолго остановиться, и все.

— То есть, это все специально? Шарговы Гряземесы, не могли прямо сказать. А если бы мы не остановились?

— А ты думаешь, этот сраный бульжник от нечего делать такой тяжелый? Если бы Ярлан просто хотел, чтобы мы добрались до завала, он выбрал бы что поменьше. А пока мы стояли и мучались с погрузкой, компрессор сдох.

— Ублюдки, — с искренним восхищением выдохнул толстяк, сворачивая к горевшему на утесе костру. — Так нас развести. Я даже почти передумал запихивать “камешек” в его задницу.

Подошедших напарников встретил одуряющий запах мяса, дружный хохот и пять пар смеющихся глаз.

— Сука, Ярлан! Какая же ты сука! — старший искатель очень убедительно изобразил рев толстяка. — Притащили мой камешек?

Логи ошеломленно замер, да и Брак застыл. Калека был готов поклясться, что в пещере кроме них никого не было.

Ярлан, поняв причину их замешательства, помахал в воздухе коротким костяным конусом, от которого пучком свисали тонкие гибкие трубки.

— Слухач. На воздухе работает паршиво, зато сквозь камень можно услышать, как пердят кроты в Талензе.

— Брак, я передумал. Пойду принесу бульжник и затолкаю ему в жопу! — сварливо буркнул Логи, чем вызвал новый взрыв хохота.

К скиммеру толстяк, конечно, не пошел. Плюхнулся на свободное одеяло у костра, блаженно вытянув ладони к огню. Рядом в той же позе присел Брак.

Квок снял с решетки два здоровенных куса хвоста, густо присыпал их специями и, разложив по тарелкам, передал напарникам. Вечер наполнился жадным чавканьем и урчаньем.

— Ярлан, скажи, — насытившийся Брак с сожалением оторвался от мяса и обратился к старшему разведчику. — Меченых камней было шесть?

Тот остро взглянул на калеку, а потом рассмеялся:

— Камень был один. В Голой Впадине только одна пещера. Я как понял, что вы ни шарга про нее не знаете, сразу решил подбросить вам лишней головной боли. Там всего четыре отнорка справа и три слева, даже круглый дурак за час на нее наткнется. Я сразу поехал к скале над пещерой, разложил слухач и ждал вас.

Логи, не выпуская мяса изо рта, утробно взвыл и сделал вид что рвется к скиммеру.

Ярлан усмехнулся и продолжил:

— Обычно мы так молодых искателей гоняем, из тех, кто посообразительнее.

Прошедшие Впадину за день учатся большому, чем иные за месяцы. — Он повернул голову и показал пальцем отметку на ухе. — Это за то, что не испугался и увидел Пещеру. В вашем случае это был самый простой способ. Вернетесь из Поиска — лично готов пробить вам уши, заслужили.

— И что, многие пугаются? — толстяк прожевал мясо и припал губами к горлышку заветной фляги. Кадык заходил ходуном.

— Многие. Половина не рискует даже в ущелье спуститься. Вокруг этих мест полно нехороших слухов, да и мы нагоняем жути. Топливо, угрозы... — Ярлан принялся набивать трубку. — Половина оставшихся сбегает, не найдя Пещеры, или застревают по глупости в проходах. Таких приходится потом вытаскивать. Один раз сожгли весь эйр, я канистру с поверхности спускал на веревке. Логи, ты получал когда-нибудь канистрой по голове?

Брак со стыдом для себя признал, что если бы не гордость и упертость толстяка, он бы тоже сбежал. Даже спускаться не стал бы. И ведь мог же сообразить, что никакой реальной опасности им не грозило. Слишком спокоен и расслаблен был Ярлан, оговорки Квока и Клариты... Но нет, опять заподозрил худшее и накрутил себя сверх меры. Еще и в узком проходе чуть не обделался от испуга.

— Мы даже не думали сбегать. — Логи увидел подходящую со знакомым пузырьком Клариту и поморщился, но отворачиваться не стал, лишь обреченно плотнул из фляги напоследок. — Ругались только, что нет веревки и ручных светильников.

— Давай свой глаз, красавчик, — женщина аккуратно смочила тряпку и подняла лысому подбородок. — Закуси это, боль будет шаргова.

Пока толстяк приглушенно орал и терзал зубами кожаный ремень, Ярлан неспешно раскуривал трубку. Дождался, когда лысый очухается, и как ни в чем не бывало ответил:

— А кто вам мешал взять веревку и светильники? Запомните, вы никогда не будете знать наверняка, что ждет вас за поворотом. Через час, завтра, через год... Нельзя предусмотреть вообще все. Если прямо сейчас этот утес обрушится вниз, нам не поможет ничто. Но ко всему прочему можно подготовиться заранее.

Разведчик Гряземесов глубоко затянулся и, прищурившись, посмотрел на раскрывающиеся над океаном Глаза.

— Вы можете обвешаться оружием — и сдохнуть от воспаленной царапины. Собрать лучший в мире трак — и оставить его ржаветь в степи с пустым баком. Видеть все вокруг — и разбить голову, споткнувшись об камень. Не в ваших силах повлиять на события, но именно ваши действия могут позволить избежать худшего исхода. Если вы не позаботились о себе сами, или этого все равно было недостаточно — вам останется только уповать на помощь тех, кому вы нужны. Даже если вы сами пока об этом не подозреваете.

Ярлан долго смотрел на океан и говорил. Потом тряхнул головой, недовольно взглянул на сына и пробурчал:

— А ты чего сидишь? Музыка давай. И пиво свое неси, тут молодежь в Поиск отправляется. Нас до утра не хватятся, когда еще так посидим?

На всю ночь посиделки, конечно, не продлились, близнецов пора было возвращать, да и ночевать на утесе Гряземесы не собирались. Когда от хвоста остались лишь разбросанные вокруг костра косточки, разговоры утихли, пиво из заначки было выпито, а голос самого Квока охрип от песен, Ярлан встал и разлил по кружкам остатки пойла из фляги.

Разведчик обвел глазами сидящих, задержав взгляд на своих детях. Квок и Кларита понимающе кивнули.

— Впервые покидать дом всегда тяжело. — торжественно начал Ярлан, воздев руку с кружкой к небу. — Но вы не парьтесь, нормально все будет. Возвращаться куда тяжелее, но вы справитесь, если не совсем недоумки.

Близнецы от такого продолжения прыснули. Им тоже досталось по глотку самогона, смешанного со сладким островным чаем. Глаза поверх кружек сонно блестели.

Выпили. Ярлан со звоном бросил кружку на камень и сильно припечатал ногой, сминая тонкий металл в лепешку. То же самое проделали Квок и Кларита. В ответ на недоуменный взгляд Котобоев, искатель лишь приглашающе махнул рукой и сказал:

— Что сидите? Давите уже.

Напарники пожали плечами, но послушно повторили трюк с кружкой. Браку было проще, протез смял жестянку с первого удара, а вот близнецы замешкались. Правому даже пришлось хорошенько попрыгать двумя ногами, прежде чем железо поддалось.

Квок собрал останки кружек в сумку и пояснил:

— Старая традиция Гряземесов. После хорошей попойки всегда плющат посуду из которой пили, потом плавят и делают из нее обереги на память. У отца вся каюта ими увешана. Заедете перед отправкой, отдам вам. Ленъ сейчас сводить.

— Не обязательно после попойки, — уточнила Кларита. — После удачной совместной охоты тоже, да и просто при знакомстве, если все прошло душевно.

— Ты это отцу расскажи, — хохотнул Квок. — У него таких от силы штук пять, остальное напоминает исключительно о пьянках.

— Цыц, щегол, — благодушно улыбнулся Ярлан. — Сперва добейся, пробей уши, поживи с мое, убей своего первого врага и вырасти сына. А потом я посмотрю на твои памятки, если доживу и вообще смогу об этом вспомнить.

Он взглянул на глаза в небе, вздохнул и повернулся к остальным:

— Пора собираться. Уже за полночь.

Гряземесы споро собрали вещи и принялись таскать их в кузов тарги. Близнецы сонно кивали носами у догорающего костра.

Брак приуныл, глядя на сборы. Уезжать с утеса не хотелось. Ветра нет, камень все еще отдает накопленное за день тепло, океан пылает эйром. А дома ждет Джус, который наверняка примется орать на сына за то, что он где-то пропадал весь день. После тренировок, чудес Пещеры и посиделок у костра, идея вернуться в провонявший тесный трак казалось кошунственной.

Он повернулся к Логи, который тоже не спешил подниматься на ноги.

— Может, прямо тут заночуем? Вещей у нас почти нет, кроме скиммера.

— Угу. — толстяк потер свежую повязку и сыто рыгнул. — Не хочу никуда ехать. Главное, чтобы дождь к утру не начался. А то смочит к шарговой матери.

— Два одеяла оставьте себе, потом завезете, — неслышно подошедший сзади Квок бросил между напарниками мешок. — Тут остатки жратвы. И еще фляга, я туда все жидкое слил. Пейте на свой риск.

Брак покосился на мешок и спросил:

— И часто остаются тут ночевать?

— После Пещеры почти всегда, если дождя нет. Не вы первые, мне тоже никуда не хотелось. — механик мечтательно закатил глаза. — Правда со мной была огненно-рыжая красавица из Красноголовых, а вам придется довольствоваться друг другом.

Калека порылся в карманах куртки и протянул Гряземесу шарик на бечевке, но тот

отмахнулся:

— Оставь себе, на память. Вдруг пригодится кому компрессор грохнуть, — Квок с усмешкой посмотрел на прячущего шарик парня. — Быстро нашел?

— Почти сразу, как понял ваш план. Я знал, где искать.

— Глубоко не пихай только, а то может насовсем заклинить.

Подошли остальные. Нахватавшиеся за день впечатлений близнецы устало висли на Кларите. Светловолосая удивительно быстро нашла с ними общий язык, а Левая так и вовсе не отлипала от женщины весь вечер.

— Остаются?

— Ага. — довольно осклабился Квок и протянул ладонь.

Ярлан вложил в нее зеленый кристалл, но расстроенным он при этом не выглядел. Смерил взглядом напарников, после чего достал из кармана круглую коробку с крышкой, напоминающую расплющенные часы.

— До утра все будет тихо. Днем нагонит облаков и начнется ливень, так что не задерживайтесь, — он что-то подкрутил в погодном эйносе и добавил. — Завтра ночью начнет штормить.

— Мать говорила, что только послезавтра накроет, — Левая зевнула и важно протянула руку напарникам. — Жалко, последняя ночь накроется. Счастливо вам оставаться. И не вздумайте свалить втихомолку.

— Надумаете сбежать — мы вас найдем, — зловеще добавил Правый, повторив жест сестры. — Не все долги можно искупить так легко.

— Где вы все-таки достали колесо? — Брак улыбнулся и вслед за толстяком пожал протянутые ладошки.

— Нам его подарили.

— Выиграли в кости.

— Нашли.

— Какое колесо?

— Толстый, помни про глаз, — Кларита кинула Логи крохотный пузырек. — Будет совсем плохо, капни пару капель, поможет. Ночи под звездами, Котобои. Хвост был хорош.

Когда все попрощались и разошлись по машинам, Ярлан задержался.

— Про Пещеру не трепитесь. На Плещи почти в каждой расселине стены светятся, но такое место всего одно. Узнает глупый молодняк, загадят. Поняли?

Он дождался утвердительного кивка и продолжил:

— Логи, руль не тяни, а толкай. Ты сильный, но за день в пути выдохнешься. И похудей, иначе загнешься через пару лет. Когда вернешься, покажу еще пару приемов, — разведчик задумчиво потрогал гладко выбритый подбородок, но добавлять ничего не стал, обратился к калеке:

— Брак, забудь про скиммер. Затея с шариком интересная, но бессмысленная. Ты можешь прицепить катрану крылья, но драком он от этого не станет. Сведи себе таргу, или трак. Дело даже не в ноге, я разных людей за рулем видел, просто это не твое.

Ярлан посмотрел в сторону загудевшей тарги, фонари которой ярко осветили обрыв.

— А вообще, вы молодцы. Добраться до Пещеры в тот же день, когда сели на скиммер — на моей памяти такое было всего трижды. Спасибо за вечер. Когда вернетесь из Поиска, обязательно повторим. Как раз подойдет пора отправляться близнецам, будет повод. Они у вас бойкие.

— Я бы другое слово употребил. Спасибо, Ярлан.

— Когда вернусь, сам покажу тебе пару приемов, — пробурчал Логи, но тоже пожал протянутую руку. — Спасибо. Но шутка с камнем была лишней. У тебя правда такая метка?

Ярлан ухмыльнулся и зашагал к своему скиммеру, на ходу ответив:

— Мой папаша был затейник. Вы еще метку Квока не видели. Ночи под звездами, Котобои.

Брак сидел на краю обрыва, подвернув под себя культю и глядя на переливающуюся огнями бухту. Свесить ноги, подобно близнецам, он не рискнул — пропасть внизу пугала, обещая захватывающий, но недолгий полет к громящимся снизу обломкам скал. Гряземесы уже уехали, отблески их фонарей вдали давно угасли. Толстяк возился у костра и чем-то гремел.

Протез калека отцепил — железяка за день сильно натерла, а неудачная попытка удержать заваливающийся скиммер наградила здоровенным синяком на колене.

Парень оглянулся, убедившись что напарник все еще занят у костра, после чего аккуратно скрутил верхнюю часть протеза. Внутри оказался небольшой тайник, плотно забитый тряпьем, которое не давало содержимому греметь при ходьбе.

Брак, порывшись в куртке, добавил к содержимому тайника фигурку скиммера и шарик, доставшийся от Квока. Уместились они там легко — кроме треугольника Фолдиса и старой заколки Симы, в тайнике было пусто. Раньше еще лежало зеркальце, но оно давно затерялось где-то в степи.

Аккуратно заворачивая в тряпку маленький скиммер, калека улыбался. Почти всю его жизнь тайник пустовал, лишь изредка приходилось прятать в нем кри и мелочевку. А здесь за пару дней вышло добавить целых три новых предмета. Возможно, завтра к ним присоединится еще обещанный Квоком амулет-памятка.

Вот ведь, как забавно выходит. Беспольный по сути хлам, за исключением печати северянина. И вместе с тем, каждый из предметов предлагает сделать свой выбор, который определит дальнейшую судьбу Брака.

Фигурка для “забойки” тихо нашептывает в ухо, что не стоит спешить. Неизвестно, чем обернется возня на севере, а под крылом у Часовщика всегда будет тихо и безопасно. Можно будет научиться лучше сводить, перенять науку старика, пожить в полноценной семье... Может быть, даже собрать собственную таргу, на которой он через несколько лет отправится в Поиск. Куда более надежный и мудрый план, чем на скорую руку придуманная Браком авантюра со скиммером и лысым напарником. Еще вчера днем калека был готов без раздумий ухватиться за предложение старшего механика.

Тусклый треугольник металла с отпечатком Фолдиса. Плюнуть на все, оставить ненужный больше скиммер напарнику и отправиться бороздить небеса. Проводить целые дни в компании Риммы, которая с радостью выслушает и запишет все истории, которые Брак сможет вспомнить. Посетить Сходы других кланов — северяне об этом не упоминали, но после объяснений Часовщика было несложно догадаться об их дальнейшем пути. Может быть, даже удастся получить постоянную должность на гравичепе, или зацепиться за что-нибудь в Республике. Научиться читать. Особенно, если калеке удастся каким-то образом проявить себя перед послом, или произвести впечатление на Эртауго. Можно отправиться хоть сейчас, достаточно показать треугольник любому из охранников яхты.

Шарик Квока. Пыль степи, больная задница, вонь и бесконечные глупости лысого... Отправиться шарг знает куда, ночевать под открытым небом, нарываться на все возможные неприятности в пути. Зная Логи, в этом можно было не сомневаться. Обязательно нарвется, толстяк сам ходячая неприятность. Придется забыть о спокойной и размеренной жизни. Кри у них нет, репутации тоже — значит придется из кожи вон лезть, чтобы нормально

устроиться. Нужно ли оно Браку? События прошедшего дня в очередной раз убедили калеку в том, что напарник он паршивый. Со скиммером не сладил, в пещере запаниковал... Не решит ли Логи в один прекрасный момент, что отлично справится в одиночку? Или парень опять себя накручивает?

Невольно вспомнились прощальные слова Гряземесов. “Звездной ночи, Котобой”. Старое клановое пожелание хорошей ночевки вдали от дома. Брак много раз слышал его, но никогда не задумывался о том, что звездной ночи пожелают ему самому. И что это будет так прекрасно — сидеть на краю обрыва и просто смотреть на океан. Будут ли у него дни, подобные этому, если он послушает фигурку или треугольник?

Был еще четвертый предмет, старая заколка Симы, свадебный подарок Джуса. Из простой бронзы, с единственным крохотным синим камешком в навершии. Мать почти никогда не снимала ее, закручивая свои длинные волосы в причудливые прически. Жаль, но заколка выбора не предлагала. Скорее, служила горьким напоминанием о том, что когда-то у Брака был и четвертый путь, навсегда исчезнувший со смертью матери. Сима наверняка бы придумала, как снарядить сына в Поиск и куда ему лучше отправиться. А Джус не упал бы на дно бутылки и наверняка обучил бы калеку всяким тонкостям — до роковой стычки он считался одним из самых ловких и удачливых сборщиков Котобоев.

Заслышав за спиной тяжелые шаги, калека спешно закрыл тайник и смахнул невольно выступившие на глазах слезы. Перед ним лежит серьезный выбор, возможно важнейший в его жизни. Не хотелось бы отвлекаться, отвечая на расспросы толстяка. Да и о тайнике тому не стоит знать.

— Держи, задницу отморозишь, — Логи скинул рядом с напарником свернутое одеяло и сам сел рядом. — Красиво тут. Как будто смотришь сверху на весь мир, а кто-то огромный смотрит на тебя.

— Скоро закроются, — Брак задумчиво взглянул на ночные светила. — Жаль, что Квок уехал. Я бы хотел посмотреть на них через окуляр.

— И что бы ты там увидел? Голых танцующих человечков, мешок дури или очередную метку Ярлана?

— Да шарг его знает. Он, кстати, действительно может знать. Есть старое поверье, что Левый и Правый это глаза, которыми шарг смотрит на мир. Высматривает, что еще сожрать. А гразги появляются там, где он углядел что-то вкусное. Хотя это уже из нового.

— А чего сам тогда не сожрет? — Логи вытащил из мешка флягу и две маленьких кружки. — И почему глаза у него отдельно?

— Ему кто-то из героев древности по голове настучал. Так бил, что глаза твари вылетели и повисли на небе, а сам шарг больше не может пошевелиться. Видишь? — ткнул пальцем калека. — Правый краснее Левого, по нему попадали чаще.

— Глупая легенда. Это чем надо было таким бить?

— Конечно, глупая. Они все такие, особенно старые. Расчленят кого, и сразу реки текут, горы вырастают а окрестности наполняются живностью. Ведь достаточно посадить в землю селезенку жуткой древней твари или левую ноздрю павшего героя, чтобы из этого дерьма выросло новое съедобное растение. Или начал бить из земли родник.

— А пустырник откуда?

— Пустырник это пустырник. Он всегда был.

Логи разлил по кружкам янтарную жижу из фляги. Покатал в пальцах, отхлебнул и с отвращением выкинул посуду с обрыва.

— Я тоже хочу какую-нибудь тварь прибить. Таковую, чтобы обо мне потом легенды слагали.

— Ты же драка почти завалил. Куда тебе еще? — Брак содержимое своей кружки даже нюхать не стал, сразу вылил.

— Это не то. Да и забыли уже все, разговоров на пару дней было. Нет, это должно быть нечто такое, что никому не удавалось повернуть. Шаргу по голове настучать, или кракену, — Логи мечтательно вздохнул. — А облезлый драк это не мой уровень.

— Тебя послушать, так ты за один Поиск хочешь вообще все на свете сделать. И на Талензу, и на Архипелаг, и пиратом стать, и тварь завалить...

— Еще руины Древних исследовать и основать свою семью. Всегда мечтал гигатраком управлять.

— Какие руины Древних? Ты о чем?

Логи покопался в карманах и извлек на свет тонкую затасканную книжечку размером с ладонь. Выглядела она неважно и явно повидала на своем веку многое, бумага затертая до дыр и местами рваная, покрытая пятнами неясного происхождения. На обложке все еще виднелось изображение полуголого детины с гривой длинных волос, стоящего на чем-то смутно напоминающем крышу кабины гигатрака. В руке детина держал неподъемных размеров кувалду, покрытую шипами, которой грозил неведомым врагам.

— Вот. — толстяк осторожно развернул книжицу, перелистнул покрытые картинками страницы и показал одну из них калеке. — Риктос Несгибаемый находит руины Древних в затерянных песках Южного Гардаша.

Брак с интересом взглянул на картинку. Полуголый детина прятался за здоровенным валуном от странной штуковины, напоминающей вставшую на дыбы таргу с корявыми руками. На макушке странной твари торчал круглый фонарь, которым она светила в сторону детины. Вокруг высились плохо нарисованные обломки каменных зданий и полуобвалившихся колонн.

— Прежде, чем ты начнешь занудно объяснять мне, что это выдумки и глупые истории северян, — Логи отобрал у калеки книжку и бережно спрятал ее обратно в карман. — Знай, я тебя ударю. Может, даже вниз скину.

— Я и не собирался.

— Собирался, у тебя всегда такое лицо становится, будто погадить присел.

— Просто удивляюсь, что у тебя такое есть, — Брак покривил душой, представить толстяка с книгой в руке отказывало даже его воображение. — Ты же читать не умеешь.

— Да там и так все понятно, — отмахнулся Логи, — У меня их четыре штуки. Жаль, не смог достать последние три, их никто специально не продает. Риктос ищет в руинах три части древнего оружия, которое должно помочь ему сокрушить непобедимый гигатрак его главного врага и вернуть похищенный семейный эйнос. Который и делает врага непобедимым. Дальше я не знаю, он только две части собрал.

— Спорим, противник твоего Риктоса окажется потерянным в детстве братом, или отцом? И на эйнос претендует по праву? Небось в конце объединятся против Страшного Врага, который их и стравил.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно прищурился толстяк. — Рассказал кто? Хотя не, это бред. Тот у Риктоса бабу еще убил, не смогут они замирились. Ты просто наугад ляпнул.

— А она тайно служила главному гаду. К тому же, она не мертва а сидит где-нибудь в

клетке и ждет, пока герой ее спасет. А главной сволочью непременно окажется наставник твоего Риктоса, или лучший друг.

— Иди ты к шаргу, еще издевается... — буркнул толстяк. Однако, достал книжку и принялся остервенело листать страницы, что-то про себя бормоча.

Брак хмыкнул и полез в мешок. Нашел криво надкусанный корешок сладкого батата и захрустел, искоса поглядывая на напарника.

С какой неожиданной стороны порой открываются знакомые вещи. Толстяка он знал с детства, больше трех лет назад тот решил взять калеку под свою опеку... Но Брак даже не подозревал, что прямой как ось, упрямый и наглый Логи тайком собирает книги с картинками. Почему тайком? Да потому что тот скорее бы признался в нежной любви к Чегодуну, чем в том, что тратит свои кри на дурацкую бумагу. Самогон, попойки, развлечения — это понятно, это ожидаемо. Но читающий толстяк — нонсенс, даже к историям Брака он всегда относился с презрительным снисхождением и вечно высмеивал.

А сейчас эта гора сала и мяса сидит на краю обрыва и, высунув язык, старательно и аккуратно листает самую настоящую книгу, явно опасаясь повредить хрупкие страницы. Низкопробную северную историю с картинками, отпечатанную на скверной бумаге плохими чернилами — но книгу.

И ведь лысый явно не просто так показал ее напарнику, прекрасно зная о том, что знающий множество реальных историй калека не преминет высмеять его увлечение. Что это, доверие к напарнику, ростки которого прорастали и укреплялись всю последнюю неделю? Или очередная шутка, пустая прихоть? Толстяк напился, расслабился и скоро будет сожалеть о своем порыве?

— К шаргу это все, — подумал Брак. Рано или поздно все равно придется рассказать. Завтра последний день, лучшего момента может и не представиться. Пора, наконец, принять решение.

— Логи...

— погоди, — толстяк отмахнулся и уставился на страницу. — Во! Не могла она выжить, ее со скалы сбросили. Там обрыв не ниже этого, точно разбилась. Я знал, что ты брешь!

— Тогда точно выжила. Если со скалы сбросили, и тела нет — без шансов. Живее всех живых. Повисла на кустах или на уступе каком спряталась, может в реку упала. Смерть важных персонажей должна быть крупным планом, чтобы вокруг все рыдали и толкали речи на похоронах. Иначе какая это смерть? Так, очередной повод в будущем дать истории пинка под задницу, когда у рассказчика иссякнет воображение, — Брак заметил, что толстяк уже открыл рот для возражений и спешно добавил: — Да погоди ты! Мне надо тебе кое-что рассказать.

— Надеюсь, это не концовка, пришибу... — проворчал Логи, но послушно заткнулся.

Брак вздохнул и принялся говорить. Небо над океаном озарила бледная вспышка разбившейся о купол звезды.

— И ты собираешься бросить все и улететь шарг знает куда с едва знакомыми тебе северянами? Просто потому, что тебя поманили медушкой в виде бабы, готовой слушать днями напролет?

— Ну... в общем, да. Наверное. — вместо ожидаемой в голосе толстяка радости по поводу халявного скиммера, Брак внезапно услышал легкое презрение и смутился. — Сам посуди, что мне делать в степи? Ярлан не просто так сказал, что скиммер это не мое. Я и

вправду не смогу нормально им управлять. Да и в расселине от меня толку никакого не было, только панику развел, когда застряли. Да я даже драться нормально не смогу, меня рапа по камням размажет. А на севере можно будет нормально устроиться. А ты спокойно отправишься на моем скиммере, я его завтра доведу до ума. Чем плохо?

Логи, дослушав напарника, скривился и вполголоса выругался.

— Бракованный, как ты можешь быть таким умным, когда ты такой тупой?

— То есть? Почему я тупой?

— Да потому что ты тупее джорка во время гона. — Логи постучал калеку по голове костяшками руки. — За каким шаргом мне нужен твой скиммер? Ты думаешь, что я не смогу достать себе транспорт?

— Ну, я думал...

— Ты слишком дохрена думаешь, и в этом твое проклятье. У меня есть с десяток способов разжиться скиммером, начиная с угона у Таргана, и заканчивая Ямой. Я согласился на эту авантюру, потому что в Поиске мне нужен нормальный напарник, которому я смогу доверять. Ты не можешь водить скиммер? А за каким шаргом это нам? Ярлан, сука такая, отлично меня натаскал. Сиди зажопником и наслаждайся дорогой.

Логи встал на ноги и принялся мерить шагами уступ.

— Ты не можешь драться? Зато ты сделал жахатель и умеешь им пользоваться. А морду набить я и сам могу кому угодно. Ой, я испугался в пещере! — передразнил он калеку. — А я там чуть не обгадился, когда скиммер сдох. Из всех мыслей только то, что пешком я оттуда не выберусь, а еще тебя на себе тащить. Шаргова плесень, Брак, да мне так страшно в жизни не было, я тупо не знал, что делать. Кто проходы выбирал? А скиммер кто починил?

— Ярлан помог бы, он следил за нами. — пробормотал калека.

— А я об этом знал? Что, всегда будет добрый Гряземес, который вытащит меня из задницы? А ты бы починил скиммер, я знаю. У тебя всегда есть план, ты готовишься и продумываешь все заранее. Припасы — вот список, Логи. Тренировка — завтра поедем, Логи. Гравка нужна — Логи, впишись за трофей. Да все мои планы на Поиск заканчивались на этапе закупиться пивом и найти попутчика.

Толстяк застыл на месте и насупившись уставился на Брака.

— А теперь ты говоришь мне, что весь Сход я занимался бессмысленной работой? И что вместо нормального напарника я получаю обоссанный скиммер и гору припасов?

— Логи, я был уверен, что ты за эту идею ухватишься. Ты же изначально за скиммер согласился участвовать.

— Говорю же, ты тупой. Я ухватился не за железки, а за человека, у которого есть план. Который знает, чего хочет, и готов к этой цели идти. Ты трус и перестраховщик, но полез на обрыв и шуганул драка, когда я валялся кулем на камнях из-за собственной глупости. Вот за это я согласился. Недели не прошло, мы все сделали как надо и готовы отправиться — и вместо напарника я вижу рядом с собой размазную бесхребетную.

Толстяк сплюнул с обрыва и продолжил:

— Ой, может мне остаться с Часовщиком? Ой, хочу на яхту, там меня любят. Ой, боюсь Джуса. Ой, я бесполезен... — Логи порылся в карманах и достал пивную бутылку, в которой вяло трепыхался гразг. — Вот! Не зря его Браком назвал. Такой же тупой и бесполезный. Давно бы выбрался наружу, прожег мне карман и свалил в закат. Но нет, сидит в своей бутылке и не знает, что делать. Все, что его ждет — бутылка побольше, стекло потоньше. Может, досидит до Ямы, где его с радостью купит любой торговец всяким дерьмом и

выставит на прилавок. Мол, любуйтесь, дорогие покупатели, какая у меня занимательная зверушка есть. Сама приползла, в бутылку залезла, сбегать не собирается. Чем твоя шаргова яхта от этой бутылки отличается? А ты сам от этого гразга?

Калека вжал голову в плечи, уши пылали. Распалившийся толстяк брызгал слюной и орал на весь обрыв. Да, орал грубо и до боли обидно, но ведь в чем-то напарник был прав. Или нет?

Интересно, в какой момент Брак расплылся? Наверняка после разговора с Часовщиком. Он тогда об этом толком не задумывался, но как только с плеч свалилась тяжесть опасений о предстоящем рабстве, все размылось, смешалось. Потом еще эти северяне...

Обиднее всего было то, что он ошибся в Логи. Сомневаться в его словах не приходилось, актер из толстяка всегда был паршивый. Да и орет так, что уши закладывает — значит принял близко к сердцу. Брак ведь успел заочно обвинить его во всех грехах, начиная от желания обманом завладеть скиммером и заканчивая ударом по голове кувалдой. Мысли о том, что толстяк ввязался во все это не ради техники, калеке в голову даже не приходили. Почему? Привык видеть в людях плохое и всегда ожидать подвоха? Тем приятнее признавать, что ты ошибался.

В груди потеплело. Брак по-новому взглянул на беснующегося толстяка и улыбнулся. Пожалуй, действительно не стоит оставлять ему скиммер. Угробит же, амбал криворукий.

Свечение эйра внизу достигло своей высшей точки. Спутники в небе над океаном побледнели, еще совсем немного — и они окончательно исчезнут, растворятся среди звезд. Ночь медленно, но неукротимо будет шаг за шагом отступать.

Уставившись на тонкую, едва видимую полоску света на горизонте, Брак грыз печеный корешок и радовался тому, что гудение мыслей в голове наконец затихло.

Осталось только заткнуть толстяка, но это обещает быть куда проще.

Старый грузовой цеп с залатанными баллонами торопливо поднимался над Плешью, стремясь набрать высоту и убраться подальше. В подтверждение слов старшего искателя, днем с океана задул сильный промозглый ветер, стремительно нагоняя на плато низкие тяжелые тучи.

— Драпают! — показал рукой Логи, с трудом перекрикивая шум ветра.

— Правильно делают. Скоро тут смочет все. — Брак поежился и утер капли дождя с гогглов.

Напарники остановили скиммер неподалеку от форта — Логи приходилось внимательно выбирать дорогу, чтобы не угодить колесом в расселину. Из-за этого, до дома они добрались лишь ко второй половине дня, хотя выехали еще до полудня.

Вчера просидели на обрыве до самого рассвета и пошли спать лишь когда эйр почти перестал светиться. Было что обсудить, да и ночь была слишком красива, чтобы тратить ее на сон. А утром толстяку пришлось в голову провести еще одну тренировку со скиммером, снова добравшись до Пещеры. Вот и вышло так, что до дома напарники добрались только сейчас, когда с неба уже начали падать первые тяжелые капли надвигающегося ливня.

— Поедем через главный? — предложил толстяк.

— Там сейчас толкучка, не развернемся. Торговцы валят с торга. Никому не охота торчать здесь под дождем. — калека взглянул на суету у выхода из Глотки и добавил: — Скоро действительно придется Сход до шести дней сокращать. Уже даже днем льет. Я бы вообще сейчас уехал, но не успеем собраться.

— Ты обещал, что мы не пропустим Отправление, — возразил лысый. — Раз уж нет смысла скрываться, давай все сделаем как положено. Мне охота послушать напутствие старших.

— Ты просто надеешься пожрать нахалюву, и что нам что-нибудь подкинут на дорогу. — усмехнулся Брак. — Хотя плащи от дождя не помешали бы.

— Плащи будут. Нас от Котобоев всего двое, могут расщедриться. Ладно, поехали ко мне. Надо до полуночи успеть все загрузить, а тебе еще багажник сводить.

На стоянке семьи царила суета. Спешно снимались тенты и палатки, убиралось в траки все, что может промокнуть или уплыть. Ливень на Плещи не идет ни в какое сравнение со штормом, который запросто может опрокинуть плохо закрепленный трак или унести скиммер, но даже ливень способен доставить кучу неприятностей. Раньше клан стремился убраться с плато до начала дождя, но с тех пор, как шторма участились — приходилось мокнуть и терпеть.

Лысый загнал скиммер под борт отцовского трака. Пообещал калеке соорудить укрытие от воды и принести поесть, после чего утопал внутрь.

Брак сперва тоже хотел сходить домой, но потом оставил эту затею. Достать из тайников вещи он всегда успеет, а вот скиммером надо заняться прямо сейчас, пока еще светло и можно послать толстяка за всем необходимым. К тому же, на двухколесную машину придется взвалить целую кучу всевозможного барахла и припасов, что тоже лучше делать при свете дня и не дожидаясь, пока ливень войдет в полную силу.

Надо бы еще навестить Квока, отдать ему одеяла, но напарники слишком уж задержались на утесе. Придется ловить желтую таргу завтра, когда кланы будут покидать

Стекланную Плешь. Логи предлагал одеяла оставить себе, а с Гряземесами рассчитаться после Поиска, но калека был против.

Напарники закрепили над скиммером навес, наспех перекусили домашней стряпней матери Логи. После этого толстяк перетаскал к машине тяжелые тюки с припасами и сбежал на торг — ловить оставшихся торговцев и докупать всякую оставшуюся мелочевку.

С ремонтом и заправкой Брак закончил, когда уже ощутимо стемнело. Сводить приходилось осторожно, чтобы не сжечь непромокаемый тент из паутины, зато теперь скиммер был полностью готов к отправке и погрузке. Ливень к этому моменту набрал силу, тяжелые тучи нависли над плато, погрузив все в беспросветную белесую муть. Ощутимо похолодало, по черному камню текли ручейки воды, грозившие к утру превратиться в настоящие реки. Людей под открытым небом почти не осталось, столы вокруг семейного костра давно растащили по трюмам.

Еще почти два часа потратили, на пару с Логи грузя скиммер. Опыта ни у кого не было, поэтому приходилось изводить целые мотки бечевы, туго притягивая многочисленные свертки к корпусу и багажнику. Сунувшиеся было под тент близнецы были грубо посланы к шаргу с требованием зайти позже — мокрым и уставшим напарникам было не до них.

Когда последняя канистра заняла свое место рядом с запасным колесом, Брак устало прислонился к борту трака. Логи тяжело опустился в сиденье, проверяя крепления жахателя и Там-Тама.

— В следующий раз своди таргу, — устало прохрипел толстяк. — Покидали бы в кузов и забыли.

— Угу. Надо было тебя послушать и раба купить. Кто бы мог подумать, что самой тяжелой частью будет обычная погрузка.

— Вот ты бы и подумал. Иначе за каким шаргом ты мне нужен?

— Рукоятки забыл свести. Придется завтра с утра, или до стоянки мучиться, — переругиваться с толстяком калеке было лень. — Что там на торге?

— Разбежались все, как крысы. Твой ненаглядный “Капитан” сиганул прямо с плато, если не врут.

— Эти могут. Сколько у нас до Отправления?

Толстяк взгляделся в темноту, покачал головой.

— Пара часов, не больше. Встретимся там?

— Давай. Я в трак пойду, погреюсь. Руки уже не слушаются, — Брак подул на ладони. — А ты куда?

— Краску добуду, — толстяк слез с сиденья и принялся натягивать на себя плащ. — Сейчас самое подходящее время. Ты к яхте пойдешь?

Калека тоскливо посмотрел на низвергающиеся с неба водопады воды, которые поминутно меняли направление из-за порывов ветра. Тащиться через весь форт до “Двойной Спирали” не хотелось. Жаль, но придется оставить идею попрощаться с северянами. Да и навряд-ли они будут рады появлению на пороге мокрого и смертельно усталого кланового, который, к тому же, решил плюнуть на их предложение.

— Ну их. Может завтра, если еще не улетят.

— Брак, а их не смое? Второй цеп шустро сбежал.

— Что им сделается? Они закреплены не хуже траков. Захотят улететь — поднимутся над облаками. Им за баллоны не надо беспокоиться, разве что молнией шархнет. Но я уверен, что у них есть эйносы на такой случай.

— Ну и шарг с ними. Я пошел, — толстяк накинул капюшон и пытливо взглянул на калеку единственным глазом. — Ты помнишь, что я говорил?

— Отрастить яйца и не думать.

— Отрастить яйца и не думать. Шаргова плесень, ничего он тебе не сделает. Если что — заночуешь у меня. Как только почувствуешь острое желание его послать — посылай сразу, не держи в себе... Иначе опять начнешь мямлить, извиняться...

— Я понял, Логи. Иди уже. Увидимся на церемонии.

Толстяк скрылся в темноте.

Брак еще некоторое время стоял неподвижно, после чего принялся натягивать плащ. На этот раз по размеру, из плотной темной ткани с пропиткой. Интересно, семья толстяка вообще в курсе, куда он отправляется? Калека с ними никогда особо не общался, ограничиваясь простыми приветствиями. Жирный со своей женой мало чем интересовались, а сестра Логи любила подловить парня, когда рядом не было брата, и вдоволь поиздеваться. Пересекаться с ней Брак не любил.

Натянув плащ, он вышел под дождь и похромал к траку Сельмы. Они с толстяком так и не договорились, когда отправятся. Логи хотел уехать сразу после Отправления, чтобы не пришлось толкаться с утра в Глотке под проливным дождем и штормом. Брак предпочел бы дождаться утра, чтобы выехать по-светлому, но глядя на погоду тоже понемногу склонялся к предложению напарника. Если ехать, то чем раньше — тем лучше.

Найдя знакомую метку, калека постучал в тяжелую дверь кабины.

— Так и думала, что ты придешь, — Сельма оценила состояние Брака и отошла в сторону. — Заходи, не мокни.

В кабине, ярко освещенной подвешенным под потолком эйровым светильником, было тепло и уютно. Даже стука капель по крыше почти не было слышно. Брак снял плащ, с которого водопадами стекала вода, и повесил его на сведенный к стене крючок, аккуратно над сливной решеткой в полу.

Калеке всегда нравилось в траке у Сельмы, хотя бывал он здесь нечасто. Поводы выдавались редко, а напрашиваться он не собирался, несмотря на всю радушность хозяйки. Слишком велика была пропасть между неухоженным траком Джуса, пропахшим блевотиной и перегаром, и этой обителью семейного уюта.

Чисто выметенный пол, стены завешены узорчатой тканью. Пол покрывают аккуратно подогнанные деревянные дощечки. Сама кабина почти в полтора раза просторнее чем у Джуса, внутри хватает места для двухъярусной кровати близнецов и отдельного огороженного заутка для взрослых. Аккуратная комнатка с душем и туалетом в углу, в центре комнаты — круглый столик на четверых, накрытый белоснежной скатертью. Даже стулья вокруг столика затянуты тканью, не просто голый металл.

Когда-то у Брака было так же. Ну, не совсем так же, Симе как хозяйке было далеко до Сельмы. Но общее ощущение жилого дома было схожим. Это сейчас трак Джуса больше напоминает обычный железный ящик, но раньше в нем было многое. Ковер, нормальные кровати, даже маленький морозильник. И почти всё расплозлось по жадным лапам соседей и торговцев, которые всегда были рады сменить очередной предмет утвари на флягу дрянного самогона. Остались лишь голые стены, да намертво сведенные к корпусу пустые ящики.

— А где близнецы? — парень оглядел пустую кабину. — Я надеялся их застать.

— Скоро будут, не переживай, — Сельма поставила на стол миску с одуряюще пахнущей кашей и кружку кипятка. — Ужинать будешь? Небось с обрыва толком ничего не ел?

— Спасибо, — Брак отказываться не стал, да и посидеть в тепле хотелось. Из решетки на потолке дул горячий воздух. — Они скоро будут?

— Скоро. Барташ пошел проверять крепежи на прицепах, они увязались за ним. Ешь спокойно.

Пока Брак набивал брюхо горячей едой, Сельма вкратце рассказала новости. С ее слов выходило, что близнецы вернулись за полночь, сонные, уставшие, но совершенно счастливые. А сегодня весь день носятся с какими-то фигурными железяками на шее, приладив их на цепочки.

— Это памятки от Гряземесов, в знак того, что мы отлично провели время, — пояснил калека, подбирая остатки каши куском лепешки. — Наверняка с самого утра к Квоку приставали.

— Хорошо, что ты их пригласил. Им теперь разговоров на месяц хватит.

— Скорее, они сами себя пригласили, — рассмеялся Брак. — У меня особого выбора не было.

— Даже если так, всё равно — спасибо. Ты не представляешь, как иногда нужен всего лишь один день без их причуд.

Сельма присела на стул и протянула парню вазочку с кубиками вурша, вперемешку с кусками твердого коричневого сахара.

— Ты в курсе, что тебя отец второй день ищет?

— Угу. — пробурчал парень, размешивая напиток. — Сейчас дождусь близнецов и пойду к нему. Наверняка опять что-то сломал.

— Зря ты так. Он всю стоянку обошел, а потом отправился на торг тебя искать. В “Мамашу” ломился, и его даже пустили. Сегодня тоже буянил, близнецов искал. — Сельма покачала головой. — Так что ты сходил бы сейчас.

— Да знаю я, зачем он меня ищет, — настроение Брака стремительно портилось. — Скоро пойду.

Близнецов Брак так и не дождался, даже спустя двадцать минут они не явились. Вурш давно закончился, злоупотреблять гостеприимством Сельмы не хотелось, да и время уже поджимало. Пожелав женщине неиссякаемого эйра и получив в ответ заверение направить близнецов к нему, как только те вернутся, калека откланялся и вышел наружу.

На удивление, дождь почти утих. Тучи по-прежнему низко нависали над плато, однако белесой мути больше не было. Перед штормами всегда так, погода меняется стремительно и ни один эйнос не сможет наверняка предсказать, что будет в следующую минуту. Единственное, что остается неизменным — беспросветная облачность и ветер с океана. Светильник “Горбатого Холма” сегодня не горел — ни один флир не рискнет покинуть ангар в такую погоду, нет никакого смысла в маяке.

Поймав себя на мысли, что он оттягивает неизбежное, парень упрямо мотнул головой и похромал к траку Джуса. Светящаяся метка давно стерлась — кроме Брака ее некому было обновлять, поэтому темная ржавая громада вынырнула из темноты внезапно. Калека по привычке пошел было проверять опоры, но вновь одернул себя. Плевать на опоры. Теперь — плевать. Наконец-то.

Накатила веселая злость. Парню даже захотелось, чтобы отец действительно оказался

там, внутри. Он ничего не имел бы против того, чтобы уехать не прощаясь, но сегодня калека впервые почувствовал, что совершенно не боится Джуса.

Дверь оказалась незапертой, а на подножке Брак задел протезом пустую флягу, которая с грохотом укатилась под трак. Из темноты кабины пахло тяжелым, удушливым запахом. Очень хорошо знакомым запахом — содержимое желудка Джуса вперемешку с вонючим самогоном.

Парень поморщился и вошел внутрь, зажег светильник у двери, уставившись на открывшуюся ему картину. Вот тебе и трезвый Джус. Двух дней не прошло, как он снова принялся за старое.

Приемный отец полулежал в водительском кресле в совершенно неменяемом состоянии, безвольно раскинув руки. Осунувшееся лицо оплыло, из уголка рта на загаженную блевотиной рубашку тянулась ниточка слюны. Рядом с ним валялись две пустые фляги и перепачканный мешок.

На вошедшего сына он почти не отреагировал, лишь немного повернул голову и приоткрыл веки над помутневшими глазами.

Брак выдохнул с облегчением. Несмотря на браваду, встречи с Джусом он втайне опасался, не будучи до конца уверенным, что именно тот может учудить. Зато теперь...

Парень брезгливо посмотрел на отца и, ни ни капли не скрываясь, принялся за тайники. Если у Джуса и был шанс помешать сыну, он своими руками утопил его на дне фляги.

Вскрыв заначку у двигателя, парень выгреб из нее содержимое, свалив на расстеленную на полу тряпку. Точно так же поступил с нишей в кузове и под потолком, методично вычищая их от припрятанных ценностей.

Отвлекаясь лишь на грохот из кабины — Джус умудрился вывалиться из кресла и теперь полз к баку с водой в углу, издавая нечленораздельное мычание. Калека покачал головой и вернулся к якорной нише, где хранил крохотный кусочек золота и пластинку фальдийского сплава. Удивительно, сколько вещей можно по-тихому вынести из мастерской, если на тебя мало кто обращает внимания. Если не нагнеть, всегда можно припрятать оставшиеся после работы обрезки, или порыться в никого не заинтересовавших трофеях.

Джус дополз до бака и открыл воду, подставив взлохмаченную голову под струю. По полу кабины начала разливаться зловонная лужа, а взгляд четырехпалого слегка прояснился.

Брак как раз закончил стягивать свои вещи в тяжелый узел, когда приемный отец поднял на него взгляд и что-то промычал.

— Не слышу, Джус. Ты говорить пытаешься, или просто блюешь?

Четырехпалый подставил рот под льющуюся воду и, напившись, исторг содержимое желудка под себя.

— Б-брак... Шлюхин выкормыш... — голос Джуса был слабым, а слова едва различимы. — Г-гразгова отрыжка, где ты был?

Брак завязал последний узел и примерил мешок на плечо, убедившись, что сможет его дотащить до скиммера. Оглядел кабину, убеждаясь, что ничего не пропустил.

— Где ты был, говорю? — голос отца немного окреп. — Хватит молчать.

Калека помянул шарга и полез в недра лежанки, выудив оттуда тонкий лист металла, свернутый в трубочку. Неторопливо развернул, уставившись на густо покрывающие листок крохотные отметки — точную копию потолка кабины. Стоило бы спрятать драгоценный листок в протез, но делать это при Джусе парень не собирался. Ограничился тем, что снова свернул в трубку и запихнул к остальным вещам в мешок.

Лишь когда за ногу слабо уцепились четыре пальца, Брак перевел взгляд на отца и спокойно заговорил:

— Джус, я сегодня отправляюсь в Поиск. Мне плевать, как ты к этому относишься. Меня тошнит от этого трака, меня тошнит от нашей жизни, а главное — меня тошнит от тебя. Надеюсь, что больше я никогда не увижу твою перекошенную пьяную морду. Отпусти ногу.

Глаза Джуса округлились, рот скривился, но ногу он не отпустил. Напротив, подтянулся приподнялся на локтях.

— В Поиск? Сам? — из груди отца вырвалось влажное клокотанье, и Брак понял, что Джус смеется. — Ты недоумок. Где ты был эти два дня?

— Я сам собрал скиммер и нашел напарника, вместе с которым мы учились им управлять. У нас есть припасы на дорогу, способы защитить себя и планы на будущее. — Брак проговорил это с гордостью и затаенной надеждой, что отец оценит. Хоть раз. — Через час мы отправимся на церемонию, а оттуда сразу в Поиск. Так что, прощай, отец. Я благодарен вам с матерью за все и надеюсь, что смерть твоя будет легкой. Хотя сильно в этом сомневаюсь.

Джус внезапно резко выпрямился, сел на пол и зашелся в долгом, истеричном смехе, похожим одновременно на кашель и лай. По кабине полетели зловонные капли слюны и ошметки мокроты. Отсмеявшись, он вновь уставился на сына и горячо заговорил хриплым, срывающимся голосом:

— Дурак. Кретин. Недоумок. Да твой напарник бросит тебя в первую же ночевку. Кому ты нужен, гразгова отрыжка? Заберет твой шаргов скиммер и оставит подыхать в степи, — Джус с неожиданной силой схватил калеку за колено, заставив того взвыть от боли. — И я тоже старый дурак. Ищу его два дня по всему сходу, а этот тупой недоумок все это время старательно готовится сдохнуть. Ты хоть можешь себе представить, как ты был мне нужен?

Брак вырвал ногу из хватки отца и резко отступил к двери кабины, готовый в любой момент сбежать.

— Я даже знаю, зачем, — голос парня срывался от злости. — Пусть Чегодун подавится твоим траком, все равно от него мало что осталось. Ты просрал все, что у тебя было, а сегодня потерял единственного человека, которому было на тебя не наплевать. Подыхай, вцепившись в этот кусок железа, если он тебе настолько дорог, что ты готов пожертвовать ради него сыном.

Плечи Джуса опали, он тяжело привалился к водительскому креслу.

— Да что ты вообще понимаешь, гразгова отрыжка, — еле слышно пробормотал он, опустив глаза в пол. — Выметайся отсюда.

— С радостью, — ответил Брак, открывая дверь, а потом с удовольствием добавил. — Катись к шаргу, Джус.

Он уже выходил в ночь, когда в спину ему прилетел тяжелый вонючий мешок, едва не сбросив с подножки.

— Выкинь это дерьмо в нужник, вам по пути, — проорал ему в спину приемный отец. — И дверь закрой, дует.

Брак не удостоил его ответом и вышел наружу, с лязгом захлопнув дверь и мстительно сведя створку прутком.

Прикасаться к заляпанному нечистотами мешку было противно, но парень запасливо захватил его с собой. С Джуса станется выкинуть с пьяных глаз что-нибудь ценное. На

первой же стоянке проверит, после того, как дождь смоев налипшую дрянь.

Брак дохромал до скиммера, кое-как закрепил вещи остатками бечевки и, закутавшись в плащ, отправился к гигатракам.

На торге было темно и пусто.

Многочисленные торговцы, еще вчера плотными рядами занимавшие кольцо вокруг гигатраков — исчезли, оставив после себя горы мусора и прогоревшие кострища. Теперь все это добро плавало на поверхности многочисленных луж и ручейков воды, дрейфуя и сбиваясь в настоящие мусорные острова. Ничего страшного в этом нет, завтрашний шторм отполирует Плешь, очистит ее от всего наносного, оставив лишь голые камни и вездесущий кустарник. А на вынесенном к подножью плато мусоре уже через день будут пировать стервятники и вольники.

Лишь немногие рисковали задерживаться до последней ночи Схода. Либо из-за проблем с техникой и сборами, либо в рискованных попытках сбыть под занавес торга остатки товара. Предлагаемая кланом защита истекала в полночь, и хотя трогать злоупотребивших гостеприимством было не принято, мало кто хотел испытывать на своей шкуре терпение Гиен. Да и вокруг Плещи зачастую кружили искатели легкой добычи, поэтому многие предпочитали покидать торг большими конвоями и пораньше.

Хромая под мелким морозящим дождем, Брак вяло размышлял о том, что ярко освещенный торг ему нравился куда больше. А теперь огромное пустое пространство, заваленное мусором и погруженное в темноту, навевало тоску.

Прощание с отцом прошло совсем не так, как он хотел. Ожидаемо, предсказуемо, но на душе у парня ползали гразги. Скорее всего, Джуса он никогда больше в своей жизни не увидит, если не случится чудо и тот не бросит пить. Но надежд на это, особенно после увиденного в кабине, больше не оставалось.

Когда рядом с бредущим парнем поравнялась затянутая в глухой плащ фигура, тот сперва этого даже не заметил. Темно, да и шум дождя глушил все остальные звуки. И лишь после того, как фигура басовито заговорила голосом старшего сборщика, Брак вздрогнул и замедлился.

— Паршивый вечер, а, Бракованный? Как у катрана в заднице, мокро, темно и дует. На прогулку вышел?

— Вроде того, — не то, чтобы калека боялся Чегодуна, но общаться с главной причиной головной боли всей последней недели ему не хотелось. — А почему дует?

— А где, по твоему, у них толкатель? Я за свою жизнь выпотрошил столько этих шарговых рыб, что их задницы даже во сне вижу. Поверь, вся Плешь сейчас похожа на одну огромную мокрую клоаку, — Чегодун развел руками, демонстрируя размер бедствия, после чего перевел взгляд на парня. — Хотя тебе, похоже, нравится. Иначе зачем бы тащился куда-то среди ночи? Ноги, поди, устали уже?

Брак промолчал и ускорился, стремясь скорее добраться до гигатраков. Но шаргов сборщик не отставал, легко подстраиваясь под ковыляющую походку парня.

— А я вот по делу вышел. Дай, думаю, навещу моего доброго приятеля Джуса, напомним ему кое о чем. А тут как раз ты от него идешь, весь такой занятой. Удачно вышло, правда? — голос старшего сборщика сочился язвительностью. — Ну как там мой добрый приятель? Не вспоминал обо мне? А то я аж весь извелся, кусок в горло не лезет. Впереди ведь Отправление, надо будет хорошо кушать и много пить, а тут такая оказия. Неприятно выходит. Ты, кстати, куда путь держишь?

Парень хромал вперед, грязно костеря про себя отца. Джус упорно не хотел оставлять сына в покое, даже после расставания продолжая подкидывать на его голову новые проблемы. Чегодун явно просто издевается, он это дело любит, но сделать Браку ничего не сможет, поздно. Увы, легче от этого не становилось.

— В мастерскую иду, банки заправлять. Джус велел передать, что вертел твой долг на своей оси, — калека не удержался от возможности подгадить напоследок отцу и избавиться от Чегодуна. — Сидел такой довольный, трезвый как камушек. Тебя ждал.

— Ну каков негодяй! А ведь я к нему заходил недавно, стучал. А он не открыл своему другу, флягами гремел. Обманул, получается, не захотел со мной видаться. Прикинулся пьяным в кашу. — Чегодун доверительно наклонился к уху калеки и взял за руку — Даже хорошо, что нам с тобой по пути. А то мне и поговорить не с кем. Все либо по тракам сидят, либо на Отправление собираются. Я даже решил было сперва, что ты именно туда идешь, обрадовался. А потом посмотрел на тебя и подумал: “Что вообще там делать увечному, которого ветром сдувает?” Так и вышло, ты в мастерскую идешь. Это правильно, всегда надо делать для семьи то, что у тебя лучше всего получается. Я вот считать умею и бездельников заставлять делом заниматься. А у тебя железки хорошо выходит сводить. Видишь, как мы похожи? Оба делаем то, что у нас лучше выходит.

Чегодун упорно не затыкался, не давая собеседнику вставить слово. Он крепко держал калеку под локоть и продолжал молоть языком. И вроде не говорил ничего такого, был предельно вежлив, но спина Брака уже успела покрыться липким холодным потом.

— А вот ты слышал последние новости? Говорят, сынок Саила, пухлый такой, щекастый, раздобыл где-то самый настоящий скиммер. Зверь-машина, огромная как люторог, наверняка стоит целую гору кри. Уж я то знаю, работа у меня такая, цену технике и людям знать. А вот поди ж ты, разжился, в Поиск на ней отправляется. Куда ему такой огромный скиммер? На нем ведь запросто двоих, а то и троих увезти можно. А он в одиночку, бедняга. Может, подсказал кто? Сейчас советчиков дурных хватает, так и норовят на чужом траке из грязи выбраться. — Чегодун сокрушенно покачал головой, проводив взглядом проехавшую мимо таргу вольников. — Нейдется им, среди ночи народ движками будить. Так вот, о чем я? А, пухляш. Логи, или как там его. Интересно, откуда он все-таки кри на скиммер достал? Техника сложная, дорогая, кто попало такую не сведет. Может, украл где? Скорее всего, молодняк нынче такой пошел. Все высматривают, как бы обмануть, или украсть, сбегают почем зря. Никакого уважения к старшим и к Семье. Хорошо, Бракованный, что ты не такой, да?

— Чегодун, что тебе нужно? — устало спросил Брак, оставив попытки высвободить локоть. — Раз все равно обо всем знаешь.

Они как раз остановились у двери “Мамаши”, но старший сборщик не спешил заходить внутрь, по прежнему удерживая калеку. Хватка у него была удивительно крепкая, не пальцы — стальные тиски.

— Ты о чем? Мне ничего от тебя не нужно. Я же просто новостями делюсь, а то ты совсем из дома не выходишь...

Чегодун осекся — со стороны Глотки сверкнуло синеватой вспышкой молнии, а через несколько секунд донесся раскатистый грохот, от которого заложило уши. Сборщик недоуменно прислушался — рановато для грозы, а потом вновь повернулся к калеке и заговорил холодным голосом, из которого исчезло все зубоскальство:

— Будь моя воля, ты бы остался здесь. Часовщик в тебе уверен, к тому же просил не

вмешиваться. Но слепое доверие это прерогатива недоумков и наивных стариков. Поэтому я спрошу тебя сам, и тебе стоит надеяться, что ответ меня устроит.

Брак замер. Именно такого Чегодуна боялись все без исключения, даже за пределами Семьи. От него веяло холодной угрозой, а глаза в темноте казались почти черными.

— Почему ты отказался от предложения северян? Только не надо делать круглые глаза и спешно подгонять факты под нелепую попытку соврать. Просто отвечай на вопрос, быстро, не раздумывая.

— Не хочу сменить одну бутылку на другую! — слова вырвались у калеки сами собой.

Чегодун на секунду опешил от такого ответа, но быстро опомнился. На его лице проступила удивленно-веселая усмешка.

— Ух ты! Я уже приготовился выслушивать наспех сведенные заверения в том, что ты просто боишься там остаться, не вернуться в семью и все такое, — холодок из голоса сборщика пропал, он говорил почти весело. — Собирался уже дать тебе в морду и за шкуру оттащить в клетку за такую гнилую попытку меня поймать. А ты удивил, явно ляпнул действительно то, что думаешь. Накипело, да?

Мимо проехали две полные людей тарги, направляясь в сторону Глотки. Чегодун проводил их задумчивым взглядом. Достал было деревянную трубку, но передумал и принялся ловко набивать железную трубочку одними пальцами. Брак стоял неподвижно, коленки предательски дрожали.

— Ладно, принимается. Пусть будет на совести Часа, я вмешиваться не буду. Он видит в тебе неглупого парня, который просто хочет посмотреть мир. Я вижу мелкого хитрожопого засранца, который мнит себя самым умным и считает окружающих за тупых джорков. Но гнили в тебе нет, скорее всего ты хлебнешь дерьма полной ложкой и вернешься назад, если не сдохнешь.

Чегодун выпустил локоть парня. Тот едва удержался на ногах, покачнулся и оперся рукой о стену гигатрака. Ощущение было такое, будто он только что чудом увернулся от когтей атакующего драка.

— Если не вернешься, а я узнаю, что ты жив — лучше беги как можно дальше и забивайся в самую глубокую щель, — сборщик затянулся из трубочки и выпустил густой клуб дыма, мгновенно подхваченный ветром. — Ненавижу разочаровываться в людях. Семье как никогда нужны механики, способные отличить гравку от гравика. Ты ведь способен?

— Да, способен. Спасибо. — Брак помялся и задал интересующий его вопрос: — Чегодун, что будет с отцом?

— Да я откуда знаю? Скорее всего, сопьется и свернет себе шею. Мой сын не вернулся в этом году, так что трак мне пока не нужен, — он помахал дымящейся трубочкой перед лицом калеки. — Тебя что, совесть заела? Лучше о себе думай, у тебя Отправление на носу, а потом долгая дорога под дождём в обнимку с трясущейся задницей напарника.

— Тогда я пойду?

— Иди конечно. Бракованный, хочешь бесплатный совет? Я обычно на такое не иду, выгоды никакой, да и потом приходят, ругаются. Но ты мне прямо в душу запал, хочется поделиться за просто так. Только ты близко к сердцу не принимай и кривиться не вздумай, я такое не одобряю, изжога мучает, — в речь Чегодуна вновь вернулись язвительность и словоблудие. — Так вот, Бракованный. Не считай себя умнее других. Если все идет так, как ты задумал, каждую секунду задавай себе простой вопрос. Вот прямо бери и спрашивай: “А точно ли это моя заслуга? Не пытаются ли меня поймать?” Как только ты прекратишь

сомневаться и спрашивать себя, решишь, что в этот раз ты точно самый хитрожопый — тебе конец. Сожрут, переварят и оставят твои останки под ближайшим кустом в компании грязной тряпки.

Брак хмуро кивнул и постучал в дверь. Не удержавшись, спросил:

— Меня не пустили бы к яхте?

— Да тебя бы даже с Гряземесами не отпустили, если бы не Час. Ты думаешь, можно вывезти скиммер через мой трюм так, чтобы я об этом не узнал? — Чегодун повернулся к торгу, откуда донеслись хлопки и несколько ярких вспышек — Да какого шарга у них там происходит? Лоран, стой!

Брак проводил взглядом остановившего проезжающий скиммер Чегодуна, который перекинулся с водителем несколькими короткими фразами а затем полез в седло. Скиммер загудел и рванул с места в сторону Глотки.

Дверь в “Мамашу” за спиной гостеприимно распахнулась и калека наконец убрался из под дождя, окунувшись в жаркий воздух коридоров гигатрака.

Все церемонии Большого схода всегда проходят в одном месте и по схожему сценарию. В скрытом от посторонних глаз внутреннем дворике, со всех сторон окруженном массивными тушами гигатраков, собираются старшие Семей. По шесть от каждой семьи, за исключением Чернолапых, от которых приходят семеро. Старший сборщик, старший разведчик, старший загонщик, старший механик, лекарь и патриарх — капитан гигатрака. Хотя у тех же Красноголовых гигатраком командует матриарх — Гларана, сухонькая невысокая женщина, с ног до головы покрытая татуировками.

После того как старшие соберутся, начинается основная часть. Встречают вернувшихся из Поиска, принимают переговорщиков от других кланов, решают на закрытом совете насущные вопросы... Ну и под конец — обязательная попойка для присутствующих, на сдвинутые столы из недр гигатраков тащат лучшие блюда кочевников и неумоимо истребляют запасы спиртного. Чужих обычно нет, все друг друга прекрасно знают, а из посторонних допускаются только родственники и близкие связанной с Поиском молодежи.

Во всяком случае, Брак представлял себе все именно так. Ему в клановых церемониях участия принимать до сих пор не приходилось, довольствовался чужими словами. Наверняка привирают, никакой внушительностью и торжественностью там и не пахнет. Трудно себе представить того же Гарпунщика, толкающего проникновенную речь о будущем клана. Соберутся, почешут языками и кулаками, потом перепьются. Серьезные вопросы, навроде визита северян, случаются крайне редко.

Однако, происходившее сегодня во внутреннем дворе явно выходило за рамки обычной церемонии Отправления. Стоило Браку пересечь трюм “Мамаша” и ступить на круглую площадь с горящим в центре костром, как по ушам ударил многоголосый гомон и ругательства.

За сдвинутыми вместе столами бесновалась группа едва знакомых старших, среди которых Брак заметил высокую фигуру Часовщика и рыжую шевелюру Гарпунщика. Помимо собравшихся за столом, на площадь набилась целая толпа мокрых и рассерженных клановых из разных семей. Гомон и крики стояли невыносимые, из ведущего к Глотке прохода поминутно появлялись новые лица, на ходу скидывая плащи и присоединяясь к орущей толпе.

— Да не могло оно само! — надрываясь орал полуодетый низкорослый Гряземес.

— Молнией шархнуло!

— Тебя в детстве молнией шархнуло. Там голый камень! — голос был тонкий и пронзительный.

— До утра застрянем...

— ТИ-И-ХО!!! — рев Гарпунщика прокатился над толпой, но гомон лишь нарастал.

Брак тихонько протолкался к прислонившейся к стене фигуре толстяка. Логи жевал полоску мяса и с любопытством глазел на происходящее, изредка принимая бесплодные попытки отчистить с плаща ярко-красные пятна. Напарнику он отсалютовал зажатой между пальцами тряпкой.

— Логи, что происходит? — калеке пришлось напрячь голос, чтобы перекричать окружающий шум.

— А фарг его фнает. — толстяк прожевал мясо и с трудом проглотил. — Глотку завалило.

— Что? — переспросил Брак, решив что не расслышал. — Как завалило?

— А шарг его знает. То ли молния, то ли прорыв эйра. Засыпало от северной стены до южной, все в обломках. Каких-то торгашей завалило.

— Далеко?

— Далеко. Почти у Бойницы. Мы тут с тобой застряли тут до завтра, когда гигатраки подгонят и все расчистят. — толстяк сокрушенно вздохнул и развел руками.

— Логи, какое завтра? Утром шторм ударит по плато, если Глотка запечатана — надо крепить весь транспорт намертво, иначе смоем.

— Шаргова плесень! — выругался лысый. — Так это мы в полной заднице, я про шторм не подумал. Сука, как не вовремя!

Брак лихорадочно соображал, как быть. Запоздало сообразил, что на торге тоже творилось что-то непонятное.

В этот момент из распахнутого трюма “Ворчалы” вывалился зажимающий окровавленный бок молодой Волнолом. Тщетно попытался перекричать толпу, но всеобщее внимание было приковано к выходу со двора. Тогда мужчина отцепил с пояса короткий жахатель, дрожащими руками сменил банку и жахнул в воздух.

Синяя вспышка на мгновение осветила внутренний двор, по ушам ударил резкий звук. Гомон стих, головы начали недоуменно поворачиваться в сторону стрелявшего.

— ...падение! На “Ворчале” враги! — крик мужчины с трудом пробивался сквозь заложенные уши.

— Откуда? Кто? — коренастый седой Волнолом вскочил со своего места и кинулся к раненому. — Даган, что с тобой?

— Пленники сбежали! У них оружие, пробиваются на верхнюю палубу!

Теперь уже внимание всех было приковано к распахнутому трюму гигатрака. Многие потянулись за оружием, у кого что было.

— Что стоите? В трюме копы! Выбьем эту шваль с моего “Ворчалы!” — седой выхватил жахатель из рук Дагана и рванул внутрь. Вслед за ним устремилась часть собравшихся.

Брак едва успел осознать происходящее, когда толстяк дернул его за рукав и ткнул пальцем наверх. Сквозь дыру в сорванном тенте было видно, как на крыше “Ворчалы” с оглушительным скрежетом двигается что-то огромное.

— БА-А-АДА-А-АНГИ! — до напарников донесся дикий рев Гарпунщика, но все, что они успели — широко открыть рты, закрыть глаза и прикрыть головы руками. Большая часть

клановых сделала то же самое, пригнувшись до самой земли.

Наверху ослепительно сверкнуло, на секунду стало светло, как днем. Не успевшие закрыть глаза истошно закричали. А через мгновение дворик накрыла ударная волна от выстрела исполинской баданги, заметалась между железными бортами гигатраков.

Грохот стоял такой, будто внутренний двор очутился в самом сердце шторма. Всех, кто не успел уцепиться, опрокинуло и прокатило по камням. Тент на секунду вздулся парусом, прежде чем сорваться с веревок и размазаться по корпусу “Падшего Цепя”. Массивные железные столы в центре завалились, угли от костра раскаленной шрапнелью стегнули по людям и стенам, рассыпая искры. Мелкую железную утварь и посуду разметало по камням. Воздух наполнился воплями и дымом.

Толстяк удержался на ногах и сумел удержать Брака, благо находились они в стороне от того места, куда пришелся основной удар волны. Логи наклонился к уху растерянно моргающего калеки и проорал, тяня его за собой:

— Это только одна!

Брак, отчаянно пытавшийся высмотреть в дымящейся свалке длинную фигуру Часовщика, уперся и проорал в ответ:

— Что одна? Надо выгащить Часа!

Логи выругался и одним движением взвалил отчаянно брыкающегося калеку на плечо. Тяжело бухая ногами побежал к трюму “Мамаши”, расталкивая пытавшихся подняться людей. Брака на его плече мотыляло, как дохлую медузу, из распахнутой сумки сыпался на камни железный хлам. Парень заметил вдалеке знакомый плащ и отчаянно пытался вырваться, но хватка у толстяка была стальная.

Лысый громила успел пробежать трюм насквозь и уже приближался к знакомой двери наружу, когда корпус “Мамаши” внезапно застонал, завибрировал и заходил ходуном. По коридорам прокатилась волна теплого воздуха, ощутимо толкнувшая напарников в спину, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось ранее во дворе.

Логи остановился, устало дыша и прислонившись к стене. Калеку он скинул с плеча как куль с водорослями, тот неловко плюхнулся на пол, бряцнув протезом. Мимо, в сторону трюма, тяжело пронеслись несколько вооруженных Котобоев в тяжелой защите, не обративших на напарников никакого внимания.

Брак медленно встал, придерживаясь за стену рукой. Злобно уставившись на толстяка, прокричал:

— Какого шарга ты творишь?! Надо было помочь Часу!

Логи устало пожал плечами:

— Без тебя разберутся. Там половина лекарей клана.

— Куда ты так рванул, гразгова отрыжка? — душащая Брака злость отчаянно искала выход. — Какого шарга там вообще происходит?

Толстяк постучал кулаком по все еще звенящей стене и указал глазами в сторону трюма:

— А ты думал, что “Мамашу” просто так трясет? Баданг на “Ворчале” две, обе заправлены. Если нападавшие захватили крышу, они бы не остановились на одной. Не благодари.

Брак помотал головой, пытаясь избавиться от звона в ушах. Мысли постепенно приходили в порядок и он был вынужден признать правоту толстяка. Остаться во дворе, подставившись под второй выстрел, было верхом глупости. Нападавшие удачно выбрали момент, разом покалечив и оглушив половину собравшихся.

Баданги вообще страшное оружие, любой клановый с детства знает, что не стоит находиться рядом, когда она жахает. Если выстрел все-же застал врасплох, нужно вжаться в землю и открыть рот, накрепко прикрыв голову. А ведь на “Ворчале” стояли не просто баданги, а Левая и Правая, самые мощные орудия в клане. Даже просто находиться рядом опасно, а уж в забитом людьми и окруженном гигатраками внутреннем дворе... Наверняка сейчас там целая куча покалеченных и оглушенных. Радует только, что повторных выстрелов ждать не стоит — эти баданги шаргово долго перезаправляются. Нападавших к тому моменту уже убьют.

Мимо, пошатываясь, прошагал красный от злости Кронг, из левого уха патриарха тянулась тонкая струйка крови, лоб был рассечен. На ходу рывкнул напарникам: “Вон отсюда” и скрылся за поворотом.

— Пойдем. Посмотрим, что там снаружи, — Логи открыл дверь и осторожно выглянул. — Вроде тихо, только машин полно. Нужно добраться до скиммера.

Брак согласно кивнул и посторонился, пропуская бегущего Ухола, нагруженного ящиком с заправленными банками.

Дверь за спинами напарников с лязгом захлопнулись, а в недрах “Мамаши” басовито загудели пробуждающиеся эйносы. Корпус приподнялся на опорах, сверху донеслось жужжание заправляемых скрапперов.

Колоссальная машина готовилась к бою.

— Какого шарга вообще происходит? Нападать на Сходе? — разорвался Логи, пока напарники торопливо пересекали под проливным дождем кольцо торга. — Да они тупее джорков.

Брак хромал следом молча, хмуро глядя вокруг.

Форт гудел потревоженным муравейником. Мимо проносились скиммеры и тарги с вооруженными клановыми, в глазах рябило от мельтешащих огней. Далеко на севере что-то бурно полыхало, окрашивая низко нависшие облака в оранжево-багровый. Периодически оттуда доносились приглушенные хлопки, а в небе над фортом расцветали зарницы.

Нетрудно догадаться, куда метились захватчики “Ворчалы”. С той стороны за пределами форта есть только одна цель — гравияхта северян. Точнее, была одна цель. Ни один гравицеп в мире не выдержит близкого разрыва снаряда баданги гигатрака. Что уж говорить о прямом попадании по заякоренной прогулочной яхте, которое должно было превратить “Двойную Спираль” в размазанные по плато пылающие обломки. И, судя по вспыхивающим в небе отсветам, наводчики не промахнулись.

Оставался вопрос, куда пришелся второй выстрел. Стена машин с этой стороны выглядит неповрежденной, разве что местами горят пожары. Скорее всего, жажнули по воротам Глотки. Именно там сейчас пылают самые яркие и высокие огни, именно в ту сторону проносятся груженные машины. Если нападающие стремились вывести из строя как можно больше людей и техники, место сбора рейдов и дозорные посты у ворот должны были привлечь их внимание в первую очередь.

— Это пленные Коты устроили, — пробормотал Брак. — Вломились толпой на “Ворчалу”, наверняка подгадали момент, когда дверь откроют.

— Шаргова плесень, Бракованный, скажи что-нибудь новое, — Логи зло сплюнул и поправил повязку на глазу. — Например, спасибо. За то, что отговорил тебя отправляться к северянам. Лежала бы твоя задница сейчас мелким фаршем на камнях, вперемешку с задницей твоей несостоявшейся слушательницы.

— Спасибо, Логи. Ты мне жизнь спас, — искренне поблагодарил толстяка Брак, но затем вновь вернулся к Котам. — Им кто-то помог. Дал оружие, еду, избавился от охраны.

— Я даже скажу, кто именно, — вновь сплюнул лысый. — Там рядом с клеткой терлись четверо торговцев гривастых. Они мне еще в кабаке не понравились. Привезли полный кузов всякого дерьма, якобы на продажу, чтобы вопросов не возникало. Там такой хлам был, что только круглый дурак купит.

— И все дни таскали этот хлам в клетку, когда охрана отвлекалась, — закончил Брак. — Прятали под тряпками обгаженными.

— Умные сволочи. А ты тогда ошибся, — добавил Логи — Никакая это не политика, никто не собирался их выкупать. Решили отбить, а заодно тут разворотить все. Наверняка ведь этот ублюдок, который главный у них, давно сбежал. Угнал скиммер и под шумок свалил.

Брак согласно кивал, но взгляд у него был задумчивый. В версию Логи не укладывались три вещи, и это напрягало калеку.

Закупоривание Глотки — а сомневаться в том, что это было сделано намеренно, теперь не приходилось. Запереть клан на Плеши, загнав под шторм? Глупо, Гиены заякорят

технику, переждут буйство стихии, а затем гигатраками расчищают проход. Задержать клан не получится, бронированный кулак сметет любое сопротивление.

Уничтожение гравицепа — в то, что это случайность, Брак не верил. Зачем едва сбежавшим Котам атаковать цель за пределами форта? Наводятся баданги не быстро, а целей тут полно, жахай в любую сторону. Но нет — первый выстрел явно пришелся в яхту. Почему? Глупая атака на Волноломов, захват в плен, лже-торговцы. Не слишком ли сложно? Да и за каким шаргом это Котам?

И последнее, почему именно сегодня? Проверни пленники побег, когда торг был полон торговцев, результат был бы тем же. Но сбежать было бы куда легче, после грохота баданг воцарился бы хаос и паника, верные спутники всех беглецов. Воруй транспорт и беги, вместе с сотнями подобных тебе вольников и торговцев. Почему именно сегодня, когда на торге почти никого не осталось?

— Логи, зачем они завалили Глотку? — спросил Брак, когда они дошли до стоянки.

— Внимание отвлекли. Видел, какой шухер начался? — толстяк помахал рукой собравшимся у останков костра вооруженным Котобоям. — Пока Волноломы орали во дворе, пленники сбежали. Иначе у них бы ни гразга не вышло, ночью всегда охраняют всерьез.

Брак покачал головой. Версия лысого его не убедила, но других мыслей не было. Происходящая на плато возня поражала своей бессмысленностью.

Скиммер был на месте. Да и вообще, стоянка почти не изменилась. Разве что валялись на камнях несколько дротиков, да в кузове трака Хольдера зияла рваная дыра размером с кулак. Явно поработали дыроколом. Трак Джуса по-прежнему стоял со сведенной дверью, разве что в кабине горел свет.

Логи отправился за новостями, а калека принялся будить скиммер. Искоса поглядывал в сторону плато — на грани видимости мелькали непонятные отблески.

Толстяк вернулся, когда даже сонная гравка уже как следует разогрелась. Брак втайне опасался, что внутрь эйносов проникнет вода из-за криво сведенной обшивки, но обошлось. То ли он недооценил себя, то ли Часовщик постарался, но пробный круг под дождем скиммер выдержал с честью. Даже шарик уверенно удерживал тяжелую машину от опрокидывания.

— Зря ты тут мелькаешь, — буркнул подошедший толстяк, сгоняя напарника с водительского места.

— Почему?

— На плато скиммеры Котов. Вроде, даже несколько тарг есть. Налетели на стоянки снаружи кольца траков, закидали зажигалками и дротиками. Лучше не высовываться. — Логи завел скиммер на стоянку и остановился под прикрытием борта трака Сельмы. — У нас несколько раненых, Холику трак подожгли.

— Как они сюда попали? — удивленно спросил Брак. Он видел следы боя, но списал это на пленников. — Твои в порядке?

— Что с ними будут, ужинают. — толстяк хотел продолжить, но не успел.

— Из расселин вынырнули, уроды усатые.

— Пovýлезали из нор, как гразги.

Близнецы высунули головы из открытой двери кабины, но сами выходить не стали.

— А ну живо в кабину! — доносящийся изнутри голос Сельмы звенел от напряжения.

— Мам, тут Брак и Логи. Они в центре были. — заныли близнецы.

— Зовите их сюда. И спрячьте уже головы.

Напарники переглянулись, но отказываться не стали. Пока неясно, что дальше делать, но в траке всяко лучше, чем мокнуть под дождем.

Сельма была бледна и заметно нервничала. Даже на заставила вошедших снять плащи, чем незамедлительно воспользовался Логи, плюхнувшись на стул и залив деревянный пол потоками воды. Толстяк с любопытством разглядывал чужое жилище.

Близнецы молча уселись на своих кроватях. Сельма, внимательно оглядев снимающего плащ калеку, вздохнула и спросила:

— Рассказывайте, какого шарга там происходит. Мы тут толком ничего не слышали, кроме баданг.

Пока Логи с удовольствием пересказывал события на церемонии, вызывая у близнецов восторг, а у Сельмы поток грязных ругательств, Брак сидел на стуле с кружкой вурша и размышлял.

Происходящее на плато становилось еще абсурднее, и это пугало. Откуда здесь Коты? Пришли на выручку своим?

Это явно не стоит затраченных усилий. Подниматься в дождь по водоотводам невероятно опасно. Спускаться еще куда ни шло, но подъем сквозь потоки воды... Даже если в плен попали все старшие семьи, включая их родственников — оно того не стоит. Слишком велика цена за такое спасение, ведь помимо расщелин, наверху поджидают многочисленные орудия клана. Зачем так подставляться? Просто пощипать Гиен под прикрытием дождя? Еще глупее, тяжелую технику наверх не затащишь, а от ручного оружия толку мало. Даже если на таргах стоят скрапперы, их гибель лишь вопрос времени.

— Брак, не спи. — Левая заботливо пнула его под коленку. — Ты уже полчаса в кружку смотришь.

— Не мешай ему, он ищет способ навсегда избавить мир от Котов. Смотри, как лоб сморщил.

— Он всегда такой, — довольно прошамкал пирожком толстяк. — У меня лучший на свете напарник, стоит ляпнуть любую чушь, и он в ступоре. Можно кружку на голову ставить, не заметит.

Логи продемонстрировал. Близнецы заплодировали, Сельма зашикала, Брак не заметил.

Зачем Котам понадобилось поднимать на плато технику? Все, чего они смогут добиться — это то, что Гиены сгонят весь транспорт под гигатраки, превратив форт в ошестинившуюся стволами крепость. Прикрываться чужими стоянками у нападающих больше не выйдет, а дальнобойные скраппы и баданги с высоты трех палуб легко вычистят Плешь от наглецов.

Голова Брака гудела. Казалось, что все кусочки обшивки уже есть, осталось лишь свести их воедино. Что именно он упускает? Или он опять ищет подвох там, где его нет?

В теплой кабине было светло и хорошо. На калеку перестали обращать внимания, Логи со вкусом рассказывал Сельме подробности их злоключений в Голой Впадине и последующей пьянки. Кусок про Пещеру он пропустил. Близнецы на два голоса комментировали и дополняли его рассказ, добавив ту часть, где собравшиеся на утесе делали ставки на то, удастся ли напарникам не застрять в расщелине из-за чьей-то слишком толстой задницы. Успокоившаяся Сельма разулыбалась и выставила на стол корзинку со сладостями.

Что могут сделать Коты? Отравить воду? Нет. Предательский удар в спину? От кого? Это клан, здесь все свои. Да и не потянет один гигатрак против остальных, даже “Падший

Цеп”. Закидать крепость снарядами баданг с равнины? Еще глупее, Плешь огромна, вслепую забрасывать ее бадангами можно целый год, так ни к кого и не попал.

Может, Коты хотят обрушить плато, как в истории про Восстание Семерых? Не выйдет, каменная лепешка это не площадь перед дворцом, под которой так удачно расположились катакомбы. Под Сходом нет ни единой расселины, сплошной камень.

Разогнать целую гору эйра рядом с гигатраками? Наподобие ягоды или той двойной банки с охоты? Тоже не сработает, одной точно не хватит, да и как Коты умудрились бы протащить в сердце Схода устройство размером с трак? Продали под видом чего-то еще? Сборщики не тупицы, пример Чегодуна перед глазами. Такое бы он точно не пропустил.

Использовать неизвестный доселе эйнос? Или что-то из легендарного островного арсенала? А вот это уже не предугадаешь, подобные случаи бывали. Но откуда у Котов такое? Они, скорее, продадут ценный приз тому, кто предложит больше, а на вырученные кри вырастят новый гигатрак. Клань всегда в первую очередь думают о себе.

Брак внезапно уловил мысль, царапнувшую усталые мозги. Что это было? Эйнос? Нет. Приз? Нет. Островной арсенал? Островной Арсенал! Доминионы!

От пришедшей ему в голову разгадки парень дернулся, едва не упав со стула. С головы с грохотом упала пустая кружка, под дружный хохот собравшихся.

Кому было бы выгодно избавиться от северян, собирающих войско для Доминиона? Островитянам. Именно они в первую очередь ударили бы по гравияхте. Могли ли Коты с ними договориться? Среди тех, кто принял предложение северян, Котов точно не было. Иначе Часовщик обязательно заострил бы на этом внимание.

Дверь без стука открылась и в кабину ввалился мокрый Барташ, коротконогий и с широченными плечами, похожий на вставшего на задние лапы люторога. Левая рука мужчины была аккуратно перемотана чистыми бинтами, из под которых проступали пятна крови. При виде незваных гостей он набычился, выпятив одновременно лоб и нижнюю челюсть.

— Барташ, это гости, — Сельма повернулась к мужу и тепло улыбнулась. — Что там снаружи?

Отец близнецов разом просветлел, лицо разгладилось, превратившись из туповатого и злобного в просто туповатое. Он даже попытался улыбнуться напарникам, но оставил эту затею и махнул рукой в сторону двери:

— Гарп пришел. Всех зовет. Я пойду? — голос у загонщика был удивительно тонкий и слегка заискивающий.

Сельма кивнула и привычным движением остановила рванувшихся к двери близнецов.

Барташ грузно развернулся и исчез снаружи.

— Мы тоже пойдем, — с мысли Брак уже сбился, так что стоило пойти послушать Гарпунщика. — Спасибо за стол, Сельма. Пусть не иссякнет твой эйр.

— Не за что благодарить, ты не съел ничего. И вурш давно застыл. Зря ты так переживаешь, — женщина тепло улыбнулась и добавила. — Пусть не иссякнет твой эйр.

— Зато жирный сожрал сладкого за троих!

— И в карманы напихал, я видела!

Логи тяжело встал и высокомерно взглянул на маленьких ябед:

— Я с вами не согласен. Сельма, спасибо. У тебя здесь хорошо. Пусть эйра у тебя будет дохренища, или как там.

Закрывая за собой дверь кабины, Брак услышал позади тихий лязг задвижки.

Снаружи, казалось, стало еще темнее и холоднее, мелкая морось сменилась редкими, тяжелыми каплями начинающегося ливня. На месте костра смутно виднелась фигура Гарпунщика, колотящего по железке. Со всей стоянки к нему стягивались темные фигуры в плащах, своими силуэтами и медлительностью напоминаящие стаю северных дронтов.

— Ну и что ты надумал? Только не говори мне, что просто мух в вурше пересчитывал, вид у тебя был слишком ошалевший. — толстяк придиричиво осмотрел скиммер и потопал к костру.

— Логи, Коты сговорились с островитянами. Они поэтому яхту грохнули, — Брак с трудом поспевал за широко шагающим напарником. — Это все какая-то большая подстава, но я не могу понять, какая.

— Это тебе мухи нашептали? Какая разница, с кем они договорились? Я то думал, что ты придумываешь очередной план, как нам свалить с плато побыстрее. Видимо, придется еще пару дней здесь торчать.

Вокруг толпились вооруженные Котобои. Из-за одинаковых плащей было почти невозможно различить, кто есть кто. Разве что выделялась грузная фигура Отбивки, да и то лишь благодаря тому, что повариха стояла рядом с Гарпунщиком. Еще Брак разглядел знакомую бандуру арбалета, так что Ругил тоже здесь.

Старший загонщик убедился, что большинство Котобоев собрались вокруг него, после чего прекратил мучить железку и слух окружающих. Прокашлялся и во весь голос заорал:

— КОТОБОИ! Слушайте меня! На нас напали Степные Коты!

— Мы и так знаем! — крикнул кто-то из толпы.

— Молчать! Следующему, кто меня перебьет — в голову прилетит гарпун!

Гарпунщик плащом пренебрег, предпочтя с ног до головы обвешаться оружием. На широких кожаных ремнях болтались три коротких жахателя, с пяток разномастных тесаков и целая прорва ножей, которых рыжему всегда было мало. И это не считая знаменитого гарпуна с резной рукоятью, наконечник которого сейчас указывал на крикуна в толпе. Мокрая рыжая борода воинственно топорщилась. Выглядел старший загонщик внушительно и устрашающе.

Убедившись в отсутствии желающих высказаться, Гарпунщик набрал полную грудь воздуха и продолжил орать:

— Нападающие разогнали баки с эйром внутри Бойницы. Глотка заперта, так что быстро с Плещи нам не выбраться. Кроме того, пленные Коты на торге смогли воспользоваться суматохой и сбежать, захватив верхнюю палубу “Ворчалы”. Баданги все слышали?

В ответ донеслось нестройное утвердительное мычанье, но голос подать никто не рискнул.

— К счастью, Коты оказались косоглазыми криворукими джорками, поэтому слили баданги почти впустую. “Ворчалу” уже зачистили от паразитов, — Гарпунщик перевел дух и продолжил. — Теперь главное. На Стеклянную Плещь через расщелины поднялась техника. Немного, с десятков скиммеров и несколько тарг на помощь беглецам. Гоняться за ними ночью под дождем нет никакого смысла, побьем технику. Поэтому ждем утра.

Толпа загудела, обсуждая новости. Большинство участвовало в стычке с налетчиками Котов, видели залп с “Ворчалы”, но полная картина происходящего открылась только после объяснений старшего загонщика. Тот оперся на гарпун и терпеливо ждал, пока собравшиеся утомонятся.

— Да не слили они баданги впустую. Жажнули именно туда, куда хотели. — досадливо произнес Брак. — И у Глотки кучу техники разнесли.

— Брак, кончай нагнетать. Даже если Коты за каким то шаргом договорились с островитянами, что с того? Ну грохнули для них зачем-то яхту и сбежали, что дальше? У дома кроме цепов нет ни шарга, а в такую погоду даже медузы не летают.

Гарпунщик тем временем снова шархнул по железке, привлекая всеобщее внимание, после чего продолжил:

— До утра собираемся в крепость. Якоримся намертво, крепим все что есть, борт к борту. Вся легкую технику в трюмы, если нет места — загоняйте в “Мамашу”. Главное — удержать первый удар шторма, дальше будет легче. Кто может — сводите корпуса вместе, железо возьмете у Часовщика. Стягивайте цепями тарги. О Котах не пыхтите, они не рискнут лезть под гигатраки без прикрытия. А если все же полезут... — он вытянул гарпун в сторону плато и резко дернул вверх, изображая выстрел.

— Ну все, Котам задница. — удовлетворенно бухнул Логи.

— ВСЕ ЗА РЫЧАГИ! Будите движки и снимайтесь. Кронг подаст сигнал. Бортами не толкаться, вперед траков не лезть. Оружие держите при себе, все стволы заправить и прогреть. Весь хлам оставляйте, соберем после шторма, если что останется, — Гарпунщик первым подал пример, широченными шагами зашагав к своему траку. За ним тенью последовала Отбивка. — И поглядывайте на плато, а то Коты любят сзади пристраиваться!

Котобои со смешками принялись расходиться, обсуждая постельные пристрастия Котов. Костровая площадь быстро пустела, со стороны стоянки послышалось многоголосое гудение пробуждающихся эйносов. Тяжелые тучи, казалось, надвинулись еще ниже, а ливень стремительно набирал силу, заливая плато настоящими водопадами воды. По всей стоянке разгорались ходовые фонари и слышался тяжелый скрежет выдираемых из камня опор.

— А ты боялся, — Логи хлопнул напарника по спине и затопал к скиммеру. — И что твои островитяне будут делать с крепостью? Закидают Плешь дерьмом из-за туч?

— Это какой-то шаргов бред, — едва не простонал Брак, следуя за толстяком. В голове пойманным в клетку рапом билась мысль о том, что он упускает нечто очень важное. Какая-то мелочь, крохотная деталь, после которой все встанет на свои места. — Зачем они сгоняют нас в крепость? Почему сегодня?

— Меня больше заботит, когда мы сможем убратся с Плещи. Покаждемся окончания шторма, пока расчистят Глотку... — Логи сокрушенно вздохнул и уселся за руль скиммера. — Зато, надеюсь, удастся погонять Котов по степи. Ты банки заправил?

— Не успел, Чегодун задержал, — отмахнулся Брак, порывшись в основательно опустевшей сумке. — Одна полная осталась, из тайника.

Людей на стоянке почти не осталось. Группа мокрых и злых искателей закатывали скиммеры в длинный прицеп Чагилы по опущенному в лужу пандусу. Калека не сводил взгляд с неба, раздраженно отбрасывая лезущие в глаза мокрые волосы.

— Не хочу в прицеп, — Логи заправил банку в жахатель и вернул его в крепление у ноги, по соседству с Там-Тамом. — Приткнемся между бортами где-нибудь, стянем цепями. Скиммер тяжелый, не унесет. Как его назовем, кстати?

— Да хоть “Жоповозом” назови, такую тушу таскать, — Брак с ненавистью ударил кулаком по ладони. — Да какого шарга мне так страшно? Из-за десятка сраных скиммеров и двух ржавых тарг?

Логи смачно зевнул во весь рот, поковырялся пальцем под мокрой повязкой и криво

ухмыльнулся:

— А кто тебе сказал, что их там десять? Может и больше поднялось, забились по щелям, как гразги. Протащили пяток баданг через “Кривую Бабку”, только и ждут, когда мы соберемся вместе. Брак, просто признай уже, что ты ссыкло и перестраховщик. Увидишь, сразу полегчает, — Логи проводил взглядом проехавшую мимо таргу и снова зевнул. — Имя надо придумать сочное, чтобы сразу узнавали. К тому же, я достал краску, на первой же стоянке будем...

Брак его не слышал. Лицо калеки застыло и побледнело еще сильнее, спину сотрясала крупная дрожь, а побелевшие пальцы судорожно стиснули полы плаща. Взгляд невидяще метался по стоянке.

Беспечный толстяк, сам о том не подозревая, наконец прорвал своими словами мембрану в голове калеки. Последний кусок обшивки с хрустом встал на место, и получившийся результат ошеломил парня своей безжалостной простотой. Он отчаянно пытался найти хоть какое-то слабое место, в надежде наткнуться на ошибку в своих рассуждениях, но не мог. Голос напарника доносился до ушей глухо, будто пробиваясь сквозь толстый слой ваты.

— ...или “Окровавленным Драком”. Хотя для скиммера это, пожалуй, перебор, — с сомнением протянул Логи, после чего заметил состояние калеки — Эй, Брак! Не спи, а то я один мучаюсь.

Он грубо встряхнул напарника за плечо. Взгляд Брака обрел осмысленность, он с ужасом взглянул на толстяка округлившимися глазами.

— Во, оклемался! А как тебе “Пожиратель Душ”? Можно на баке отметки ставить, за каждого сбитого врага.

— Логи... — голос калеки звучал слабо и надтреснуто.

— Вроде как души врагов пополняют наш эйр. Получится жутко и загадочно.

— Логи!

— Или вот, “Усмиритель”. При его появлении враги смиряются с поражением... — толстяк обратил, наконец, внимание на попытки напарника до него достучаться. — Что тебе? Хватит уже про островитян, у нас важное дело есть.

— Логи, нельзя допустить, чтобы собралась крепость! — пришедший в себя Брак почти прокричал это в лицо лысому, — Это все шаргова высокая политика!

— Что ты несешь? При чем здесь политика? — недовольно поморщился прерванный толстяк. — Стой! Ты куда?

Брак, со всей возможной скоростью хромавший к траку Гарпунщика, обернулся и на ходу прокричал:

— Кто сказал, что клиньев всего десять?

Его слова заглушил доносящийся со стороны “Мамаши” протяжный вой сигнала.

Логи выругался и тяжело побежал вслед за калекой. Трак Хольдера с хрустом выдрал из камня штыри опор и двинулся к центру форта.

— Да стой ты! — толстяк с трудом нагнал Брака и схватил его за плечо.

Калека в отчаянии смотрел на оживающие машины. Кричать бесполезно — громогласный зов “Мамаши” волнами расходился над камнями, ему вторили проснувшиеся ревуну других гигатраков.

— Брак, что происходит? Десять чего? — Логи силой развернул напарника к себе и заорал прямо в ухо.

— Клиньев! Десять клиньев для маяка! — видя непонимание на лице толстяка, Брак принялся сбивчиво объяснять, с трудом перекрикивая шум. — На “Жабовозе” эйнос с торга. Торговец сказал — клиньев всего десять! Мог соврать! Маяк в самом центре стоянки! Туда нельзя!

Калека указал рукой в сторону гигатраков, к которым медленно сползались машины.

— Какие клинья? Что делает маяк?

— Логи, им не надо нас видеть! Они могут зависнуть прямо над крепостью! — Брак с ужасом взглянул на темные клубящиеся тучи, в которых могли скрываться враги. — Они ждали бури!

Толстяк остро взглянул на трясущегося калеку и повернул голову в сторону центра Схода. Голос “Мамаши” умолк, но остальные гигатраки продолжали созывать свои Семьи.

— Ты уверен? Им не надо нас видеть?

— Нет! Они наведутся по маяку! Клиньям даже не нужно, чтобы он был разбужен. Надо предупредить старших!

— Если ты прав... — Логи выругался и рванул к своему траку, который уже успел тронуться с места, прокричав на ходу: — Вытаскивай отца, не тупи!

Брак послушно заковылял к грузовику Джуса, но на полдороге замедлился. Четырехпалый явно слышал Гарпунщика, но подготовиться толком не успел — трак раскачивался на опорах, расшатывая вбитые в камень штыри. Гравка надсадно выла, понемногу приподнимая кузов машины при каждом движении.

Пока калека раздумывал, станет ли Джус его слушать после всего случившегося, да и стоит ли вообще пытаться спасти отца, как трак с оглушительным скрежетом вырвался из каменной ловушки и стремительно пронесся мимо, звеня погнутыми железными стержнями и высекая искры опущенными опорами.

— Гразгова отрыжка! — выругался Брак, провожая взглядом свой старый дом.

На стоянке осталось всего несколько неподвижных машин. Недолго думая, калека со всей возможной скоростью захромал к знакомой двери.

— Сельма! Сельма! — Парень из последних сил колотил по двери кабины, забеги под дождем вымотали его до предела. — Сельма! Открой!

— Брак? — из приоткрывшейся двери выглянула до крайности удивленная женщина. — Ты почему все еще здесь? Живо к “Мамаше”!

— Туда нельзя! — калека с трудом перевел сбившееся дыхание и продолжил. — Сельма, к гигатракам нельзя. Коты сговорились с доми и собираются уничтожить крепость с цепов!

— Что? Какие доми?

— Сельма, я еду? — донесся из недр кабины голос Барташа.

— Папа, подожди!

— Мама занята! Отпусти рычаги!

Брак сделал несколько глубоких вздохов, успокаивая колотящееся сердце. Как убедить Сельму он себе не представлял, поэтому просто постарался максимально коротко пересказать ей свои мысли. Выходило путано и неубедительно, особенно история про маяк и клинья.

Светловолосая женщина вначале слушала скептически и нетерпеливо поглядывала в сторону кабины, но под конец призадумалась и пристально взглянула на парня.

— Никогда не слышала о таком эйносе, даже слухов. Брак, даже если ты прав, на плато сейчас небезопасно, Коты никуда не делись, — она улыбнулась и пожалала плечами. — Давай мы все вместе отправимся к крепости, успокоимся и ты подробно все расскажешь старшим. Хочешь к нам в кабину? Я уверена, что твой друг справится со скиммером один.

Брак с отчаянием понял, что ему не верят. Сельма кивает и улыбается, но это просто попытка успокоить накрутившего себя парня. Если он зайдет в кабину, обратно выйти может не получиться. Усадит за стол и будет глядя в глаза объяснять, в чем именно он не прав и зачем надо успокоиться. А Барташ тем временем закроет дверь и погонит трак напрямиком в ловушку.

— Сельма, прошу вас, переждите на плато! Не надо к крепости! — парень предпринял последнюю попытку достучаться до женщины, но тщетно.

— Прости, Брак, но нам уже пора. До шторма всего ничего, а трак сам себя не закрепит. Заходи, когда все закончится, — Сельма покачала головой и скрылась в кабине. — Барташ, трогай!

Лязгнула задвижка двери и калека едва успел соскочить с подножки — трак неторопливо тронулся и принялся разворачиваться, по широкой дуге объезжая скиммер напарников. С противоположной стороны к двухколесной машине подходил понурый Логи, провожая взглядом отъезжающий грузовик с приметным гнездом на крыше. При виде Брака он развел руками и тяжело уселся на скиммер.

— Не поверили? — калека подошел ближе и оперся о мокрое сиденье.

— Нет. Даже слушать не стали. Шаргова плесень, да я сам не до конца тебе верю, — толстяк включил фонари и разбудил гравку. — И что теперь? Торчать под дождем до самого шторма?

— Не знаю... — Брак осекся и пристально взгляделся в темноту.

Трак Барташа не успел проехать и четверти пути, как остановился. На крыше началась какая-то возня, вниз спрыгнула крохотная фигурка и, поднимая ногами фонтаны брызг, стремительно побежала к напарникам.

Больше на крыше никто не появился. Трак некоторое время постоял, словно раздумывая, а затем принялся неторопливо разворачиваться, высвечивая фонарями борта спешащих к крепости машин.

— Ну хоть у кого-то мозги есть, — буркнул Логи, снимая скиммер с подножки. — Драпать будем?

Брак кивнул и забрался в сиденье.

Трак закончил разворот и начал набирать скорость, но явно не успевал. Разогнавшаяся Левая с трудом остановилась, едва не пропахав носом камень и, задыхаясь от восторга, завопила:

— Дайте сесть! Валим отсюда, валим!

С нее ручьями стекала вода, насквозь промокшая одежда плотно облепила костлявое

тело. Грудь тяжело вздымалась от бега.

Брак кое-как придвинулся ближе к толстяку, освобождая место позади себя. Он не рассчитывал на троих седоков когда строил скиммер, но худенькая Левая умудрилась втиснуться позади, накрепко вцепившись в плащ калеки. Тяжелая машина под ее весом даже не просела.

Логи вывернул руль, разворачиваясь, и добавил эйра. Загудевший двигателем скиммер принялся стремительно удаляться от стоянки, оставляя неповоротливый трак позади. В свете фонарей преследователя на мгновение мелькнула приземистая тарга, сопровождаемая двумя скиммерами.

— Где второй? — проорал толстяк. Он снизил скорость, забирая в сторону океана.

— Его мать за ногу поймала. Он вцепился в край люка, умоляюще взглянул на меня и прокричал, что он всегда меня ненавидел. А потом он полетел в темную бездонную пропасть, где его наверняка сожрут огнедышащие твари! — проорала девчонка, затем оглянулась и добавила. — Якорись, Лысик, они отстали.

— Логи, гаси свет, — Брак убедился в том, что преследователи разворачиваются, и нервно огляделся по сторонам. — Левая, прекрати кривляться. Ты вообще понимаешь, зачем мы здесь?

Логи заякорился среди зарослей кустов, которые сборщики не успели пустить на костры, и погасил свет. Остальные эйносы он усыплять не стал, облокотился на руль и мрачно уставился в сторону крепости. Дождь сильно ослабел, позволяя кое-как разглядеть происходящее вдали, но на востоке уже мелькали вспышки молний — предвестники стремительно наступающего с океана шторма.

— Парень совсем сбрендил с этим Поиском. Предлагает нам остаться на плато из-за своих фантазий. Джус совсем за ним не следит! — очень похоже изобразила Левая голос Сельмы. — Мы с братом сразу сообразили, что вы просто в крепость не хотите, и сразу сбежали. Жаль Правого замели. Тут обалденно!

— Мы не просто так туда не хотим, — мрачно сказал Брак, слезая со скиммера. — Если я прав, от крепости скоро мало что останется.

— А если не прав, нам придется шарг знает сколько торчать здесь под дождем, а затем возвращать девчонку разъяренной мамаше, — добавил Логи. — Брак, ты точно уверен?

— Нет. И я всей душой надеюсь, что ошибаюсь, — калека снял свой плащ и накинул на плечи Левого. С трудом собранное тепло принялось стремительно утекать из под промокшей куртки. — Я понятия не имею, что тогда делать.

— Подождите, подождите. Что значит, от крепости мало что останется? — недоуменно спросила девчонка — Я думала, вы просто хотите позвенеть этими самыми, стальными мышцами. Ночь, шторм, Коты. Разве не так?

— Не так, — сквозь зубы процедил Логи, утирая лицо — Брак, я уже жалею. У нее не мозги, а их отсутствие.

Брак не ошибся. Не успел он начать рассказывать девочке про свои мысли, как со стороны крепости ослепительно сверкнуло, на мгновение окрасив весь мир призрачно-голубым. Стало светло, как днем, кипящие над головой тучи стремительно закручивались над плато в исполинскую спираль.

Логи грязно выругался сквозь сжатые зубы, на лице проступили желваки. Выпученный глаз пылал яростным огнем.

Брак застыл, все еще не до конца веря в происходящее. Рядом истошно кричала Левая:

— Что это? Что там происходит?

— Это фантазии Брака, не видишь разве? — угрюмо ответил толстяк. — Суки...

Не успела первая волна сжатого воздуха докатиться до их хрупкого убежища, снося на своем пути капли дождя и пригибая к земле кустарник, как сверкнула новая вспышка. А за ней еще одна. Облака над гигатраками разметало в стороны, будто накрыв крепость огромной перевернутой чашей, целиком состоящей из бурлящей серо-черной мути. Мелькнули оранжевым зарницы разгорающихся пожаров.

Левая с визгом рванулась туда, забилась в руке толстяка, царапая ее ногтями и заходясь страшным криком. После очередной серии вспышек, поменьше но частых, она упала на колени и завывала, утопив лицо в ладонях.

Следующие одна за другой ударные волны разгоняли скопившуюся на камнях воду и доносили до ушей отдаленный грохот, похожий на раскаты грома. Им отвечали такие же раскаты со стороны океана, сопровождавшие участвовавшие вспышки молний.

Брак смотрел не отрываясь, глаза жгло огнем. Пошевелиться он не мог, тело застыло и онемело, будто чужое. Потоки дождя, казалось, прошивали одежду насквозь.

Сверкнуло еще раз, едва заметно. И сразу вслед за этим полыхнул голубым весь мир, небо над крепостью расколосось на всю высоту ударом невидимого тарана. В просвете на секунду мелькнули звезды и тусклая сфера небесного глаза, прежде чем вновь скрыться за клубящимися тучами.

Удар этой волны был страшен. Скиммер едва не опрокинуло, Брак, не удержавшись, тяжело бухнулся на задницу. Левая завалилась на бок и прокатилась по камням. Стоять остался лишь Логи, широко расставивший ноги и упрямо склонивший голову. Ветер срывал с его бычьей холки россыпи мелких капель.

Когда стих разрывающий уши грохот, а небо над крепостью потемнело и затихло, толстяк угрюмо произнес всего одно слово:

— Баки.

Они выждали еще несколько минут под проливным ливнем, но новых вспышек не было. Из темноты виднелись лишь отблески далеких пожаров.

— Нам надо туда, нам надо туда, нам надо туда, — бесконечно повторяла всхлипывающая Левая. Капюшон с ее головы сбился, мокрые русые волосы плотно облепили лицо, но девочка этого не замечала, раскачиваясь на коленях как маятник и бормоча одну и ту же фразу.

— Что дальше? — глухо спросил Логи. Он сидел на водительском месте и бессмысленно щелкал рычажком заднего хода.

— Я не знаю, — ответил Брак, в пятый раз проверяющий крепеж протеза. — Туда нам нельзя.

Словно в ответ на его слова, неподалеку от укрытия разом зажглись с десятков фонарей. Невидимые за стеной дождя машины некоторое время постояли на месте, после чего двинулись в сторону крепости.

— Какие они Коты... Самые настоящие падальщики, — Логи проводил взглядом удаляющиеся огни. — Надо убираться отсюда.

— Да. Шторм мы не переживем, — Брак поднялся на ноги и подошел к девочке, осторожно потрогал ее за плечо. — Вставай, Левая. Пожалуйста.

Та не отреагировала, продолжая раскачиваться.

— Надо убратсья с Плеши до шторма. Даже если мы его переживем, завтра здесь будет

половина легкой техники Котов. А вторая половина будет караулить нас там, внизу, — толстяк махнул рукой на запад. — Глотка заперта, значит у нас всего два варианта.

— Водоотводы, — кивнул Брак, все еще пытаясь достучаться долевой. — А второй какой?

— Сброситься в океан. Это быстрее и не так больно. — Логи криво усмехнулся. — Ни один шаргов кретин не полезет в расщелины в разгар такой бури. Там воды больше, чем дерьма в Жирном.

Он осекся и вновь помрачнел.

Калека оставил Левую в покое и повернулся к напарнику:

— Нам еще придется отыскать подходящую. Попадем в тупиковую, там и останемся. Я плохо знаю водоотводы.

— А я знаю хорошо, и это нам ни шарга не поможет. В этой темноте даже Ярлан хер чего найдет. Попрямся тупо наугад, как и положено настоящим героям, — Логи зажег фонари и нетерпеливо мотнул головой. — Грузи мелкую и сам лезь. Времени мало.

Девочку Браку пришлось усадить впереди себя, прижав собой к спине толстяка и кое-как уцепившись за его плащ — Левая по-прежнему ни на что не реагировала, руки и ноги безвольно свисали.

Логи вел осторожно, сверля взглядом мокрые камни впереди и держась в стороне от зарева пожаров. Опасаться приходилось не только трещин, но и того, что свет фонарей скиммера привлечет к себе ненужное внимание. Молнии сверкали уже над самой головой, от близких раскатов грома Брак втягивал голову в плечи нервно озирался.

Напарники миновали уже несколько крупных расщелин, но все они не подходили. Либо слишком узкие, либо нет подходящего спуска. Вода потоками срывалась с отвесных черных стен и грохотала внизу по камням. Шторм с каждой минутой надвигался все ближе, даже сквозь завесу дождя проступало неистовое свечение взбудораженного эйра. Отчаявшийся толстяк попытался было ехать быстрее, но едва не угробил всю троицу, чудом не загнав колесо в незамеченную на скорости трещину.

Зато Левая понемногу приходила в себя, держалась почти самостоятельно и поминутно приподнимала голову, оглядываясь.

Тарга выпрыгнула из темноты внезапно. Сначала очередная вспышка молнии на мгновение высветила неподалеку нечто большое и угловатое, а затем толстяк резко заякорился, вынудив седоков уткнуться в его широкую спину.

В свете фонарей смутно виднелся широкий пологий спуск, уходящий куда-то вниз. Рядом с выключенными фонарями стояла незнакомая тарга с открытым кузовом, высокая и длинная, с острым ножом отвала спереди. Окрашенная темными полосками кабина казалась грубо вырубленной из цельного куска металла, а над кузовом смутно проглядывали очертания многоствольной скраппы.

Тарга явно стояла с усиленными гравками, почти касаясь днищем камней. Помимо массивных опор, к земле ее прижимали туго натянутые цепи, раскинувшиеся в стороны подобно щупальцам медузы и влажно блестящие. Окна кабины были наглухо закрыты железными листами, лишь из узкой бойницы спереди пробивался слабый свет, показывая, что внутри кто-то есть.

— Коты! — выкрикнул Брак, указывая на полосы. — Какого шарга они тут делают?

— Нас ждут, — глухо ответил лысый и принялся слезать со скиммера. — Либо своих

ждут. Какая разница? Мы живы только потому, что они не видят дальше своего свиного рыла. Думают мы свои, раз остановились.

— Ты куда? — Брак похолодел. Ему показалось, что стволы скраппы сдвинулись в сторону скиммера — Логи, не глупи! Валим отсюда, или в расселину нырнем.

Толстяк вытащил из крепления Там-Там, повесил через плечо жахатель и повернулся лицом к тарге.

— Не успеем. Прощай, Брак. Это было здорово, хоть и недолго. Жаль, что все закончится именно так.

Договорив, он тяжело топая ногами по лужам, пошел к тарге. В лицо лысому ударил ослепительный свет фонаря с крыши кабины, Логи прикрыл единственный глаз свободной рукой и упрямо шел вперед сквозь косые струи ливня.

Брак с отчаянием смотрел в спину удаляющемуся напарнику, в любой момент ожидая голубой вспышки, несущей с собой смертельное облако железных осколков. Шаргов толстяк, ну зачем? Тупой жирный недоумок, начитавшийся тупых дешевых историй... Они бы успели уехать, тарга не может двигаться... Калека принялся неловко сползать с сиденья, чтобы перебраться на водительское место.

Логи неторопливо шел на свет. Выстрела он совершенно не опасался, кричать ему не будут, слишком много шума вокруг.

Ведь кто он для команды тарги? Свой, кто же еще? Приехал на скиммере, которых у Котов здесь полно. Покладисто остановился неподалеку, не попытавшись прорваться или сбежать, идет к машине один и не торопясь. Темный мокрый плащ скрывает лицо и одежду, но в ливень все так одеты. Оружие с собой? Так у Котов здесь война, надо быть настороже. А пассажиров скиммера прикрывает широкая спина толстяка.

Нет, сидящие внутри дождутся, пока незнакомец приблизится и скинет капюшон. Или покажет какуюнибудь метку, так часто делают. Ленту на одежде или еще какую дрянь. И лишь потом, убедившись что это свои, приоткроют дверь для разговора. Да и чего им опасаться? Тарга явно непростая, полоски у Котов за просто так не раздают. Наверняка прикрыта от жахателей вихревиком, или еще чем. По кругу броня, а открытую заслонку бойницы можно в любой момент опустить.

Логи подошел вплотную к капоту, щурясь от бьющего в лицо света, кинул кувалду на камни. Потянул руку к капюшону чтобы снять, но на полпути остановился, будто не желая подставлять голову под дождь. Медленно сунул руку под плащ, роясь в карманах. Тарга молчала, в бойнице мелькнула тень чьей-то головы.

— Прости, Брак. — пробормотал толстяк. — Так надо.

И почти без замаха швырнул бутылку в едва заметную щель, тут же нырнув за капот.

Бросок вышел сильный, бутылка впечаталась поперек бойницы и со звоном разбилась, окатив наблюдателей своим едким содержимыми и забросив внутрь кабины бешено трепыхающегося гразга. Изнутри донесся дикий многоголосый вопль, над головой лысого шарахнуло голубым, снеся воду с капота.

Не теряя ни секунды, Логи вскочил на ноги. Уперевшись в колесо, тяжело забросил себя на капот и просунул матово-черный ствол жахателя в бойницу, на мгновение опередив лязгнувшую по оружию заслонку. И со злобной улыбкой спустил пружину.

Жахатели не просто так не любят использовать в помещениях. Грохот сильно бьет по ушам, да и неуправляемый поток разогнанного эйра трудно назвать точным оружием — сносит весь плохо закрепленный хлам на своем пути, включая людей. И чем меньше

помещение, тем выше шанс для жахающего поймать лицом отраженный от стены удар или прилетевшую из ниоткуда кружку с пивом.

Кабина тарги была очень тесной, к тому же почти полностью герметичной. Вихревик, даже если он и был, смог бы рассеять выстрел снаружи, но в упор не сработал. Изнутри ударило голубым, по ушам врезал металлический грохот. Защитные пластины на окнах ощутимо выгнулись наружу.

Логи помотал головой, избавляясь от звона в ушах, и тяжело спрыгнул вниз. Рука, сжимающая Дум-Дум, дрожала — даже для него выстрел тяжелой банкой с одной руки не прошел даром.

Поднял Там-Там и с натугой обрушил тяжелый боек на все еще светивший фонарь, сминая поворотный механизм и массивный отражатель. С яркой предсмертной вспышкой рассыпался эйнос, выбросив в воздух ворох светящихся крупинок, тут же прибитых дождем к крыше.

Из наглухо запечатанной кабины не доносилось ни звука. Толстяк вернулся к капоту и со мстительной ухмылкой саданул по правому переднему колесу обратной стороной бойка. Сверкнувшая вспышка в клочья разворотила резину и снесла колесо с оси, косо заклинив его под просевшей на днище машиной.

Логи с удовлетворенной улыбкой подобрал с камней отлетевшую кувалду, показал перекошенной тарге метку сучьего Ярлана и побрел обратно к скиммеру.

— Оружие — это как любимая женщина, нельзя оставлять ее в одиночестве после завершения дела.

— Поехали уже, — в который раз пробормотал дрожащий от холода Брак. — Сейчас шторм ударит.

— А кто тебя просил мое место занимать? — невпопад ответил толстяк, задумчиво вертя в пальцах нож. — Сейчас поедем.

Логи процарапал на прикладе Дум-Дума три глубоких зарубки и теперь раздумывал, добавлять ли четвертую.

Возвращение лысого восприняли с облегченными выдохами, даже Левая слабо улыбнулась. События у тарги калека с девчонкой почти не разглядели, мешал дождь и бьющий по глазам свет, но заранее готовились к самому худшему. Брак нервно крутил рукоятку на руле, а когда жажнуло и фонарь внезапно погас — едва не рванул с места куда глаза глядят. Но удержался, то ли от страха, то ли в безумной надежде, что толстяк справится. И не прогадал.

Подошедший Логи согнал калеку с водительского места, буркнул, не вдаваясь в подробности, что Коты их больше не беспокоят, после чего достал нож уткнулся в приклад. И уже минут пять занимался какой-то шарговой ерундой.

— А что я должен был делать? Думал, ты погиб. Попрошлся со мной и хочешь выиграть нам время, чтобы сбежать.

— Ну так и сбежали бы, чего сидели как прибитые? — нож все-таки принялся выводить четвертую зарубку. — Я не с тобой прощался.

— Ты их убил? — подала голос Левая.

— Не думаю, разве что гразг им лица обглодает, — толстяк печально вздохнул. — Жалко Брака.

— Хватит его так называть!

— Надо вернуться и убить их, — со злостью сказала девчонка. — Или сжечь.

— До утра провозимся этот гроб вскрывать. Некогда, — Логи прочертил последнюю зарубку и спрятал нож под плащ. — Если Брак не справится, надеюсь шторм их доконает.

— Поехали уже! Времени совсем нет. — в очередной раз сказал калека посиневшими губами. Ему было очень холодно и плохо.

Логи с тоской посмотрел на раскрытый темный зев расселины, в который бурным потоком устремлялась вода. Неудивительно, что именно тут стояли на страже Коты. Ущелье называлось “Малая Глотка”, это одно из немногих мест, где на Плешь с трудом, но может подняться тарга. Но и воды через широкий проход уносит до шарговой матери, между отвесных стен течет настоящая река, таща к подножью камни и мелкий мусор.

— Не хочу я туда. Боюсь до усрачки, — толстяк тяжело вздохнул, убрал Дум-Дум и стянул с головы капюшон вместе с промокшей насквозь повязкой. — Шаргова плесень, какой же длинный день. Держитесь крепче, недоноски. Впереди самая глубокая жопа в ваших никчемных жизнях, не посрамите.

Брак и Левая вцепились во что попало окоченевшими пальцами, стиснули ногами пузатый корпус машины. Калека в очередной раз пожалел о том, что не успел свести рукоятки и мысленно пожелал болтливому толстяку всей той шальной удачи, которая

издревле пособствует лишь самым тупым и бесстрашным. Хотел было обратиться за помощью к матери, но не успел — Логи вывернул руль, проорал что-то бессвязное и стремительно рванул тяжелую машину в ущелье, поднимая колесами фонтаны брызг.

За спинами беглецов сверкнуло, звуки на мгновение стихли — и на Стекланную Плешь всей силой обрушился шторм, залив плато яростными потоками призрачного голубого света.

Спуск Брак почти не запомнил. Потоки воды швыряли машину как пушинку, Левая безостановочно визжала, прижавшись к спине толстяка. Эйносы в недрах корпуса надрывались от натуги, один из фонарей погас, раздробленный ударом косо нависшей стены. Логи орал, изо всех сил упираясь в ставший вдруг непослушным руль, из глубокого пореза на его голове хлестала кровь.

Браку едва не раздавило вторую ногу, когда вода швырнула скиммер об стену при резком повороте ущелья. Удержаться удалось лишь чудом, гуделка в недрах скиммера раскалилась и надсадно выла, но упорно продолжала сопротивляться попыткам машины опрокинуться. Лишь бы круглый корпус выдержал и внутрь не прорвалась вода... Но металл держался, спасибо Часовщику и его мастерству.

Чем глубже спускались, тем становилось хуже, бурлящая вода уже перехлестывала выше руля. Логи почти полностью усыпил гравку, и лишь вес груженного скиммера до сих пор не позволял потоку их подхватить. Сверху безостановочно обрушивались все новые водопады, пополняя и без того переполненное ущелье, мимо с грохотом проносились обломки камней размером с кулак.

В какой-то момент стало совсем плохо, ледяная вода поднялась выше головы. В недрах скиммера что-то сломалось и погас последний фонарь. Брак, едва успевший хлебнуть воздуха, закрыв глаза бормотал про себя слова прощения перед всеми, кого успел обидеть за свою недолгую жизнь. Намертво вцепившиеся руки немилосердно рвало с поклажи, по спине сильно прилетело чем-то твердым и тяжелым.

Казалось, что конца этому безумию нет. Им всем предстоит сгинуть здесь, в самой холодной и глубокой заднице мира, захлебнувшись или разбившись о скалы в кромешной темноте.

Закончилось все внезапно. Камень под ногами сменился густой мягкой грязью, с головы будто резко сорвали водяное покрывало. Скиммер со вцепившимися в него людьми вынесло на равнину из широкой треугольной щели у подножья плато. Тяжелую машину отбросило в сторону, колеса беспомощно проскользили по грязи и многострадальный скиммер облегченно завалился, пропахав бортом длинную глубокую борозду. Ее тут же принялась заполнять грязная вода.

Брак с закрытыми глазами лежал вниз лицом в ледяной грязи и мечтал умереть. С неба хлестали струи дождя, мимо с ревом проносился грязный поток воды. Закоченевшее тело отказывалось двигаться, даже боли почти не было. Все, на что хватало парня — изредка хватать ртом воздух и мысленно проклинать Котов, скиммер, толстяка, островитян, шаргову Плешь с ее шарговыми расщелинами. И себя. В первую очередь себя, за то что своими руками во все это ввязался. Сдох бы как остальные Гиены — быстро и безболезненно.

Сквозь шум воды смутно донеслись голоса, но отреагировать калека не мог — все силы уходили на то, чтобы просто дышать. Он закрыл глаза и просто лежал.

— Вон он!

Пинок под ребра Брак едва почувствовал, как и то, что его пытаются приподнять. В рот, грубо раздвигая губы, вонзилось горлышко железной фляги. Вонючая жидкость кипятком хлынула в горло, калека судорожно дернулся и закашлялся. Его рывком перевернули на живот, на землю хлынул настоящий водопад воды вперемешку с содержимым желудка.

— Хватит метать, — голос толстяка доносился будто бы издалека. — Дай ему еще.

Брак попытался отвернуть голову от горлышка, но не преуспел. Во второй раз пошло лучше, шаргово пошло огнем скатилось в желудок, разожгло внутри маленький пожар.

— Он все равно не жилец с такими ранами. Только зря бухло перевели.

— Ну хоть похороним по нашему. Без ног для него не так уж много копать придется.

Калека застонал и попытался встать, но шумно завалился на бок — протеза на ноге не оказалось.

— Обопрись на меня. Вот так, осторожно, — рука толстяка подхватила Брака подмышку и приподняла. — Пойдем, тебе еще скиммер будить.

Прыгая на одной ноге, калека понемногу приходил в себя. Перед глазами все плыло, конечности по-прежнему казались чужими, к тому же его душил непрекращающийся кашель. Зато голова от самогона почти прояснилась.

Скиммер лежал на боку в стороне от потока подобно выброшенному на берег катрану, наполовину утонув в глубокой луже воды. Дождь смыл с него грязь, обнажив бесчисленные вмятины и царапины на корпусе, рукоятка руля укоризненно торчала в небеса. Багажник перекосило, но груз удивительным образом уцелел. Сказался целый моток паутинки, которую напарники извели на крепеж. Разве что пропала одна из канистр с эйром и едва держался на одинокой веревке какой-то мешок.

Толстяк дотащил Брака до скиммера, уронил прямо в лужу, прислонив спиной к борту. Выглядел Логи страшно. Левая рука едва двигалась, кожу предплечья стесало едва ли не до кости. На голове глубокий порез, лицо будто пропустили через жорку. Левый глаз вспух, из глазницы мертво глядело нечто белесое и сморщенное.

Левая выглядела не лучше, тоже избитая и уставшая до полусмерти. Она баюкала сломанную правую руку и глядела на калеку с надеждой.

— Что тут? — слова вырывались из горла с сиплым присвистом.

— Скиммер сдох, — ответила Левая. — Тебя потоком отбросило, мы тебя искали, потом нашли. Все.

— Буди его, Бракованный. Надо убраться отсюда до рассвета. — Логи вытащил из кармана мокрый платок, с треском его разорвал и принялся заматывать руку.

— Зачем?

— Не тупи, — сквозь зубы прошипел толстяк, стягивая узел. — На равнине свет. Коты. Будут ловить беглецов вроде нас. Ночью есть хоть какой-то шанс вырваться.

Брак застонал. Его надежды на то, что после безумного спуска все завершится, не оправдались. Приподнявшись, он оперся на скиммер и разогрел один из якорей. От металла потянуло слабым теплом.

— Можно сильнее? — слабым голосом спросила Левая.

— Нельзя, там эйносы и эйр. Логи, дай свою кувалду. — Брак с трудом вонзил рукоять в грязь и принялся докрасна калить боек. — Помогайте.

Помощники из лысого с девчонкой были аховые, но через некоторое время Там-Там все же засветился багровым. Потянуло жаром, дождь с шипением испарялся с раскаленного металла.

— Больше нельзя, — с сожалением сказал калека, оторвав ладони от кувалды. — Могут заметить. Дайте мне жахатель и помогите поднять скиммер.

С машиной пришлось повозиться. От опирающегося на костыль Брака толку не было, от Левой тоже, так что толстяку пришлось корячиться в одиночку. В конце концов он уперся в корпус спиной и, отчаянно скользя ботинками по грязи, с хлюпаньем выдрал скиммер из грязи. Девчонка спешно выдвинула обе опоры и скинула якоря, так что машина хоть и косилась на бок, но не заваливалась.

— Ищите мой протез и грейтесь, — Брак сосредоточился на скиммере, пытаюсь понять, с чего начать. — Логи, дай еще выпить.

Поломку даже не пришлось искать — в покато́м корпусе многострадального компрессора зияла рваная дыра, а из его внутренностей калека извлек острый обломок базальта и выгреб пригоршню каменного крошева.

Левая тихо подошла сзади, неловко попытавшись приладить протез к ноге, пока калека возился с компрессором. У нее не вышло, поэтому она просто прислонила железку к колесу и отошла к толстяку. Уселась в грязь рядом с Там-Тамом и прижалась к лысому спиной. Тот неловко приобнял девочку здоровой рукой, прокашлялся и спросил:

— Ты как?

— Жива, — Левая уткнулась лицом в руку толстяка и принялась наблюдать за Браком.

— Слушай, мы не знаем, что там произошло. Шаргова плесень, когда все это началось, многие наверняка успели убраться из центра. У тебя умная мать, которая...

— Которая осталась там, наверху, — со злостью бросила девочка. — Сейчас не время, Логи. Давай сперва уберемся отсюда.

Толстяк замолчал.

Над Стекло́йной Плешью неистовствовал шторм. Вспышки молний сверкали с периодичностью метронома, небо сияло голубым. Ревущий поток воды из Малой Глотки постепенно усиливался, подбираясь все ближе к скиммеру, мимо проносились какие-то обломки. Зато отвесная стена плато давала хоть какую-то защиту от ливня..

Брак приладил протез к ноге, с облегчением оперся. Раскалил жахатель и кинул его ближе к Там-Таму — тот уже почти остыл. Сидящие с благодарностью кивнули.

Калека с трудом выволок из под нагромождения вещей плоский лист металла. Осмотр компрессора показал, что поломка левая. Внутренности устройства не повреждены, камень просто все заклинил, а залившаяся внутрь вода завершила начатое. Нужно всего лишь поставить латку, просушить внутренности и можно будет убираться отсюда.

— Брак, что там? — уставший голос толстяка раздался позади, когда латка уже встала на место, наскоро сведенная к корпусу.

— То же самое, что в Пещере. Компрессор сдох. Надо было два ставить.

— Долго еще?

— Уже.

Брак с удовлетворением понаблюдал за истончающейся струйкой пара из под крышки раскаленного устройства, после чего намертво все перекрыл. Дождавшись, пока дождь охладит компрессор, повернулся к спутникам:

— Молитесь.

Рычаг со скрежетом пошел вниз, затем раскачался, стало легче. Компрессор закашлял, двигатель с недовольным гудением проснулся, скиммер с хрипами начал оживать.

Брак устало опустился в грязь рядом с Там-Тамом. Пока работал — согрелся, к тому же

на ногах его словно поддерживала невидимая сила, позволяя забыть о боли и усталости. Теперь же все навалилось разом, будто стержень вынули. Прогретый скиммер ожил, гул эйносов выровнялся.

Логи поднялся, помог Левой. Хлопнул Брака по плечу и тяжело забрался в сиденье. Машина с чавканьем тронулась, вырвалась из грязной ямы и отъехала в сторону, на более-менее плотный участок.

Подобравшийся вплотную поток воды захлестнул оставшуюся от скиммера яму.

— Пойдем, — девочка протянула калеке мокрую ладонь. — Толстый ждет.

Вместе они с трудом дотащились до скиммера, окончательно остывший Там-Там оставлял длинную борозду в грязи — сил поднять кувалду у Брака уже не осталось, приходилось тащить.

— Куда дальше? — спросил толстяк, когда все кое-как уселись. Левую руку на руле он удерживал с огромным трудом, повязка сочилась кровью.

— Отсюда. И чтобы без Котов, — калека осторожно поерзал, чтобы не тревожить сломанную руку девочки.

— А потом? Куда потом, Брак?

— В Яму. А потом в Доминион. Хватит с меня степей.

Толстяк кивнул и тронул скиммер с места. Тот начал неохотно, греб колесами, но благодаря шарикку сумел удержаться на раскисшей почве, а затем набрал скорость и эйнос стал больше не нужен.

Логи вел машину на север вдоль Плеши, на ходу пробиваясь сквозь многочисленные потоки воды, текущие с плато. Через несколько минут он вывернул руль и начал плавно забирать на запад.

Провожая взглядом удаляющуюся громаду, Брак устало размышлял, что все это до боли похоже на одну из любимых Логи историй. На ту часть, самую банальную и заезженную, где герои что то теряют, обретают заклятого врага и верных друзей. Впереди их ждет дорога, полная приключений, а в конце они спасут мир. Или хотя бы попытаются.

Дождь ослабевал. Брак в последний раз оглянулся на проклятую возвышенность, где остались слишком многие. И слишком многое.

Сзади сверкнуло.

В сиянии молнии, на мгновение залившей весь мир светом, парень успел разглядеть, как с отвесной скалы срывается вниз пылающий гигатрак.

Логи истошно заорал: “КОТЫ!!!”

Скиммер резко начал ускоряться.

Брак зажмурился и вцепился в веревки.

“Падший Цеп” упал во второй, и в последний раз.

Ударивший сзади свет был настолько ярким, что ослеплял даже сквозь плотно сомкнутые веки. Левая завизжала.

Ударная волна стремительно нагнала скиммер, отвесив беглецам пинок, достойный великана. Машину подбросило, Брак вылетел из сиденья. Попытался удержаться, но протез лишь бессильно звякнул по корпусу. Руки рвануло, ладони обожгло веревками и парень почувствовал, что летит.

В ту долгую секунду, когда перед самым падением мир будто замирает, Брак успел разглядеть многое.

Как кричит и колотит по широкой спине водителя худая русоволосая девчонка, не

замечая, что рука сломана. Расширенные от ужаса глаза смотрят назад.

Как вихляет скиммер, с огромным трудом удерживаемый лысым громилой. За его спиной неистово бьется мокрый темный плащ.

Как наперерез беглецам тянутся из темноты длинные, острые конусы света. Сколько их? Пять?

Как ветер треплет обрывки бечевки на покосившемся багажнике.

“Надо будет поправить потом” — подумал Брак.

А потом бесконечная секунда закончилась и земля прыгнула ему навстречу.

Брак сидел в грязи и безучастно наблюдал, как истекает кровью Стеклянная Плешь. Казавшаяся черной вода хлестала из разлома и многочисленных расселин, но ручейки с каждой минутой становились все меньше. Будто слабеет и умирает раненый зверь, шкура которого во множестве мест пробита копьями удачливых охотников.

"Падший Цеп" ушел красиво. Один из величайших гигатраков в мире, он даже в момент гибели нанес обидчику смертельную рану. Базальтовое плато в месте падения расколола исполинская вертикальная трещина, разделив Плешь на две неравных половины. Маловероятно, что она тянется до самого океана, но прощальный удар гигатрака все равно был страшен. Останки машины были засыпаны до сих пор дымящимися обломками.

Жаль только, что удар пришелся не по тем, кто его заслуживал.

Шторм ушел на запад. С ними всегда так, налетают на побережье и стремительно уходят вглубь материка, где вскоре затихают, растеряв всю свою ярость. На юге гораздо хуже, там шторма гораздо сильнее и прокатываются по земле уничтожающим все на своем пути валом, вплоть до самых гор.

Ходили упорные слухи, что Стеклянный Котел это кара неких высших сил, но Брак этим слухам больше не верил. Всегда виноваты люди. Наверняка они. Проще всего свалить все проблемы на некие незримые силы, которые тайно от всех замышляют недоброе. Смешно.

Как будто незримые силы смогли бы сотворить то, что случилось на Сходе. Их уделом всегда остается самое простое — молнии, засухи, вот это вот все. А легким движением стереть с лица Гардаша целый клан, к тому же чужими руками... На это способны только люди. Циничные, расчетливые ублюдки, которые в своих богатых домах ведут бесконечную игру, которую они называют Высокой Политикой. Переставляют холеными пальцами драгоценные фигурки скиммеров и походя сбрасывают с клеток чужие траки. Как "Забойка", только вместо фигурок — целые кланы. Или ловкие торговцы на приметных машинах.

Сразу после падения, Брак долго не мог прийти в себя. А когда, наконец, поднялся на ноги — на терзаемой штормом равнине не осталось даже следов. Куда делись скиммер с девчонкой и толстяком, или их преследователи — кто теперь скажет.

Поначалу калека метался раненым люторогом, в ярости пиная шаргов мешок трижды проклятого Джуса. Именно его наспех сделанное крепление не выдержало прощального подарка Плеши. Парня душили слезы и детская обида за несправедливость.

Потом успокоился, размеренно месил шагами грязь чтобы согреться. Ведь Логи может вернуться за напарником? Должен вернуться. Он оторвется от преследователей и подберет Брака. Главное — оставаться на месте и не замерзнуть.

Но чем больше времени проходило, тем меньше оставалось надежды. К тому моменту, когда небо над плато принялось стремительно светлеть, а сквозь новый разлом мелькало голубым, калека просто сидел в грязи, сверлил глазами Плешь и ждал неизвестно чего.

Наверное, все же смерти. Или Котов с их рабскими ошейниками. Или диких животных. Какая, по сути, разница?

Судьба плохо одетого, невооруженного путника без транспорта всегда незавидна. А он еще и калека. Вольные Земли не прощают слабости.

Может, стоит свести нож и зарезаться? А то до ближайшего камня ему ковылять

полдня, а откусить себе язык слишком страшно и больно. Хотя, с ножом тоже не выйдет, металла при себе не осталось. Разве что протезом голову разбить. А мешок набит каким-то мягким хламом. Есть еще, правда, заколка Симы...

Мысли от холода текли вяло.

Шелест колес Брак услышал, когда уже совсем рассвело. На Плеши сейчас все залито солнцем, но здесь, на равнине, исполинская каменная тень еще долго будет заслонять светило. Да и дождь продолжает накрапывать.

Тяжелая, судя по звуку, машина остановилась совсем неподалеку. Наверное трак, для тарги слишком шумят колеса. Да и эйносы гудят солидно, басовито. Минимум два движка, может даже красных. А то и три. Смерть сегодня явно не бедствует, да и к чему ей? Урожай ночью был богатый.

Часовщик. Правый. Сельма. Ярлан.

Совсем рядом хлопнула дверь, послышался влажный сдвоенный удар сапог по размокшей земле. Брак даже не вздрогнул, зачем?

Квок. Кларита. Ухол. Фолдис. Римма. Эрт.

Чавкающие шаги приблизились. Один человек. Брак склонил голову, раздумывая, и добавил еще три имени.

Логи. Левая... Джус.

Интересно, как назовут новый разлом? И кто назовет? Останется ли в степи вообще такое название, как Стеглянная Плешь?

Перед глазами калеки появилась пара высоких сапог, утопающих в мокрой грязи. В голенища были заправлены штаны из плотной серой ткани.

— Бракованный?

Голос был незнакомый.

— А? — изумленно поднял взгляд калека.

— Я спрашиваю, тебя зовут Бракованный? Семнадцать лет, Семья Котобоев, клан Пылевых Гиен?

Говоривший был высок и худ, по длинному черному плащу ручьями стекала вода. Из под кожаной шляпы с широкими полями темнели круглые очки. На Кота он не походил совершенно. За ним высился угольно-черный борт грузовика.

— Да, это я. — происходящее казалось Браку каким-то абсурдом. Сквозь завесу безразличия просачивался липкий страх, сердце заколотилось.

— Тогда пойдем со мной. Тебе не помешает обсохнуть и хорошенько отдохнуть.

— Что? Куда? — непонимающе спросил калека, не делая попыток встать.

— В трак, куда еще? — мужчина нетерпеливо оглянулся и протянул Браку руку. — Слушай, если так охота торчать тут в грязи — твое право. Но через пару часов тут все будет кишеть степняками, а в мои планы не входит играть с ними в гляделки. Ты идешь, или нет?

— Иду, — ответил тот, хватаясь за руку.

Кем бы ни был незнакомец, на Последнего Попутчика он точно не тянул. Иначе зачем ему опасаться встречи с Котами? Да и черный грузовик на поверку оказался обычным траком, просто по самую крышу заляпанным грязью.

Брак поднялся вслед за мужчиной в кабину, не забыв подхватить по пути мешок. Грязь комьями отваливалась с одежды и с влажными шлепками падала вниз.

Внутри было тепло и... Обыденно? Обычная кабина, без особых изысков. Разве что стены пестрят дверцами бесчисленных ящичков, а вместо привычных рычагов перед

водительским креслом красуется широкий обод руля, на манер северных тарг.

Незнакомец повесил мокрую шляпу и плащ на крюк, оставшись в простой темной рубаше, недовольно покосился на заляпанный грязью пол, после чего упал в скрипнувшее кресло. Повернулся вместе с сиденьем и указал длинным пальцем на пол:

— Сам будешь мыть.

Брак машинально кивнул, виновато взглянув на растекающуюся по полу грязную лужу, но тут же одернул себя — не о том думает.

— А ты кто вообще? — прозвучало грубовато и калека спешно добавил — Нет, я очень благодарен, но...

Мужчина взглянул с недоумением и пожал плечами:

— Оршаг. Из, как вы их называете, вольников. Или свободных торговцев. Не то, чтобы это имело значение, но хотя бы мое имя ты должен был знать.

— Откуда? — имя казалось смутно знакомым, но вспомнить откуда именно Брак не сумел. — Куда мы едем?

— Ты мне скажи. И, желательнее, побыстрее, — Оршаг покосился в сторону забранного темным стеклом бокового окна. Очки он так и не снял. — Я не дождался тебя на торге и только чудом нашел здесь. Давно бы плюнул на этот заказ, но сделка есть сделка. Даже неоплаченная.

Он намекающе потряс раскрытой ладонью.

— Какая сделка, о чем ты?

— Парень, тебя явно сильно приложило по голове, — сочувственно покачал головой торговец. — Я везу тебя туда, куда ты укажешь. В разумных пределах, на юг не сунуться. По дороге обучаю читать на канторском, а по прибытии возвращаю треть оплаты. На этом мы расстаемся, довольные друг другом, и я уезжаю в закат.

Брак похолодел. Ноги внезапно перестали держать и он тяжело опустился на пол. Уже догадываясь, что именно услышит, слабым голосом задал вопрос:

— Кто заключал сделку?

— Сказал что твой отец, хотя ты на него совершенно не похож, — Оршаг с подозрением наклонил голову и взглянул на калеку. — Как там его звали? Что-то на Н...

— Джус. Его звали Джус, — Брак, склонив голову, смотрел на пол, чувствуя как вновь подступают слезы.

— Точно, Джус! — обрадовался торговец. — А то я совсем забыл, тяжело с вашими клановыми именами. Давай оплату и поехали, и так слишком долго здесь задержались.

— Сколько? — глухо спросил калека.

— Три фиолки. Но, учитывая это вот все, — Оршаг повел руками в сторону Плеши, — Я готов округлить до сорока пяти. Такая трагедия не каждый день случается. Мы заботимся о своих клиентах.

Брак обреченно выдохнул. Какая разница, что цена невообразимо велика. У него все равно нет с собой ни крупинки. Вряд ли торговец согласится принять в оплату протез набитый памятным хламом или грязную драную одежду. Может, удастся договориться? Возможно, дельцу срочно нужны услуги механика недоучки?

Пока тянул время, делая вид что шарит по карманам, спросил:

— Мы?

— Торговый дом “Окончательный Расчет”. Древний орден странствующих лекарей “Последняя Услуга”. Банда вольников “Робкие Гашетки”. Можно даже сказать, что бригада

строителей “Пока не упадет” это тоже мы. Какая разница? Просто клиентам нравится слышать, что они имеют дело не с одиночкой, — Оршаг улыбнулся и насмешливо добавил: — Как будто десять слепцов, собравшись вместе, смогут видеть лучше одного зрячего. Хватит уже копаться, посмотри в мешке.

Брак послушно повернулся к мешку. Грязному, мокрому, покрытому следами подошв. Развязал непослушными пальцами надежно затянутый узел и извлек наружу лежавший на самом верху туго набитый кошелек.

Уже ничему не удивляясь, калека заглянул внутрь мешочка, после чего молча отдал его торговцу. Тот, взвесив кошелек на ладони, выудил из него один синий кристалл и перекинул обратно.

— Лишний. Я же обещал скидку. — Оршаг удовлетворенно кивнул и повернулся к рулю. — Сделка состоялась. Уже выбрал, куда едем?

— Куда-нибудь отсюда, — слабым голосом ответил Брак. Его глаза невыносимо жгло, а в ушах колотушкой Гарпунщика стучала кровь. — Мне все равно.

— Ладно, потом решишь. Тебе сейчас не до этого, — торговец что-то дернул у руля, под капотом басовито загудели двигатели. — Там в углу горячая вода, вымойся. И не забудь переодеться.

Тяжелый трак тронулся и, с достойной тарги прытью, принялся набирать скорость, стремительно оставляя позади Стеклянную Плешь.

Брак широко распахнул горловину мешка, уставившись на темную лаковую кожу с синей тесьмой. И заплакал.

Да, так меня зовут. Хотя, наверное, уже звали.

Что? Хорошо, разрешаю.

Это обязательно? Ладно, давайте сюда.

Я, в здравом уме и полностью отдавая себе отчет о происходящем, заявляю, что совершил все это... Мне обязательно целиком это читать?

...совершил все это добровольно и не по принуждению. В своих действиях я руководствовался исключительно собственными помыслами и побуждениями, ничья воля кроме... Я не буду это читать. Здесь еще три листа с одним и тем же. Давайте покороче?

...подтверждаю. Теперь точно все? Да я на эту писанину потратил больше времени, чем занял сам процесс.

Оценили? Мне тоже нравится. "Процесс". Звучит.

...все? Хорошо, я начинаю. Своими словами? Ладно ладно, постараюсь.

Итак. Все началось давным давно, на одной далекой и всеми забытой каменной лепешке посреди. Пишите просто, посреди. Именно там я, тогда еще совсем молодой, слабый и глупый мальчишка, впервые подумал о том, что хорошо бы спалить все к шарговой матери...

Да. Вообще все.

Архивы Рогаша, запись 1.06.17.8611.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Глоссарий

Небольшой глоссарий для тех, кому тяжело продираться сквозь первые главы.

География.

Таленза. — Восточный континент, Старый свет. Знатно загажен вечно толкающимися локтями странами с многолетними династиями у власти, а так же неудачными научными экспериментами.

Кантор. — Крупный полуостров треугольной формы на западном побережье Талензы и одноименное государство там располагающееся. Именно с Кантора началась Эпоха Освоения — экспансия людей на архипелаг и Гардаш. В прошлом — флагман мировой науки и исследований, даже сейчас не сильно в этом уступает доминионам. Канторский язык, пусть и видоизмененный, является общепринятым средством общения на архипелаге и Гардаше.

Архипелаг. — Огромное скопление островов в океане, вольготно раскинувшееся между материками. В прошлом — прибежище бесконечных вольных искателей добычи, снимавших сливки с островов до начала полноценной экспансии с Талензы. В настоящее время — вотчина доминионов.

Гардаш. — Западный континент. Изучен слабо, вся западная часть материка представляет собой бесконечный горный массив, за который исследователям пока не удалось проникнуть. Юг Гардаша регулярно вычищается штормами, отчего слабо пригоден для жизни. Назван так в честь Гарда-первооткрывателя, лихого искателя приключений, который, согласно легендам, мечтал прославить свое имя в веках величайшими географическими открытиями. По более приземленной версии, у его цепа намертво заклинило рули во время побега от канторского патруля, а дальше тупо повезло с попутным ветром. Или не повезло, учитывая, что после приземления большую часть цепа и экипажа сожрали драки, а сам Гард чудом спасся с материка, уплыв оттуда на паре тунцов.

Вольные Земли. — Огромная, слабо заселенная и освоенная степь на Гардаше. С юга зажата пустыней, с севера — границами Доминиона, с востока — океаном. Вотчина кланов.

Западный заслон. — Горный массив в западной части Гардаша. Считается непреодолимым.

Зеркальный котел \ Стекланный водоворот. — Чудовищной силы водоворот, расположенный в южной части архипелага. Баламутит воду и воздушные потоки вокруг себя с такой силой, что приблизиться к нему для досконального изучения практически невозможно. Считается, что регулярные океанические шторма, терзающие юг Гардаша и архипелага, зарождаются в самом сердце Стекланного Котла. Возник меньше пятидесяти лет назад по неизвестным причинам.

Страны.

Островные доминионы. — Крупные островные государства, контролирующие архипелаг. Аркензо, Лиор, Килея, Летрия, Фальдия, Валант и еще шесть доминионов поменьше. Формально подчиняются Талензе и управляются наместниками, по факту — независимы. В едином порыве объявили о своей независимости во времена Эпохи освоения,

вышвырнули к шарговой матери войска Талензы с архипелага, после чего дружно передрались. Флагманы науки и обладатели величайшего и наиболее технологически продвинутого воздушного флота в мире.

Доми. — Титул, которым на островах называют высокопоставленных доминионцев. Показатель скорее власти и богатства, чем родословной. Вне архипелага и Доминиона используется как попало, ибо кто этих островитян разберет.

Гарб. — Традиционное одеяние жителей архипелага, нечто среднее между халатом и чучелом попуая. Удобен, практичен и отлично сидит по фигуре, даже если от этой самой фигуры давно ничего не осталось.

Нойты. — Обобщенное название коренных жителей архипелага. В основном — из примитивных маленьких племен со своими религиозными заморочками, но есть исключения. На архипелаге их ценят за неприхотливость и готовность работать за еду и кров, и одновременно ненавидят за мутные верования с подозрительными ритуалами, а так же за то, что поселения нойтов исторически расположены в самых богатых с точки зрения ресурсов местах.

Доминион. — Крупное государство на Гардаше, занимающее солидную территорию севернее Вольных земель. Был основан островными доминионами для совместного освоения новых земель по привычной схеме с номинальным наместником. С выбором названия были сложности и бряцанье оружием среди заинтересованных, поэтому вариант выбрали самый идиотский и вгоняющий в путаницу вообще всех.

Нью-Арк. — Столица Доминиона на восточном побережье Гардаша. Формальное название для нового города выбирали наугад, но слухи про волосатую лапу Аркензо ходят упорные и неистребимые.

Республика. — Крупное государство на Гардаше, занимающее всю северную часть материка. Конституционная монархия, во всяком случае номинально, основанная ушлыми выходцами с Талензы во времена грызни между островами. Вяло ругаются с Доминионом за спорные земли.

Техника, эйносы.

Эйр. — Газообразное вещество, растворяющееся в воде. Светится синим в темноте, встречается у водоемов, кислый запах. Нужен для функционирования эйносов. При резком повышении давления “разгоняется” — за короткий срок неизмеримо расширяется, после чего так же быстро рассеивается.

Эйнос. — Внутренние органы живых существ, функционирующие за счет поглощения эйра. В большинстве своем сохраняют работоспособность даже после смерти организма. Считается, что эйносы есть в каждом живом существе в мире.

Классификация эйносов. — Традиционно, качество эйносов оценивается по цветам, начиная с желтых, как самых слабых и неэффективных, и заканчивая оранжевым цветом. Учитывая, что единой системы оценки не существует, по большей части оценка идет на глаз. Цветовая дифференциация берет свое начало с первых островных хронометров, которые меняют свой цвет по радужному спектру в зависимости от времени суток. Позже привычка мерять все по цветам прочно укрепились среди механиков.

Гравка. — Эйнос, добываемый из гребневых медуз. При поглощении эйра взлетает в небо. При грамотном использовании позволяет здорово облегчить перемещение наземной техники, или даже летать.

Движок. — Обобщенное название для целой группы эйносов, которые позволяют совершать за счет эйра механическую работу. Чаще всего — что-то крутить.

Жорка. — Полуживой эйнос, представляет собой бочкообразную неподвижную тварь с зубастой пастью сверху. Перерабатывает любую органику и большую часть материалов в маслянистую жидкость с мерзким запахом, которую кочевники часто используют в смазочных смесях для техники. В просторечии — отработка.

Вихревик. — Эйнос, способен рассеивать разогнанный эйр. Часто используется для защиты техники от жахателей, очень редко встречаются достаточно компактные варианты, которые способен таскать на себе человек. Дюже прожорлив до эйра при работе.

Летающая техника.

Цеп. — Обобщенное название для всех видов крупных летающих судов. Делятся на обычные цепи — те которым необходимы баллоны с летучим газом для полета, и гравицепы — парящие в воздухе исключительно за счет эйносов.

Флир. — Крохотное одноместное летательное устройство, за основу которого взята табуретка с приделанной к ней гравкой. Все остальное остается на усмотрение создавшего флир мастера. В движение приводится чем придется, но чаще всего пилоту приходится крутить педали. Лучшие флиры оснащены мощными турбинами и отличными средствами управления, что значительно расширяет их возможности и сферу применения.

Стрейб. — Маленькие одно-двухместные гравицепы размером с трак или крупную таргу. На Гардаше встречаются редко, так как работают исключительно на гравках и жрут эйр в промышленных масштабах, а с собой большой запас не утащишь. На островах распространены повсеместно благодаря изобилию эйра.

Стриктор. — Патрульный гравицеп островитян.

Наземная техника.

Скиммер. — Двухколесный транспорт. За пределами Вольных Земель используется редко. Изредка попадаются трехколесные варианты.

Тарга. — Четырехколесная машина, которая еще не доросла до размера трака. Встречается повсеместно. Часто бывают вооружены легкими скрапперами.

Трак. — Грузовик. В зависимости от фантазии создавшего его мастера, могут как перевозить крупный рогатый скот, так и расстреливать врагов тяжелыми скрапперами.

Гигатрак. — Здоровенная, нет, ЗДОРОВЕННАЯ передвижная крепость кочевников. Служит одновременно домом, складом, основной боевой единицей и общественным туалетом для всей Семьи.

Якоря. — Примитивная тормозная система на наземной технике. Представляет из себя тяжелые зубчатые пластины, которые цепляются за поверхность и останавливают машины. Несмотря на вопиющую убогость конструкции, востребованы клановыми по причине простоты и надежности.

Оружие.

Жахатель/Репульсор/Глушило. — Дальнобойное оружие, использующее эйр в качестве

боеприпаса. Бывают ручными и стационарными. Поражающих элементов при выстреле нет, противник поражается разогнанным до предельной скорости потоком эйра. Дальность невелика. Конструкция настолько проста и примитивна, что пытаться классифицировать жахатели могут только утонченные любители сломать себе мозги. Встречаются во множестве разных видов, от маленьких ручных жахателей размером с ладонь до монструозных многоствольных длинностволов.

Скраппер/Скраппа/Картечница. — Дальнобойное оружие, использующее в качестве боеприпаса эйр. Заряжается чем попало, от камней до металлического лома. Из-за общей тяжести и сложности конструкции устанавливается только на технику. Стволы короткие и толстые, для нормальной работы требуются редкие эйносы. Изредка встречаются в многоствольных вариантах, от спарки до монструозных восьмиствольных конструкций. Подача эйра обычно ведется от компрессора техники, при необходимости может использоваться без поражающих элементов, в качестве жахателя-переростка.

Баданга. — Дальнобойное тяжелое оружие, использующее в качестве боеприпаса эйр. Запускает на огромное расстояние шрапнельные бомбы. Изначально были созданы островитянами в качестве зенитных орудий, для обороны островов от угрозы с воздуха, позже были приспособлены кочевниками для использования на наземной технике. Безумно прожорливы по части эйра, боеприпасы ценные и дорогие, отдача от выстрела может легко опрокинуть легкую технику или незакрепленный прицеп. Как и скраппер, может стрелять без поражающего элемента, но эффективность такого использования сомнительна.

Дырокол. — Длинное копьё со встроенным жахателем. Традиционное оружие кочевников, при удачном ударе позволяет убить или оглушить экипаж вражеской машины. Нередко используется для охоты на крупную и опасную добычу. Тяжелое, неудобное, требует длительной тренировки для эффективного использования.

Ягода. — Ручные эйровые бомбы островитян. Напоминает ягоду на длинном стебельке, за что и получили свое прозвище.

Метатель. — Примитивное устройство для метания дротиков, представляет собой слегка изогнутую палку с чашечкой на конце. Позволяет значительно увеличить дальность полета.

Фауна.

Гребневая медуза. — Она же пузырь. Огромные полупрозрачные медузы с каменным гребнем на вершине купола. Опасны, ядовиты, тупы и громко визжат при опасности. Способны парить в воздухе за счет эйноса в гребне и частично управлять полетом за счет своеобразного паруса из щупалец. Из медуз добывается один из самых ценных эйносов в мире — гравка, благодаря которой человечество сумело оторваться от земли.

Рапа/Рапт. — Мохнатые ящерицы размером с крупную курицу, гордые обладатели зубастого клюва, мерзкого запаха и необыкновенно вкусных и питательных яиц. Самцы заметно меньше самок, но в остальном обладают такими же достоинствами. Громко орут.

Люторог. — Он же тупая тварь, он же рогатая скотина, он же красномордый. Стадное животное, водится с Вольных Землях Гардаша. Напоминает сидящего на жесткой диете носорога, ноги короткие и толстые, вместо копыт — огрубевшая до каменной твердости кожаная пятка. Злобны, плохо видят, плохо слышат, в сезон спаривания к этому добавляется бешеная ярость вблизи от источников эйра.

Джорк. — Огромное, пузатое, живое и бронированное колесо, которое медленно ползет по степи и жрет все, на что наедет. При опасности способен разогнаться до огромных скоростей. Встречаются стаями по 3–5 особей, размножаются редко и неохотно. Охота на джорков сложна и опасна, но из них добываются лучшие движки в мире.

Драк. — Король небес Гардаша, за его пределы не суется, там свои короли. Огромная летающая тварь, напоминающая тупоголовую виверну, летающая сокровищница и желанная добыча для любого охотника. Наиболее ценный трофей — биологические турбины на запястьях крыльев, благодаря которым драк взлетает с земли и обладает огромной скоростью и маневренностью в воздухе. Умны, хитры, ленивы, плюются всяким нехорошим. Одиноким драк без особых проблем может разобрать на запчасти небольшой цеп. Жрут все что поймают, особенно любят гребневых медуз.

Гразг. — Зеленоватые полупрозрачные слизняки размером с предплечье. Зловредны именно настолько, насколько это вообще возможно. Растворяют едкой слизью почти что угодно, прячутся в любой щели и практически неубиваемы. Как они размножаются — никто не знает, куда девается растворенное — тоже, откуда они берутся — тайна покрытая мраком.

Армы. — Грызуны размером с футбольный мяч. Покрывают крупными бронированными чешуйками, при опасности сворачиваются, пряча мягкое пузико. В таком состоянии практически неубиваемы. Упокоить свернувшегося арма можно с помощью пилы, броска с огромной высоты или просто переехав его гигатраком. Но это не точно.

Глотатель. — Глубинная рыба титанических размеров, обитает, как ни странно, в глубинах. На побережье встречается редко, приманивает добычу на светящийся в пасти эйнос.

Катран. — Волки океана. Крупные стайные рыбы, обычно обитают вблизи побережья, но при нужде могут мигрировать на огромные расстояния. Очень быстры и опасны.

Дронты. — Мелкие нелетающие птицы, водятся в основном на севере.

Флора.

Пустырник. — Вездесущие мелкие колючие кусты. Хрусткие, хорошо горят.

Степная колючка. — Широкие плоские кактусы самых разнообразных форм и размеров. Едкие, колючие. Высушенная сердцевина используется как приправа.

Кланы.

Клан. — Несколько Семей кочевников, объединенных общими интересами.

Семья. — Группа кочевников. Представляет нечто среднее между бандой и настоящей семьей со строгой иерархией. Для того, чтобы называться Семей, у банды обязательно должен быть гигатрак, иначе это бандиты позорные, а не Семья.

Большой Сход. — Ежегодный сбор всего клана, длящийся около недели. На это время запрещены стычки и открыт большой торг для любых желающих.

Поиск. — Обязательное испытание/ритуал для молодых кочевников. По достижении семнадцати лет каждый обязан отправиться во внешний мир на срок от четырех лет, чтобы впоследствии вернуться домой и усилить семью новыми знаниями.

Нашедшие. — Вернувшиеся из Поиска обратно в свою семью. Считаются

полноценными членами клана, могут владеть тяжелой техникой, жениться, заводить детей и много чего еще.

Искатели. — члены Семьи, занимающиеся разведкой. Выслеживают добычу, составляют карты, прокладывают маршруты.

Загонщики. — Боевая сила Семьи. Активно участвуют в охоте и нападениях.

Сборщики. — Собирают добычу, сортируют, обрабатывают, занимаются снабжением и тылами.

Механики. — Сводят технику, чинят, делают оружие и многое другое.

Разное.

Сводить. — Обобщенное определение для всех манипуляций с металлом, которые могут производить люди. Сюда входит нагрев металла прикосновением, защита от нагретого металла и его эффектов, деформация металла. Сводить умеют почти все люди в мире, за исключением горстки неудачников.

Садм. — Люди с ярко выраженным талантом к сведению. Термин произошел от канторской религиозной общины под названием “Садмиты”, из которой впоследствии сформировалось канторское научное сообщество. Во времена экспансии на архипелаг название расплодилось по свету и прижилось. В доминионах для получения звания садма необходимо проходить испытание способностей, успешно сдавшие подобный экзамен получают право носить специальный браслет. Вне зоны влияния доми садмами называют кого попало, даже если всех его талантов — разогреть себе кашу в котелке. Вопреки расхожему мнению, не все садмы — отличные механики. Просто это наиболее логичный путь для тех, кто на “Ты” с металлом.

Фалгарна. — Музыкальный инструмент родом с Килеи. Представляет из себя ряд трубок из различных металлов, которые в зависимости от нагрева способны резонировать с разной частотой. Сложна в освоении и тяжела.

Хорпа. — Музыкальный инструмент, дальний родственник гитары.

Кри. — Спрессованный под огромным давлением эйр в форме небольших кристаллов. Точная технология производства неизвестна, преобразование производится внутри особых эйносов. Различаются по цветам. При кипячении в воде насыщают ее эйром, теряя при этом чистоту цвета и прозрачность, постепенно истаивая. Повсеместно используются в качестве универсальной валюты, так как обладают абсолютно одинаковой формой и размерами.

1 зеленый кристалл приблизительно равен 123 литрам жидкого эйра.

1 синий кристалл равен 6 зеленым.

1 фиолетовый равен 12 синим.

Вурш. — Напиток кочевников. В состав входит сушеная плоть медузы, водоросли и специи. Смесь замешивается и сушится на металлических пластинах, после чего режется на кубики. Заваривается в горячей воде, пьется в горячем виде, так как при охлаждении смесь быстро застывает.

Шарг. — Полумифическая тварь, проискам которой приписывают все беды мира, от треснувшей чашки до нагадившей на голову чайки. Поминать его считается к беде, но все поминают.

Забойка. — Настольная игра родом с архипелага. Из за сложных правил не особо популярна в некоторых, не сильно просвещенных кругах. То есть, почти везде.

Жженка. — Универсальное лечебное и обеззараживающее средство кочевников. Аналогов в мире не имеет, то ли из-за невероятно сложного рецепта, то ли из-за того, что никто не хочет каждый раз орать во весь голос при использовании. Жжется, коричневая.